РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2

Москва
2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE

AND LINGUISTIC THEORY

№ 2

Moscow
2022

ISSN 1681-1062 e-ISSN 2658-5022
DOI 10.31912/rjano-2022.2

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS), Slavic Humanities Index.

The Journal is indexed in: MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (eLibrary and RSCI, Web of Science Platform), Slavic Humanities Index.

Журнал выходит под лицензией CC BY-NC-ND 4.0
All content of the journal is published under the CC BY-NC-ND 4.0 license

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США
Апресян Ю. Д. — академик РАН, профессор, Институт проблем передачи информации РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Богуславский А. — D.Sc., профессор, Варшавский университет, академик Польской академии наук, Польша
Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор, Мадридский технический университет, Испания; Институт проблем передачи информации РАН
Вайс Д. — Ph.D, профессор, Цюрихский университет, Швейцария
фон Вальденфельс Р. — Dr. phil., профессор, Йенский университет им. Фридриха Шиллера, Германия
Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute for Information Transmission Problems of the RAS; Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Full Member of the Polish Academy of Sciences, Warsaw University, Poland;
Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Technical University of Madrid, Spain; Institute for Information Transmission Problems of the RAS, Moscow, Russia;
Dmitrij O. Dobrovol'skij, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Harvard University, Cambridge, USA;
Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), National Research University Higher School of Economics, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия
Гиппиус А. А. — академик РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Ди Сальво М.— Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия
Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Золтан А. — Dr., профессор, Будапештский Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия
Иткин И. Б. – к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия
Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США
Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия
Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада
Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Плунгян В. А. — академик РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;
Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;
Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;
Igor Meľčuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;
Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;
Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;
Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
Natalia M. Stoynova, Ph. D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia
Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Стойнова Н. М. – к.ф.н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Тимберлейк А.— Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США
Толстая С. М. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН
Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия
Флайер М.— Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США
Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Шмелев А. Д. — член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., член-корреспондент РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
Hannu Tommola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
Ruprecht von Waldenfels, Dr. phil. (Slavic Linguistics), Professor, Friedrich Schiller University, Jena, Germany;
Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;
Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;
András Zoltán — Dr. (Slavonic Studies), Professor em., Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia.

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2022
© Авторы, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

А. В. Циммерлинг. Связка ложь, да в ней намек.
Формы 3-го л. глагола *быть* в древнерусском языке 9
И. С. Юрьева. Условные союзы в оригинальных
древнерусских памятниках разных жанров 85
Е. А. Галинская. К вопросу о языке Северо-Восточной Руси XV в. 125
А. Н. Антонова. Аппроксимативные конструкции с числительными
в старорусских летописных и деловых памятниках.....138
Н. И. Киреев. Мнимые исключения из правила Зализняка
(к уточнению условий апокопы гласных в истории русского языка).....153
В. В. Глебкин. Семантическая траектория лексического комплекса *авось*
в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. 166
Е. А. Балашов. На какой ноге? Распространение и особенности употребления
фразеологизма-конструкции типа *на короткой ноге*, *на широкую ногу*
в русском языке XVIII–XXI вв.....193
Н. М. Стойнова. «Повесь сушиться!»: вариативность в контроле
инфинитива при глаголах каузации изменения позиции.....222
P. Cotta Ramusino. *Закон законом, а жизнь диктует свое*:
the function in discourse of the construction [X_1–X_1*от*, *а*/*но*] 242

Рецензии

E. B o u n a t i r o u. Eine Syntax des “Novyj Margarit” des A. M. Kurbskij.
Philologish dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen
Übersetzungskorpus. 1. Philologishe, sprachkulturelle und lautlich-
graphematische Grundlagen. 2. Syntax (= Slavistische Beiträge 509).
(*А. А. Пичхадзе*) 263

Новые книги

В. Б. К р ы с ь к о, В. Х о к. Мучение Ирины. Византийское житие
в старославянском переводе: Издание. Исследование.
Словоуказатели (*Т. И. Афанасьева*).....271

Адреса университетов и институтов 272
Правила подачи статей 273

CONTENTS

Articles

Anton V. Zimmerling. A tale of two auxiliaries:
third person forms of *byti* in Old Russian 9
Irina S. Yuryeva. Conditional conjunctions in the original
Old Russian texts of different genres 85
Elena A. Galinskaya. Revisiting the language of
North-Eastern Russia of the 15th century.....125
Alexandra N. Antonova. Approximative constructions with numerals
in the late Old Russian chronicles and notarial acts 138
Niyaz I. Kireyev. Alleged exceptions to 'Zaliznyak's rule'
(once again on the apocopation of unstressed vowels in Russian).....153
Vladimir V. Glebkin. Semantic trajectory of the word *avos'* in the Russian
literary language of the 18th and the first third of the 19th centuries. 166
Evgenii A. Balashov. Phraseological units of the type *na korotkoy noge*,
na shirkokuiy nogy in the Russian language of the 18th–21th centuries.....193
Natalia M. Stoynova. Variation in control in Russian infinitive
change-of-posture constructions.....222
Paola Cotta Ramusino. *Zakon zakonom, a zhizn' diktuet svoe*:
the function in discourse of the construction [X_1–X_1*om*, *a*/*no*] 242

Reviews

E. B o u n a t i r o u. Eine Syntax des "Novyj Margarit" des A. M. Kurbskij.
Philologish dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen
Übersetzungskorpus. 1. Philologishe, sprachkulturelle und lautlich-
graphematische Grundlagen. 2. Syntax (= Slavistische Beiträge 509).
(*Anna A. Pichkhadze*).....263

New books

V a d i m B. K r y s' k o, W o l f g a n g H o c k. The Martyrdom of Irene.
An Old Slavonic Translation of a Byzantine Life (*Tatiana I. Afanasyeva*).....271

Adresses of universities and institutes.....272
Notes for contributors 273

ИССЛЕДОВАНИЯ

doi.org/10.31912/rjano-2022.2.1

А. В. ЦИММЕРЛИНГ
Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
Институт языкознания РАН
fagraey64@hotmail.com

СВЯЗКА ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЕК. ФОРМЫ 3-ГО Л. ГЛАГОЛА *БЫТЬ* В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Модели развития нулевой связки в русском языке, датирующие ее возникновение XV–XVIII вв., недостоверны, поскольку опираются на усредненное представление о русской грамматике и неверно подобранные тексты. Нулевая связка существовала уже в древнерусский период, при этом в перфекте 3-го л. имело место не опущение связки, а именно нулевая связка, т. е. значимое отсутствие элемента, сигнализирующее значение 3-го л. Этот факт был верно интерпретирован А. А. Зализняком [1993; 2008] в перспективе грамматикализации связочных энклитик. Однако в его описании содержатся две неточности: 1) тезис о том, что к началу письменной фиксации русского языка ненулевые связки 3-го л. отсутствовали в живой речи во всех древнерусских диалектах, фальсифицируется материалом южнорусских памятников XII в.; 2) постулированная А. А. Зализняком для текстов гибридного жанра, сочетающих книжные и разговорные черты, тенденция к дополнительному распределению внешне выраженного подлежащего и ненулевой связки 3-го л. выдерживается только в части древненовгородских памятников XII в. Проведенное исследование пяти авторских текстов XII в. позволило уточнить данный фрагмент исторической грамматики, при этом была выявлена омонимичная стандартному древнерусскому перфекту конструкция с ударной связкой 3-го л. и *л*-причастием, выражающая экзистенциально-локативные и верификативные значения. Эта конструкция, для которой в статье предлагается термин ‘Перфект II’, была возможна только в 3-го л. при материально выраженной связке, при этом ударные и атонируемые связки 3-го л. имеют в исследованных памятниках разную дистрибуцию. Все соответствующие значения могут выражаться и в современном русском языке. Типологическое своеобразие древнерусского языка по сравнению с современным русским состоит в том, что в современном русском связочные употребления глагола *быть* противопоставлены так называемым полнозначным (= экзистенциально-локативным & верификативным), в то время как в древнерусском языке значения последнего типа могли

* Работа написана при поддержке проекта «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемого в Государственном Институте русского языка им. А. С. Пушкина. Я благодарю анонимных рецензентов, а также А. А. Пичхадзе и А. А. Гиппиуса, ознакомившихся со статьей и высказавших мне свои замечания. Я также благодарю слушателей конференций «Грамматические процессы в синхронии и диахронии» (Москва, ИРЯ РАН, 2022 г.) и «Диалог 2022» и персонально И. М. Кобозеву, Е. А. Мишину, О. В. Трефилову, М. Н. Шевелеву и И. С. Юрьеву за дискуссию. Ответственность за все недочеты лежит на авторе.

выражаться не только полнозначным глаголом *быти*, но и ударной связкой *быти* в конструкции Перфекта II.

Ключевые слова: древнерусский язык, клитики, связки, подлежащее, языки *pro*-drop, перфект, параметрическое варьирование.

0. Введение

В статье рассматриваются два параметра древнерусской грамматики — 1) наличие ненулевых связок[1] в 3-м л. настоящего времени индикатива глагола *быть* в конструкции перфекта [Зализняк 1993: 285; Циммерлинг 2021: 26–28] и 2) обратная зависимость между наличием ненулевой связки *быть* и реализацией внешне выраженного подлежащего [Зализняк 2008: 257–258], — и вводится в научное рассмотрение особая конструкция, омонимичная стандартному русскому перфекту 3-го л. Отличительными особенностями этой конструкции, которую предлагается назвать ‘Перфект II’, является наличие материально выраженных связок 3-го л. *есть*, *суть*, *еста*, передающих значения двух типов, — экзистенциально-локативные, ср. в современном русском: *Там* ***есть*** *высокое дерево*, либо верификативные, ср. в современном русском: *Он* ***и есть*** *наш начальник*[2], — а также синтактикой связок, которые могут занимать неэнклитические позиции в клаузе, что, предположительно, связано с их ударностью и способностью к коммуникативному выделению.

---

[1] В славистике понятия ‘связки’ и ‘вспомогательного глагола’ традиционно разводятся, при этом служебный компонент перфекта обычно называется термином ‘вспомогательный глагол’, т. к. употребление клитик презенса индикатива глагола **byti* в перфектных клаузах обычно характеризуется более жесткими дистрибутивными ограничениями, чем употребление тех же форм в именном сказуемом [Franks, King 2000]. Мы вслед за [Зализняк 1993; 2008] используем термин ‘связка’ для обозначения употребления др.-рус. *быти* в обоих типах клауз. Сторонники расширительного употребления термина ‘связка’ есть и среди зарубежных славистов, ср. [Kolaković et al. 2022: 19].

[2] На материале современного русского языка разграничение экзистенциально-локативных и верификативных употреблений глагола *быть* в целом не представляет проблемы, ср. лексикографическое описание [Апресян 1996]. Для описания выделенных употреблений древнерусского глагола *быти* в конструкции перфекта анонимный рецензент предлагает рамочный термин ‘эксперименциальный перфект’, указывающий на то, что событие *p* имело место безотносительно к уточнению локации, где находится наблюдатель (ср. [Майсак и др. 2016: 13, 25, 45, 79]). Такое употребление характерно для аспектологии, ср. классическую работу [Comrie 1976: 58]. Мы предпочли отставить термины ‘экзистенциально-локативный’ и ‘верификативный’, поскольку они отсылают к универсальным понятиям семантической типологии и коммуникативной структуры и применимы к разным типам предикатов (ср. [Адамец 1978: 101–103; Селиверстова 1982: 146–151; Арутюнова 1983; Янко 2001: 61–63; 2008: 23, 58, 155–163; Lohnstein 2012; 2018]).

1. Древнерусские тексты и лингвистические модели

Вопрос о наличии или отсутствии в памятниках домонгольского периода материально выраженных связок 3-го л. в конструкции древнерусского перфекта, которая строится по схеме формы презенса индикатива глагола *быти* + *л*-причастие [Борковский, Кузнецов 1963: 260][3], — частная проблема, связанная с общими проблемами типологии и теории грамматики двояким образом. Во-первых, регулярное опущение или отсутствие связки свидетельствует о неравномерной клитизации форм глагола «быть» в языке, где лично-числовое согласование выражается при помощи клитик. Во-вторых, за последние десятилетия были предложены точные описания порядка слов в древнерусском языке [Зализняк 1993; 2008] и выделены параметры структуры клаузы, устанавливающие место кластеризуемых клитик и упорядочение цепочек клитик, а также предсказывающие распределение линейных порядков с препозицией и постпозицией возвратного маркера *ся* глаголу и наличие/отсутствие внешне выраженного тематического подлежащего (*pro*) в зависимости от состава предложения и намерений говорящего [Браун 2008; Zimmerling 2009]. Эти параметры определены на открытом классе языков мира, включающем современные славянские языки с цепочками клитик [Franks, King 2000; Циммерлинг 2013; 2021], но степень соответствия им всей совокупности древнерусских памятников неясна.

Модель живой древнерусской речи как идиома, где связки 1–2-го л. перфекта (ср. *пришел есмь*, *пришел еси* и т. д.) были энклитиками второй позиции, подчинявшимися закону Ваккернагеля, в то время как связки перфекта 3-го л. отсутствовали, опирается на произведенное А. А. Зализняком в 1993 г. обобщение двух групп памятников — берестяных грамот, преимущественно представляющих северо-западные диалекты древнерусского языка, и прямой речи персонажей Киевской летописи XII в., представляющей южнорусский(-е) диалект(ы). Правила внутреннего упорядочения энклитик и распределение порядков с пре- и постпозицией возвратного маркера глаголу являются для этих групп памятников общими, что позволило А. А. Зализняку предложить убедительное доказательство подлинности «Слова о полку Игореве» как памятника конца XII в. [Зализняк 2007]. Однако именно в плане связок перфекта две данные группы памятников ведут себя неодинаково: в берестяных грамотах связок 3-го л. *есть*, *суть*, *еста* в конструкции перфекта практически нет, в то время как в речи персонажей Киевской летописи они встречаются регулярно. Это противо-

[3] Термин ‘перфект’ используется в настоящей статье как название древнерусской и общеславянской перифрастической глагольной формы с указанным составом элементов, вне связи с выяснением видовременной специфики этой формы на фоне древнерусского аориста, имперфекта и плюсквамперфекта. Ср. иной подход в статье [Скачедубова 2018], где ставится вопрос о том, что употребления ‘*л*-форм’ в древнерусском языке в плане таксономии глагольных значений могут соответствовать не только перфекту, но и плюсквамперфекту.

речие А. А. Зализняк в книге 2008 г. объяснял тем, что добавление связок 3-го л. в форму перфекта в гибридных памятниках типа летописей является уступкой книжной традиции, поскольку нормы церковнославянского языка предписывали в этой позиции материально выраженную связку. Для ряда памятников он предложил специальное объяснение: связки 3-го л. могут составлять дополнительное распределение с внешне выраженным подлежащим перфектной клаузы, ср. *Х пришелъ* ‘Х пришел’ ~ *пришелъ есть* ‘то же’ [Зализняк 2008: 257]. Без специального исследования неясно, как взаимодействуют эти объяснения. Дополнительное распределение связки и материально выраженного подлежащего характерно для перфектных клауз 1–2-го л. и для предложений с именным сказуемым в 1–3-м л., ср. *виноватъ есмь*, *виноватъ еси*, *виноватъ есть* ~ *я* ∅ *виноватъ*, *ты* ∅ *виноватъ*, *попъ* ∅ *виноватъ* [Там же: 236]. Однако вероятность реализации плеонастической модели *попъ есть пришелъ* в перфекте 3-го л. в большинстве памятников выше, чем в клаузах с именным сказуемым, — *язъ есмь виноватъ*, *попъ есть виноватъ*. Даже при беглом взгляде очевидно, что во многих памятниках постулированное ограничение на совместную реализацию подлежащего и связочного показателя согласования не выдерживается. Кроме того, если верен сделанный А. А. Зализняком вывод о том, что в живом древнерусском языке связочные формы 3-го л. глагола *быти* не обладали полнотой свойств клитик [Зализняк 1993: 285; 2008: 236], возникает вопрос, распространяется ли постулированный им принцип дополнительного распределения подлежащих и связок на все показатели лично-числового согласования, выраженные связочными и вспомогательными элементами, или же только на те из них, которые обладают полнотой свойств клитик. Если верно второе, большая регулярность постулированного распределения в перфектных клаузах 1–2-го л. получает естественное объяснение, поскольку связки 1–2-го л. были в древнерусском языке стандартными энклитиками второй позиции. Для верификации этой гипотезы, однако, требуется проверять более широкий круг связок, нежели формы презенса индикатива глагола *быти*.

Перечисленные обстоятельства показывают, что решение вопроса о наличии в авторских древнерусских текстах XII в. перфектных связок 3-го л. важно не только для определения места этих памятников на шкале *живая речь* > *гибридные памятники* > *церковнославянская традиция*, но и для всего описания древнерусской грамматики. Если распределение вариантов со связкой 3-го л. и без связки в перфекте — не исключительно регистровая (живая речь vs. книжная традиция) или не только регистровая, но и лингвогеографическая (диалектная) характеристика[4], представление об ин-

[4] А. А. Зализняк в книге 2008 г. кратко упоминает подобную альтернативу для оценки расхождений в употреблении клитик 1–2-го л. в Киевской летописи сравнительно с новгородскими берестяными грамотами, но находит ее маловероятной: «…лишний раз подтверждается, что Киев-Д — это все же не прямая запись реальных грамот. (Предположение о том, что в этом пункте было некоторое диалектное

вариантных чертах древнерусской грамматики и том, что составляет предмет параметрического варьирования, должно быть уточнено.

2. Перфектные клаузы 3-го л. в древнерусских эпиграфических памятниках

2.1. Берестяные грамоты

Главной чертой берестяных грамот на фоне других групп древнерусских текстов в плане употребления форм прошедшего времени является почти полное отсутствие форм старых прошедших времен — аориста и имперфекта. Конструкция перфекта с *л*-причастием (с точки зрения аспектологии — ‘нарратив’) в массиве берестяных грамот — единственная статистически значимая форма прошедшего времени. Второе издание книги «Древненовгородский диалект», учитывающая около 1000 надписей, известных к 2004 г. [Зализняк 2004: 142], упоминает всего два надежных примера аориста в надписях домонгольского периода: ***розгнѣвасѧ*** ‘ты разгневался’ (Б.гр. № 605, 1100–1120 гг.) и *се* ***посълаховѣ*** *лоукънъ* ·s· *на* ·i· ‘мы двое послали 16 лукон’ (Б.гр. № 842, 1120–1160 гг.) [Там же: 142][5]. Примеров имперфекта из грамот того же периода — пять, причем они связаны с тремя грамотами [Там же] — той же Б.гр. № 605 (*оже ми лихо* ***мълвлѧше*** ‘что ты обо мне отзывался плохо’, № 487 (1140–1160 гг.), где представлены формы ***[вь]лѧшь*** ⟨*велѧше*⟩ ‘ты велел(а)’, *а ты чьрьсо силу* ***дѣѧшь*** ⟨*дѣѧше*⟩, букв. ‘а ты делала через силу’ и *а* ***возывахо*** *тѧ* ‘а я вызывал тебя’) и Б.гр. № 831, где представлено *а и горъзно ми* ***[бе]шь*** *тоу…* ‘А уж очень мне было изрядно туго (?) тогда’.

В домонгольский период имеется четыре берестяные грамоты с шестью формами аориста и/или имперфекта, учтенных в [Там же][6]. В наиболее

различие между Киевом и Новгородом, представляется маловероятным.)» [Зализняк 2008: 247]. Для связок 3-го л. такая альтернатива им не рассматривается, несколько раз повторяется тезис о том, что в «живом древнерусском языке в перфекте их не было вообще» [Там же: 256], ср.: «в 3-м лице перфекта связки отсутствовали уже в древнерусском» [Там же: 262], а сохранение связки называется «книжным принципом» [Там же: 258].

[5] В поздних берестяных грамотах делового характера аорист в основном встречается в составе клише из юридических формул. Исключениями являются две грамоты 1240–1260 гг., где писцы используют формы аориста 1-го л. ед. ч.: *дахо* ⟨= *дахъ*⟩ *сорати* ‘я дал распахать’ (Б.гр. № 211) и *приказахо* ⟨= *приказахъ*⟩ ‘я приказал’ (Б.гр. № 220). В грамоте № 211 встречаются также две формы перфекта: *вдало есомо* ‘я вдал’ и *соцклося* ‘насчиталось’.

[6] Анонимный рецензент обратил наше внимание на наличие имперфекта *…[грив]но, а самомуо творѧ[х]уо [в]о ньдьл[уо]* в недавно обнаруженной грамоте № 1108 (ок. 1160–1180 гг.), относящейся к блоку грамот, написанных профессиональным писцом Якимом. В этой грамоте Яким употребляет и форму перфекта 3-го л. *сокриль* (без связки).

длинных из них — № 605, 831 — писцы параллельно используют формы перфекта: ***кри-(лъ*** *есмь)*, ***[ч]истило*** *есмь*, ***даѧлъ*** *даръı*, *а сь еси* ***поѧлъ*** *оу мьне*, *сьмь тѧ* ***бласловило*** (№ 831), *мене игоумене* ***не поустиле***, *а ѧ* ***прашалъсѧ***, *нъ* ***посълалъ*** *съ асафъмь*, *а* ***пришьла*** *есвѣ*, *оли* ***звонили*** (№ 605). В этих двух новгородских грамотах первой половины XII в. переключение временных форм от аориста/имперфекта к перфекту аналогично тому, что наблюдается в книжных памятниках и некоторых пергаменных грамотах той же эпохи. Все прочие берестяные грамоты, как и древнерусские граффити XI–XIII вв., используют только одну форму прошедшего времени, в подавляющем большинстве случаев — перфекта. Из открытых за последние десятилетия берестяных грамот домонгольского периода вероятная форма аориста 2-го л. ед. ч. *соули* ‘ты посулил’ была обнаружена в клишированной формуле, завершающей новгородскую грамоту № 1031 (ок. 1160–1180 гг.): *а п[ро]мышлеи то ли твоѧ бологодѣть мнѣ [ц]ьто ми* ***соули*** ‘Подумай сам, в том ли состоит то благодеяние, которое ты посулил мне’ [Янин и др. 2015: 131]. Еще одна форма аориста глагола *быти* в новгородской берестяной грамоте № 954 (ок. 1120–1140 гг.) является попыткой отправителей письма придать ему официальный характер, при том что уровень их грамотности был недостаточен для устранения диалектизмов [Там же: 51–54). В том же предложении отправители грамоты № 954 использовали и перфект, ср. *еси сътворилъ* ‘ты так сделал’:

(1) *Со оного по҃оу грамата · Про кони же та* ***бы***^{c}$_{\text{AOR.3SG}}$ *оже* ***еси***$_{\text{AUX.2SG}}$ *тако сътворилъ*$_{\text{PART.3SG.M}}$ (Б.гр. № 954, ок. 1120–1140 гг.)
‘С другого берега ⟨Новгорода⟩ грамота. А **была** она про лошадей, что с ними ты делал так же’.

Перфектные клаузы из идиома новгородца Ефрема, автора грамоты № 605, могут служить иллюстрацией тезиса А. А. Зализняка о разной комбинаторике связочных клитик 1–2-го л. и 3-го л. В 3-м л. связок нет, см. (2a–b), а в 1–2-м л. есть, ср. *а пришьла*$_{\text{DU}}$ ***есвѣ***$_{\text{2DU}}$ ‘а пришли мы двое’ в (3). Дополнительное условие, налагаемое на дистрибуцию связочных клитик, показывает пример (4): Ефрем при внешне выраженном подлежащем *я* опустил связку *есмь*.

(2) a. мене игоумене не $\varnothing^{3P}$ <u>поустиле</u>$_{\text{SG.M}}$
‘Меня не <u>отпустил</u> игумен’;
b. нъ $\varnothing^{3P}$ <u>посълалъ</u>$_{\text{SG.M}}$ съ асафъмь къ посадьникоу медоу дѣлѧ.
‘но ⟨он⟩ послал ⟨меня⟩ с Асафом к посаднику за медом’;

(3) а <u>пришьла</u>$_{\text{DU}}$ **есвѣ**$_{\text{2DU}}$, оли $\varnothing^{3P}$ <u>звонили</u>$_{\text{PL}}$
‘а пришли мы с ним вдвоем ⟨обратно⟩, уже когда звонили’;

(4) а ѧ$_{\text{1SG}}$ **прашалъ**$_{\text{1SG}}$ =сѧ$_{\text{REFL.ACC}}$
‘А я отпрашивался ⟨у игумена⟩’.

2.2. Древнерусские надписи и пергаменные грамоты

Мнение о том, что в древнерусской конструкции перфекта связка 3-го л. в памятниках, близких к живой речи, опускалась, является традиционным, ср. [Борковский, Кузнецов 1963; Хабургаев 1978; Зализняк 1993: 285; Шевелева 2002: 59]. В подтверждение этого тезиса В. И. Борковский ссылается на Тмутараканскую надпись 1068 г., где связка 3-го л. отсутствует в перфекте: *глѣбъ князь ∅ мѣрилъ мо⟨ре⟩ по ледꙋ* [Борковский 1963: 283]. Нет связки 3-го л. в конструкции перфекта и в берестяных и пергаменных грамотах XII в., включая завещание Варлаама Хутынского (ок. 1192 г.), где соответствующий контекст встречается 4 раза, ср. (5a), и берестяные грамоты XII в., см. (5b–c):

(5) a. Се $\varnothing^{3P}$ въдале$_{SG.M}$ **Варламе**$_{NOM.SG.M}$ свт҃моу сп҃соу землю и огородъ и ловища рыбъная и гоголина[ѧ] и пожни (Варл. I, ок. 1192 г.)
‘Вот Варлам вдал[7] Святому Спасу землю и огород, и рыбные ловища, и утиные, и пожни’;

b. то ти не $\varnothing^{3P}$ въдало$_{SG.M}$ ⟨= въдалъ⟩ **наїмить**$_{NOM.SG.M}$ іже то =мѧ$_{1SG.ACC}$ $\varnothing^{3P}$ везель$_{SG.M}$ на кожахъ вевѣрице (Б.гр. 1004, ок. 1140–1160 гг.)
‘Вот не отдал работник, который меня вез, денег за кожи’;

c. а **Борись**$_{NOM.SG.M}$ $\varnothing^{3P}$ *заплатиль*$_{SG.M}$ сороко гривно и :д҃: гривнь и пло шьсть куонь (Там же)
‘А Борис заплатил 44 гривны и 5,5 кун’.

---

[7] Теоретически *Се въдале Варламе* может быть формой 1-го л. ед. ч. с опущенной связкой *есмь* = ‘Я, Варлам, выделил’, но такое прочтение менее вероятно. Во-первых, в последней части вкладной грамоты, где диалектное *вдале* сменяется наддиалектным *вдалъ*, группа подлежащего развернута: *Се же все ∅ далъ* ***варлмъ михалевъ сынъ*** *стм҃оу сп҃соу*. Во-вторых, нормой для древненовгородских вкладных грамот было наличие связки 1-го л. в аналогичных формулах, ср. грамоту основателя Хутынского монастыря Антония Римлянина (не позднее 1147 г.): *Купилъ* ***есми*** *землю пречистые в домъ у Смехна да у Прохна у Ивановыхъ дѣтеи у посадничихъ* (ГВНП 1949, № 102). В 3-м л. перфекта Антоний два раза употребляет *л*-причастие без связки: *а Донець ∅ впалъ въ Деревяницу*, *а Деревяница ∅ впала въ Волховъ* [Там же]. Ср. также вкладную грамоту князя Всеволода Юрьеву монастырю, где при личном местоимении 1-го л. в сочетании с именем князя ‘Я, князь NN’ стоит связка 1-го л.: *Се* ***азъ князь великыи Всеволодъ*** *далъ* ***есми*** *святому Георгию рель отъ Волхова по крьстъ, по ручью въ Мячино* (ГВНП 1949, № 72, 1125–1137 гг.). Аналогичным образом оформлено дарение Всеволода в так называемой Мстиславовой грамоте, где основным дарителем выступает его отец, великий князь Мстислав: *А се* ***я Всеволодъ*** *далъ* ***есмь*** *блюдо серебрьно въ [30] гривнъ серебра святому же Георгиеви* (ГВНП 1949, № 80, 1128–1132 гг.). Хотя грамоты Антония Римлянина и грамота Всеволода ГВНП 1949, № 72 дошли до нас в поздних списках, отражением чего является новая форма связки 1-го л. ед. ч. *есми*, синтаксис связок в этих грамотах в целом вызывает доверие.

Не обнаруживаются связки 3-го л. в конструкции перфекта и в базе «Древнерусская эпиграфика»[8], в настоящее время включающей 466 надписей. В некоторых надписях и пергаменных грамотах XI–XIII вв. вместо перфекта встречаются формы аориста и имперфекта, по-видимому, являющиеся результатом пересчета бытовых форм перфекта. Но в том случае, когда писцы надписей и дипломов XI–XIII вв. прибегают к перфекту, они не используют в 3-м л. связки *есть*, *суть* и *еста*. Гипотезу о пересчете бытовых форм перфекта в надписях с аористом можно доказать при грубой ошибке писца. Один из казусов был описан С. М. Михеевым в надписи Домашки Мыслятинича (Граффити Новгородской Софии, № 204, XII в.). Его надпись *моного ти* ***съгрѣшьхь*** буквально читается ⟨*мъного ти *съгрѣ˘шихе*⟩ ‘я действительно много согрешил’, но форма аориста **съгрѣших-е* с именным диалектным окончанием м. р. ед. ч. *-е* невозможна. Домашка был носителем новгородского диалекта и передал сокращение ‘X написал’ в виде *ѱлѣ*, т. е. ⟨*псал-е*⟩. Уместно предположить, что он не справился с заменой обычной для него формы *л*-причастия ***съгрѣшил-е*** на аорист и снабдил последний перфектным окончанием ед. ч. м. р. [Михеев 2018: 179].

Тем самым ситуация в граффити почти аналогична той, которую демонстрируют некоторые книжные памятники XII–XV вв., а также Ефрем, автор берестяной грамоты № 605. Авторы и писцы могут ориентироваться на формы аориста и имперфекта, но там, где они используют перфект, связок 3-го л. нет. Главное различие в том, что древнерусские граффити обычно используют лишь один тип прошедшего времени — либо только книжные формы (аорист и имперфект), либо только бытовые (перфект), поэтому выяснить статистику употребления форм прошедшего времени можно исключительно по массиву данных, включающему эпиграфические тексты разных авторов. Между тем объем книжных памятников обычно достаточен для того, чтобы выяснить профиль автора в плане употребления перфекта. К этой задаче мы переходим ниже.

3. Древнерусские авторские тексты и извлечение лингвистических данных

3.1. Памятники основной группы

Материалом для проверки служат авторские тексты пяти писателей XII в. — «Хожение Даниила игумена» (ок. 1104–1106)[9], «Поучение» Вла-

[8] См. http://epigrafika.ru/epigraphy/inscription/list.

[9] По тексту первой редакции «Хождения», список РНБ, Q.XVII. 88, 1495 г., л. 1–48. Вставки пропущенных в этом списке отрывков — по списку РГБ, Рум., № 335, XV–XVI вв. Текст цитируется в упрощенной орфографии по изданию Электронной библиотеки Пушкинского Дома http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4934. О текстологии памятника см. [Федорова 2014; Пичхадзе 2023].

димира Мономаха (ок. 1097–1117)[10], «Вопрошание Кириково» (ок. 1132–1156)[11], основная часть которого записана Кириком Новгородцем, а продолжение — Саввой и Ильей[12], «Поучение Иоанна, епископа новгородского» Ильи-Иоанна (1166)[13], автор которого, возможно, то же лицо, что и автор последней части «Вопрошания», и «Хожение» Антония, он же Добрыня Ядрейкович (ок. 1200)[14]. Кирик, Савва, Илья и Антоний были носителями древненовгородского диалекта, Даниил — черниговского, а идиом Мономаха может быть условно назван переяславским диалектом.

3.2. Памятники контрольной группы

В качестве контрольной группы текстов были взяты два фрагмента Новгородской первой летописи старшего извода (далее — 1НПЛ): отрезок под 1132–1156 гг., соответствующий пребыванию на новгородской кафедре архиепископа Нифонта, беседы с которым составляют содержание «Вопрошания Кирикова», и «Повесть о взятии Цареграда» (1204), рассказывающую о событиях, случившихся в Царьграде непосредственно после паломничества Антония. Кроме того, были взяты три позднейших текста, относящихся к жанру «хожений», — «Хожение в Царьград» Стефана Новгородца (ок. 1347–1349), «Хождение на Флорентийский собор» (1438–1439) и «Заметка о Риме» (1438), записанные суздальцем из свиты суздальского архиепископа Авраамия, а также «Послание о рае» новгородского архиепископа Василия Калики (1347). В контрольных фрагментах 1НПЛ есть два примера с ненулевыми связками 3-го л. в перфектных клаузах, в то время как в памятниках XIV–XV вв. из контрольной группы их нет вовсе, при 93 примерах с нулевой связкой в 3-м л. Дополнительно были проверены две редакции «Русской Правды», памятника, предположительно,

---

[10] Сохранилось в составе Лаврентьевской летописи, куда включено под 1096 г, несмотря на то, что в тексте упоминаются и более поздние события.

[11] В. В. Мильков и Р. А. Симонов в качестве верхней границы датировки «Вопрошания» указывают не 1156 г., т. е. год смерти новгородского архиепископа Нифонта, ответы которого составляют основное содержание памятника, а 1158 г., т. к. в основном разделе, написанным самим Кириком, присутствуют вопросы, заданные Кириком преемнику архиепископа Нифонта, игумену Аркадию [Мильков, Симонов 2011: 78]. Аркадий был избран архиепископом в 1156 г., но поставлен только в 1158 г., при этом Кирик (К45), как и автор последнего раздела, Илья (И25), еще называют Аркадия ‘игуменом’.

[12] За основу был взят текст «Вопрошания» по Новгородской Кормчей, где части Кирика, Саввы и Ильи записаны отдельно. Дополнительно проверялся текст особой редакции «Вопрошания» по изданию [Мильков, Симонов 2011].

[13] Основной текст: Сборник слов, полемических произведений и апокрифов. РГБ. Ф. 236, № 147. XV в. Восполнение лакуны после л. 176 об.: Измарагд. РГБ. Ф. 304.I, № 204. XVI в.

[14] По изданию [Лопарев 1899].

имеющего устные корни и восходящего к XI — началу XII в. [Юшков 1935; Щапов 1978]. Краткая редакция по Академическому списку XV в. считается новгородским памятником, между тем как Пространная редакция, древнейшим списком которой является Синодальный (1282), имеет неновгородские корни, но включалась новгородскими писцами в компиляции типа Кормчих [Гиппиус 1996]. Ни в Краткой, ни в Пространной редакциях по Синодальному списку ненулевых связок 3-го л. в перфекте нет, а нулевая связка в перфекте (= Перфекте I) встречается 26 раз, из них 3 раза — в Краткой редакции.

3.3. Авторы текстов

Имеются нелингвистические причины принять гипотезу о том, что сопоставляемые пять текстов основной группы являются плодом индивидуального творчества пяти древнерусских авторов XII в., а не компиляциями позднейшего времени, приписанными этим лицам. Наиболее дискуссионна ситуация с текстами Владимира Мономаха, которые дошли до нас в составе Лаврентьевской летописи. Высказывались разные точки зрения о том, насколько их объединение («Поучение» в широком смысле) органично и кто мог быть автором разных фрагментов, приписанных Мономаху. Мы принимаем точку зрения А. А. Гиппиуса [2003; 2004; 2006], согласно которой все четыре фрагмента — собственно «Поучение» (в узком смысле), «Биография», «Письмо Олегу» и «Великопостная Молитва» — могли быть объединены еще при жизни Владимира Мономаха (1053–1125) по его указаниям. Однако мы исключили из рассмотрения последнюю часть мономаховского массива — «Молитву», как из-за наличия разных слоев и вставок в этом тексте, комбинирующем фрагменты тропарей и кондаков [Шляков 1900; Гиппиус 2006: 190–191], так и ввиду того, что в этой части нет перфекта.

Прочие памятники были обработаны целиком, подсчет примеров «Вопрошания Кирикова» для его основной части, составленной Кириком Новгородцем (ум. не ранее 1156 г.), и для добавлений, сделанных Саввой (= «Савин») и Ильей (= «Ильино»), велся отдельно. С высокой вероятностью включенные в Новгородскую Кормчую 1282 г. «Вопрошание Кириково» и «Устав блаженного Нифонта», упоминаемый 13 марта 1166 г. новгородским архиепископом Ильей-Иоанном (ум. 1186 г.), — один и тот же текст [Гиппиус 1996], а сам Илья-Иоанн может быть отождествлен с тем человеком, который ранее записал последнюю часть «Вопрошания» — раздел «Ильино». Эти два допущения при обработке материала не использовались. Для контроля мы проверили по изданию [Мильков, Симонов 2011] релевантные фрагменты «Вопрошания Кирикова», сохранившиеся в составе независимой редакции этого памятника. «Поучение Ильи-Иоанна», как и «Вопрошание Кириково», — памятники древненовгородского диалекта XII в., причем некоторые фонетические, морфологические и лексические диалектизмы не были вытравлены переписчиками XIII–XV вв. по небре-

жению или потому, что они не поняли отдельные места оригинала [Гиппиус 1996: 51–53, 56–59].

Два памятника относятся к жанру «хож(д)ений», т. е. описаний паломничества. Текст «Хожения Даниила игумена» был рассмотрен нами по так называемой первой редакции. В НКРЯ использована более поздняя редакция памятника. «Хожение» новгородца Антония описывает Константинополь незадолго до его взятия крестоносцами во время Четвертого крестового похода. Памятник рассмотрен нами по изданию Х. М. Лопарева [1899], использованному в НКРЯ. Дополнительно по изданию [Jouravel 2019] сверен древнейший список «Хожения Антония», так называемый Список Яцимирского (РГБ, Муз. 10261) [Яцимирский 1899][15]. Архиепископ Антоний, он же Добрыня Ядрейкович (ум. 1232 г.), был известным в Новгороде человеком, сведения о нем содержатся не только в записанном им тексте, но и в летописных и эпиграфических источниках [Гиппиус 2009; Гиппиус, Седов 2016: 203; Королев 2019]. Основным источником сведений о Данииле является то, что он сообщает сам: из сравнения Иордана с р. Сновь[16] следует, что он жил в Черниговской области. К тому же жанру «хожений» относятся три памятника контрольной группы — «Хожение» новгородца Стефана в Царьград, а также «Хождение на Флорентийский собор» и «Заметка о Риме», составленные анонимным суздальцем из свиты архиепископа Авраамия, ехавшим на Флорентийский собор в 1438 г. из Руси вместе с Авраамием и митрополитом Исидором в Италию окольным путем через Прибалтику и Германию, а возвращавшимся в 1439 г. через Балканы и Великое княжество Литовское. «Послание о рае» современника Стефана, новгородского архиепископа Василия, он же Григорий Калика, по жанру сопоставимо с «Поучением Ильи-Иоанна»: это беседа-наставление, правда, непосредственно адресованное одному лицу (Феодору Доброму), а не новгородскому духовенству в целом, как в случае с текстом Ильи-Иоанна.

3.4. Соотношение форм перфекта и аориста/имперфекта

Для оценки текстов были использованы две меры: 1) общее число клауз, включая именные и нефинитные, и 2) соотношение форм 1–3-го л. индикатива перфекта и простых форм прошедшего времени (аориста и имперфекта), доля перфекта отсчитывалась от общего числа предложений с формами прошедшего времени, не считая плюсквамперфекта[17]. Текст Мо-

[15] О других списках «Хожения Антония» ср. [Белоброва 1974; Jouravel 2021].

[16] Ныне — Снов, правый приток Десны.

[17] Конструкция книжного плюсквамперфекта, служебным компонентом которой являются формы имперфекта или аориста, при подсчете не учитывалась. При подсчете не учитывались также спорадически встречающиеся формы так называемого русского плюсквамперфекта, т. е. конструкции типа *послалъ есмь былъ* и буду + *л*-причастие (*послалъ буду*, *послалъ будеть*).

номаха[18] более чем в три раза короче текста Даниила (801 клауза против 2685), но доля перфекта в обоих южнорусских памятниках почти одинакова: k_{Perf} для Мономаха = 20,27% , для Даниила = 20,35%. В новгородских памятниках XII в. k_{Perf} сильно варьирует в зависимости от структуры текста: от 13,2% в принадлежащей Кирику части «Вопрошания» до 67,4% в «Поучении Ильи-Иоанна». Большое число аористов и имперфектов в тексте «Вопрошания Кирикова» объясняется тем, что 153 статьи этого памятника строятся по схеме «Вопрос vs. ответ иерарха», с парентетическими формами глаголов речи *рекохъ* ‘Я сказал, спросил’ и *рече* ‘Он сказал, ответил’ [Гиппиус 1996: 55]. «Поучение Ильи-Иоанна» и «Хожение» Антония не имеют такой рамки, отсюда высокий k_{Perf}: 67,4% в проповеди Ильи-Иоанна и 56, 9% в описании Царьграда у Антония.

Результаты исследования показали, что ненулевая связка перфекта 3-го л. встречается у Даниила, Мономаха, Кирика, Ильи-Иоанна и Антония. В тех частях «Вопрошания Кирикова», которые записаны Саввой и Ильей, ее нет. Вообще нет ненулевой связки 3-го л. в конструкции перфекта и в контрольной группе текстов XIV–XV вв. Их авторы — как новгородцы (Стефан, Василий Калика), так и неновгородцы (суздальский аноним XV в.) — используют в 3-м л. перфекта исключительно нулевую связку, независимо от того, как часто они прибегают к формам аориста и имперфекта и насколько высок k_{Perf}. Так, например, в тексте Стефана k_{Perf} = 4,4%, т. е. его текст в основном строится с помощью форм аориста и имперфекта, но там, где Стефан употребляет перфект, он не использует ненулевые связки *есть* и *суть*. То же самое относится к Василию Калике, у которого k_{Perf} в пять раз выше (22,6%). В то же время ненулевая связка 3-го л., наряду с нулевой, обнаруживается в обоих контрольных фрагментах 1НПЛ, относящихся к 1132–1156 и 1204 гг. Тем самым есть основания признать употребление ненулевых связок перфекта 3-го л. чертой древнерусского языка XII в. Сводные данные приведены в Таблице 1.

Строка «ненулевая связка» в Таблице 1 требует нескольких комментариев. Во-первых, при отборе перфектных клауз с ненулевой связкой не учитывались прямые цитаты из Библии: ср. цитируемое Антонием *ядыї мої хлѣ(б) **везвеличи(л) е(с)** на мя ле(с)* Ин. 13, 18 (см. Пс. 40, 10) и цитируемое Ильей-Иоанном *Рекоуще се азъ и дѣти, яже ми **есть далъ** бг҃ъ* (Ин. 17, 24)[19]. Во-вторых, в Таблице 1 не учтены 50 примеров конструкции с *л*-причастием и ударными связками 3-го л., которые надежно диагностируются в тексте Даниила. Эта конструкция, которая при постановке ударных связок внутри клаузы омонимична стандартному древнерусскому перфекту 3-го л., разбирается в следующих разделах. За ней далее резервируется термин

[18] Без завершающей его Великопостной молитвы.

[19] Характерно, что вне цитат Илья-Иоанн при том же подлежащем *Богъ* использует при глаголе *въдати* нулевую связку: *Тъгда ми ∅ ^{3P} **вдалъ Богъ** егоже ни в ї пировѣ не добыти* ‘тогда Бог дал мне то, что нельзя получить и на десятке пиров’.

Таблица 1

Нулевая и ненулевые связки 3-го л. в текстах пяти древнерусских авторов XII в. и в контрольных текстах XIV–XV вв.

	Даниил	Мономах	Кирик Корм	Кирик Особ	Савва & Илья$_{Корм}$	Савва & Илья$_{Особ}$	Илья-Иоанн	Антоний	Стефан	Василий Калика	Флор	Рим
Дата	ок. 1104–1106	ок. 1097–1117	ок. 1132–1156				1166	ок. 1200	1347–1349	1347	1438–1439	1438
Соотношение индикатива перфекта и форм аориста/ имперфекта	148/579	45/177	24/158	20/155	15/71	13/64	29/14	90/68[20]	6/131	19/84	58/161	10/4
k_{Perf}	20,35%	20,27%	13,2%	11,4%	17,44%	16,9%	67,4%	56,9%	4,4%	22,6%	26,5%	71,4%
Диалект	Черни-говский	Переяс-лавский	Новгородский								Суздальский	
Ненулевая связка	18	3	5	3	0	0	2	2 **4**	0	0	0	0
Нулевая связка[21]	72 (60)	17 (10)	12 (8)	9 (6)	13	11	13 (4)	80 (50)	6 (4)	15 (8)	45 (19)	7 (4)
%	22,5%	15%	41,4%	25%	0%	0%	13,33%	2,4%	0%	0%	0%	0

[20] По изданию [Лопарев 1899]. В Списке Яцимирского 99/64, k_{Perf} = 60,7%.

[21] В скобках указаны перфектные клаузы с внешне выраженным подлежащим в 3-м л.

‘Перфект II’, в то время как стандартный перфект называется термином ‘Перфект I’. Характеристиками Перфекта II являются: 1) ударность связки; 2) невозможность замены ненулевой связки 3-го л. на нулевую; 3) возможность постановки связки в неэнклитическую позицию, в том числе в начало клаузы и после начальной проклитики, ср. ***И есть*** *был град Тивириада великъ велми* (Даниил, LXXXII); 4) особые предикатные значения — экзистенциально-локативное и верификативное[22], — вносимые ненулевой связкой.

У Антония не был зачтен пример со связкой *есть* в неэнклитической позиции, он трактуется как Перфект II. Прочие 9 примеров новгородских авторов XII в. с ненулевой связкой 3-го л. внутри клаузы могут интерпретироваться и как Перфект I, и как Перфект II. Мы предпочли оставить их в Таблице 1. Напротив, 18 примеров из текста Даниила и 3 примера из текста Мономаха, учтенных в строке «ненулевая связка 3-го л.», можно интерпретировать только как Перфект I. В литературе встречается утверждение о том, что в «Поучении» Мономаха перфект всегда употребляется в 3-го л. без связки [Шевелева 2015: 564; 2019: 365], поэтому позволим себе привести все три примера, где Мономах использует ненулевую связку 3-го л. в перфекте. Пример (6) со связкой 3-го л. ед. ч. *есть* относится к нецитатной части раздела «Молитва», примеры (7) и (8) со связками 3-го л. мн. ч. *суть* и 3-го л. дв. ч. *еста* взяты из раздела «Письмо к Олегу»:

(6) Яко отець, чадо свое любя, бья, и пакы привлачить =*е*$_{3ACC.SG.N}$ к собѣ, тако же и **Господь**$_{NOM.SG.M}$ **нашь** <u>показал</u>$_{3SG.M}$=*ны*$_{1DAT.PL}$ =***есть***$_{3SG}$ на врагы побѣду (Мономах, Лавр. л. 79 об.);

(7) **Лѣпше** =***суть***$_{3PL}$ <u>измерли</u>$_{3PL}$ **и роди наши** (Там же, л. 84);

(8) Зри, брате, **отца**$_{NOM.DU}$ **наю**$_{1DU.GEN}$: что взяста, или чим има поротѣ ⟨=порты⟩? но токмо оже =***еста***$_{3DU}$ <u>створила</u>$_{3DU}$ дши̑ своей (Там же).

В двух примерах из трех, где Мономах использовал ненулевую связку перфекта 3-го л., в той же клаузе есть внешне выраженное подлежащее —

[22] Отметим существенное отличие между анализом в терминах верификации/фальсификации фактов [Адамец 1978: 101; Янко 2001: 61; Lohnstein 2012] и анализом так называемых экспериенциальных значений, отражающих субъективный опыт говорящего и влияющих на выбор глагольной формы [Comrie 1976: 58; Сичинава 2013: 31; Майсак и др. 2016: 13], связанное с различием статусов факта и события. *Факты* — логические истины, они не являются наблюдаемыми. Напротив, *события* — онтологические сущности, которые включены в поток происходящего в реальном пространстве и времени, могут быть пережиты изнутри и наблюдаемы извне [Арутюнова 1988: 168–170]. Верификативными контекстами можно признать только те, где восстанавливается логическое рассуждение, но не те, где имеется ссылка к опыту говорящего. Попытка проследить различение фактов и событий на примере двух вариантов книжного плюсквамперфекта в древнерусском языке предпринята в [Урманчиева 2020: 184–188].

ИГ *Господь нашь* в (6), разрывная адъективная группа *лѣпше… и роди наши* ‘лучшие из наших родичей’ в (7). В примере (8) подлежащный контролер согласования связки 3-го л. дв. ч. *еста* — ИГ *отца наю* ‘наши с тобой отцы’ — обнаруживается в предыдущем контексте, но в самой перфектной клаузе, выражающей значение ‘только то, что эти двое сделали для своей души’, его нет.

3.5. Перфект 3-го л. и древнерусские диалекты

Результаты исследования показали, что модельное представление о том, что синтаксис перфекта в живой древнерусской речи был одинаков для всех диалектов, а ненулевых связок перфекта 3-го л. не было ни в одном диалекте — первая гипотеза А. А. Зализняка [2008: 37, 236], — требует пересмотра. В текстах южнорусских авторов начала XII в. (Даниил и Мономах) имеется не менее 20 примеров перфекта, где стоящие внутри клаузы связки *есть*, *суть* не передают ни экзистенциально-локативных, ни верификативных значений, а их употребление не может быть удовлетворительно объяснено установкой на стилизацию речи. Иная ситуация в текстах новгородцев XII в. — Кирика, Ильи-Иоанна и Антония, т. к. в 9 из 11 контекстов, где они употребляют в перфекте связку *есть*, реализуется верификативно-фальсификативное значение, ср. характерный пример:

(9) Лжютъ, рече — **не молвилъ**$_{\text{SG.M}}$ **есть**$_{\text{3SG}}$ **того** никоторыи же епс҃пъ («Вопрошание Кириково», К87[23])
‘Это ложь, — сказал ⟨Нифонт⟩, — **да не говорил такого** ни один епископ’.

[23] Всего в «Вопрошании Кириковом» в Редакции Кормчей 1282 г. пять примеров с ненулевой связкой *есть* в перфекте 3-го л. В Особой редакции «Вопрошания Кирикова» в гл. 87 вместо перфекта 3-го л. *не* ***молвилъ есть*** в одном из списков (РГБ, ф. 247, XVI в.) стоит презенс *не молвитъ*, а в другом (РГБ, Никиф. 498, первая четверть XVI в.) — нулевая связка: *не ∅ молвилъ*. В той же главе Особой редакции перфект 3-го л. во фразе *а силце того делѧ* ***есть поставилъ*** ‘а силок ⟨**он**⟩ **поставил** специально для этого’ заменен на перфект 2-го л. с другим глаголом: ***а силце того делѧ еси полѧклъ*** ‘а силок ты поставил специально для этого’ [Мильков, Симонов 2011: 492]. Трудно сказать с уверенностью, как это место выглядело в протографе, возможно, варианты *молвилъ есть* и *есть поставилъ* были добавлены писцом Новгородской Кормчей 1282 г. Однако в двух главах связка 3-го л. стоит в обеих редакциях «Вопрошания»: *еже* ***есть*** *изъблевалъ* ‘а то, что ⟨человек⟩ выблюнул’ (К1) и *съсало* ***есть*** ‘⟨дитя уже⟩ пососало ⟨мать⟩’ (К48), поэтому отрицать, что в идиоме Кирика ненулевая связка 3-го л. в перфекте была, трудно. Пятый пример, из той же главы 48, достовернее выглядит в версии Кормчей: *аще* ***есть*** *въ покаанїи без ѡпитемии* ***ѡчистиласѧ*** (К48). Писец Особой редакции списка РГБ, ф. 247, XVI в. произвел конъектуру, изменив сегментацию текста и дважды добавив *и*. Это свидетельствует о том, что синтаксическая связь между начальными элементами *аже* ***есть*** и далеко отстоящим *л*-причастием *ѡчистилася* была уже ему плохо понятна: *аще* ***есть*** *въ покаанїи* ***и*** *без ѡпитемии* ***и*** *ѡчистиласѧ*,

Еще в двух примерах, где Кирик и Антоний употребляют при *л*-причастии связку *есть*, диагностируется экзистенциально-локативное значение, ср. (10):

(10) аще **есть**$_{3SG}$ въ покаанїи без wпитемии **<u>wчистила</u>**$_{SG.F.}$**сѧ**$_{REFL}$ («Вопрошание Кириково», К48)
‘Если **имеется** такая женщина, которая пребывает в покаянии без наложенной на нее епитимии’.

В примере (11) связка *есть* стоит после начальной проклитики *и*, что невозможно для стандартных древнерусских энклитик[24]. Контекст позволяет восстановить как экзистенциально-локативное (локализация некоторой святыни), так и верификативное значение: подчеркивается, что святой Константин, который жил в этих местах, после своей смерти действительно предстал царю в своем телесном облике:

(11) ⟨И стран ея жил$_{SG.M}$ Коньстянтин⟩, **и есть**$_{3SG}$ **в теле** <u>явил*ся*</u> цареви (Антоний).

Примеры типа (11), где связка стоит в позиции, недоступной для энклитик, но доступной для ударных слов, могут быть интерпретированы только как Перфект II. Прочие 9 примеров *л*-перфекта со связкой *есть* в текстах Кирика, Ильи-Иоанна и Антония, где связка стоит внутри клаузы, могут быть альтернативно истолкованы и как Перфект I, поскольку в данной позиции связка может атонироваться, и как Перфект II, поскольку соответствующие контексты интерпретируются как экзистенциально-локативные или верификативные. О линейной диагностике связок *есть*, *суть* в Перфекте I и Перфекте II см. ниже, в разделе 5. В идиоме Даниила, в тексте которого число примеров *л*-перфекта 3-го л. с ненулевой связкой максимально, кри-

---

т. е. ‘она еще в покаянии, но без епитимии, и уже очистилась’. В списке Особой редакции по РГБ, Никиф. 498 этих вставных *и* нет [Мильков, Симонов 2011: 495]. В так называемой Комбинированной редакции (список РГБ, Овчин. 47, к. XV — н. XVI в) связка *есть* стоит в обоих примерах с перфектом 3-го л. из К48, вставных *и* нет [Там же: 526]. Наконец, в Краткой редакции (ГИМ, Чуд. 169, XV в.) в гл. 87 стоит ***есть поставилъ***, но *не молвилъ*, с нулевой связкой. Глава 48 в этой редакции опущена, как и предложение *еже* ***есть изъблевалъ*** из К1. Помимо информации о лакунах, эти текстологические детали свидетельствуют о том, что конструкция *есть*, *суть* + *л*-причастие доставляла неудобства писцам XV–XVI вв., в то время как писцу Новгородской Кормчей 1282 г. она должна была быть понятна.

[24] Раннедревнерусские примеры комбинаций начальной проклитики с энклитическим местоимением (*а* + *ся*) или связкой 1–2-го л. (*а* + *еси*) крайне немногочисленны и носят реликтовый характер [Зализняк 2008: 36]. Напротив, в южнославянских памятниках XII–XIII вв. постановка этих разрядов энклитик после начальных проклитик представляла собой живое явление, ср. перфект 3-го л. а **е**$_{PRES.3SG}$ **ıмѣлъ**$_{SG.M}$ ∴ д҃ · сыновъ ‘а имел он четырех сыновей’ в древнехорватской надписи попа Теходрага, которую С. М. Михеев датирует XIII в. [Михеев 2021: 107].

терием, отделяющим Перфект II от Перфект I при связке 3-го л. внутри клаузы, является дистантная позиция ударной связки 3-го л. при *л*-причастии глагола, отличного от *быти*, диагностирующая Перфект II. Неясно, распространяется ли тот же критерий на идиомы новгородских авторов.

Можно допустить, что в идиомах Кирика, Ильи-Иоанна и Антония ненулевых связок 3-го л. в стандартном древнерусском Перфекте I не было: материал не позволяет доказать обратное. Тем не менее есть основания трактовать южнорусские и новгородские примеры перфекта со связкой 3-го л. по-разному, т. к. бесспорные случаи употребления ненулевых связок 3-го л. в Перфекте I в XII в. имеются только за пределами новгородского ареала.

4. Подлежащные клаузы и синтаксис древнерусских клитик

В данном разделе проверяется вторая гипотеза А. А. Зализняка о том, что в тех идиомах или регистрах древнерусского языка, где ненулевые связки 3-го л. перфекта сохранены, внешне выраженное подлежащее перфектной клаузы и связка 3-го л. распределены дополнительно [Зализняк 2008: 257]. Критерии линейной диагностики Перфекта I и Перфекта II рассматриваются далее в разделе 5.

4.1. Подлежащее и контроль предикатного согласования

Понятие подлежащего теоретически ненейтрально, но деление клауз на подлежащные и неподлежащные зависит от применяемых договоренностей и носит технический характер.

4.1.1. Маркировка субъектного аргумента клаузы

Под ‘клаузой’ традиционно понимают синтаксически оформленную предикацию, т. е. бинарную структуру, где есть позиция субъектного аргумента, вынесенного за пределы сказуемого. Этот аргумент может быть выражен или не выражен внешне. В зависимости от типа вершинного предиката различают финитные и нефинитные (инфинитивные, причастные, деепричастные и т. д.), главные и придаточные, глагольные и именные клаузы, так называемые малые клаузы (small clauses), и проч. При преобразовании финитных клауз в нефинитные в некоторых случаях маркировка субъектного аргумента не меняется, что подтверждает статус выражений типа англ. there как подлежащих, ср.: **There** is$_{\text{PRES.3SG}}$ so much time left ‘Осталось очень много времени’ ⇒ [For **there** being$_{\text{GER}}$ so much so much time left] bothers me ‘То, что осталось так много времени, беспокоит меня’ [Partee 1979; Циммерлинг 2021: 53]. В древнерусском языке при преобразовании финитной клаузы в нефинитную субъектный аргумент вместо им. п. получает дат. п.: ***Иванъ***$_{\text{NOM.SG.M}}$ *же* [∅/есть$_{\text{RES.SG}}$] ***пришелъ***$_{\text{PART.PERF.SG.M}}$ ⇒ ***Иваноу***$_{\text{DAT.SG.M}}$ *же* ***пришедшу***$_{\text{PART.SG.M}}$. То же касается маркировки субъектного аргумента при помощи местоименных клитик, см. клитику *ти*$_2$

‘тебе’, которая в (12b) вклинивается между согласуемым причастием м. р. ед. ч. *крещьшу* и возвратной клитикой *ся* (12c), является поздним каноническим переводом (12b).

(12) a. **Господь**$_{\text{NOM.SG}}$ [$\varnothing^{\text{3P}}$/есть$_{\text{PRES.3SG}}$] **крестилъ**$_{\text{PART.PERF.SG.M}}$=*ся*$_{\text{REFL.ACC}}$ въ Иорданѣ;
b. И егда рекуть: «Во Иорданѣ **крещьшу**$_{\text{PART.SG.M}}$=***ти***$_{\text{DAT.SG}}$=*ся*$_{\text{REFL.ACC}}$, Господи» (Даниил, XXXVI);
c. И когда произнесут: «Во Иордане **крещающуся тебе**, Господи».

Смена маркировки субъектного аргумента им. п. ⇒ дат. п. характеризует также преобразование финитных клауз в инфинитивные, ср. два примера из новгородских берестяных грамот, выражающих одинаковый смысл ‘Почему ты ведешь себя аморально и незаконно?’ и начинающихся с вопросительного слова *цемоу* ‘почему?’, ‘зачем?’.

(13) цьмоу бра(те) (--) (ба҃ не **б)ъиши**$_{\text{2SG}}$**сѧ**$_{\text{REFL}}$ (Б.гр. № 548, ок. 1180–1200 гг.)
‘Почему, брат, ⟨**ты**⟩ не **боишь**ся Бога?’;

(14) цемоу **тобѣ**$_{\text{2SG.DAT}}$ тако **дѣѧти**$_{\text{INF}}$ (Там же, № 1113)
‘Почему ты так делаешь?’, букв. ‘Зачем **тебе** так **делать**?’.

4.1.2. Система расстановки клитик

Как верно указал А. А. Зализняк, древнерусская система расстановки кластеризуемых энклитик типа *же*, *ли*, *ти*, *ся*, *есмь*, *еси* и т. д. ориентирована на отдельную клаузу. Внешняя позиция клитик и цепочек типа *есвѣ* в (4), *ся* в (12a), *ти ся* в (12b) обычно отсчитывается от начала клаузы, а не от начала полипредикатного комплекса [Зализняк 1993: 281]. Контраст между финитными и нефинитными клаузами в этом плане минимален, за вычетом случаев, связанных с тенденций к обособлению возвратной клитики *ся*[25]. Что касается внутреннего синтаксиса древнерусских кластеризуемых энклитик, т. е. правил упорядочения цепочек клитик, то он принципиально един для всех типов клауз, что и является характеристикой стандартных систем порядка слов с законом Ваккернагеля [Zimmerling, Kosta 2013; Циммерлинг 2021].

4.1.3. Связочные клаузы с л-причастием

Древнерусское *л*-причастие является застывшей именной (адъективной) падежной формой им. п., что обусловливает возможность реализации диалектного новгородского окончания ед. ч. м. р. тематического склонения *-е* в примерах (2a), (4) и в форме из надписи Домашки *ѱлѣ* ⟨*псал-е*⟩, упомянутой в разделе 2. С синхронной же точки зрения *л*-причастие является бес-

[25] Особенности постановки клитик в придаточных обсуждаются в [Циммерлинг 2013: 439–442].

падежным компонентом конструкции перфекта, выражая при этом согласовательные категории рода и числа. Связка перфекта служит специальным показателем лично-числового согласования. В комплексе согласовательных категорий значение лица приоритетно, поскольку значение числа параллельно выражается самим причастием. Важно, что стандартная конструкция общеславянского и древнерусского перфекта возможна во всех трех лицах, а выбор формы связки характеризует лексически заданное согласование с субъектным (подлежащным) аргументом 1–3-го л., или же так называемое дефолтное согласование при безличном предикате. Иными словами, связка копирует лично-числовые характеристики субъектного аргумента, выступающего в роли контролера согласования, если таковой в перфектной клаузе имеется.

Поскольку система расстановки древнерусских клитик и, в частности, того разряда, к которому относятся связки перфекта — предикатных энклитик второй позиции, ориентирована на уровень клаузы и существуют ограничения на совместную реализацию древнерусских связочных клитик и подлежащего, критерием демаркации подлежащных и неподлежащных перфектных клауз должна быть фонетическая выраженность (= ненулевая форма) подлежащего в той же самой клаузе, где реализуется связочная клитика, а не наличие позиции подлежащего в синтаксической структуре законченного предложения. Поэтому мы трактуем перфектные клаузы с невыраженным подлежащим при однородных членах типа ⟨X_{3SG} <u>прашалъ</u>$_{SG.M}$ *ся*⟩ и <u>пошелъ</u>$_{SG.M}$, ⟨<u>прашалъ</u>$_{SG.M}$ *ся* есмь$_{1SG}$ и пошелъ$_{SG,M}$⟩ как бесподлежащные, хотя с формально-синтаксической точки зрения они содержат позицию подлежащего, остающуюся незаполненной в результате сочинительного сокращения. В записи (15a–c) референция опущенного подлежащего указана верхним индексом. В первой клаузе (15b) связка 1-го л. ед. ч. *есмь* с формально-синтаксической точки зрения контролируется нулевым подлежащим *pro*, в данном синтаксическом окружении выражающим согласовательные признаки 1-го л. ед. ч.: тот же элемент контролирует сочинительное сокращение подлежащего второй клаузы при глаголе *пошелъ*. В первой клаузе (15c) контролером согласования является внешне выраженное подлежащее 1-го л. ед. ч. *азъ* ‘я’ при опущенной связке 1-го л. ед. ч. Напомним, что *л*-причастие *пошелъ* лишено категории лица, поэтому выдвижение гипотезы о сочинительном сокращении как форме подлежащного контроля естественным образом предполагает признание нулевого подлежащего в той клаузе, где находится контролер согласования.

(15) a. **Ефремъ**^{i} прашалъ$_{SG.M}$ =*ся*$_{REFL}$ и $\varnothing^{i}$ пошелъ$_{SG.M}$
‘Ефрем отпрашивался и пошел’;
b. *pro*^{i} прашалъ$_{SG.M}$ = *ся*$_{REFL}$ =**есмь**$_{1SG.M}$^{i} и $\varnothing^{i}$ пошелъ$_{SG.M}$
‘Я отпрашивался и пошел’;
c. Азъ^{i} прашалъ$_{SG}$ = *ся* и $\varnothing^{i}$ пошелъ$_{SG.M}$
‘то же’.

Реконструированные примеры (15a–c) имеют тот же синтаксис, что реально засвидетельствованные примеры (2)–(3), повторенные ниже в записи (16).

(16) мене **игоумене**$_{\text{NOM.SG.M}}$[i] не поустиле$_{\text{SG.M}}$ нъ ∅[i] посълалъ$_{\text{SG.M}}$ съ асафъмь къ посадьникоу медоу дѣлѧ (Б.гр. № 605, н. XII в.)
'Игумен не отпустил меня, но послал с Асафом к посаднику за медом'.

Как однозначно подлежащные мы интерпретируем те клаузы, где позиция подлежащего заполнена именной группой, ср. (2), (5), 6), (7) и первые клаузы (15a) и (16), или личным местоимением 1–2-го л., ср. (4) и первую клаузу в (15c), а также свободным ударным местоимением 3-го л., ср. *тъ*, *онъ*, или независимым ударным вопросительно-относительным местоимением, ср. *кто*, *что*, *которыи*. Напротив, перфектные клаузы типа (17), где позиция подлежащего заполнена связанным относительным местоимением типа *и*-же, *а*-же, *о-же*, отсылающим к другой клаузе, где находится его антецедент, мы трактуем как бесподлежащные.

(17) **Ефремъ**$_{\text{NOM.SG.M}}$[i], **и**[i]же прашалъ$_{\text{SG.M}}$ =*ся*$_{\text{REFL}}$ оу игоумена
'Ефрем, который отпрашивался у игумена'.

Данное решение обосновано спецификой просодико-синтаксического интерфейса древнерусского языка, в котором нет подлежащных местоимений в им. п., а связочные клитики 1–3-го л., вопреки проведенной в [Хабургаев 1978: 48; Зализняк 1993: 291] аналогии, не являются местоимениями. Тем самым 'подлежащность' и 'энклитичность' для древнерусского языка — взаимоисключающие характеристики. В соответствии со стандартной терминологией синтаксического контроля назовем контролируемый показатель 'мишенью согласования'. Соотношение контролеров согласования (подлежащих) и мишеней согласования (связок) показано в Таблице 2.

Таблица 2

Полноударные формы и клитики в системе субъектно-предикатного согласования в древнерусском языке

	Ненулевые подлежащные элементы (= Контролеры согласования)	Ненулевые связки (= мишени согласования)	
Полноударные элементы	+	связки 1–2-го л. презенса индикатива глагола *быти*	связки 3-го л. презенса индикатива *быти*, непрезентные формы *быти*
		–	+
Клитики	–	+	±

Корреляция между ударностью и синтаксическим статусом, как видно из Таблицы 2, полнее выражена в древнерусском языке для контролеров предикатного согласования, чем для его мишеней. Это объясняется тем, что класс связок шире класса связочных энклитик: полнотой свойств энклитик второй позиции обладают только формы 1–2-го л. презенса индикатива глагола *быть*, которые не могут стоять в абсолютном начале клаузы [Зализняк 1993: 285]. Прочие связки могут быть как атонируемыми, так и ударными, что проявляется в их дистрибуции. Так, в массиве духовных и договорных грамот XIII–XV вв. связка *буду* в конструкции с *л*-причастием тяготеет к внутриклаузальной позиции и кластеризуется вместе со стандартными энклитиками, занимая место справа от них [Циммерлинг 2013: 491]. Аналогичную тенденцию, как указано в [Зализняк 2008: 39–40], обнаруживают в древнерусский период связки так называемого русского плюсквамперфекта *был*, *была*, *было*, *были*, которые при контактном порядке со стандартными энклитиками ставятся после связок 1–2-го л. презенса индикатива (*есмь был*, *есмы были* и т. п.). Сходную дистрибуцию связки русского плюсквамперфекта имеют в широком круге памятников XIV–XVI вв. [Циммерлинг 2019].

4.2. Параметр pro-drop и подлежащные элементы

Языки мира принято делить на классы *pro-drop* и *non-pro-drop*, в зависимости от свойств контролера предикатного согласования. В одном классе языков, куда входят английский и французский языки (*non-pro-drop*), контролер предикатного согласования должен быть внешне выраженным. В другом классе языков, куда входят латинский, итальянский и древнерусский языки (*pro-drop*), контролер предикатного согласования может или должен оставаться имплицитным. Под *pro* обычно понимают внешне невыраженное тематическое подлежащее финитной клаузы, имеющее синтаксические свойства нулевого местоимения. В расширительной трактовке, которая в этой статье не используется, под категорию *pro* также подводятся нулевые дополнения, референция которых восстанавливается из дискурса. В интересующем нас случае гипотеза о *pro* выдвигается для обоснования параметра грамматического плеоназма/устранения плеоназма, когда контролер согласования либо должен быть выражен внешне в той же клаузе, либо может/должен оставаться имплицитным[26]. Данный параметр релевантен для всех древнерусских глагольных и неглагольных клауз, где

[26] Имеется альтернативный подход к описанию грамматического плеоназма и субъектно-предикатного согласования, ориентированный на то, чтобы избежать введения понятия нулевой синтаксической категории *pro* и заменить анализ в терминах синтаксического контроля прагматическим анализом в терминах так называемого референциального выбора говорящего [Буденная 2020; 2021]. Дескриптивные преимущества этого подхода для описания субъектно-предикатного согласования пока неочевидны.

имеются показатели согласования, в том числе для глагольных клауз с формами презенса, аориста и имперфекта и клауз с согласуемыми предикативными причастиями типа (12b), где согласование выражено флективно. Во всех древнерусских конструкциях с причастием на *-л* — перфект, книжный плюсквамперфект (*бяху пришли*), русский плюсквамперфект (*были пришли*), конструкция с *буду* (*будуть пришли*), оптатив (*быша пришли*), — а также в предложениях с именным сказуемым лично-числовое согласование выражено служебным словом, которое может иметь фонетические и/или синтаксические свойства клитики. Связки 1–2-го л. *есмь*, *еси*, *есмъ*, *есте*, *есвѣ*, *есте* обладают полнотой свойств энклитик [Зализняк 1993: 285; 2008: 247–256], прочие связки могут быть в древнерусском языке атонируемыми либо ударными. Примером эпиграфического памятника, который одновременно демонстрирует три разных типа древнерусских связочных конструкций, является новгородская берестяная грамота № 705 (ок. 1200–1220 гг.), см. связки перфекта в (18a), русского плюсквамперфекта в (18b) и оптатива в (18c).

(18) a. ѧ тѧ передамо свѧтее богородице ко нее же **еси**$_{\text{AUX.PRES.2SG}}$ заходиле$_{\text{SG.M}}$ роте
‘Я тебя предам святой Богородице, которой ты приносил клятву’;
b. **азъ**$_{\text{1SG}}$ **быле**$_{\text{AUX.PAST.SG.M}}$ лони наделиле$_{\text{SG.M}}$
‘Я в прошлом году было выделил ⟨ей⟩ имущество’;
c. а нъне **быхо**$_{\text{AUX.OPT.1SG}}$ посолале$_{\text{SG.M}}$
‘А теперь я бы послал ⟨ее наделок⟩’.

В 1993 г. А. А. Зализняк выдвинул гипотезу о том, что живой древнерусский язык последовательно устранял плеоназм связочной клитики и подлежащного контролера согласования. В связи с этим для связочных форм 1–2-го л. презенса индикатива *быти* прогнозируются двухчленные сочетания типа *далъ* ***еси*** ~ ***ты*** *далъ*, *виноватъ* ***еси*** ~ ***ты*** *виноватъ* при редкости трехчленных сочетаний типа ***ты еси*** *далъ*, ***ты еси*** *виноватъ* [Зализняк 1993: 291–292]. Чтобы обосновать возможность употребления подлежащных личных местоимений 1–2-го л. в древнерусском языке, А. А. Зализняк дополнительно выдвинул тезис о том, что они преимущественно использовались в коммуникативно выделенных контекстах [Там же: 292]. В синтаксическом плане это равнозначно признанию подлежащных местоимений 1–2-го л. эмфатическими, аналогично полным объектным местоимениям 1–3-го л., ср. др.рус. *мнѣ*$_{\text{1SG.DAT}}$, *тобѣ*$_{\text{2SG.DAT}}$, *мене*$_{\text{1SG.ACC}}$, *тебе*$_{\text{2SG.ACC}}$, *ѥго*$_{\text{3SG.ACC.M}}$, *ѥѣ*$_{\text{3SG.ACC.F}}$, употребляющимся наряду с объектными клитиками, выражающими те же грамматические значения, ср. др.рус. *ми*$_{\text{1SG.DAT}}$, *ти*$_{\text{2SG.DAT}}$, *мя*$_{\text{1SG.ACC}}$, *тя*$_{\text{2SG.ACC}}$, *и*$_{\text{3SG.ACC.M}}$, *ю*$_{\text{3SG.ACC.F}}$. Проведенная А. А. Зализняком аналогия между дистрибуцией парных форм объектных местоимений в парах типа ***мнѣ*** ~ *ми*, ***ѥго*** ~ *и*, первые элементы которых являются эмфатическими, и опущением подлежащных местоимений в им. п. объясняет тенденцию к дополнительному распределению свя-

зок 1–2-го л. и подлежащих. Поскольку подлежащных клитик в древнерусском языке нет, альтернативой употреблению ударного подлежащного местоимения становится его опущение или, в нотации с нулевыми синтаксическими категориями, замена ударного подлежащего на *pro*: в записи (i) символ ‘pro’ указывает на внешне невыраженное подлежащее, контролирующее лично-числовую форму связки, а символ ‘∅’— на устраненную (опущенную) форму самой связки.

(i) ***Я***$_{1SG}$ ∅ *далъ*$_{SG.M}$ ~ *pro* *далъ*$_{SG.M}$ ***есмь***$_{1SG}$.

Подход А. А. Зализняка в версии 1993 г. содержит внутреннее противоречие. Если все употребления подлежащных местоимений 1–2-го л. эмфатичны, они плеонастичны и не должны влиять на внешнюю реализацию связки: *я далъ ~ я есмь далъ*. В позднейшей книге 2008 г. А. А. Зализняк счел нужным уточнить, что в некоторых синтаксических контекстах (им перечислено 6 случаев) употребление подлежащных местоимений в раннедревнерусских памятниках было факультативным [Зализняк 2008: 243–245]. С учетом этой поправки механизм дополнительного распределения (i) должен проверяться в тех контекстах, где подлежащное местоимение 1–2-го л. возможно, но не строго обязательно. В книге 2008 г. А. А. Зализняк также распространил тезис о дополнительном распределении подлежащного контролера и связки на 3-го л.: «В 3-м лице присутствие подлежащего (существительного или местоимения) дает в отношении связок такой же эффект, как присутствие местоимения-подлежащего в 1-м и 2-м лице» [Там же: 240]. Это решение логично в свете трудностей, возникающих из-за эмфатического характера местоимений 1–2-го л., но влечет новые трудности из-за двух особенностей связочных предложений 3-го л. Во-первых, независимые подлежащные местоимения 3-го л. в раннедревнерусский период употреблялись мало, поэтому вероятность найти в текстах этого периода сочетания *онъ ∅ далъ*, *тъ ∅ далъ* мала, при частотности сочетаний типа *Попъ ∅ далъ*, где подлежащее выражено ИГ. Во-вторых, ненулевые связки 3-го л. либо отсутствуют — как в конструкции перфекта, если принять тезис Г. А. Хабургаева и А. А. Зализняка [Хабургаев 1978; Зализняк 1993: 285; 2008: 240, 256, 259; Шевелева 2002: 59; Толстая 2023], либо не обладают полнотой свойств клитик. Предсказываемое моделью А. А. Зализняка распределение иллюстрируется записью (ii), где символ ‘$\varnothing^{3P}$’ указывает на то, что отсутствие внешней выраженной связки передает согласовательное значение 3-го л., которое не выражается *л*-причастием или именным предикатом.

(ii) ***Попъ***$_{NOM.SG.M}$ $\varnothing^{3P}$ *виноватъ*$_{NOM.SG.M}$ ~ *pro виноватъ*$_{NOM.SG.M}$ ***есть***$_{3SG}$;
Попъ$_{NOM.SG.M}$ $\varnothing^{3P}$ далъ$_{SG.M}$ ~ *pro* далъ$_{SG.M}$ ***есть***$_{3SG}$.

Вывод общей формулы, предсказывающей распределение подлежащих и связок в 1–3-м л., возможен за счет отказа от изучения специфики личных местоимений и клитик. В этом случае главным фактором остается на-

личие в связочной клаузе контролера согласования, стоящего в им. п. (N_{NOM}). Главное предсказание состоит в том, что связка должна присутствовать в тех клаузах, где такой контролер внешне не выражен, т. е. реализуется в виде *pro*. В записи (iii) символ ‘$AUX^{1–3}$’ обозначает внешне выраженную связку 1–3-го л., ‘*l*-PART’ — *л*-причастие, ‘PRED’ — именную часть сказуемого, а ‘∅’ — опущенную связку.

(iii) *pro* — $\mathbf{AUX^{1–3}}$— *l*-PART/PRED ~ $\mathbf{N_{NOM}}$ — $AUX^{1–3}$/∅ — *l*-PART/PRED.

Левая часть формулы (iii) эмпирически проверяема для всех древнерусских связок: подтверждением предсказания можно считать значительное преобладание примеров без внешне выраженного подлежащего в выгрузке клауз с ненулевой связкой. Правую часть формулы (iii), по-видимому, нельзя проверить для тех клауз, где связка диагностирует тип связочной конструкции, т. е. для связок оптатива, плюсквамперфекта и предбудущего. Для форм презенса индикатива глагола *быти* эмпирическая проверка правой части формулы (iii) сводится к выяснению пропорции двучленных и плеонастических трехчленных вариантов типа ***Попъ*** *виноватъ* ~ ***Попъ есть*** *виноватъ*, ***Попъ*** *далъ* ~ ***Попъ есть*** *далъ* в выборках клауз с формами именного сказуемого или *л*-перфекта.

4.3. Соответствие древнерусского языка типу ‘радикальный язык pro-drop’

Гипотеза А. А. Зализняка о дополнительном распределении древнерусских связок и подлежащих в типологическом плане равнозначна разделению языков *pro*-drop на два подкласса. В первом из них, который далее обозначается термином ‘стандартный *pro*-drop’, подлежащный контролер согласования факультативно опускается независимо от свойств связочной мишени, распределение типа (i)–(iii) не соблюдается. Во втором из них, в [Zimmerling 2009] обозначенном термином ‘aggressive *pro*-drop’, русским эквивалентом которого может быть термин ‘радикальный *pro*-drop’, распределение типа (i)–(iii) соблюдается, подлежащный контролер заменяется на *pro* при наличии внешне выраженной связочной мишени.

Таблица 3

Параметризация языков *pro*-drop

Стандартные языки *pro*-drop	Радикальные языки *pro*-drop
Подлежащный контролер факультативно реализуется в виде *pro*	Подлежащный контролер заменяется на *pro* при наличии внешне выраженной мишени субъектно-предикатного согласования

Согласно А. А. Зализняку [2008: 246–255], к радикальному *pro*-drop следует отнести живой древнерусский язык, особенно — древненовгородский диалект XI–XIII вв., где распределение (ii) распространяется на свя-

зочные высказывания в 3-м л. [Там же: 258], в то время как в прямой речи персонажей Киевской летописи связки 3-го л. употребляются шире [Там же: 260]. Сходные наблюдения над распределением связочных клитик и подлежащих в современном русинском языке Воеводины независимо от А. А. Зализняка сделал У. Браун [2008].

Поскольку понятие ‘живой древнерусский язык’ — модельный конструкт, а признанные эталонными для разговорного языка массивы берестяных грамот и прямой речи персонажей Киевской летописи имеют разные настройки параметра *pro*-drop, при анализе любой группы древнерусских текстов необходимо выяснять, к какому подклассу — стандартным или радикальным языкам *pro*-drop — относятся рассматриваемые тексты. Также следует проверять, является ли распределение подлежащих и связок одинаковым для разных связочных конструкций в пределах одной и той же группы текстов. Если выборка включает тексты разного происхождения, дополнительно следует выяснить, варьируют ли настройки параметра *pro*-drop для разных древнерусских диалектов или нет.

4.4. Нулевая связка 3-го л. и взаимодействие параметров грамматики

Описание А. А. Зализняка связано с формальной моделью. В 3-м л. конструкции перфекта в древнерусском языке, по крайней мере в тех его идиомах, где связки *есть* и *суть* в перфекте невозможны, имеет место не эллипсис связки, а нулевая связка 3-го л. Напротив, в 1–2-м л. правомерно говорить о регулярном или спорадическом опущении связочной клитики 1–2-го л., т. е. об эллипсисе. Такая формализация, с обоснованием применимости понятия нулевой связки к древнерусскому материалу, предложена в [Zimmerling 2020; Циммерлинг 2021: 26–28]. Описание древнерусской грамматики с опорой на выделенные А. А. Зализняком и другими лингвистами параметры, ограничивающие совместную дистрибуцию энклитик и подлежащих, ставит две проблемы. Первая носит теоретический характер, а вторая связана с попыткой определить диалектную специфику древнерусских памятников, опираясь на модельные описания клитик и конструкции перфекта.

(iv) Как именно взаимодействуют конфликтующие между собой параметры, один из которых допускает реализацию связок 3-го л. в позициях, характерных для кластеризуемых клитик, т. е. позициях, предположительно общих для всех связочных клитик 1–3-го л., другой требует нулевой связки в конструкции перфекта, а третий (aggressive *pro*-drop) требует опускать клитику 1–3-го л. при наличии внешне выраженного подлежащего.

(v) Правильно ли модельное представление о том, что в живой древнерусской речи связка 3-го л. отсутствовала в конструкции перфекта во всех диалектах, при том что само это представление является результатом наблюдений над двумя группами памятников,

признаваемых эталонными, — новгородских берестяных грамот и прямой речью персонажей южнорусской «Киевской летописи».

Далее мы рассмотрим на предмет соответствия типу aggressive *pro*-drop и распределению (iii) пять текстов основной группы для связок 3-го л. в конструкции перфекта и в других связочных конструкциях, включая 1–2-е л. перфекта.

4.5. Распределение подлежащих и ненулевых связок перфекта 3-го л.

Ненулевая связка перфекта 3-го л. используется всеми пятью авторами XII в. — Даниилом, Мономахом, Кириком, Ильей-Иоанном и Антонием. В «Вопрошании Кириковом» она обнаруживается только в основном разделе, написанном самим Кириком: в добавлениях Саввы и Ильи ее нет. Из выборки клауз в тексте Даниила, как и в Таблице 1, были исключены примеры с омонимичной стандартному древнерусскому перфекту (= ‘Перфект I’) конструкции с ударной связкой 3-го л., выражающей экзистенциально-локативные или верификативные значения (= ‘Перфект II’). В тексте Мономаха Перфекта II нет, а все три учтенных в Таблице 4 примера Перфекта I были указаны выше, см. (6)–(8). Контексты девяти примеров с ненулевой связкой 3-го л. внутри клаузы в текстах новгородских авторов (Кирика, Ильи-Иоанна и Антония) амбивалентны между Перфектом I и Перфектом II, поэтому все эти примеры были учтены. Подсчеты для редакции «Вопрошания Кирикова» по Новгородской Кормчей и для Особой редакции того же памятника указаны отдельно.

Таблица 4 показывает, что у двух южнорусских авторов (Даниил и Мономах) наличие или отсутствие подлежащего перфектной клаузы не ограничивает выбор ненулевой связки 3-го л. Большинство перфектных клауз имеют в их идиомах подлежащее[27]. Доля примеров без подлежащего в тексте Даниила одинакова для перфектных клауз с ненулевой связкой 3-го л.

[27] Анонимный рецензент высказывает мнение, что тексты Даниила и Мономаха покажут тенденцию к дополнительному распределению связок 3-го л. перфекта и внешне выраженных подлежащих, если включить в выборку все клаузы с нулевой связкой, которые в их текстах составляют 72,15% от общего числа примеров. С таким методом подсчета согласиться трудно. Непосредственным объектом проверки должны быть клаузы с ненулевой связкой, гипотеза (iv) предсказывает, что доля примеров -SUBJ в выборке клауз с ненулевой связкой должна быть выше, чем доля примеров +SUBJ. Этот прогноз верен для двух новгородских авторов из трех и неверен для обоих южнорусских авторов. Группа примеров с нулевой связкой является контрольной: она показывает настройки параметра *pro*-drop, т. е. общие условия опущения подлежащего. Если считать данные в правой части Таблицы 4 предложенным рецензентом способом, процент клауз с дополнительным распределением ненулевых связок 3-го л. и подлежащих у новгородских авторов окажется ниже (60%, 68/114), чем у южнорусских (63%, 79/110): искажение возникает из-за того, что доля клауз с нулевой связкой у новгородских авторов выше, чем у южнорусских — 83,3% (95/114).

Таблица 4

Подлежащные и бесподлежащные клаузы с ненулевой и нулевой связками 3-го л. *л*-перфекта в текстах пяти древнерусских писателей XII в.

	Даниил		Мономах		$Кирик_{Корм}$		$Кирик_{Особ}$		Илья-поучение		Антоний [28]	
Дата	ок. 1104–1106		ок. 1097–1117		ок. 1132–1156		ок. 1132–1156		1166		ок. 1200	
Диалект	Черниговский		Переяславский		Новгородский							
	+ SUBJ	-SUBJ	+ SUBJ	–SUBJ	+ SUBJ	–SUBJ	+ SUBJ	-SUBJ	+ SUBJ	-SUBJ	+ SUBJ	-SUBJ
Ненулевая связка	**15**	**3**	**2**	**1**	1	4	0	3	0	2	1	1[29]
Нулевая связка	**60**	**12**	**15**	**2**	7	5	6	3	4	9	50	30
% клауз с ненулевой связкой	20%	20%	13,33%	50%	20%	50%	0%	50%	0%	18,8%	1,96%	3,2%

Таблица 5

Доля подлежащных клауз в выборке клауз со связкой 3-го л. *л*-перфекта в текстах пяти древнерусских писателей XII в.

	Даниил	Мономах	$Кирик_{Корм}$	$Кирик_{Особ}$	Илья-Иоанн	Антоний[30]
Ненулевая связка	83,33%	66,66%	**20%**	**0%**	**0%**	**50%**
Нулевая связка	83,33%	88,23%	**58,33%**	**66,66%**	**30,77%**	**62,5%**

[28] По изданию Х. М. Лопарева [1899]. В Списке Яцимирского есть еще два примера с ненулевой связкой перфекта 3-го л. Они квалифицируются как Перфект II, т. е. как семантически обусловленная конструкция с ударной связкой 3-го л.

[29] В Списке Яцимирского имеется еще две (всего три) бесподлежащных перфектных клаузы с ненулевой связкой 3-го л.

[30] По изданию [Лопарев 1899].

(3/18 = 16,66%) и клауз с нулевой связкой 3-го л. (12/72 = 16,66%). В идиомах трех новгородских авторов (Кирик, Илья-Иоанн, Антоний) картина иная. Из девяти примеров с ненулевой связкой 3-го л. внутри клаузы семь не имеют подлежащего[31]. У двух новгородских авторов из трех в перфектных клаузах с нулевой связкой 3-го л. количественно преобладают примеры с подлежащим. Для удобства эти данные сведены отдельно в Таблице 5.

Можно заключить, что идиомы двух южнорусских авторов XII в. в плане реализации конструкции *л*-перфекта в 3-м л. не соответствуют типу ‘радикальный *pro*-drop’, в то время как идиомы трех новгородских авторов XII в. в плане употребления ненулевых связок 3-го л. в целом ему соответствуют.

В контрольной группе памятников XIV–XV вв. ненулевых связок 3-го л. в конструкции перфекта нет. В двух контрольных фрагментах 1НПЛ под 1132–1156 и 1204 гг. имеется в общей сложности 12 примеров *л*-перфекта 3-го л., из них 2 — с ненулевой связкой. Их распределение соответствует типу ‘радикальный *pro*-drop’, но репрезентативной статистики нет. В двух редакциях «Русской Правды» — Краткой (по Академическому списку) и Пространной (по Синодальному списку 1282 г.) — насчитывается 26 примеров *л*-перфекта с нулевой связкой 3-го л. (из них 4 — в Краткой редакции), но перфектных клауз с ненулевой связкой 3-го л. нет.

Таблица 6

Подлежащные и бесподлежащные клаузы с ненулевой и нулевой связками 3-го л. *л*-перфекта в контрольной группе древнерусских текстов XI–XIII вв.

	1НПЛ 1132–1156		1НПЛ, 1204		Русская Правда, Кр.		Русская Правда, Простр. Син.	
Диалект	Новгородский						Неновгородский	
	+ SUBJ	– SUBJ	+ SUBJ	– SUBJ	+ SUBJ	– SUBJ	+ SUBJ	– SUBJ
Ненулевая связка	**0**	**1**	**0**	**1**	0	0	0	0
Нулевая связка	2	7	1	0	4	0	14	9

4.6. Распределение подлежащих и ненулевых связок в 1–2-м л. в л-перфекте

Совершенно иную картину показывают перфектные клаузы 1–2-го л. Здесь контраста южнорусских и новгородских памятников нет, абсолютно преобладает тип *pro даль* ***есмь***, а плеонастические сочетания вида ***азъ есмь*** *даль* реализуются в эмфатических контекстах. Спорадически встречается

[31] В Таблицах 4 и 5 не учтен пример (11), где связка стоит в неэнклитической позиции.

опущение связки 1–2-го л., которое возможно как при наличии внутриклаузального подлежащего, так и при его отсутствии.

Таблица 7

Перфектные клаузы 1–2-го л. в текстах пяти древнерусских писателей XII в.

	Даниил		Мономах		Кирик$_{Корм}$		Илья-поучение		Антоний[32]	
Дата	ок. 1104–1106		ок. 1097–1117		ок. 1132–1156		1166		ок. 1200	
Диалект	Черниговский		Переяславский							
	+ SUBJ	– SUBJ	+ SUBJ	– SUBJ	+ SUBJ	– SUBJ	+ SUBJ	– SUBJ	+ SUBJ	– SUBJ
Связка выражена	**0**	**7**	**2**	**22**	**0**	**5**	**0**	**0**	**0**	**5**
Связка опущена	0	0	0	1	0	2	3	0	0	0

Это распределение соответствует типу ‘радикальный *pro*-drop’ и формулам (i) и (iii). Значимым является не абсолютное число примеров в бесподлежащных клаузах (рубрика ‘-SUBJ’), а незначительный процент примеров в рубрике ‘+SUBJ’ — 4,87%.

В контрольных фрагментах 1НПЛ и двух редакциях «Русской Правды» ситуация аналогична.

Таблица 8

Перфектные клаузы 1–2-го л. в контрольной группе древнерусских текстов XI–XIII вв.

	1НПЛ 1132–1156		1НПЛ, 1204		Русская Правда, Кр.		Русская Правда, Простр. Син.	
Диалект	Новгородский						Неновгородский	
	+ SUBJ	-SUBJ	+ SUBJ	-SUBJ	+ SUBJ	-SUBJ	+ SUBJ	-SUBJ
Связка выражена	**0**	**2**	**0**	**2**	**0**	**1**	**0**	**7**
Связка опущена	0	0	1	0	0	0	0	0

4.7. Подлежащные и бесподлежащные клаузы к конструкции буду + л-причастие

Древнерусская конструкция *будет* + *л*-причастие, называемая ‘предбудущим’ [Борковский, Кузнецов 1963: 288; Пенькова 2019], или ‘будущим II’, или ‘предположительным наклонением’ [Зализняк 2004: 134; Шевелева

[32] По изданию [Лопарев 1899].

2008: 48], относится к числу тех структур, где связочный показатель лично-числового согласования (*буду*, *будешь*, *будеть* и т. д.) не может быть опущен без утраты диагностической семантики конструкции. Связка *буду* в некоторых группах текстах, ср. духовные и договорные грамоты XIII–XV вв., обнаруживает свойства кластеризуемой энклитики, занимая в цепочке клитик место правее стандартных древнерусских энклитик [Циммерлинг 2013: 491]. В какой мере она атонировалась, установить по письменным текстам нельзя, но можно определить соотношение случаев, где связка *буду* стоит в позиции, доступной для древнерусских энклитик, и случаев, где связка *буду* стоит в начале клаузы, после начальной проклитики или в другой позиции, недоступной для энклитик. Как неэнклитические мы трактуем те употребления, где связка *буду* стоит внутри клаузы, но нарушает правило внутреннего упорядочения клитик. Например, при атонируемой связке *боудеть* и возвратной клитике *ся* ожидался порядок *како* ***ся*** *боудеть рядилъ*, который засвидетельствован в конце гл. 97 «Русской Правды» по Синодальному списку, см. (19). Но в той же главе ранее писец записал ту же юридическую формулу в виде *како боудеть* ***ся*** *рядилъ*, см. (20): постановка *боудеть* перед *ся* служит основанием трактовать связку как ударный элемент.

(19) или съ рѧдомъ, то како =*ся*$_{\text{REFL}}$=*боудеть*$_{\text{AUX.FUT.3SG}}$ <u>рѧдилъ</u>$_{\text{SG.M}}$ на томь же стоить («Русская Правда», Син., гл. 97);

(20) поиметь$_{\text{SG·M}}$ =*ли* =*сѧ*$_{\text{REFL}}$ съ рѧдомъ, то како **боудеть**$_{\text{AUX.FUT.3SG}}$ = *ся*$_{\text{REFL}}$= <u>рѧдилъ</u>$_{\text{SG·M}}$ на томь же стоить (Там же).

В пяти текстах основной группы конструкция *буду* + *л*-причастие встретилась 12 раз, во всех случаях — в позиции, доступной для энклитик. В качестве контрольного памятника была взята Пространная редакция «Русской Правды» по Синодальному списку 1282 г.: в ней конструкция *буду* + *л*-причастие представлена 27 примерами, в 23 случаях связка стоит в позиции, доступной для энклитик. Сводные данные указаны в Таблице 9. В статистике «Вопрошания Кирикова» учтены 3 случая употребления *буду* + *л*-причастие в разделе Саввы.

Полученные данные в целом подтверждают тенденцию к клитизации связки *будеть* в древнерусском языке XII в. и ее употреблению внутри клаузы по правилам, действующим для энклитик. Примером такого употребления служит (21):

(21) то за что =***ся***$_{\text{REFL}}$ =***боуду***$_{\text{AUX.FUT.1SG}}$ и <u>родилъ</u>$_{\text{SG.M}}$ («Поучение Ильи-Иоанна»)
‘⟨Если *p*⟩, то зачем я, получается, родился?’.

Тенденцию к употреблению связки *будеть* в клаузах без подлежащего тоже следует интерпретировать как характерное свойство клитик. В основной группе текстов доля бесподлежащных клауз со связкой *будеть* в позиции энклитики выше — 75%, 9/12, чем в контрольном памятнике (Пространной редакции «Русской Правды»), — 65,2%, 15/23.

Таблица 9

Конструкция *буду* + *л*-причастие
в текстах пяти древнерусских писателей XII в. и в «Русской Правде»

	Даниил		Мономах		Кирик$_{Корм}$		Илья-поучение		Антоний[33]		Русская Правда, Син.	
Дата	ок. 1104–1106		ок. 1097–1117		ок. 1132–1156		1166		ок. 1200		XI–XII	
Диалект	Черниговский		Переяславский		Новгородский						Неновгородский	
	+ SUBJ	– SUBJ	+ SUBJ	– SUBJ	+ SUBJ	– SUBJ	+ SUBJ	– SUBJ	+ SUBJ	– SUBJ	+ SUBJ	– SUBJ
Как энклитика, 1–2-го л.	0	0	0	1	0	2	0	2	0	0	0	0
Как энклитика, 3-го л.	0	1	0	0	2	1	0	2	1	0	**8**	**15**
Как неклити-ка, 1–3-го л.	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	**3**	**1**
Всего	**0**	**1**	**0**	**1**	**2**	**3**	**0**	**4**	**1**	**0**	**11**	**16**

[33] По изданию [Лопарев 1899].

4.8. Параметр pro-drop и дистрибуция связок: выводы

Полученные данные о дистрибуции связок в подлежащных и бесподлежащных клаузах с *л*-причастием подтверждают гипотезу о том, что возможность дополнительного распределения контролеров лично-числового согласования (подлежащих) и его мишеней (связок) зависит от того, в какой мере тот или иной разряд связок обладает свойствами клитик. Связки 1–2-го л. в конструкции перфекта обладают всеми свойствами энклитик второй позиции, отсюда высокий процент бесподлежащных клауз со связочной клитикой 1–2-го л. — 95% в основной группе текстов, см. выше Таблицу 7. Связка *будеть* имеет общие дистрибутивные свойства с энклитиками второй позиции: для употреблений *будеть* в позиции, которая может быть интерпретирована как энклитическая, процент бесподлежащных клауз в основной группе текстов равен 75%, в контрольном памятнике — «Русской Правде» по Синодальному списку — 65%, см. выше Таблицу 9. Для связок двух данных разрядов значимых расхождений между древнерусскими диалектами не просматривается.

Связки 3-го л. перфекта употребляются в южнорусских и новгородских памятниках XII в. по-разному. У южнорусских авторов корреляции между наличием подлежащего и выбором связок *есть*, *суть*, *еста* нет. Подлежащее у этих авторов присутствует в значительном большинстве клауз с нулевой и ненулевой связками, поэтому выбор ненулевой связки 3-го л. в их идиомах нельзя представить как компенсаторный механизм, восполняющий невыраженность подлежащного контролера 3-го л., или, в иных терминах, его замену на *pro*: *Иванъ*$_{\text{NOM.SG.M}}$ $\varnothing^{3P}$ *далъ*$_{\text{SG.M}}$ ~ *pro далъ*$_{\text{SG.M}}$ ***есть***$_{\text{3SG}}$. Для новгородских авторов такое объяснение уместно: так, в их текстах доля подлежащных перфектных клауз с ненулевой связкой 3-го л. не превышает 25%, в то время как процент подлежащных перфектных клауз с нулевой связкой 3-го л. у двух новгородских авторов из трех находится в диапазоне от 58,3% до 66,6%, см. Таблицу 5. В контрольной группе памятников сопоставимый материал есть только во фрагментах 1НПЛ под 1132–1156 и 1204 гг., см. Таблицу 6.

В Краткой редакции «Русской Правды», Пространной редакции «Русской Правды» по Синодальному списку и в контрольных памятниках XIV–XV вв., включая новгородские (Василий Калика, Стефан), ненулевых связок перфекта 3-го л. нет, см. Таблицу 1. Можно заключить, что распределение *Иванъ*$_{\text{NOM.SG.M}}$ $\varnothing^{3P}$ *далъ*$_{\text{SG.M}}$ ~ *pro далъ*$_{\text{SG.M}}$ ***есть***$_{\text{3SG}}$, соответствующее формуле (ii) и параметру ‘радикальный *pro*-drop’, если оно соблюдалось в истории новгородского диалекта, реализовалось в течение короткого отрезка времени, захватывавшего XII и XIII вв.

5. Перфект I и Перфект II в XII в.

На конструкцию Перфекта II принцип дополнительного распределения подлежащего и связки не действует. Данная конструкция реализуется в XII в.

преимущественно, а при экзистенциально-локативном значении — почти исключительно при внешне выраженном клаузальном подлежащем. Принцип дополнительного распределения связки 3-го л. и подлежащего перфектной клаузы не действует также в Перфекте I у южнорусских авторов: 80% клауз Перфекта I (17 из 21) с ненулевой связкой 3-го л. имеют внешне выраженное клаузальное подлежащее. Тем самым вторая гипотеза А. А. Зализняка о том, что в тех идиомах и регистрах древнерусского языка, где ненулевые связки 3-го л. в перфекте сохранялись, внешне выраженное подлежащее перфектной клаузы и ненулевая связка 3-го л. распределены дополнительно [Зализняк 2008: 257], нашим материалом не подтверждается.

В тексте Мономаха Перфекта II нет. Все три примера, где Мономах строит *л*-перфект с ненулевой связкой 3-го л., см. выше (6)–(8), квалифицируются как Перфект I. 9 из 11 примеров с ненулевой связкой 3-го л. + *л*-причастие в текстах трех новгородских авторов (Кирик, Илья-Иоанн, Антоний) могут, как указано выше в разделе 3, интерпретироваться и как Перфект I, и как Перфект II. Линейная комбинаторика не дает ключа, является ли связка 3-го л. в соответствующих контекстах атонируемой или ударной. Оставшиеся два новгородских примера, где связка 3-го л. стоит в неэнклитической позиции, см. (11)–(12), должны быть квалифицированы как Перфект II.

Далее рассматриваются четыре параметра перфектных клауз: 1) неэнклитическая/внутриклаузальная позиция связки, 2) переходность/непереходность глагола, наличие/отсутствие подлежащего, 3) дистантная/контактная позиция связки и *л*-причастия и 4) тип выражаемого в Перфекте II значения — экзистенциально-локативного либо верификативного.

5.1. Конструкция Перфекта II в идиоме Даниила

В каноническом виде конструкцию Перфекта II показывает текст Даниила, который использовал ее около 50 раз. В подавляющем большинстве случаев Даниил строит форму Перфекта II с *л*-причастием непереходного глагола, а соответствующие предложения выражают экзистенциально-локативные значения. 40 раз Перфект II строится с помощью *л*-причастия глагола *быти*, из них 6 примеров приходятся на долю страдательного залога, ср. *есть был создан*. Во всех примерах связки *есть* и *суть* стоят перед *л*-причастиями *был*, *была*, *было*, *были*. Дистантный порядок компонентов Перфекта II (*есть… был*, *есть… был создан*) возможен во всех вариантах конструкции, но особенно характерен для примеров, где связки *есть* и *суть* стоят в неэнклитической позиции в начале клаузы (*и есть… был*, и *есть был… создан*).

5.1.1. Значение отмененного результата

При *л*-причастии глагола *быти* Перфект II в форме действительного залога (34 примера) передает в идиоме Даниила значение отмененного результата в специфическом контексте ‘В Z-е вначале было *p*, но затем

Таблица 10

Перфект II в «Хожении игумена Даниила»: глагол *быти* и пассив

	Глагол БЫТЬ в действительном залоге		Страдательный залог	
Тип глагола	непереходный бытийный (*БЫТИ*)		Переходный	
Доля высказываний с дистантным порядком компонентов перфекта	47% (16/34)		25% (75%)	
Наличие подлежащего	+ SUBJ		+ SUBJ	
Позиция связки	Связка в не энклитической позиции	Связка внутри клаузы	Связка в не энклитической позиции	Связка внутри клаузы
Примеры	7	27	2	4
Доля субъектных клауз	100%	100%	100%	100%
Доля высказываний с дистантным порядком компонентов перфекта	85% (6/7)	37% (10/27)	100%	0%

стало ~ *р*’, ср.: *И то* ***есть прьвѣе было*** *епископиа* (*р*), ***нынѣ же есть*** *монастырь латыньский* (~ *р*) (Даниил, XC). В 6 примерах Даниил строит Перфект II в страдательном залоге, ср.: *И ту* ***есть была*** *на мѣстѣ том церкви* ***создана*** *клѣтски велика велми* (*р*), ***нынѣ же*** *мала церквица* (~ *р*) (Даниил, XVII). Важный результат, подтверждающий то, что конструкция Перфекта II была в протографе текста Даниила, получен А. А. Пичхадзе, которая показала, что во второй и позднейших редакциях «Хожения Даниила» конструкция с *л*-причастием глагола *быти* типа *есть была X* систематически устранялась переписчиками, не чувствовавшими ее особой семантики [Пичхадзе 2023]. В плане семантического описания значение отмененного результата, по-видимому, можно считать контекстной реализацией экзистенциально-локативного значения при *л*-причастии непереходного стативного глагола.

Значение отмененного результата обычно связывают с некнижным, или ‘русским’, плюсквамперфектом, т. е. комбинацией служебного компонента *был* с *л*-причастием, ср. *X был населил*, *был создал* [Петрухин, Сичинава 2006; 2008; Шевелева 2009]. Эту конструкцию Даниил тоже использует, но значительно реже (3 примера). Преимуществом русского плюсквамперфекта является то, что эта конструкция возможна во всех трех лицах, ср. *населил* [1]***есмь был***, *населил* [2]***еси был***, *населил* [3]*∅ был* как при непереходном, так и при переходном глаголе. То, что Даниил в 3-го л. не строит русский плюсквамперфект со связками *есть* или *суть*, т. е. не порождает предложений типа **Ханаонъ населилъ* ***есть*** *былъ землю всю ту*, подтверждает гипотезу о том, что конструкция русского плюсквамперфекта строилась на основе энклитических форм связок и цепочек энклитик [Зализняк 2008: 40; Циммерлинг 2019], в то время как Перфект II требовал ударной связки. Перфект I с ненулевой связкой 3-го л. при *л*-причастии глагола *быти*, по-видимому, был невозможен.

5.1.2. Связка 3-го л. в неэнклитической позиции

Другим подтверждением ударности связок 3-го л. в Перфекте II служит то, что в 11 случаях Даниил ставит их после начальной проклитики *и* в позицию, недоступную для канонических энклитик. Такие употребления возможны как при *л*-причастии глагола *быти*, ср. контекст (22), где выражается значение отмененного результата, — ‘город Т. некогда был велик, но перестал быть таким теперь’, так и при *л*-причастии глаголов иной семантики, ср. *выросль* в (23) — контекст не предполагает, что дуб больше не стоит на данном месте. Наконец, связка 3-го л. в неэнклитической позиции возможна в страдательном залоге, ср. *есть создана была* в примере (24).

(22) **И есть**$_{3SG}$ **<u>был</u>**$_{AUX.PAST.SG.M}$ град$_{NOM.SG.M}$ Тивириада великъ велми (Даниил, LXXXII);

(23) **И есть**$_{3SG}$ посредѣ помоста того **<u>выросль</u>**$_{SG.M}$ дуб-от$_{NOM.SG.M}$ святый, ис камени того, дивенъ есть (Даниил, LV);

(24) **И есть**$_{3SG}$ нынѣ на мѣстѣ том **<u>создана</u>**$_{PART.SG.F}$ **<u>была</u>**$_{AUX.PAST.SG.F}$ церькви$_{NOM.SG.F}$ вверхъ (Даниил, LXII).

Один пример со связкой *есть* после начальной проклитики *и* засвидетельствован в тексте Антония при *л*-причастии возвратного глагола *явиться*, см. (11) выше.

5.1.3. Дистантная позиция ударной связки в Перфекте II

При связках 3-го л. в позиции, доступной для энклитик, Перфект II с *л*-причастием глагола, отличного от *быти*, может быть отделен в идиоме Даниила от Перфекта I по следующему критерию. В Перфекте I связки *есть* и *суть* стоят контактно с *л*-причастием (всего 18 примеров), а в Перфекте II (всего 10 примеров) они расположены дистантно. Обычно связка Перфекта II стоит на левой периферии клаузы, а *л*-причастие отодвинуто вправо. Валидность этого критерия подтверждается тем, что все контексты с дистантным расположением связки и *л*-причастия глагола, отличного от *быти*, у Даниила семантически прозрачны и соответствуют стандартным характеристикам экзистенциально-локативного или верификативного значения, в то время как контексты с контактным расположением связки и *л*-причастия глагола, отличного от *быти*, семантически непрозрачны. Не вполне ясно, применим ли этот линейный критерий к другим идиомам XII в., где была конструкция Перфекта II.

5.1.4. Перфект I–II от переходных глаголов

При реализации верификативного значения ‘Имеются альтернативы *p* и ~ *p*. На самом деле случилось *p*’ Перфект II может строиться и от переходного глагола. Для Перфекта I переходность/непереходность не является ограничительным фактором: доля переходных глаголов зависит от тематики текста. У Даниила коэффициент переходности, т. е. доля перфектных клауз с причастием переходного глагола для Перфекта I с ненулевой связкой, равен k_{Trans} = 27,8% (5/18), для примеров с нулевой связкой k_{Trans} = 41,66% (25/60). Для Перфекта II статистики нет, имеется всего один пример *л*-причастия переходного глагола в Перфекте II, см. (25). Тем не менее можно отметить, что для Перфекта II употребления переходных глаголов нехарактерны.

(25) То **было**$_{AUX.PAST.SG.N}$ мѣсто$_{NOM.SG.N}$ святое <u>опустѣло</u>$_{SG.N}$ прьвѣе, нынѣ же фрязи$_{NOM.PL}$ **<u>обновили</u>**$_{PL}$ мѣсто то **суть**$_{3PL}$ и <u>устроили</u>$_{PL}$ добрѣ (Даниил, XCVIII).

5.1.5. Линейная диагностика Перфекта I и Перфекта II в тексте Даниила

Таблица 11 показывает, что из 18 клауз Перфекта I, имеющих в тексте Даниила ненулевую связку 3-го л., 16 являются подлежащными (88,88%).

Доля переходных глаголов во всех клаузах составляет 23,22% (4/18). Из 10 клауз Перфекта II подлежащее имеют 9 (90%), доля переходных глаголов во всех клаузах составляет 25% (2/10). Релевантными, помимо дефиниционного признака — контактная (Перфект I) vs. дистантная (Перфект II) позиция связки и *л*-причастия, — является доля примеров с препозицией. В Перфекте I Даниил использовал препозицию связки *л*-причастию всего дважды (11,1%, 2/18), в то время как в Перфекте II он обычно ставит ударную связку в препозицию (80%, 8/10).

Таблица 11

Перфект II при *л*-причастии глагола, отличного от *быти*, и Перфект I в предложениях с ненулевой связкой 3-го л. во внутриклаузальной позиции, по тексту «Хожения игумена Даниила»

	Перфект I		Перфект II	
Наличие подлежащего	+ SUBJ	–SUBJ	+ SUBJ	–SUBJ
Всего примеров	16	2	8	1
Порядок компонентов	контактный	контактный	дистантный	дистантный
доля препозиции связки	2/16 (12,5%)	0/2 (0%)	7/9 (77, 8%)	0/1 (0%)
доля переходных глаголов	3/16 (18,75%)	1/2 (50%)	2/8 (25%)	0/1 (0%)

Тот факт, что связки 3-го л. в Перфекте II чаще стоят в препозиции, предсказуем. Ударные связки, выражающие экзистенциально-локативную или верификативную семантику, тяготеют к началу клаузы и могут отделяться от *л*-причастия коммуникативно более ценными элементами. Напротив, связки 3-го л. Перфекта I образуют с *л*-причастием тесное грамматическое единство [Хабургаев 1978; Шевелева 2006: 224–225]. В соответствии с этим Даниил обычно ставит их в контактную постпозицию глаголу.

5.2. Перфект II в идиомах четырех авторов XII в.: сводная статистика

Сводная статистика 59 употреблений Перфекта II в текстах Даниила, Кирика, Ильи-Иоанна и Антония дана в Таблице 12.

В Таблице 12 учтены девять амбивалентных примеров у новгородских авторов, которые можно альтернативно истолковать как Перфект I. В отдельном столбце указаны данные по возвратным глаголам. Все соответствующие примеры выражают экзистенциально-локативное значение типа ‘В месте Z возник X’. 53 из 59 примеров Перфекта II (89,8%) имеют клаузальное подлежащее. Та же пропорция характерна для распределения примеров с непереходными и переходными глаголами. Признак ‘– переходность’ коррелирует с признаком ‘+ подлежащность’. Все 5 примеров бесподле-

Таблица 12

Перфект II в текстах древнерусских писателей XII в.

	Пассив	Экзистенциально-локативное значение						Верификативное значение				Всего
		БЫТИ		ПРОЧИЕ ГЛАГОЛЫ								
				Взвр.	Нпрх. Невзр	Прх.		Нпрх. невзр.		Прх.		
Наличие подлежащего	+	+	–	+	+	+	–	+	–	+	–	
Даниил	6	34	–	4	3	2	–	–	1	–	–	50
Кирик	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	3	5
Илья-Иоанн	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	2
Антоний	–	–	–	2	1	–	–	–	1	–	–	4
	6	34	0	6	4	2	0	1	2	1	4	59

жащных клауз с Перфектом II от переходных глаголов обнаружены у новгородских авторов. Из выборки нельзя установить, какой из двух признаков Перфекта II был приоритетным, поскольку идиомы новгородских и южнорусских авторов XII в. имеют разные настройки параметра *pro*-drop: как показано выше в разделе 4, новгородцы часто опускают подлежащее там, где Даниил и Мономах его обычно употребляют.

5.2.1. Верификативные контексты

Верификативное (или фальсификативное) значение устанавливается в пяти примерах с *л*-причастием переходного глагола, см. (26)–(30):

(26) Лжютъ, рече — **не молвилъ**$_{SG.M}$ **есть**$_{3SG}$ **того** никоторыи же епс҃пъ$_{NOM.SG.M}$ («Вопрошание Кириково», К87)
‘Это ложь, — сказал ⟨Нифонт⟩, — **да не говорил такого** ни один епископ’;

(27) а простї и$_{ACC.SG.M}$ Богъ, яко неправдоу **есть**$_{3SG}$ **молвилъ**$_{SG.M}$ («Поучение Ильи-Иоанна», 18)
‘Да простит его Бог, ведь он ⟨человек, который объявил о том, что хочет сложить с себя сан, хотя на самом деле не хотел⟩ **таки сказал неправду**’;

(28) дѣтяти$_{DAT.SG.N}$, аще и **съсало**$_{SG.N}$ **есть**$_{3SG.N}$, яко накапищи оустьца, повели дати съсати («Вопрошание Кириково», К48)
‘Если даже дитя **уже пососало** мать, как накапаешь в рот, вели матери дать сосать’;

(29) а силце того делѧ **есть**$_{3SG}$ **поставилъ**$_{SG.M}$ (Там же, К87)
‘Если он **поставил силок специально** для того, чтобы съесть мясо удавившегося животного, ⟨то следует наказание⟩;

(30) еже **есть**$_{3SG}$ **изъблевалъ**$_{SG.M}$ (Там же, К1)
‘А то, что ⟨человек уже⟩ **выблюнул**’.

Кроме того, верификативное/фальсификативное значение восстанавливается в одном примере с непереходным глаголом, ср.:

(31) А се пакы **пришелъ**$_{3SG.M}$ **есть**$_{3SG}$ великы постъ$_{NOM.SG.M}$, въ ньже бы достойно первѣе намъ вътягноути[ся] самѣмъ отъ питьа отиноудь («Поучение Ильи-Иоанна», 18)
‘А вот **опять же, пришел великий пост**, в который нам самим следует, в первую очередь, перестать пить’.

5.2.2. Экзистенциально-локативные контексты

Экзистенциально-локативное значение выражается во всех 34 примерах Перфекта II с *л*-причастием глагола *быти* и в 6 примерах Перфекта II в страдательном залоге. Все примеры этой группы обнаружены у Даниила. В новгородских памятниках аналогов им нет.

Экзистенциально-локативное значение с высокой вероятностью выражается в новгородских памятниках в двух контекстах с *л*-причастием возвратного глагола, см. (33)–(34). В тексте Даниила имеются три аналогичных примера, см. (35)–(37).

(32) аще **есть**$_{3SG}$ въ покаанїи без wпитемии **<u>wчистила</u>**$_{SG.F.}$=**сѧ**$_{REFL}$ («Вопрошание Кириково», К48)
‘Если **имеется** такая женщина, которая пребывает в покаянии без наложенной на нее епитимии’;

(33) И странь ея жил$_{SG.M}$ Коньстянтин$_{NOM.SG.M}$, и **есть**$_{3SG}$ в теле **<u>явил</u>**$_{SG.M}$**<u>=ся</u>**$_{REFL}$ цареви (Антоний)
‘И около нее жил Константин, ⟨с которым связано чудо⟩. Он после смерти предстал царю в телесном обличии’;

(34) И у того гроба **есть**$_{3SG}$ кандило$_{NOM.SG.N}$ **<u>пало</u>**$_{SG.N}$**<u>=ся</u>**$_{REFL}$ с маслом на мрамор ⟨и не разбилося⟩ (Антоний)
‘У того гроба ⟨случилось чудо⟩, и кадило с маслом упало ⟨с высоты⟩ на мрамор, но не разбилось’;

(35) И **есть**$_{3SG}$ пред градом тѣм полце$_{NOM.SG.N}$ красно **<u>уродило</u>**$_{SG.N}$ =**<u>ся</u>**$_{REFL}$ на версѣ горы тоя (Даниил, ХС);

(36) И ту **есть**$_{3SG}$ гора$_{NOM.SG.F}$ камена плоска **<u>просѣла</u>**$_{SG.F}$=**ся**$_{REFL}$ в распятие Христво; то зоветься Адъ; (Даниил, XI);

(37) И та бо **суть**$_{3PL}$ врата$_{NOM.PL.N}$ **остала**$_{NOM.PL.N}$=**ся**$_{REFL}$ толко ветхаго здания, ти и столпъ Давыдовъ, а ино здание все ново есть (Даниил, XX).

К этой же группе относятся еще два примера Перфекта II в «Хожении Антония», которые представлены только в древнейшем списке этого памятника — Списке Яцимирского (XV в.): в списке XVI в., изданном Х. М. Лопаревым, вместо них стоят формы аориста. Примеры (38) и (39) не учтены в сводной статистике в Таблицах 1–12, но их стоит привести, поскольку они идеально соответствуют каноническому для Перфекта II варианту экзистенциально-локативного значения — значению отмененного результата. В рассказе о двух святых Антоний говорит, что вначале они обладали свойствами, несоответствующими шансам спастись (*X* был некрещеным евреем, а *Y* — замужней женщиной), однако затем спаслись и вот теперь почитаются, как святые.

(38) а той костѧнтинъ$_{NOM.SG.M}$ первое жидовин **<u>былъ</u>**$_{SG.M}$ **<u>крестил</u>**$_{SG.M}$ =ся$_{REFL}$ **ес҃**$_{3SG}$ и наоученъ ѿт Стефана новаго (Антоний)[34];

[34] В списке, изданном Х. М. Лопаревым: а҆ тої коньстян҄ти(ꙗ҆) . пер҄пее҆ (sic!) жидови(ꙗ҆) **бѣ**$_{3SG.IMPF}$ и ї **кре́щься**$_{3SG.AOR}$. ї нау҆че(ꙗ҆) бы(с҆) о(т) стефана но́ваго.

(39) та$_{\text{NOM.SG.F}}$ же за моужемъ **была**$_{\text{SG.F}}$, но мил^{с}тынею и добрымъ житьемъ **спл^{с}а**$_{\text{SG.F}}$ [=ся$_{\text{REFL}}$] **е^{с}**$_{\text{3SG}}$ (Антоний)[35].

Замена Перфекта II в контекстах (39) и (40) книжными формами аориста с большой вероятностью свидетельствует о том, что многие писцы XVI в. уже не понимали этой древнерусской конструкции.

5.2.3. Амбивалентные контексты

Два примера Перфекта II с *л*-причастием непереходного невозвратного глагола допускают экзистенциально-локативную или верификативную интерпретацию с равной вероятностью.

(40) у негоже привязаа был святый мученик Исидор$_{\text{NOM.SG.M}}$, и с тем столпом **вышел**$_{\text{SG.M}}$ **есть**$_{\text{3SG}}$ из моря (Антоний).

Контекст (40) — рассказ о святынях Царьграда — благоприятствует экзистенциально-локативному прочтению: ‘Вот столп святого мученика Исидора. С ним связано чудо: привязанный к этому столпу Исидор вышел из моря’. Однако возможно и верификативное прочтение: ‘Исидор действительно вышел из моря, привязанный к этому столпу’. Еще один амбивалентный контекст имеется у Даниила, см.:

(41) и ту **есть**$_{\text{3SG}}$ Павелъ$_{\text{NOM.SG.M}}$ апостолъ **приходил**$_{\text{SG.M}}$ ⟨и научил$_{\text{SG.M}}$ ту страну всю и крестил$_{\text{SG.M}}$⟩ (Даниил, IV).

Контекст (41) в тексте Даниила связан с перечислением святых мест и приуроченных к ним событий. Это благоприятствует экзистенциально-локативному прочтению: ‘Именно сюда приходил Павел, имел место факт прихода Павла на это место’. Вместе с тем не исключено и верификативное прочтение: ‘Апостол Павел действительно посещал это место и крестил здешний народ’.

5.2.4. Контексты памятников и значение конструкции Перфекта II: выводы

Экзистенциально-локативные и верификативные смыслы не исключают друг друга в Перфекте II от непереходного глагола. Примеры Перфекта II с переходным глаголом в форме действительного залога допускают только верификативную интерпретацию. Большинство контекстов памятников могут трактоваться как прототипические либо для экзистенциально-локативного, либо для верификативного значения, поэтому альтернативная гипотеза для объяснения этих контекстов не нужна. Амбивалентными можно признать 2 примера из 59 (3,4%), указанные в п. 5.2.3. Сводные данные представлены в Таблице 13.

---

[35] В списке, изданном Х. М. Лопаревым: но милостынею ї добры(^{м}) житие(^{м}) . **сп(^{с})**$_{\text{3SG.AOR}}$**=ся**$_{\text{REFL}}$.

Таблица 13

Прототипические и амбивалентные контексты Перфекта II

	Даниил		Кирик, Илья-Иоанн, Антоний[36]	
	Прототипические контексты	Амбивалентные контексты	Прототипические контексты	Амбивалентные контексты
Глагол *быти*	34	0	0	0
Прочие непереходные глаголы	8	1	4[37]	1
Пассив	6	0	0	0
переходные глаголы	2	0	5	0

6. Возвратные глаголы в Перфекте I и Перфекте II

Разная комбинаторика связок Перфекта I и Перфекта II может быть проверена по их взаимодействию с возвратной клитикой *ся*. Даниил является единственным автором из пяти, который использует ненулевую связку 3-го л. при *л*-причастии возвратного глагола и в Перфекте I, и в Перфекте II. Три примера Перфекта II с *л*-причастием возвратного глагола, взятые из текста Даниила, уже были приведены выше в п. 5.2.2, см. (35)–(37). Далее Перфект I рассматривается с точки зрения корреляции между возвратностью глагола и выбором ненулевой связки 3-го л. в «Хожении Даниила». Даниил строит Перфект I с ненулевой связкой 3-го л. 18 раз. Во всех этих примерах диагностическая семантика Перфекта II отсутствует. По исходной гипотезе, отсутствие экзистенциально-локативного и верификативного значений должно коррелировать с атонируемостью связки 3-го л. и ее внутриклаузальной позицией. Этот прогноз оправдался, однако для проверки атонируемости/отсутствия логического акцента на связке 3-го л. требуется дополнительный критерий. Текст Даниила его предоставляет.

6.1. Кластеризация возвратной клитики в Перфекте I

В 10 примерах Перфекта I из 18 (55,55%) в «Хожении Даниила» глагол является возвратным. Возвратное местоимение *ся* обладает полнотой свойств энклитик [Зализняк 1993: 285]. Типологический прогноз состоит в том, что при наличии двух и более слабоударных элементов, один из которых — стандартная фонетическая клитика, а другой может атонироваться,

[36] По изданию Х. М. Лопарева [1899].

[37] По Списку Яцимирского — всего 6, с учетом примеров (38) и (39).

но не обладает полнотой свойств фонетических клитик, более вероятно их контактное расположение в фиксированном порядке, особенно в том случае, если язык имеет кластеризуемые клитики [Циммерлинг 2021: 490–493]. Древнерусский язык подчиняется закону Ваккернагеля, согласно которому кластеризуемые элементы помещаются во вторую позицию от начала предложения или позицию, к ней приравненную.

Для энклитики *ся* и связок 3-го л. индикатива глагола *быти* кластеризуемым порядком может быть только последовательность REFL AUX, т. е. *ся есть*, *ся суть*, *ся еста*, т. к. в древнерусской системе порядка слов элементы, представляющие поздние слои клитизации, присоединяются к правому краю уже сформировавшейся жесткой последовательности кластеризуемых клитик [Циммерлинг 2002: 82; 2021: 460; Зализняк 2008: 51]. Иными словами, клитика *ся* и другие клитики, обладающие сопоставимой со связками 3-го л. комбинаторикой, должны притягивать к себе атонируемые элементы типа *есть*, *суть*. Аналогично должны упорядочиваться последовательности *ся* + связочные клитики 1–2-го л. *есмь*, *еси*, *есмъ*, *есте*, *есвѣ*, *еста*. Этот прогноз оправдался. Контактная последовательность ***ся есть*/*суть*** реализуется у Даниила в 9 из 10 клаузах с Перфектом I в 3-м л. В восьми примерах *ся* — и, соответственно, вся последовательность ***ся есть*** — стоит в постпозиции *л*-причастию, см. (42)–(49).

(42) якоже и Христос$_{\text{NOM.SG.M}}$ в полунощи **<u>крестил</u>**$_{\text{SG.M}}$**=ся**$_{\text{REFL}}$ **есть**$_{\text{3SG}}$ (Даниил, XXXVI);

(43) и в той пещерѣ **<u>постил</u>**$_{\text{SG.M}}$**=ся**$_{\text{REFL}}$ **есть**$_{\text{3SG}}$ Христос$_{\text{NOM.SG.M}}$ Богъ наш 40 дний (Даниил, XXXIX);

(44) и на той горѣ пророк Моисий$_{\text{NOM.SG.M}}$ **<u>преставил</u>**$_{\text{SG.M}}$**=ся**$_{\text{REFL}}$ **есть**$_{\text{3SG}}$, видѣвъ Землю обѣтованую (Даниил, XXXVI);

(45) Вѣтьви$_{\text{NOM.PL}}$ *же* его близ земли **<u>приклонили</u>**$_{\text{SG.M}}$**=ся**$_{\text{REFL}}$ **суть**$_{\text{3PL}}$ (Даниил, LV);

(46) В том *же* дому Иоаннъ$_{\text{NOM.SG.M}}$ Предтеча **<u>родил</u>**$_{\text{SG.M}}$**=ся**$_{\text{REFL}}$**есть**$_{\text{3SG}}$ (Даниил, LXII);

(47) Фаворьская *же* гора$_{\text{NOM.SG.F}}$ чюдно и дивно, и несказанно, и красно **<u>уродила</u>**$_{\text{SG.M}}$**=ся**$_{\text{REFL}}$ **есть**$_{\text{3SG}}$ (Даниил, LXXXIX);

(48) гора$_{\text{NOM.SG.F}}$ та **<u>уродила</u>**$_{\text{SG.M}}$**=ся**$_{\text{REFL}}$ **есть**$_{\text{3SG}}$ красно (Даниил, LXXXIX);

(49) и на том мѣстѣ **<u>преобразил</u>**$_{\text{SG.M}}$**=ся**$_{\text{REFL}}$ **есть**$_{\text{3SG}}$ Христос$_{\text{NOM.SG.M}}$ Богъ нашь (Даниил, LXXXIX).

Неавтоматическая постпозиция *ся*, т. е. контактная позиция *ся* после неначального глагола, является обычной для древнерусского языка XII в. Это так называемый порядок с барьером, в терминах А. А. Зализняка, когда энклитика отодвигается вправо и ставится после неначального глагола, образуя с ним контактную последовательность …V + CL внутри клаузы.

Теоретически возможна и неавтоматическая дистантная постпозиция *ся*, если между глаголом *ся* вклинивается другая кластеризуемая энклитика, ср. *приклонили* ***же ся*** *суть*. В данной выборке подобных примеров нет. Однако в начале XII в. была еще допустима и препозиция *ся*, особенно после начального местоименного слова типа *ту* ‘здесь’, см. (50).

(50) ту **ся**$_{\text{REFL}}$ **суть**$_{\text{3PL}}$ родили$_{\text{PL}}$ святии пророци$_{\text{NOM.PL}}$ (Даниил, LIX)
‘Здесь родились святыи пророки’.

Связку *суть* в примере (50) правомерно считать атонируемым элементом и приравнять последовательность *ся суть* к цепочке клитик, ср. в 1-м л. мн. ч. *ту* ***ся есмы*** *родили* ‘мы тут родились’. Если определять контактную последовательность не по позиции самой клитики *ся*, а по позиции цепочки, куда она входит (***ся*** *есть*, ***ся*** *суть*, ***ся*** *еси* и т. п.), во всех девяти примерах цепочка ***ся есть/суть*** стоит контактно с *л*-причастием. Этого достаточно, чтобы подтвердить гипотезу о том, что связки *есть* и *суть* в Перфекте I в идиоме Даниила атонировались или не несли логического акцента. В противном случае они не стояли бы контактно с клитикой. В десятом примере клитика *ся* и связка *есть* стоят по разные стороны *л*-причастия, см. (51).

(51) От того, идеже **ся**$_{\text{REFL}}$ **крестил**$_{\text{SG.M}}$ **есть**$_{\text{3SG}}$ Христос$_{\text{NOM.SG.M}}$ (Даниил, XXXII)
‘От того места, где крестился Христос’.

Таким образом, прогноз оправдался в 9 случаях из 10 (90%).

6.2. Возвратные глаголы в Перфекте I при нулевой связке 3-го л.

Проверим теперь соотношение возвратных и невозвратных глаголов при нулевой связке 3-го л. Таких примеров у Даниила 11, в трех случаях из них *ся* стоит препозитивно.

(52) и ту в той храминѣ $\varnothing^{3P}$ **преставила**$_{\text{3SG.F}}$=**ся**$_{\text{REFL}}$ святаа Богородица$_{\text{NOM.SG.F}}$ (Даниил, XLIII);

(53) И то$_{\text{NOM.SG.N}}$ все$_{\text{NOM.SG.N}}$ **ся**$_{\text{REFL}}$ $\varnothing^{3P}$ **дѣяло**$_{\text{3SG.N}}$ в дому Иоанна Богословца (Даниил, XLII)[38].

[38] Анонимный рецензент указывает на то, что данный пример из текста Даниила имеет две точные формульные параллели из поздних берестяных грамот № 521 и 154 (начало XV в.): *а то* ***се деѧло****… … дн҃и межи гор(а)ми горками…* (Б.гр. № 521, ок. 1400–1410 гг.) *и а* ***то сѧ диѧлось*** *се-днѣ во велики дн҃ѣ… а* ***то диѧлось*** *на погостѣ на торгѣ* (Б.гр. № 154, ок. 1420–1430 гг.). Грамота Б.гр. № 154, сохранившаяся полностью, является протоколом суда. Значение данной формулы может быть интерпретировано так: ‘Подтверждается, что событие *p* действительно имело место в локусе *L* ⟨в период *t*⟩’ . Даниил дважды прибегает к этой формуле в рассказе о библейских событиях. См. второй контекст: ⟨*И ту есть был домъ Иосифовъ, и где то есть пещера та святаа*⟩: ***все ся то дѣяло*** *в дому Иосифовѣ, обрученика*

Для возвратных глаголов в тексте Даниила вероятность употребления ненулевой связки 3-го л. в Перфекте I составляет 47,6% (10 из 21), вероятность контактной реализации *ся* и связки 3-го л. — 42,8% (9 из 21). Всего Даниил употребляет Перфект I с нененулевой связкой 3-го л. 18 раз при 72 примерах с нулевой связкой. Вероятность появления в Перфекте I ненулевой связки 3-го л. при невозвратном глаголе в его идиоме гораздо ниже: всего 8 случаев из 69 (15,9%). Тем самым Перфект I с ненулевой связкой 3-го л. в идиоме Даниила похож на реликтовое явление, которое лучше сохранилось при возвратных глаголах. Но и тут ненулевая связка, скорее всего, была факультативна, см. выше *Иоанн Предтеча родил**ся есть*** в (46) и аналогичный пример с нулевой связкой:

(54) и на том мѣстѣ $\varnothing^{3P}$ **<u>родил</u>**$_{SG.M}$=**ся**$_{REFL}$ Христос$_{NOM.SG.M}$ Богъ нашь (Даниил, XLIX).

Нелепо предполагать, что рождение Иоанна Предтечи было для Даниила более возвышенным сюжетом, чем рождение Христа, и что там, где он использовал в Перфекте I ненулевую связку 3-го л., он внезапно вспомнил книжную грамматику, а в других местах ее запамятовал.

6.3. Возвратные глаголы в Перфекте II

Иную картину показывает ударная связка 3-го л. в Перфекте II. Здесь Даниил, кроме *л*-причастий глагола *быти*, 10 раз использует другие глаголы: 4 из них являются возвратными. Ни в одном из примеров ударное *есть* не стоит рядом с *ся*, которое занимает контактную постпозицию глаголу, в то время как ударное *есть* стоит либо в начале клаузы — один пример, см. (55), либо после первого ударного слова/тактовой группы. В примерах (55)–(58) полужирным в записи вида $|^{n}$ **W_1 W_n** | выделены полноударные элементы, отделяющие связки *есть*/*суть* от возвратного глагола: число ударных словоформ варьирует от одной, см. (57), до девяти, см. (58).

(55) И ***есть***$_{3SG}$ $|^{4}$ **пред градом тѣм полце**$_{NOM.SG.N}$ **красно**| <u>уродило</u>$_{SG.N}$ <u>=***ся***</u>$_{REFL}$ на версѣ горы тоя (Даниил, XC);

(56) И ту ***есть***$_{3SG}$ $|^{3}$ **гора**$_{NOM.SG.F}$ **камена плоска**| <u>просѣла</u>$_{SG.N}$<u>=***ся***</u>$_{REFL}$ в распятие Христово; то зоветься Адъ (Даниил, XI);

(57) И та *бо* ***суть***$_{3PL}$ $|^{1}$ **врата**$_{NOM.PL.N}$ | <u>остала</u>$_{3PL.N}$<u>=***ся***</u>$_{REFL}$толко ветхаго здания, ти и столпъ Давыдовъ, а ино здание все ново есть (Даниил, XX);

(58) И ту ***есть***$_{3SG}$ $|^{9}$ **близь под градомъ тѣм къ востоку лиць пещера**$_{NOM.SG.F}$ **дивна крестным образом**| **<u>уродила</u>**$_{SG.N}$<u>=*ся*</u> (Даниил, LXXXVIII).

Мариина (Даниил, XCVI). Трудно сказать, было ли варьирование порядков слов ***вся*** *ся* ***то*** *дѣяло* ~ ***то все*** *ся дѣяло* в протографе текста Даниила или же оно внесено переписчиками. В XII в. были возможны оба порядка.

В (57) между связкой *суть* и начальным ударным словом *та* вставлена энклитика *бо* ‘потому что’, ‘дело в том, что’. Порядок *бо суть* соответствует древнерусскому правилу рангов энклитик, при этом элементы *бо суть* разрывают начальную группу *та врата* ‘те ворота’. Это является доводом в пользу признания за *суть* в (57) некоторых свойств синтаксической клитики. Вместе с тем дистантная позиция *суть* и других частей глагольного комплекса — *л*-причастия и клитики *ся* — говорит о том, что *суть* не обладает свойствами фонетической клитики. То же самое подтверждает пример (55), где связка *есть* стоит после начальной проклитики *и*, т. е. в позиции, которую стандартные древнерусские энклитики занимать не могут.

Аналогичный синтаксис имеют три примера предполагаемого Перфекта II от возвратного глагола в текстах новгородских авторов. Повторим примеры (34)–(36) в уточненной нотации:

(59) аще ***есть***$_{3SG}$ |^{2} **въ покаанїи без wпитемии**| wчистила$_{SG.F}$=***сѧ***$_{REFL}$ («Вопрошание Кириково», К48)
‘Если **имеет*ся*** такая женщина, которая пребывает в покаянии без наложенной на нее епитимии’;

(60) И странь ея жил$_{SG.M}$ Коньстянтин$_{NOM.SG.M}$, и ***есть***$_{3SG}$ |^{1} **в теле**| явил$_{SG.M}$=***ся***$_{REFL}$ цареви (Антоний)
‘И около нее жил Константин, ⟨**с которым связано чудо**⟩. Он после смерти предстал царю в телесном обличии’;

(61) И у того гроба ***есть***$_{3SG}$ |^{1} **кандило**$_{NOM.SG.N}$| пало$_{SG.N}$=***ся***$_{REFL}$ с маслом на мрамор ⟨и не разбилося⟩ (Антоний)
‘У того гроба ⟨**случилось чудо**⟩, и кадило с маслом упало ⟨с высоты⟩ на мрамор, но не разбилось’.

Новгородские примеры (59)–(61) менее доказательны, поскольку у новгородских авторов нет Перфекта I с *л*-причастием возвратного глагола и ненулевой связкой 3-го л. и, возможно, нет Перфекта I с ненулевой связкой вообще. Однако отсутствие контактного порядка *ся есть* во всех семи примерах Перфекта II с *л*-причастием возвратного глагола согласуется с гипотезой об ударности связок *есть*, *суть* в Перфекте II.

6.4. Ударные и безударные связки при л-причастии возвратных глаголов

Сводные данные о кластеризации связки *ся* в Перфекте I и Перфекте II дает Таблица 14. Данные по новгородским авторам приведены с учетом двух дополнительных примеров Перфекта II из «Хожения Антония», которые дает Список Яцемирского: *крестился есть*, см. полный контекст в (38), и *спасла⟨ся⟩ есть*, см. полный контекст в (39). Статистика в правой части таблицы скудна, но на возвратные глаголы приходится чуть менее половины общего числа примеров Перфекта II у новгородских авторов.

Таблица 14

Связки 3-го л. в перфектных клаузах с возвратным глаголом в русском языке XII в.

	Даниил		Кирик, Илья-Иоанн, Антоний	
	Перфект I	Перфект II	Перфект I	Перфект II
Кластеризация связки и *ся*	9/10 (90%)	0/4 (0%)	Отсутствует	0/5 (0%)
Кластеризация связки и других клитик	–	–		1
Порядок … V + REFL	8/10 (80%)	0		0/5 (0%)
Порядок …AUX V	1/10 (10%)	4/4 (100%)		3/5 (75%)

Данные в Таблице 14 подтверждают, что ненулевая связка 3-го л. в тех древнерусских идиомах XII в., которые сохранили ее в Перфекте I (Даниил), имела свойства атонируемого синтаксического элемента, что повышало вероятность кластеризации при порядке ***ся есть*/*суть***, особенно — при неавтоматической постпозиции *ся*, т. е. постановке *ся* после неначального глагола …V REFL AUX, ср. *гора та* *уродила**ся есть***, *вѣтви его* *приклонили**ся суть***. Отсутствие или редкость сочетаний типа *ся есть* в тех древнерусских идиомах XII в., где Перфекта I с ненулевой связкой 3-го л. нет, может объясняться разными причинами — от ударности связок 3-го л. в конструкции Перфекта II до эволюции возвратной клитики *ся* в течение XII в.

7. Конструкции с *л*-причастием и ударной связкой 3-го л. в диахронической перспективе

Диахроническое соотношение Перфекта I и Перфекта II неясно. Неочевидно, как именно расщепление перифрастической глагольной формы с *л*-причастием на две конструкции связано со сценариями грамматикализации результативных значений, освещаемыми в [Недялков 1983: 42–54; Майсак и др. 2016: 12–26], и с утратой имперфекта и аориста в живом древнерусском языке. Представляется маловероятным, чтобы конструкция Перфекта I была результатом десемантизации Перфекта II[39]. Первая конст-

[39] В то же время нельзя полностью исключить вероятность того, что в Перфекте II остаточно сохраняется архаичное адъективное значение славянского *л*-причастия. Наличие у Перфекта II видо-временной специфики сравнительно с Перфектом I без дополнительного исследования неочевидно, поскольку Перфект I возможен при всех глаголах, при которых возможен Перфект II.

рукция универсальна, в ней связка является показателем лично-числового согласования при высокой степени обязательности связочных клитик 1–2-го л., лично-числовое значение 3-го л. может выражаться как материальной, так и нулевой связкой. Вторая конструкция — одноличная и преимущественно связана с непереходными глаголами. Развитие верификативных значений может отражать избыточность ненулевой связки 3-го л. в части славянских диалектов к началу письменной эпохи. Рассмотрим параллели из контрольной группы памятников и некоторых других текстов.

7.1. Следы Перфекта II в Новгородской первой летописи

Отмеченная А. А. Зализняком тенденция к дополнительному распределению подлежащего Перфекта I и ненулевых связок 3-го л. для языка XII в. — не общерусское явление, а результат вторичного грамматического процесса, когда дистрибуция связочных клитик как показателей лично-числового согласования проецируется в зону, где ненулевая связка избыточна. В контрольных фрагментах 1НПЛ, относящихся к 1132–1156 и 1204 гг., такая дистрибуция выдержана, но из-за малого числа примеров (10) трудно установить, имеем ли мы дело с Перфектом I или Перфектом II и существовал ли Перфект II в идиомах новгородских летописцев XII в. С учетом того, что Перфект II был у близких к ним авторов (Кирика и Ильи-Иоанна), это вероятно, но контексты неоднозначны. Так, фраза Нифонта ‘*не достоинѢ* ***есть*** *сталъ*’ ⟨об избрании митрополитом Климента Смолятича без санкции Константинополя⟩ (1НПЛ, под 1149 г.) может быть просто констатацией факта: ‘Климента поставили митрополитом незаконно’, и тогда это Перфект I. Но это может также быть верификативное суждение, обосновывающее отказ говорящего признать избрание X-а: ‘Климент **действительно** избран незаконно, и поэтому я выражаю свое несогласие’, и в этом случае это Перфект II. Ср. более полный контекст:

(62) А Нифонтъ тако мълвляше: «*не достоинѢ* ***есть***$_{3SG}$ *сталъ*$_{SG.M}$, *оже не благословенъ*$_{SG.M}$ *есть*$_{3SG}$ *от великаго сбора, ни ставленъ*$_{SG.M}$» (1НПЛ, под 1149 г.).

Во фрагменте 1НПЛ под 1132–1156 гг. 8 примеров перфекта 3-го л. В единственном примере со связкой *есть* клаузальное подлежащее отсутствует, из 7 клауз с нулевой связкой внешне выраженное подлежащее есть в 2 примерах. Связки *есть*, *суть* во всех случаях стоят внутри клаузы. Во фрагменте 1НПЛ под 1204 г. всего два примера. При внешне выраженном подлежащем реализуется нулевая связка, см. (63a), а при невыраженном — стоящая внутриклаузально связка *есть*, см. (63b).

(63) a. *Сего дужа* $\varnothing^{3P}$ *слѣпилъ*$_{SG.M}$ *Мануилъ*$_{NOM.SG.M}$ *цесарь*$_{NOM.SG.M}$ (1НПЛ, под 1204 г.);

b. *и рекоша*$_{AOR.3PL}$ *фрягомъ: «Умьрлъ*$_{SG.M}$ ***есть***$_{3SG}$*; придете и видите и*$_{ACC.SG.M}$» (Там же).

Такая дистрибуция соответствует модели А. А. Зализняка, но пример со связкой *есть* допускает верификативное прочтение: ‘X **действительно** умер, приходите и убедитесь в этом сами’. В таком случае (63b) — пример Перфекта II.

7.2. Берестяные грамоты

В берестяных грамотах нет явных примеров Перфекта II[40]. Два спорных случая в 2004 г. упомянул А. А. Зализняк, как конструкцию с «избыточным» *есть* [2004: 181]. Наиболее интересна грамота № 603 (1160–1180 гг.), которая сохранилась целиком. В ней упомянуты исторически надежно идентифицируемые лица — смоленский князь Давыд Ростиславич (1142–1198), Мирошка Нездинич, новгородский посадник 1189–1203 гг., и Гречин. За написанием *есть посоулили* может стоять как 2-е л. мн. ч. *есте* ‘⟨20 гривен, которые⟩ вы (мн. ч.) обещали’ — в данном случае это обычный Перфект I, так и 3-го л. ед. ч. *есть* — здесь это неопределенно-личное предложение с усилительным *есть* ‘⟨20 гривен, которые⟩ действительно были обещаны князю Давыду’. Во втором случае перед нами Перфект II с нарушением согласования в числе: *л*-причастие стоит во мн. ч., а связка 3-го л. — в ед. ч.

(64) **Тѧжѧ**$_{\text{NOM.SG.F}}$ **ваша**$_{\text{POSS.2L}}$. Нынеча жена$_{\text{NOM.SG.F}}$ моѧ заплатила$_{\text{SG.F}}$:к҃: гривнъ оже **есть**$_{\text{AUX.3SG/ AUX.2PL}}$ **посоулили**$_{\text{PL}}$ дв҃дъви кн(з҃ю) (Б.гр. № 603, 1160–1180 гг.)
‘Тяжба — ваша. Теперь моя жена заплатила 20 гривен, которые **вы посулили** князю Давыду’
или:
‘Тяжба — ваша. Теперь моя жена заплатила 20 гривен, которые **действительно были обещаны** князю Давыду’.

С учетом полученных в настоящей статье новых данных о Перфекте II в древнерусском языке XII в. следует предпочесть первую гипотезу и интерпретировать *есть* в гр. № 603 как 2-е л. мн. ч. = *есте*, а всю конструкцию — как Перфект I. Ни в одном из 59 примеров Перфекта II, документированных текстами Даниила, Кирика, Ильи-Иоанна и Антония, нарушения согласования в числе нет. Кроме того, из 59 примеров Перфекта II лишь один является безличным предложением, а неопределенно-личных предложений нет в выборке вообще. Дополнительным подтверждением служит то, что

[40] Согласно описанию А. А. Зализняка [2004: 180], в берестяных грамотах нет и Перфекта I. Пример из Б.гр. 736а (ок. 1100–1120 гг.) *[ц]и* ***есть***$_{\text{AUX.3SG}}$ *саме в[ь]хоу [ли]хв[оу]* ***вьд]але***$_{\text{3SG.M}}$ ‘отдал ли он сам всю лихву’ А. А. Зализняк трактует как конструкцию с «избыточным есть», усматривая здесь оттенок ‘дело обстоит так, что…’ [Там же]. Однако контекст не является верификативным — говорящий (*Павел*) как раз не знает, отдал ли Y всю лихву или нет, и просит адресата это выяснить. Грамота требует дополнительного анализа.

автор грамоты № 603, некто *Смолиг*, обращаясь к двум адресатам — новгородским боярам *Миръславу (Мирошке Нездиничу)* и *Гречину*, — перешел с дв. ч. на мн. ч. Контролер лично-числового согласования восстанавливается из предыдущих клауз, ср. форму притяжательного местоимения ***ваша***$_{\text{POSS.2PL}}$ в *тяжа ваша* ‘Тяжба — ваша’[41]. Эти соображения не устраняют альтернативную гипотезу полностью, но делают ее маловероятной. Чтобы усмотреть в (64) Перфект II, нужно постулировать ad hoc сразу две аномальные для этой конструкции черты.

Сохранившаяся фрагментарно грамота № 252 (ок. 1360–1380 гг.) относится к другой эпохе. К концу XIV в. историческая форма 3-го л. ед. ч. *есть* могла использоваться и по отношению к другим лицам и числам [Шевелева 2001: 210–211; Циммерлинг 2021: 31]. Она содержит отрезок с двумя связочными *есть*, который допускает двоякое толкование либо как Перфект I во 2-м л. мн. ч., либо как несогласуемый Перфект II. В переводе (65) на современный русский языке мы передаем верификативный смысл, соответствующий реконструкции Перфекта II, добавлением частицы *-то*.

(65) [Снох]у **есть**$_{\text{AUX.2PL/AUX.3G}}$ у мьн-ь **<u>убилѣ</u>**$_{\text{PL}}$ а живото **есть**$_{\text{AUX.2PL/AUX.3G}}$ у мьнь **<u>розграбилѣ</u>**$_{\text{PL}}$ лѣзни$_{\text{NOM.PL}}$ (Б.гр. № 252, ок. 1360–1380 гг.)
‘Мою сноху-**то побили**, а мое имущество-**то** бродяги **пограбили**’
или:
‘**Вы побили** мою сноху и пограбили мое имущество’.

К сожалению, грамота не дошла до нас полностью, а свои обиды ее автор записал сбивчиво[42]. А. А. Зализняк, В. Л. Янин и А. А. Гиппиус предпочитают чтение с верификативным *есть* [Янин и др. 2015: 217–218]. С нашей точки зрения, оно вероятно, но контекст не позволяет исключить толкование с согласуемым *есте* в первой клаузе примера (65) или даже полную фонетическую контаминацию форм *есть* и *есте* в идиоме автора грамоты № 252.

М. Н. Шевелева [2019] обратила внимание на наличие в берестяных грамотах кратких форм 3-го л. *е* и *су*. Распределение *есть* ~ *е*, *суть* ~ *су* в церковнославянских памятниках русского происхождения, по гипотезе О. Ф. Жолобова, может быть близко к распределению исторических форм

[41] В плане историко-филологической интерпретации эта фраза допускает разные толкования, т. к. неясна роль Смолига. Он мог быть как доверенным лицом адресатов грамоты Мирослава и Гречина, так и их противником, который словами ‘тяжа — ваша’ признал свое поражение в тяжбе и выплатил положенную сумму. Для синтаксического анализа отрезка *оже есть посоулили* эта информация нерелевантна.

[42] Комментаторам для удовлетворительного прочтения грамоты № 252 пришлось допустить, что ее автор в отрезке *мѧ*$_{\text{1SG.ACC}}$ *въ плищь*, следующим непосредственно после слов *розграбилѣ*$_{\text{PL}}$ *лѣзни*$_{\text{NOM.PL}}$ ‘разграбили бродяги’, не записал повторно глагол *розграбилѣ*, имея в виду структуру *розграбилѣ*$_{\text{PL}}$ *мѧ в плищь* ‘они разграбили меня в суматохе ⟨или: *в Плище*⟩’, т. к. местоименная энклитика *мѧ* не может стоять в начале клаузы [Янин и др. 2015: 218].

презенса с окончанием *-*ti*, ср. древнерусские формы на *-ть* типа *приде**ть***, и исторических форм инъюнктива с окончанием *-*t*, ср. древнерусские формы без *-ть* типа *приде* [Жолобов 2016]. В двух случаях формы 3-го л. ед. ч. *е* являются связочными, ср. *оце* ***е***$_{\text{AUX.3SG}}$ *тобе н[е] годена*$_{\text{ADJ.NOM.SG.F}}$ ‘если она тебе не годна’ (Б.гр. № 705, ок. 1200–1220 гг.), *аже ти*$_{\text{2SG.DAT}}$ ***е***$_{\text{AUX.3SG}}$ *по сьпехо* ‘если тебе к спеху’ (Б.гр. № 709, ок. 1240–1260 гг.). Из находок последних десятилетий примечательна новгородская грамота № 1047 (ок. 1100–1120 гг.), подтверждающая, что в определенных позициях форма *е* принимала на себя ударение, аналогично форме *есть*:

(66) Попътаи оуюча ю$_{\textbf{3SG}}$ ли тоу мои дълъженикъ$_{\text{NOM.SG.M}}$: али ти **юсть**$_{\textbf{3SG}}$ тоу а възѣми на нѣмѣ дъвѣ гривенѣ : али ти юго нѣ тоу : а тако зе ми възъдаи (Б.гр. № 1047, ок. 1100–1120 гг.)
‘Спроси Уйца, **есть** ли тут мой должник. Если он тут **есть**, то возьми с него две гривны. Если же его тут нет, то так мне и доложи’.

В примере (66) форма *ю*, как и ее коррелят *юсть* во второй синтагме, использована в роли полнозначного глагола с экзистенциально-верификативным значением ‘в месте L есть индивид x’[43], но для оценки ее способности принимать ударение в контексте альтернативного вопроса ‘$p \vee \sim p$’ это, по-видимому, не важно[44]. В соответствующем контексте современные и древние славянские языки широко используют связочные формы глагола *быти*, в том числе в составе конструкции перфекта. Ср. пример из среднеболгарского памятника начала XV в., где в перфекте используется именно краткая форма связки 3-го л. ед. ч. *е*, что характерно для южнославянских языков в целом:

(67) Срблг. Тои не знам: ***е***$_{\textbf{AUX.3SG}}$=*ли*=*ви*$_{\text{2PL.DAT}}$ <u>доишла</u>$_{\text{SG.F}}$ книга$_{\text{NOM.SG.F}}$ въ ржце, или не **е**$_{\text{AUX.3SG}}$ [Wallachian letter CCXII: Petru Uroş, trimesul Braşovenilor la împăratul Sigismund, şi Ştefan, logofătul lui Vlad Dracul. (c. 1432–1437)]
‘Мне неизвестно, **<u>дошла</u> ли** до вас книга, или не дошла’.

В корпусе берестяных грамот примеров употребления связки перфекта в верификативных контекстах типа (67) нет, но зафиксировано аналогичное употребление связки 2-го л. мн. ч. в составе именного сказуемого в новгородской грамоте № 1050, современной грамоте № 1047, с поправкой на то, что связка *есте*$_{\text{2PL}}$ стоит не в абсолютном начале клаузы, но после начальной проклитики *а*.

---

[43] Ср. аналогичный пример с формой *есть* в грамоте № 717 (ок. 1160–1180 гг.): *томоу даи попытаи* ***есте***$_{\text{3SG}}$ *ли мафеї оу манастыри* ‘Поэтому давай-ка выясни, в монастыре ли Матфей’.

[44] Иначе полагает А. А. Зализняк, объясняющий начальную позицию связок 3-го л. *есть*, *суть* в верификативных контекстах ‘$p \vee \sim p$’ историческими причинами — тем, что данные формы в древнерусском языке XII–XIII вв. пережиточно сохраняли свойства ударных слов [Зализняк 2004: 180].

(68) а **есте**$_{\text{AUX.2PL}}$ **прави**$_{\text{PL}}$ а въведете отрокъ на славомиръ (Б.*гр.* № 1050, ок. 1100–1120 гг.)
‘А **коли вы правы**, вы вызовете отрока на Славомира’.

Ударность начальных связок *е*, *есть* в примерах типа (66) можно альтернативно вслед за А. А. Зализняком объяснять тем, что связки 3-го л. в древнерусском языке XII в. еще не стали безударными словами [Зализняк 2004: 180]. Однако примеры со связкой 1–2-го л. в аналогичной позиции по схеме А. А. Зализняка уже объяснить нельзя, поскольку эти связки, по его же анализу, обладали всей полнотой свойств энклитик [Зализняк 1993: 285; 2008: 37]. Практически единственное объяснение состоит в том, что сам контекст альтернативного вопроса ‘$p \vee \sim p$’ требует ударной связки, причем как в 3-го л., так и в 1–2-м л. Последнее обстоятельство побуждает исключить альтернативные вопросы из числа контекстов, релевантных для проверки Перфекта II, и констатировать, что в корпусе берестяных грамот XI–XIII вв. на сегодняшний день нет доказанных примеров этой конструкции.

Материал не противоречит гипотезе о том, что краткая форма связки *е* является реликтом индоевропейского инъюнктива, тяготеющего к гипотетическим, ирреальным и оптативным контекстам, противостоящим индикативной модальности, выражаемой презентными формами с окончанием *-ть* [Жолобов 2016: 117; Шевелева 2019: 361]. Вместе с тем 3–4 примера не дают статистики. К тому же приходится допустить тонкую градацию гипотетических ситуаций в идиоме автора грамоты № 1047: вопрос вида ‘$p \vee \sim p$’ он оформил при помощи краткой формы *ѥ* (*ѥ ли тоу мои дълъженикъ*), а импликативное суждение вида ‘если p, то q’ — при помощи полной формы *ѥсть* (*али ти* ***ѥсть*** *тоу а възѣми на нѣмѣ дъвѣ гривенѣ*).

7.3. Конструкция с избыточным есть

Для диалектов русского Севера, в первую очередь — псковских и онежских, и для ряда памятников псковской и новгородской локализации характерны конструкции, где историческая форма 3-го л. ед. ч. *есть* используется в качестве эмфатического маркера, а не в качестве показателя согласования [Кузьмина, Немченко 1968; Трубинский 1975; Шевелева 1993; 2001; 2002; 2006; 2008]. Точное определение прагматических функций эмфатического *есть* в памятниках этой группы отсутствует, но оно везде является факультативным элементом предложения, что оправдывает ярлык ‘избыточное *есть*’, используемый в [Зализняк 2004: 181]. Подробный обзор конструкций с избыточным *есть* в записях олонецких причитаний дается в статье [Толстая 2023], где для каждого варианта конструкции с избыточным *есть* приведены параллели без *есть* при том же типе сказуемого в той же группе памятников. М. Н. Шевелева рассматривает в том же ключе и структурно необязательные формы книжного претерита (имперфекта или аориста) глагола *быти* в датируемых XIV–XVI вв. списках «Жития Андрея Юродивого», «Жития Ефросина Псковского» и про-

чих книжных памятниках северо-западной традиции [Шевелева 1993: 136, 142–144].

На основе описаний М. Н. Шевелевой и С. М. Толстой можно разделить диалектные примеры с избыточным *есть* на две группы. В первой из них *есть (е)* добавляется в структуру, которая не является связочной и содержит флективный показатель лично-числового согласования. Ср. формы презенса *Ребята*$_{\text{NOM.PL}}$ ***есть*** *кур-**ят***$_{\text{3PL}}$ [Кузьмина, Немченко 1968], *И, може, времечко*$_{\text{NOM.SG.N}}$ *ведь* ***е*** *да* ***приизменится***$_{\text{3SG}}$ [Толстая 2023] и имперфекта *Нѣціе*$_{\text{NOM.PL.M}}$ *же* ***есть*** *хо҃любци*$_{\text{NOM.PL.M}}$ *даꙗ-**хоу***$_{\text{IMPF.3PL}}$ *чѧты по волѣ а не по прошенью* («Житие Андрея Юродивого» [Шевелева 1993: 138]). С оговорками сюда же можно отнести диалектные употребления, где *есть* соответствует компоненту *-нибудь* в составе неопределенных местоимений, ср. олонецкое *Вы свезите-тко* ***в какое е*** *селенье*, *И хоть* ***каку*** *да* ***ни е*** *весточку послала бы* [Толстая 2023: 8] и литературное *в какое-**нибудь** селенье*, *хоть какую-**нибудь** весточку*.

Во второй группе *есть* (*е*) добавляется в связочную структуру, где по нормам современного русского литературного языка, а отчасти и по нормам древнерусского, см. обзор древнерусских конструкций с именным сказуемым [Зализняк 2008: 221–262], была возможна нулевая связка. Ср. примеры из олонецких причитаний: *И уж как я, да горегорькой* ***е*** *детинушка*, *И строги-грозны богоданны* ***есть*** *родители!*, *И отпущают* ***е*** *солдатов забилетныих*, *Теперь все прошло ведь* ***е*** *да миновалося*, *И я закону бы ведь* ***е*** *не принимала бы*, *И пистолетики ведь* ***е*** *да занаряжены ль?*, *И* ***буде*** *волюшка ведь* ***е*** *да во златых перстнях*, *И* ***были*** *людушки ведь* ***е*** *да запростейшии* [Толстая 2023]. Назовем первую группу конструкций с избыточным *есть* ‘типом А’, а вторую — ‘типом В’.

Таблица 15

Два типа конструкций с избыточным *есть (е)*

ТИП А		ТИП В	
Вставка *есть*/*е* в несвязочную структуру		Вставка *есть*/*е* в связочную структуру	
презенс	*Ребята* ***есть*** *курят*	перфект	*Теперь все прошло* ***е*** *да миновалося*
имперфект/ аорист	*Нѣціе* ***есть*** *хо҃любци даꙗхоу чѧты по волѣ*	именное сказуемое	*И строги-грозны* ***есть*** *родители*
неопределенные местоимения	*И хоть каку да ни* ***е*** *весточку*	ирреалис и русский плюсквамперфект	*И* ***буде*** *волюшка ведь* ***е*** *да во златых перстнях* *И* ***были*** *людушки ведь* ***е*** *да запростейшии*

Для конструкций типа А базовой является гипотеза о том, что они имеют биклаузальную структуру с добавленным бытийным предикатом[45]. Соответственно, *ребята* ***есть*** *курят* означает ‘Существуют такие ребята, которые курят’, а *Нѣцiе* ***есть*** *х҃олюбци даꙗхоу чѧты по волѣ* означает ‘Существуют такие христолюбцы, которые добровольно давали цаты’ [Шевелева 1993: 137; 2002: 215]. Для конструкций типа В базовой является гипотеза о том, что *есть*/*е* — факультативный вариант нулевой связки. Для ирреалиса и конструкций, продолжающих русский плюсквамперфект, эта гипотеза нуждается в уточнении. Здесь отклонение от грамматики современного русского языка обусловлено настройками параметра, разрешающего комбинацию материально выраженных презентных и непрезентных связок, ср. *е(сть) были*, *буде е(сть)* в диалектном синтаксисе.

Кратко рассмотрим конструкции типа А и В в основной и контрольной группах памятников.

7.3.1. Конструкции типа А

Сочетаний презентных формы *есть*, *е* с книжным претеритом (имперфект, аорист) ни в основной, ни в контрольной группах памятников нет. Имеется три примера, где форма *есть* стоит при форме презенса индикатива действительного залога. Все они связаны с новгородскими авторами. Наиболее ранний пример зафиксирован у Антония.

(69) Ту же **есть**$_{\text{PRES.3SG}}$ во церкви **ковер**$_{\text{NOM.SG}}$ святаго Николы **висит**$_{\text{PRES.3SG}}$ (Антоний, ок. 1200 г.).

В контрольной группе еще два аналогичных примера обнаруживаются у Стефана Новгородца при формах 3-го л. *есть*, *суть*, правильно распределенных в соответствии с числом подлежащного контролера. На пример (70) ранее указала М. Н. Шевелева [1993: 134].

(70) Той есть монастырь царевъ, стоить при мори, и ту **есть**$_{\text{PRES.3SG}}$ близ монастыря того **живет**$_{\text{3SG}}$ жидовъ много при мори, възлѣ городную стѣну, и врата на море зовутся Жидовская (Стефан Новгородец, 1347–1349 гг.);

(71) **Суть**$_{\text{PRES.3PL}}$ же инии **стлъпове**$_{\text{NOM.PL}}$ мнози по граду **стоятъ**$_{\text{PRES.3PL}}$ от камени мрамора, много на них писаниа от връха и до долу писано рытию великою (Там же).

Примеры (70)–(71) показывают, что в идиоме Стефана Новгородца в середине XIV в. форма *есть* еще не была обобщена в качестве единственной формы 3-го л. знаменательного глагола *быти*. Этот факт примеча-

[45] По выражению М. Н. Шевелевой, «перед нами явно сдвоенная предикатная структура, в которой *есть* — самостоятельный предикат с бытийным значением» [Шевелева 1993: 137].

телен тем, что в позиции связки *есть* и *суть* не употреблялись новгородцами в Перфекте I уже в XII в., см. раздел 5. Вместе с тем новгородские авторы XII в. — Кирик, Илья-Иоанн и Антоний — употребляли ударные связки 3-го л. *есть* и *суть* в Перфекте II, см. выше примеры (25)–(35) и (38), в то время как в XIV в. последняя конструкция новгородским диалектом, возможно, была уже утрачена: по крайней мере, ни у Стефана Новгородца, ни у его современника Василия Калики Перфекта II нет.

В контрольной группе памятников у Василия Калики имеется аномальный пример конструкции *есть*, который скорее относится к типу А. С формально-синтаксической точки зрения связка *есть* в последней клаузе может относиться только к аористу *принесе* в предыдущей клаузе, но сама эта форма возникла из-за неудачного пересчета перфекта *принеслъ есть*.

(72) А еже рай$_{\text{NOM.SG.M}}$ мысленый$_{\text{NOM.SG.M}}$ **есть**$^{\text{PRES.3SG}}$, то почто **видиму**$_{\text{ACC.SG.F}}$ **вѣтвь**$_{\text{ACC.SG.F}}$ сию $_{\text{ACC.SG.F}}$ аггелъ$_{\text{NOM.SG.M}}$ **принесе**$_{\text{AOR.3SG}}$, а не **мыслену** $_{\text{DAT.SG.F.}}$ **есть**$_{\text{PRES.3SG}}$? (Василий Калика, 1347 г.)
‘А если рай — вещь мысленная, то почему эта ветвь, которую принес ангел, видимая, а не мысленая?’, букв. ‘почему ангел принес эту ветвь видимой, а не мысленной?’.

Вероятно, Василий не справился с гармонизацией двух черт книжной грамматики в одном предложении — конструкцией с двойным предикативным вин. п. (*ветвь сию…видиму… а не мыслену*) и формой с аористом *принесе*, которую он пересчитывал из перфекта *принеслъ есть*: морфологически форма *принесе* правильна, но добавление связки *есть* делает синтаксис аномальным. Контекст (72) можно приравнять к подтверждению гипотезы *p* о том, что ангел действительно принес реально видимую райскую ветвь и опровержению гипотезы *q* о том, что рай есть чисто абстрактное (*мысленное*) понятие, поэтому употребление связки *есть* и в первой, и в последней клаузах семантически оправдано. В этом случае пример (72) косвенно подтверждает, что в новгородском диалекте середины XIV в. связка *есть* в конструкции типа А могла использоваться и при нарушении согласования.

7.3.2. Конструкции типа В

Ударные связки Перфекта II являются показателями согласования в числе и не могут быть заменены нулевой связкой без изменения семантики, поэтому Перфект II не может быть отождествлен с конструкциями типа В, где связка *есть* не является показателем согласования и альтернирует с нулевой связкой. Из предикатных конструкций под эту рубрику — с оговоркой — подводятся инфинитивные предложения типа *взити горѣ* ‘надо взойти наверх’, которые не являются согласуемыми, но допускают в презенсе индикатива как нулевую связку, так и связку *есть*. Данные конструкции рассмотрены ниже в п. 7.4.

7.4. Инфинитивные предложения со связкой есть

Инфинитивные предложения в древнерусском, старославянском [Ходова 1980: 222] и древнечешском [Porák 1967] языках содержат позицию связки. Выделение предложений с нулевой связкой презенса индикатива в отдельный тип, предположительно, продолжающий бессвязочные предложения с инфинитивом в виде главного предиката [Мразек 1963], возможно, но на синхронном уровне предложения без связки в презенсе индикатива, выражающие значение алетической модальности[46] (ср. пример (73) из новгородской берестяной грамоты № 1113 (ок. 1180–1200 гг.)), при переводе в прошедшее время и/или ирреальное наклонение реализуются с ненулевой связкой, ср. пример (74) из новгородской грамоты № 1020, относящейся к тому же периоду[47].

(73) **Мнѣ**$_{1SG.DAT}$ ны-нѣ : $\varnothing^{3P}$ **платити**$_{INF}$:и:л: коунъ$_{GEN.PL}$: а тъщѣ : роукѣ (Б.гр. № 1113, ок. 1180–1200 гг.)
‘**Мне** теперь ⟨надо⟩ **платить** 18 кун, а руки пусты’;

(74) оу хотъсла:ва$_{GEN.SG}$ **ми**$_{1SG.DAT}$ **было**$_{PRET.3SG.N}$ гривн$_{GEN.PL}$ **възѧти**$_{INF}$: а творѧть и$_{3SG.ACC.M}$ пеставивъше$_{GER}$ (Там же, № 1020)
‘**Мне** ⟨надо⟩ было **взять** гривны у Хотеслава, а говорят, что он помер’.

Неясно, допускали ли те носители древнерусского языка, которые использовали нулевую связку в модальных контекстах типа *платити мнѣ коуны* ‘платить мне деньги’, чередование $\varnothing^{3P}$/*есть* в презенсе индикатива. Для большинства авторов некнижных текстов шансы выяснить это призрачны. Однако есть контексты другого типа, где варьирование $\varnothing^{3P}$/*есть* в презенсе индикатива подтверждается памятниками. Сюда относятся инфинитивные предложения с глаголами восприятия, ср. (*есть*) *видѣти оттуда всю ту землю* ‘оттуда можно видеть всю ту землю’, или глаголами движения, ср. *по нима же* (*есть*) *взити горѣ* ‘и по ним можно подняться наверх’. В жанре хожения инфинитивные предложения с глаголами вос-

[46] Т. е. внешней модальности или необходимости: внешний фактор заставляет X-а делать *p* (*пить воду*, *выплачивать долг* и т. п.) или дает ему возможность делать *p*.

[47] Аналогичные пары примеров дативно-инфинитивных предложений с нулевой и ненулевой связками можно найти и в книжных памятниках. Ср. два примера в рассказе о смерти Олега в «Повести временных лет». В прорицании кудесника используется нулевая связка, т. к. прогнозируемая ситуация является модальным будущим — конь неминуемо принесет князю смерть: *кнѧже конь є҆же любиши и ѣздиши на нем. ѿ то҆ти*$_{2DAT.SG}$ $\varnothing^{PRES.3P}$ *оумрети*$_{INF}$ (Лавр., л. 19 Р [ПВЛ, 912 г.]) ‘Князь, конь, которого ты любишь и на котором ездишь, принесет тебе смерть’. Видя череп коня, Олег думает, что прогноз не сбылся, и употребляет связку прошедшего времени: *и посмеѧсѧ ре҆чѧ отъ сего ли лба смьрть* ***было***$_{PRET.3SG.N}$ *взѧти*$_{INF}$ *мнѣ*$_{1DAT.SG}$ (Там же).

приятия и движения используются для вербализации личного опыта и для объяснения, как добраться до некоторого объекта.

Даниил относится к авторам, регулярно использовавшим инфинитивные предложения в диагностических контекстах обоих типов в рассказах о посещении святых мест. Он употребляет как варианты с нулевой связкой (они преобладают), так и варианты со связкой *есть*. Последнюю он ставит как в начало, ср. (75), так и внутрь клаузы, ср. (76).

(75) **Есть**$_{\text{PRES.3SG}}$ **знати**$_{\text{INF}}$, гдѣ же была баня та до днесь: есть же, идеже святаа Елена крестъ честный налѣзла, близ Распятиа Господня къ встоку лиць сажень 20 вдалѣе (Даниил, 17);

(76) **Възлѣсти**$_{\text{INF}}$ *же* **есть**$_{\text{PRES.3SG}}$ горѣ по степенемь: до дверей 7 степеней, а въ двери вшед 7 степеней (Даниил, 16);

(77) ⟨И **есть**$_{\text{PRES.3SG}}$ разсѣлина та на камени том и до днешняго дне⟩. **Знати**$_{\text{INF}}$ $\varnothing^{3P}$ на деснѣй странѣ Распятиа Господня **знамение**$_{\text{NOM/ACC.SG.N}}$ **то** $_{\text{NOM/ACC.SG.N}}$ **честное** $_{\text{NOM/ACC.SG.N}}$ (Даниил, 16);

(78) Двери же имать 5-ры желѣзны и степеней имать 200, по нима же $\varnothing^{3P}$ **взити**$_{\text{INF}}$ горѣ (Даниил, 16).

В общей сложности Даниил использует независимые инфинитивные предложения с глаголами восприятия *видѣти*, *увидѣти*, *узрѣти*, *дозрѣти*, *знати* в значении ‘визуально определить’, ‘распознать’ и глаголами движения *ити*, *внити*, *поити*, *доити*, *вълѣсти*, *взълѣсти*, *полѣсти*, *слѣсти* 41 раз[48]. В обеих группах наблюдается варьирование $\varnothing^{3P}$/*есть*, но вынос связки *есть* в начало инфинитивной клаузы зафиксирован только при глаголах восприятия. Доля употреблений с ненулевой связкой составляет 31,7% (13/41). Сводные данные показаны в Таблице 16.

Таблица 16

Реализация связочного компонента инфинитивной конструкции с глаголами восприятия и движения в тексте Даниила

	Глаголы восприятия	Глаголы движения
Нулевая связка $\varnothing^{3P}$	11	17
Связка *есть*, позиция внутри клаузы	4	6
Связка есть, позиция в начале клаузы	3	0
Всего	18	23

[48] Еще в одном случае инфинитивное предложение с глаголом восприятия вводится каузативным глаголом *показати*: *идохом в келии свои, хваляще Бога, показавша недостойным нам ту благодѣть Божию видѣти*$_{\text{INF}}$ (Даниил, 100). В этом случае вставка связки *есть* в правильном книжном древнерусском языке невозможна.

Варьирование $\varnothing^{3P}$/*есть* показывает и текст Ильи-Иоанна, но в другой группе предикатов.

(79) О нихъ же **ны**$_{DAT.PL}$ **есть**$_{PRES.SG}$ слово **ѿдати**$_{INF}$ Бг҃у (Илья-Иоанн);

(80) Еже **самому**$_{DAT.SG.M}$ $\varnothing^{3P}$ **начатї**$_{INF}$ и **молвитї**$_{INF}$ своѧ грѣхы (Илья-Иоанн).

В контрольной группе памятников XIV–XV вв. инфинитивная конструкция с глаголами восприятия и движения обычно используется с нулевой связкой, но вариант с *есть* не исключен полностью. Репрезентативную статистику дают два памятника. Стефан при описании Царьграда неизменно использует нулевую связку (25 раз). В 11 случаях он использует ее с глаголом восприятия, см. (81), в 14 — с глаголом движения. Анонимный автор «Хождения на Флорентийский собор» использовал инфинитивную конструкцию с глаголом восприятия 8 раз, из них один раз — с ненулевой связкой, см. (82). Еще в одном случае он использовал нулевую связку с глаголом движения, см. (43).

(81) То*же* и до нынѣ **кровь**$_{NOM.SG.F}$ **та**$_{NOM.SG.F}$ $\varnothing^{3P}$ **знати**$_{INF}$, и цѣловахом$_{AOR.1PL}$, грѣшнии$_{NOM.PL}$ (Стефан Новгородец, 1347–1349 гг.);

(82) И **все**$_{NOM/ACC.SG.N}$ **здание**$_{NOM/ACC.SG.N}$ града того **видѣти**$_{INF}$ твердо$_{NOM/ACC.SG.N}$ **есть**$_{PRES.3SG}$, и подивитися о сем (Хождение на Флорентийский собор, 1438–1439 гг.);

(83) А надъ предними дверми изнутри поставлены **4 кони**$_{NOM.PL}$ **медяны**$_{NOM.PL}$, позлащены, велики, $\varnothing^{3P}$ **видѣти**$_{INF}$ **яко живи**$_{INF}$, и повѣшены два змия великы убиты (Там же);

(84) И тогда четшим им грамоты по латынскыи и по греческыи, и что **им**$_{3PL.DAT}$ $\varnothing^{3P}$ **ити**$_{INF}$ ис Ферары къ Флоренску граду (Там же).

В некоторых памятниках нет подходящих контекстов для проверки возможности добавления связки *есть* в инфинитивную конструкцию. В «Хожении Антония» данная конструкция для описания достопримечательностей не используется. В «Вопрошании Кириковом» инфинитивные предложения передают директивы и рекомендации более 50 раз. В этих ситуациях ни сам Кирик, ни авторы разделов «Савин» и «Ильино» никогда не используют связку *есть*: *но простымъ* ***възъбраняти***$_{INF}$*, да не велми боудуть в небреженіи* (К62), *но тако* ***погрести***$_{INF}$*, яко еще высоко* (К53)*, а за то* ***ти***$_{DAT.2SG}$ ***ити***$_{INF}$ *в моуку* (С18), *како* ***дерьжати***$_{INF}$ ***имъ***$_{DAT.3PL}$ *вnитемья*$_{NOM.SG.F}$ (И8). Можно предположить, что в идиомах этих носителей новгородского диалекта XII в. связка *есть* не могла быть добавлена в инфинитивное предложение, если его семантика не соответствовала индикативной модальности[49].

[49] На первый взгляд, данному объяснению противоречит пример *а за то ти*$_{2SG.DAT}$ *ити*$_{INF}$ *в моуку* (С18), т. к. в нем говорится о неотвратимости наказания. Однако

То же касается Краткой редакции «Русской Правды», где в инфинитивных предложениях, выражающих юридические нормы, всегда употребляется нулевая связка: *то* ***изымати***$_{\text{INF}}$ ***емоу***$_{\text{DAT.3SG.M}}$ *свои челядинъ*$_{\text{ACC.SG.M}}$ («Русская Правда», Краткая редакция, ст. 10), *то* ***взяти***$_{\text{INF}}$ *за рыбы 7 резанъ*$_{\text{GEN.PL}}$ (Там же, ст. 42)[50].

7.5. Конструкции с избыточным есть в XII–XV вв.: выводы

Конструкция Перфекта II с ударной связкой, являющейся показателем согласования, и конструкция с избыточным *есть* имеют некоторое пересечение в истории русского языка. В изученной группе памятников оно минимально[51]. Был обнаружен единственный пример конструкции с избы-

---

и тут речь идет о гипотетической, а не о действительной ситуации: утверждается, что, если *X* сделает *p*, он неизбежно попадет в ад.

[50] Инфинитивные предложения, содержащие нормативные установления, строятся с нулевой связкой и в древнейшей договорной грамоте — ГВНП № 28 (1188–1199 гг.), ср. *Оже* ∅ ^{3P} ***емати***$_{\text{INF}}$ ***скотъ***$_{\text{ACC.SG.M}}$ ***варѧгу***$_{\text{DAT.SG}}$ *на русинѣ или* ***русину***$_{\text{DAT.SG}}$ *на варѧзѣ, а сѧ его заприть, то 12 мужъ послухы, идеть ротѣ, възметь свое* ‘Если варягу придется взимать деньги с русина и русину с варяга, а тот будет отказываться, то, взяв 12 человек послухов, идет приносить клятву, потом возьмет свое’. Существует вероятность, что данное предложение, синтаксис и лексика которого архаичны (ср. постановку клитики *ся* после проклитики *а* и использование слова *скот* в характерном для Новгорода значении ‘деньги’), является старой формулой бытовавших в XI–XII вв. устно норм «Русской Правды».

[51] А. А. Пичхадзе, которой мы благодарны за замечание, обратила наше внимание на три примера из «Хожения Даниила», которые подводятся под понятие ‘избыточного *есть*’, но не укладываются в схему противопоставления плеонастических типов A и B, представленную выше в разделе 7.3. В этих примерах несвязочное (экзистенциальное) *есть*, стоящее в начале или близко к началу клаузы, дублируется другой формой глагола *быти*, стоящей рядом с названием бытующего предмета. В двух случаях из трех бытующий предмет стоит во мн.ч., соответственно, во втором вхождении используется форма *суть*:

(i) И нынѣ **есть**$_{\textbf{3SG}}$ подъ самымъ верхомъ тѣмъ непокрытымъ **суть**$_{\textbf{3PL}}$ **двери**$_{\textbf{PL}}$ 3-и у теремца того учинени хитро [ХДИ 18].

(ii) **Есть**$_{\textbf{3SG}}$ же **гробъ**$_{\textbf{3SG}}$ **Господень**$_{\textbf{3SG}}$ и **распятие**$_{\textbf{3SG}}$ и **та святаа**$_{\textbf{PL}}$ **мѣста**$_{\textbf{PL}}$ **вся**$_{\textbf{PL}}$ на удольнѣмъ мѣстѣ **суть**$_{\textbf{PL}}$ [ХДИ 23].

В одном примере бытующий предмет стоит в ед.ч., соответственно, глагол *быти* во втором вхождении имеет форму *есть*:

(iii) И **есть**$_{\textbf{3SG}}$ ту над вертепомъ тѣмъ святымъ Рождества Христова **создана**$_{\textbf{SG.F}}$ **есть**$_{\textbf{3SG}}$ **церкви**$_{\textbf{SG.F}}$ **велика**$_{\textbf{SG.F}}$ крестомъ [ХДИ 63].

Проблема с описанием таких древнерусских примеров состоит в том, что трудно однозначно установить, относятся ли оба вхождения глагола *быть* к одной и той же клаузе или к разным. Тем не менее, пример (i) как будто подтверждает, что несогласуемая в числе форма экзистенциального *есть* могла дублировать согласуемую форму того же глагола в правой части высказывания.

точным *есть* типа А, см. *есть висит* (69) в тексте автора, в идиоме которого была конструкция Перфекта II, — Антония (ок. 1200 г.). В памятниках XIV–XV вв., в том числе представляющих новгородский диалект (Стефан, Василий Калика), Перфекта II уже нет, хотя связка *есть* продолжает использоваться в экзистенциальных и верификативных контекстах в других конструкциях, в частности в инфинитивных предложениях. У Даниила доля примеров со связкой *есть* в инфинитивных предложениях с глаголами восприятия и движения достигает более 30%. В его идиоме употребления связки *есть* в Перфекте II и в инфинитивных предложениях отчасти аналогично: в обоих случаях связка *есть* является ударной и может выноситься в начало клаузы. Однако сходство неполное. В Перфекте II ненулевая связка — показатель согласования, поэтому форма 3-го л. ед. ч. *есть*, в зависимости от свойств подлежащного контролера, может быть заменена на 3-го л. мн. ч. *суть* и — теоретически — на 3-го л. дв. ч. *еста*. Напротив, независимые инфинитивные предложения являются в древнерусском языке структурами без согласования и без подлежащего, поэтому *есть* нельзя заменить на *суть* и *еста*. В тексте Стефана (середина XIV в.) инфинитивные предложения употребляются в тех же ситуациях, что у Даниила, но Стефан уже не использует в инфинитивной конструкции связку *есть*. Варьирование реализаций связки $\varnothing^{3P}$/*есть* в инфинитивных предложениях в XIV–XV вв., по данным контрольной группы памятников, представляет собой уходящее явление.

7.6. Перфект II в «Повести временных лет»

Вопрос о наличии Перфекта II (независимо от наименования данной конструкции) в книжных памятниках изучен слабо. Трудности с извлечением материала усугубляются тем, что в русистике обсуждается выбор из двух возможностей — либо добавление ненулевой связки 3-го л. перфекта признается чертой книжного стиля, не связанной с выражением особой семантики (ср. [Зализняк 2008: 257–259]), либо употребление презентных форм *быти* при *л*-причастии признается ранней манифестацией диалектной конструкции со структурно необязательным *есть*, которая проецируется в древнерусский период [Шевелева 1993; 2002]. Между тем ударные связки Перфекта II структурно обязательны в качестве показателей согласования и выражают диагностическую семантику конструкции — экзистенциально-локативное или верификативное значение.

Особый интерес в плане поиска Перфекта II представляет «Повесть временных лет», написанная на диалекте, близком к диалектам Даниила и Мономаха. Важное наблюдение сделала М. Н. Шевелева, которая указала, что аномальная с точки зрения книжной грамматики фраза *како Кии* ***єсть***$_{\text{PRES.3SG}}$ *перевозникъ* ***бы***$^{\text{ĉ}}_{\text{AOR.3SG}}$ (Ипат., л. 4 [ПВЛ]), где презентная связка *есть* комбинируется с формой аориста *бысть*, содержит «утверждение достоверности существования», т. е. подтверждение гипотезы о том, что легендарный Кий был перевозчиком [Шевелева 1993: 137]. В Лаврен-

тьевской летописи (Лавр., л. 4 [ПВЛ]) вместо аориста *бысть* в этом месте стоит *л*-причастие *былъ*, но «контекст здесь имеет отнюдь не перфектное значение, а то же самое значение утверждения существования» [Там же]. По нашему мнению, за основу следует принять вариант *есть былъ*, представленный в Лаврентьевской летописи, поскольку соответствующая конструкция со связкой 3-го л. и *л*-причастием глаголов *быти* и *бывати* — предполагаемый Перфект II — встречается в ПВЛ еще 6 раз, в записях под 862, 983, 986 (дважды), 1093 и 1097 гг. В этих случаях конструкция *есть*/*суть* + *был*/*бывал* сохранена как в Лавр., так и в Ипат. Важно, что в последующих частях Лаврентьевской и Ипатьевской компиляций — Суздальской, Киевской, Галицкой и Волынской летописях — сочетания *л*-причастий глаголов *быти*, *бывати* с ненулевой связкой 3-го л. представлены всего 3 раза[52]. Таким образом, речь идет о явлении, которое характерно именно для периода создания «Повести временных лет», т. е. том же времени, когда были записаны «Хожение Даниила» и «Поучение Владимира Мономаха». Два примера данной конструкции из 7 в ПВЛ передают слова того же Мономаха (записи под 1093 и 1097 гг.). С прямой речью и диалогическими ситуациями связаны и 4 из 5 оставшихся примеров, что согласуется с гипотезой о том, что Перфект II в XII в. не был специфически книжной конструкцией.

Контексты всех семи примеров предполагаемого Перфекта II в ПВЛ связаны с верификативным значением. Несколько контекстов амбивалентны и одновременно допускают реконструкцию значения отмененного результата: подчеркивается, что наличествовавшее когда-то состояние *p* более не имеет места в момент речи, см. (87), либо, наоборот, в момент речи возникло то, чего ранее не было, см. (88). В неосложненном виде верификативное значение реализуется в контекстах (85) и (86). Пример про Кия из преамбулы без погодной записи является несобственной прямой речью: некие люди утверждали, что Кий в самом деле был перевозчиком. С этим тезисом рассказчик спорит, доказывая, что он ложен.

(85) Ини же не свѣдуще рекоша. ꙗко **Кии**$_{\text{NOM.SG.M}}$ **єсть**$_{\text{PRES.3SG}}$ перевозникъ$_{\text{NOM.SG.M}}$ **<u>бълъ</u>**$_{\text{SG.M}}$. оу Кїєва бо бѧше перевозъ тогда с оноꙗ сторонъı Днѣпра . тѣмь гл҃ху на перевозъ на Києвъ. аще бо бъı пе-

[52] В Киевской, Галицкой и Волынской летописях, покрывающих период с 1118 по 1291 г., ненулевые связки перфекта 3-го л. представлены значительно шире, чем в Суздальской летописи, покрывающей период с 1118 по 1377 г. По данным М. Н. Шевелевой [2002: 58], в Суздальской летописи соотношение перфектных клауз 3-го л. с нулевой и ненулевой связками составляет 63/7, т. е. ненулевая связка употребляется лишь в 10% случаев. Для связки 3-го л. ед. ч. *есть* контраст еще больше — 49/3 (5,8%), т. е. во всей Суздальской летописи перфектных клауз со связкой *есть* вдвое меньше, чем в «Повести временных лет». Любопытно, что в именном сказуемом Суздальская летопись, наоборот, предпочитает ненулевую связку 3-го л. [Там же].

ревозникъ Кии . то не бы ходилъ Цр҃югороду (Лавр., л. 4 [ПВЛ, без погодной записи])

⇒ А. ‘Кий **действительно** был перевозчиком’;
В. ‘Если бы Кий **действительно** был перевозчиком (как утверждают иные), он бы не мог ходить на Царьград. ⟨Но он ходил⟩’.

Пример (86) относится к рассуждению рассказчика, ведущему диалог с читателем: утверждается, что хотя физически апостолы не были на Руси, их учение уже здесь было и победило.

(86) аще бо и тѣломъ **ап҃лиₓ**3PL **суть**PRES.3PL . здѣ нє **были**PL но оучениꙗ ихъ . ꙗко трубы гласѧть . (Ипат., л. 32 об. [ПВЛ, 983 г.])[53]

⇒ ‘**Хотя неверно, что апостолы действительно были в этих местах физически**, их учение на этой земле живет и побеждает сейчас’.

В контексте (87) рассказчик приводит речь Владимира Мономаха, отражающую его решение уступить в 1093 г. Великое Княжение Киевское своему двоюродному брату Святополку Изяславичу. Контекст амбивалентен: наряду с верификативным значением можно реконструировать значение отмененного результата, поскольку Святополк в момент речи не контролирует Киев, где ранее (*преже*) княжил его отец.

(87) Володимеръ же нача размъышлѧти река . аще сѧду на столѣ ѡц҃а своюго . то има҃ рать съ Ст҃ополко҃ взѧти . ꙗко **єсть**PRES.3SG **столъ**NOM.SG.M **пре҃ж** ѿ ѡц҃а юго | **былъ**SG.M . и размъысливъ . посла по Ст҃ополка . Турову. а самъ иде Чернигову. А Ростиславъ Переꙗславлю (Лавр., л. 72 об. [ПВЛ, 1093 г.])

⇒ ‘Это **раньше действительно был** стол Изяслава, отца Святополка. ⟨но теперь сам Святополк правит в другом городе, не в Киеве⟩’.

В контексте (88) передается реакция Мономаха на ослепление его союзника Василька Ростиславича в 1097 г. Говорящий (Мономах) утверждает, что случилось то, чего на Русской земле ранее не бывало. Контекст амбивалентен: с одной стороны, подчеркивается, что сейчас действительно произошло ужасное событие (верификативное значение), с другой — подчеркивается, что ослепление Василька создало новый опасный прецедент в политической жизни Руси (экзистенциально-локативное значение — возникновение новой реалии).

(88) Володимеръ же слъышавъ ꙗко ꙗтъ бы҃ Василко и слѣпленъ оужасесѧ . и всплакавъ и ре҃ч сего **не бывало**SG.N **є҃**PRES.3SG **в Русь-**

[53] В Лаврентьевской летописи в этом месте дважды повторено отрицание *не*, что может быть ошибкой переписчика: *не суть не были* (Лавр., л. 27 [ПВЛ, 982 г.]).

скѣи земьли . ни при дѣдѣ$^{х҃}$ наши$^{х҃}$. ни при wц҃ихъ наши$^{х҃}$ сѧкого зла (Лавр., л. 88 об. [ПВЛ, 1097 г.])

⇒ ‘Такого, как сейчас, **раньше в Русской земле не бывало,** но сейчас, к сожалению, случилось’.

Семь употреблений Перфекта II с *л*-причастием глаголов *быти* и *бывати* в тексте ПВЛ не выглядят высоким показателем в сравнении с 40 примерами той же разновидности Перфекта II в тексте «Хожения Даниила», памятнике, записанном одновременно с ПВЛ. Однако в продолжении Ипатьевской и Лаврентьевской компиляций сочетания *есть былъ*, *суть были*, *не бывало есть* встречаются лишь трижды, причем во всей Суздальской летописи, покрывающей период с 1118 по 1377 г., насчитывается лишь 8 употреблений связки *есть* и 5 употреблений связки *суть* с *л*-причастием любых глаголов. Идиом составителя или составителей ПВЛ правомерно считать киевским диалектом. Интересно, что все три примера конструкции *есть был*, *суть были* в Ипатьевской и Лаврентьевской компиляциях за пределами ПВЛ, см. (89), (90), (91), встретились в отрезке 1148–1154 гг., который особенно тесно связан с киевским летописанием: это период борьбы киевского князя Изяслава Мстиславича с суздальским князем Юрием Долгоруким и его союзниками, пространно описанный в Киевской летописи и более кратко — в Суздальской; в (90) пересказывается речь Изяслава, а в (89) и (91) излагаются речи контрагентов Изяслава, ведущих переговоры с ним. Во всех трех примерах выражается экзистенциальное значение ‘раньше имело место *p*’, но импликации отмены результата или смены состояния нет.

(89) Сѓславъ Ѡлгови$^{ч҃}$ и Всеволодичь Сѓславъ . послаша слы свои къ Изѧславоу Мьстиславичю ищюче мира . и тако рекоуче . то **есть**$_{\text{PRES.3SG}}$ **было**$_{\text{3SG.N}}$ пре$^{ж҃}$ дѣдъ наши$^{х҃}$ и при ѿц҃ихъ наши$^{х҃}$. миръ стоить до рати . а рать до мира (Ипат., л. 133 [Киев., 1148 г.]);

(90) Изѧславъ же хотѧше вси$^{х҃}$ дании к Новугороду Новгоро$^{д҃}$цкъихъ . акоже **есть**$_{\text{PRES.3SG}}$ и переже **было**$_{\text{3SG.N}}$. и тако не оуладиша$^{с҃}$ и не послоуша его Дюрги (Ипат., л. 141 [Киев., 1149 г.]);

(91) река любо си сѧ на^{мѧ} wц҃ю гнѣвати . не иду с ворого$^{м҃}$ свои$^{м҃}$. **то су**$^{т҃}$$_{\text{3SG}}$ **были**$_{\text{3PL}}$ **ворози**$_{\text{NOM.PL}}$ и дѣду моюму . и строємъ мои$^{м҃}$. но поиде$^{м҃}$ дружино (Лавр., л. 106 об. [Сузд., 1148 г.]).

Мы заключаем, что в первой четверти XII в. в южнорусском идиоме составителя или составителей «Повести временных лет» Перфект II с *л*-причастием глаголов *быти* и *бывати* был довольно обычной конструкцией, в то время как летописцы следующих поколений прибегали к ней реже, а после 1154 г. данный вариант Перфекта II в летописях не представлен. Для уточнения оттенков значения Перфекта II в языке ПВЛ, Киевской и Суздальской летописей требуется дополнительное исследование и анализ

всех перфектных клауз с ненулевой связкой 3-го л. в корпусе древнерусских летописей XII–XIII вв. Предварительно можно отметить, что ранние летописные примеры (85)–(91) с сочетаниями *есть был*, *есть было*, *суть были* употребляются в контекстах, где говорящий или рассказчик специально подчеркивает актуальность событий далекого прошлого, указывая на то, что факт *p* имел место. Это соответствует верификативному значению Перфекта II, в терминах нашей статьи.

7.7. Возможные следы Перфекта II в псковском диалекте

Псковские берестяные грамоты малочисленны: в найденных к 2022 г. восьми грамотах, покрывающих отрезок с конца XII до середины XIV в. Перфекта II нет. Нет его и в псковских пергаменных грамотах, покрывающих отрезок с начала XIV по начало XVI в.[54] Употребления верификативного и экзистенциального *есть* в книжных псковских памятниках XIV–XVI вв. разобраны М. Н. Шевелевой в [Шевелева 2002; 2006]. Из ее материала выделим два примера.

Изолированный пример XV в., соответствующий характеристикам Перфекта II, был найден М. Н. Шевелевой в Строевском списке 3-й Псковской летописи под 1472 г.: ***есть***$_{3SG}$ ***человекъ боле 200*** ***<u>истопло</u>***$_{SG.N}$ *новогородцевъ* (л. 148 [1472 г.]). Связка *есть* вынесена в начало клаузы и стоит дистантно с *л*-причастием непереходного глагола, что соответствует типичным характеристикам Перфекта II у авторов XII в. М. Н. Шевелева специально подчеркивает, что Перфекта I с ненулевой связкой 3-го л. в 3-й Псковской летописи нет [Шевелева 2006: 219].

Еще один пример со связкой *есть* в неопределенно-личном предложении зафиксирован в «Псковской Судной грамоте» (1397–1467 гг.): *гдѣ* ***есть***$_{PRES}$ ***<u>били</u>***$_{3PL}$ ***<u>грабили</u>***$_{3PL}$, *<u>явили</u>*$_{3PL}$ *кому*, *на тѣхъ ему слатся* (ПСГ, ст. 20) [Шевелева 2002: 64]. Контекст является верификативным: там, где выявлен факт избиения и грабежа, потерпевший должен сослаться на свидетелей, т. е. тех, кому этот факт *явили*. В данном примере нарушено согласование в числе: неясно, можно ли глоссировать *есть* как связку 3-го л. ед. ч. Возможно, перед нами переходное звено от Перфекта II к конструкции с избыточным *есть*. Представляется вероятным, что Перфект II сохранился в псковском диалекте XII–XIV вв., но данные скудны.

7.8. Экзистенциально-локативное и верификативное значения в ретроспективном аспекте

Вопрос о целесообразности постулировать для современного русского языка два разных глагола *быть* — знаменательный (полнозначный) глагол существования, имеющий в презенсе индикатива форму *есть*, и связку

[54] Рядная Тешаты и Якима, где упоминается псковский князь Довмонт (1266–1291 гг.), причисленная к псковским грамотам в [ГВНП 1949: 317], в настоящее время не считается псковской.

быть, имеющую в презенсе индикатива нулевую форму $\varnothing^{\text{BE.PRES}}$, является дискуссионной проблемой. Примем точку зрения Ю. Д. Апресяна о том, что для словарного описания глагола *быть* тезис о наличии двух лексем, противопоставленных по линии знаменательный глагола vs. связка, не нужен [Апресян 1996]. В русистике сложился примерный консенсус относительно того, что экзистенциально-локативные (а также посессивные) значения выражаются несвязочными употреблениями *быть*, за вычетом маргинальных случаев, где связочные и несвязочные реализации инфинитивных конструкций, по выражению Ю. Д. Апресяна, ‘перетекают друг в друга’, ср. ***есть*/*найдется***, *где спать* ⟨экзистенциальное *быть*⟩ ~ ***негде*** *∅/было/будет спать*; *жить ∅/было/**стало*** **негде** ⟨связочное *быть*⟩ [Там же: 530–531]. Верификативные значения могут выражаться связочным ударным *есть*: *Он и **есть** наш начальник*. Отсутствие формы *есть* в литературном русском языке не является надежной диагностикой связки *быть* в презенсе индикатива, т. к. экзистенциально-локативные и посессивные употребления типа *в саду яблони*, *а у меня в кармане гвоздь* и т. п. правомерно считать знаменательными [Дымарский 2018].

Обобщение этих фактов на фоне ситуации в русском языке XI–XV вв. может состоять в следующем. Древнерусский язык был языком с грамматикализованной нулевой связкой 3-го л. $\varnothing^{3P}$, встроенной в систему лично-числового согласования. Современный русский является не языком с нулевой связкой, а языком с нулевой презентной формой глагола *быть* $\varnothing^{\text{PRES}}$, проникшей как в связочные, так и в несвязочные употребления [Там же], при этом презентная парадигма глагола *быть* включает три формы $\varnothing^{\text{BE.PRES}}$, *есть*$^{\text{BE.PRES}}$ и факультативное *суть*$^{\text{BE.PRES}}$, распределение которых не связано с лично-числовым согласованием [Zimmerling 2020][55].

Конструкция Перфекта II — особенно ее реликтовый вариант *есть былъ* — показывает, что в раннедревнерусский период экзистенциально-локативное значение могло сигнализироваться не только знаменательным глаголом *быти*, но и ударной связкой *быти*. Сам факт распространения этой конструкции в XII в. служит подтверждением того, что к началу данного периода ненулевые связки 3-го л. глагола *быти* не исчезли полностью. В наиболее ранних памятниках, ср. «Хожение Даниила», Перфект II еще реализуется одновременно с употреблением ненулевых атонируемых связок 3-го л. в Перфекте I. В памятниках конца XII в. Перфект II употребляется уже на фоне отсутствия надежных примеров Перфекта I с ненулевой связкой 3-го л.

[55] Попытка строго доказать этот тезис предпринята в работе [Zimmerling 2020], где на основе корпусной статистики делается вывод о том, что употребление факультативной формы *суть* не в качестве показателя согласования в 3-го л. мн. ч., а в качестве эмфатической презентной формы представляет непрерывную традицию, прослеживаемую с позднедревнерусского состояния.

7.9. Перфект II в XII–XIV вв.: выводы

При расширении контрольной группы памятников удается подтвердить, что в XII в. Перфект II был в большинстве древнерусских диалектов. Вариант Перфекта II, связанный с употреблением ударной презентной связки 3-го л. с *л*-причастием глаголов *быти* и *бывати*, можно считать реликтом: он есть только у южнорусских авторов первой четверти XII в. — Даниила и составителя «Повести временных лет», который дважды приписал ее употребление Владимиру Мономаху под 1093 и 1097 гг. В «Поучении Владимира Мономаха» Перфекта II нет. Следующее поколение летописцев использует вариант Перфект II с *л*-причастием *быти* и *бывати* значительно реже, а после 1150 г. он в русских летописях не встречается. Такие сочетания были малопонятны и составителям второй редакции «Хожения Даниила» [Пичхадзе 2023]. Прочие варианты Перфекта II сохранялись по крайней мере до конца XII в., но отдельные диалекты, например псковский, могли сохранять их и дольше. Трудности с диагностикой Перфекта II в XIV–XVI вв. вызваны тем, что в этот период связки *есть* и *суть* частично утратили статус показателей числового согласования в 3-м л., что подтверждается проникновением разговорных конструкций с избыточным *есть* в ряд книжных памятников Северо-Запада. При этом надежных примеров, которые можно было считать переходным звеном от Перфекта II к конструкции с несогласуемым *есть*, почти нет.

Приоритетная роль связочных энклитик как показателей лично-числового согласования не вызывает сомнений. Вместе с тем класс связочных показателей лично-числового согласования в древнерусском языке шире класса связочных энклитик, что объясняет сохранение реликтовых вариантов Перфекта I и Перфекта II в раннедревнерусский период.

8. Выводы

Проведенное исследование показало, что соотношение нулевой и ненулевых форм 3-го л. презенса индикатива глагола *быти* в раннедревнерусском языке соответствует модели А. А. Зализняка лишь частично. Ключевым фактором является грамматикализация нулевой связки в 3-м л., что делает ненулевые связки перфекта 3-го л. избыточными. Однако в первой четверти XII в. южнорусские авторы памятников оригинального жанра еще могли употреблять ненулевые связки перфекта 3-го л. *есть*, *суть*, *еста* в контекстах, не связанных с выражением экзистенциально-локативных и верификативных значений. В новгородских памятниках середины и конца XII в. уже нет надежных контекстов, где экзистенциальная или верификативная интерпретация перфекта 3-го л. со связками *есть* и *суть* была бы исключена. Одновременно со стандартной конструкцией Перфекта I, где замена *есть*, *суть*, *еста* на нулевую связку была возможна, в XII в. существовала омонимичная ей одноличная конструкция Перфекта II, где удар-

ные связки *есть* и *суть* выражали экзистенциально-локативные и/или верификативные значения. Ударность связок *есть* и *суть* диагностируется на основе их комбинаторики — возможности выноса в начало клаузы, тенденции к дистантной препозиции *л*-причастию и отсутствии кластеризации с возвратной клитикой *ся*. Для Перфекта II характерны употребления непереходных глаголов. Вариант Перфекта II с *л*-причастием глаголов *быти* и *бывати* после первой четверти XII в. не документирован, прочие варианты Перфекта II сохранялись дольше. Наличие Перфекта II в северо-западных диалектах русского языка в XIII–XIV вв. вероятно, но историческая связь между Перфектом II и распространенными в этом ареале конструкциями с избыточным *есть* неясна.

Исследование подтвердило, что дополнительное распределение связок и внешне выраженных клаузальных подлежащих касается лишь тех связок, которые имели в древнерусском языке статус энклитик. Связки 3-го л. Перфекта I употреблялись внутри клаузы, но не обладали полнотой свойств фонетических энклитик. Связки Перфекта II были ударными словами, при этом семантика данной конструкции благоприятствует реализации внешне выраженного подлежащего. Поэтому ни Перфект I, ни Перфект II не показывают в древнерусском языке дополнительного распределения связок 3-го л. и клаузальных подлежащих.

Наличие ударных связочных форм глагола *быти* в Перфекте II подтверждает, что противопоставление экзистенциальных и реляционных употреблений глагола существования не совпадало в раннедревнерусском языке ни с противопоставлением знаменательных слов и связок, ни с противопоставлением полноударных слов и клитик. Связки Перфекта II являются облигаторными показателями согласования в числе, но при этом могут выражать экзистенциальное значение. Данные факты нуждаются в более широком типологическом осмыслении.

Источники

ГВНП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Древнерусские берестяные грамоты. http://gramoty.ru/birchbark.

Древнерусская эпиграфика. http://epigrafika.ru/epigraphy/inscription/list.

ХДИ — Житье и хоженье Данила Русьскыя земли игумена 1106-1107 гг. / Под ред. М. А. Веневитинова // Православный палестинский сборник. Вып. 3 и 9. СПб., 1885.

Литература

Адамец 1978 — П. Адамец. Образование предложений из пропозиций в русском языке (= Acta Universitatis Carolinae Philologica. Monographia LXIX). Praha: Univ. Karlova, 1978.

Апресян 1996 — Ю. Д. Апресян. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 503–537.

Арутюнова 1983 — Н. Д. Арутюнова. Коммуникативные типы бытийных предложений // Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип. М.: Русский язык, 1983.

Арутюнова 1988 — Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Белоброва 1974 — О. А. Белоброва. «Книга Паломник» Антония Новгородского (к изучению текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXIX. Л.: Наука, 1974. С. 178–185.

Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М.: Наука, 1963.

Браун 2008 — В. Браун. Порядок клитикох у войводянским русинским // Шветлосц. Т. 3. Novi Sad, 2008. С. 315–262

Буденная 2018 — Е. В. Буденная. Похоже, разные: о развитии внешне схожей референциальной модели в русском, латышском и ижорском языках // Типология морфосинтаксических параметров. 2018. Т. 1. № 2. С. 11–27.

Буденная 2020 — Е. В. Буденная. В поисках триггера: книжные и некнижные тексты как маркеры различных аспектов русской референциальной эволюции // Slověne. 2020. Т. 9. № 2. С. 210–243.

Гиппиус 1996 — А. А. Гиппиус. «Русская Правда» и «Вопрошание Кириково» по Новгородской Кормчей 1282 г. (К характеристике языковой ситуации Древнего Новгорода) // Славяноведение. 1996. № 1. С. 48–62.

Гиппиус 2003 — А. А. Гиппиус. Сочинения Владимира Мономаха. Опыт текстологической реконструкции. I // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 60–99.

Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. Сочинения Владимира Мономаха. Опыт текстологической реконструкции. II // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 146–171.

Гиппиус 2006 — А. А. Гиппиус. Сочинения Владимира Мономаха. Опыт текстологической реконструкции. II // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 186–203.

Гиппиус 2009 — А. А. Гиппиус. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ Святой Софии // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. В. Новгород; СПб.; М.: ООО «ЛеопАрт», 2009. С. 181–198.

Гиппиус, Седов 2016 — А. А. Гиппиус, В. В. Седов. Находки в Георгиевском соборе Юрьева Монастыря. Новые фрески и новые надписи // В. А. Тишков (отв. ред.). Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 15. М.: Наука, 2016. С. 190–208.

Дымарский 2018 — М. Я. Дымарский. А у меня в кармане гвоздь. Нулевая связка или эллипсис сказуемого? // Мир русского слова. 2018. № 3. С. 5–12.

Жолобов 2016 — О. Ф. Жолобов. Заметки о словоформе *е* ‘есть’ в древнерусской и старославянской письменности // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2016. № 1. P. 114–125.

Зализняк 1993 — А. А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М.: Наука, 1993. С. 191–319.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2007 — А. А. З а л и з н я к. «Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2007.

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

Королев 2019 — А. С. К о р о л е в. К характеристике творчества летописца новгородского архиепископа Антония (первая четверть XIII в.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 1. С. 11–23.

Кузьмина, Немченко 1968 — И. Б. К у з ь м и н а, Е. В. Н е м ч е н к о. К вопросу об употреблении *есть* в русских говорах // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М.: Наука, 1968. С. 144–170.

Лопарев 1899 — Х. М. Л о п а р е в. Книга «Паломник». Сказание святых мест в Цареграде Антония, архиепископа новгородского, в 1200 г. / Под ред. Х. М. Лопарева // Православный Палестинский сборник. Т. XVII, вып. 51. СПб., 1899.

Майсак и др. 2016 — Т. А. М а й с а к, В. А. П л у н г я н, Кс. П. С е м е н о в а (отв. ред.). Исследования по теории грамматики. Перфект (= Acta Linguistica Petropolitana. Т. XII, ч. 2). СПб.: Наука, 2016.

Мильков, Симонов 2011 — В. В. М и л ь к о в, Р. А. С и м о н о в. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М.: Кругъ, 2011.

Михеев 2018 — С. М. М и х е е в. Автографы трех новгородцев XII в.: о надписях Угринца-Феодора, Домашки Мыслятинича и Путьки Твердятинича // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. XVI. 2018. С. 174–191.

Михеев 2021 — С. М. М и х е е в. Есть ли глаголические буквы в двух надписях из Боснии и Герцеговины и на камнях из долины Брегальницы? // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana 2021. № 2. С. 105–115.

Мразек 1963 — Р. М р а з е к. К дативно-инфинитивным конструкциям в старославянском языке // Sborník prací filosofické fakulty Brněnske University, 12. 1963. A-11. С. 107–126.

Недялков 1983 — В. П. Н е д я л к о в (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983.

Пенькова 2019 – Я. А. П е н ь к о в а. Предбудущее (второе будущее) в древненовгородском диалекте: время или наклонение? // Russian linguistics. 2019. Vol. 43, № 1. С. 65–78.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. П е т р у х и н, Д. В. С и ч и н а в а. Русский плюсквамперфект в типологической перспективе // А. М. Молдован (ред.). Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 193–214.

Петрухин, Сичинава 2008 — П. В. П е т р у х и н, Д. В. С и ч и н а в а. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 224–258.

Пичхадзе 2023 — А. А. П и ч х а д з е. К текстологии Хожения Даниила игумена // Источниковедение литературы и языка: археография, текстология, поэтика. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2023 (в печати).

Селиверстова 1982 — О. Н. С е л и в е р с т о в а. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // О. Н. Селиверстова (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86–157.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013.

Скачедубова 2018 — М. В. Скачедубова. Об интерпретации *-л*-формы без связки в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-й Новгородской летописях // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 64–76.

Толстая 2023 — С. М. Толстая. Превратности глагола *быть* в языке олонецких причитаний // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2023. № 1 (в печати).

Трубинский 1975 — В. И. Трубинский. К вопросу о тавтологии в структуре предиката (на материале диалектных конструкций со словом *есть*) // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 148–162.

Урманчиева 2020 — А. Ю. Урманчиева. Плюсквамперфекты с аористом и имперфектом вспомогательного глагола в Галицкой, Волынской и Суздальской летописях // В. В. Казаковская, М. Д. Воейкова (отв. ред.). Проблемы функциональной грамматики. Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. М.: Языки славянской культуры, 2020. С. 167–190.

Федорова 2014 — И. В. Федорова. «Хождение» игумена Даниила в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря (так называемые полные редакции памятника) // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб.: Пушкинский Дом, 2014. С. 322–353.

Хабургаев 1978 — Г. А. Хабургаев. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 2. 1978. С. 42–53.

Ходова 1980 – К. И. Ходова. Простое предложение в старославянском языке. М.: Наука, 1980.

Циммерлинг 2002 — А. В. Циммерлинг. Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Циммерлинг 2013 — А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Циммерлинг 2019 — А. В. Циммерлинг. Связки плюсквамперфекта в русском языке XIV–XVI вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2019. № 4. С. 41–57.

Циммерлинг 2021 — А. В. Циммерлинг. От интегрального к аспективному. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.

Шевелева 1993 — М. Н. Шевелева. Аномальные церковнославянские формы с глаголом **быти** и их диалектные соответствия (К вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы) // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 135–155.

Шевелева 2001 — М. Н. Шевелева. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник статей к 80-летию К. В. Горшковой. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 199–216.

Шевелева 2002 — М. Н. Шевелева. Судьба форм презенса глагола **быти** по данным древнерусских памятников // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2002. № 5. С. 55–72.

Шевелева 2006 – М. Н. Шевелева. Некнижные конструкции с формами глагола *быти* в псковских летописях // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 215–241.

Шевелева 2007 — М. Н. Ш е в е л е в а. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2. С. 214–252.

Шевелева 2008 — М. Н. Ш е в е л е в а. О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола **быти** в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2008. № 6. С. 34–57.

Шевелева 2009 — М. Н. Ш е в е л е в а. Русский плюсквамперфект в памятниках XV–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1. С. 5–43.

Шевелева 2015 — М. Н. Ш е в е л е в а. О некоторых глагольных формах в «Поучении» Владимира Мономаха и языке Киева на рубеже XI–XII вв. // Slověne. 2015. Т. 4, № 1. С. 564–577.

Шевелева 2019 — М. Н. Ш е в е л е в а. О древнерусских диалектных различиях в глагольной системе // Славянское и балканское языкознание: Русистика. Славистика. Компаративистика. Сборник к 64-летию С. Л. Николаева. Сер. «Славянское и балканское языкознание» / Под ред. А. Ф. Журавлева, Ф. Б. Успенского. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 355–380.

Шляков 1900 — Н. В. Ш л я к о в. О Поучении Владимира Мономаха. СПб., 1900.

Щапов 1978 — Я. Н. Щ а п о в. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978.

Юшков 1935 — Русская Правда. Тексты на основании 7 списков и 5 редакций / Сост. и подгот. к печати проф. С. Юшков. Киев, 1935.

Янин и др. 2015 — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к, А. А. Г и п п и у с. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015.

Янко 2001 — Т. Е. Я н к о. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянских культур, 2001.

Янко 2008 — Т. Е. Я н к о. Интонационные стратегии русской речи. М.: Языки славянских культур, 2008.

Яцимирский 1899 — А. И. Я ц и м и р с к и й. Новые данные о хождении архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1899.

Comrie 1976 — B. C o m r i e. Aspect. Cambridge: CUP, 1976.

Franks, King 2000 — S. L. F r a n k s, T. C. K i n g. A Handbook of Slavic clitics. Oxford: OUP, 2000.

Jouravel 2019 — A. J o u r a v e l. Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod. Edition, Übersetzung, Kommentar (= Imagines Medii Aevi. Interdisziplinäre Beiträge zur Mittelalterforschung, 47). Wiesbaden: Reichert Verlag, 2019.

Jouravel 2021 — A. J o u r a v e l. On the supposed abridged redaction of Anthony of Novgorod's Kniga Palomnik // Slovĕne. 2021. Vol. 10, № 1. P. 217–229.

Kolaković et al. 2022 — Z. K o l a k o v i ć, E. J u r k i e w i c z - R o h r b a c h e r, B. H a n s e n, D. F i l i p o v i ć Đ u r đ e v i ć, N. F r i t z. Clitics in the wild: Empirical studies on the microvariation of the pronominal, reflexive and verbal clitics in Bosnian, Croatian and Serbian (Open Slavic Linguistics 7). Berlin: Language Science Press, 2022.

Lohnstein 2012 — H. L o h n s t e i n. Verumfokus — Satzmodus — Wahrheit // Blühdorn H., Lohnstein H. (Hrsg.). Wahrheit — Fokus — Negation (Linguistische Berichte Sonderheft 18). Hamburg: Helmut Buske, 2012. S. 31–68.

Lohnstein 2018 — H. L o h n s t e i n. Verum Focus, Sentence Mood and Contrast // Ch. Dimroth, S. Sudhoff (eds.). The Grammatical Realization of Polarity Contrast: Theo-

retical, empirical, and typological approaches (Linguistik Aktuell/Linguistics Today 249). Amsterdam: John Benjamins, 2018. P. 55–88.

Partee 1979 — B. H. P a r t e e. Subject and Object in Modern English. N. Y.: Garland, 1979.

Porák 1967 — J. P o r á k. Vývoj infinitivních vět v čestině. Praha: Universita Karlova, 1967.

Zimmerling 2009 — A. Z i m m e r l i n g. Aggressive *pro*-drop and the specificity of the 3rd person in Slavic languages // Fourth Annual Meeting of the Slavic linguistic society. Zadar, 3rd–6th September 2009.

Zimmerling 2020 — A. Z i m m e r l i n g. Zero forms in morphological paradigms: the verb "BE" in Russian // Computational linguistics and intellectual technologies. Issue 19 (26). Proceedings of the international conference "Dialogue 2020". P. 795–810.

Zimmerling, Kosta 2013 — A. Z i m m e r l i n g, P. K o s t a. Slavic clitics. A typology // Language Typology and Universals (STUF). 2013. Vol. 66, № 2. P. 178–214.

Статья получена 27.04.2022

Anton V. Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute
Institute of Linguistics, Russican Academy of Science
fagraey64@hotmail.com

A TALE OF TWO AUXILIARIES:
THIRD PERSON FORMS OF *BYTI* IN OLD RUSSIAN

The current estimates for the period when the zero copula 'BE' was grammaticalized in the history of Russian, date this process to the 15th–18th centuries. This is a mistake inspired by not properly chosen text samples that do not capture its evolution in the Old Russian period. The zero copula existed already in Early Old Russian, the key is provided by the perfect construction, where the absence of an overt BE-auxiliary signaled the agreement value '3rd person'. Andrej A. Zaliznjak (1993, 2008) correctly linked this feature with the grammaticalization of the enclitic forms of the 1st and 2nd person BE-auxiliaries and the lack of standard 3rd person enclitic BE-forms. However, there are two contentious issues in his description: 1) Zaliznjak's point that all Old Russian dialects lacked overt 3rd person perfect auxiliaries from the very beginning of the written period is confuted by South Old Russian texts from the first half of the 12th century. 2) Zaliznjak postulated complementary distribution of overt clausal subjects and overt 3rd person perfect auxiliaries for hybrid Old Russian texts which combined bookish and colloquial features, but a distribution like this is only traced in some Old Novgorod 12th-century texts. I compare five Old Russian authorial texts from the 12th century, representing three dialects, and prove that weak-stress and stressed 3rd person auxiliaries had a different distribution. I argue that one must distinguish two homonymic constructions with an *l*-participle and present tense forms of the BE-auxiliary. The standard Russian perfect, labeled 'Perfect I' in this paper, used weak-stress auxiliaries that had person-and-number agreement and licensed an alternation of zero and overt weak-stress 3rd person BE-forms; this alternation lacked semantic motivation, but optional overt 3rd person Perfect I auxiliaries disappeared in the mid-12th century. The homonymic Perfect II construction used

stressed 3rd person BE-auxiliaries and had only number, but not person agreement. Overt stressed 3rd person BE-auxiliaries expressed existential-locative or verificational semantics, therefore alternation of zero and overt 3rd person auxiliaries in Perfect II was impossible. Corresponding meanings can be expressed in Modern Russian as well, but in Modern Russian, the copular uses of BE are opposed to the so-called full-BE uses, i.e. existential-locative and verificational, while Old Russian could express such meanings both with the full BE-forms and with stressed BE-auxiliaries in the Perfect II construction.

Keywords: Old Russian, clitics, auxiliaries, *pro*-drop, perfect construction, parametric variation.

References

Adamets, P. (1978). *Obrazovanie predlozhenii iz propozitsii v russkom iazyke*. Prague: Univ. Karlova.

Apresian, Yu. D. (1996). *Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografiia*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Arutiunova, N. D. (1988). *Tipy iazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt*. Moscow: Nauka.

Arutiunova, N. D., & Shiriaev, E. N. (1983). *Russkoe predlozhenie. Bytiinyi tip*. Moscow: Russkii iazyk.

Belobrova, O. A. (1974). «Kniga Palomnik» Antoniia Novgorodskogo (k izucheniiu teksta). *Trudy otdela drevnerusskoi literatury, 29*, 178–185.

Borkovskii, V. I., & Kuznetsov, P. S. (1963). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka*. Moscow: Nauka.

Braun, V. (2008). Poriadok klitikokh u voivodianskim rusinskim. *Shvetlosts, 3*, 315–262

Budennaia, E. V. (2018). *Pokhozhe, raznye*: o razvitii vneshne skhozhei referentsial'noi modeli v russkom, latyshskom i izhorskom iazykakh. *Tipologiia morfosintaksicheskikh parametrov, 1*(2), 11–27.

Budennaia, E. V. (2020). V poiskakh triggera: knizhnye i neknizhnye teksty kak markery razlichnykh aspektov russkoi referentsial'noi evoliutsii. *Slověne, 9*(2), 210–243.

Comrie, B. (1976). *Aspect*. Cambridge: CUP.

Dymarskii, M. Ya. (2018). *A u menia v karmane gvozd'*. Nulevaia sviazka ili ellipsis skazuemogo? *Mir russkogo slova, 3*, 5–12.

Fedorova, I. V. (2014). «Khozhdenie» igumena Daniila v biblioteke Kirillo-Belozerskogo monastyria (tak nazyvaemye polnye redaktsii pamiatnika). In N. V. Ponyrko, & S. A. Semiachko (Eds.), *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Knizhniki i rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyria* (pp. 322–353). St Petersburg: Pushkinskii Dom.

Franks, S. L., & King, T. C. (2000). *A Handbook of Slavic clitics*. Oxford: OUP.

Gippius, A. A. (1996). «Russkaia Pravda» i «Voproshanie Kirikovo» po Novgorodskoi Kormchei 1282 g. (K kharakteristike iazykovoi situatsii Drevnego Novgoroda). *Slavianovedenie, 1*, 48–62.

Gippius, A. A. (2003). Sochineniia Vladimira Monomakha. Opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. I. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii, 2*(6), 60–99.

Gippius, A. A. (2004). Sochineniia Vladimira Monomakha. Opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. II. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii, 2*(8), 146–171.

Gippius, A. A. (2006). Sochineniia Vladimira Monomakha. Opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. II. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii, 2*(12), 186–203.

Gippius, A. A. (2009). Arkhiepiskop Antonii, novgorodskoe letopisanie i kul't Sviatoi Sofii. In A. E. Musin (Ed.), *Khoroshie dni. Pamiati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva* (pp. 181–198). Veliky Novgorod; St Petersburg; Moscow: LeopArt.

Gippius, A. A., & Sedov, V. V. (2016). Nakhodki v Georgievskom sobore Iur'eva Monastyria. Novye freski i novye nadpisi. *Trudy Otdeleniia istoriko-filologicheskikh nauk RAN, 15*, 190–208.

Jouravel, A. (2019). *Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod. Edition, Übersetzung, Kommentar*. Wiesbaden: Reichert Verlag.

Jouravel, A. (2021). On the supposed abridged redaction of Anthony of Novgorod's *Kniga Palomnik*. *Slověne, 10*(1), 217–229.

Khaburgaev, G. A. (1978). Sud'ba vspomogatel'nogo glagola drevnikh slavianskikh analiticheskikh form v russkom iazyke. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiia, 2*, 42–53.

Khodova, K. I. (1980). *Prostoe predlozhenie v staroslavianskom iazyke*. Moscow: Nauka.

Kolaković, Z., Jurkiewicz-Rohrbacher, E., Hansen, V., Filipović Đurđević, D., & Fritz, N. (2022). *Clitics in the wild: Empirical studies on the microvariation of the pronominal, reflexive and verbal clitics in Bosnian, Croatian and Serbian*. Berlin: Language Science Press.

Korolev, A. S. (2019). K kharakteristike tvorchestva letopistsa novgorodskogo arkhiepiskopa Antoniia (pervaia chetvert' XIII v.). *Lokus: liudi, obshchestvo, kul'tury, smysly, 1*, 11–23.

Kuz'mina, I. B., & Nemchenko, E. V. (1968). K voprosu ob upotreblenii *est'* v russkikh govorakh. In R. I. Avanesov (Ed.), *Obshcheslavianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniia* (pp. 144–170). Moscow: Nauka.

Lohnstein, H. (2012). Verumfokus — Satzmodus — Wahrheit. In H. Blühdorn, & H. Lohnstein (Eds.), *Wahrheit — Fokus — Negation* (pp. 31–68). Hamburg: Helmut Buske.

Lohnstein, H. (2018). Verum Focus, Sentence Mood and Contrast. In Ch. Dimroth, & S. Sudhoff (Eds.), *The Grammatical Realization of Polarity Contrast: Theoretical, empirical, and typological approaches* (pp. 55–88). Amsterdam: John Benjamins.

Maisak, T. A., Plungian, V. A., & Semenova, Ks. P. (Eds.). (2016). *Issledovaniia po teorii grammatiki. Perfekt*. St Petersburg: Nauka.

Mikheev, S. M. (2018). Avtografy trekh novgorodtsev XII v.: o nadpisiakh Ugrintsa-Feodora, Domashki Mysliatinicha i Put'ki Tverdiatinicha. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 16*, 174–191.

Mikheev, S. M. (2021). Est' li glagolicheskie bukvy v dvukh nadpisiakh iz Bosnii i Gertsegoviny i na kamniakh iz doliny Bregal'nitsy? *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2*, 105–115.

Mil'kov, V. V., & Simonov, R. A. (2011). *Kirik Novgorodets: uchenyi i myslitel'*. Moscow: Krug.

Mrazek, R. (1963). K dativno-infinitivnym konstruktsiiam v staroslavianskom iazyke. *Sborník prací filosofické fakulty Brněnske University 12, A-11*, 107–126.

Nedialkov, V. P. (Ed.). (1983). *Tipologiia rezul'tativnykh konstruktsii*. Leningrad: Nauka.

Partee, B. H. (1979). *Subject and Object in Modern English*. New York: Garland.

Pen'kova, Ia. A. (2019). Predbudushchee (vtoroe budushchee) v drevnenovgorodskom dialekte: vremia ili naklonenie? *Russian linguistics, 43*(1), 65–78.

Petrukhin, P. V., & Sichinava, D. V. (2006). Russkii pliuskvamperfekt v tipologicheskoi perspektive. In A. M. Moldovan (Ed.), *Verenitsa liter. K 60-letiiu V. M. Zhivova* (pp. 193–214). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Petrukhin, P. V., & Sichinava, D. V. (2008). Eshche raz o vostochnoslavianskom sverkhslozhnom proshedshem, pliuskvamperfekte i sovremennykh dialektnykh konstruktsiiakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii, 1*(15), 224–258.

Porák, J. (1967). *Vývoj infinitivních vět v češtině*. Prague: Universita Karlova.

Seliverstova, O. N. (1982). Vtoroi variant klassifikatsionnoi setki i opisanie nekotorykh predikatnykh tipov russkogo iazyka. In O. N. Seliverstova (Ed.), *Semanticheskie tipy predikatov* (pp. 86–157). Moscow: Nauka.

Shchapov, Ya. N. (1978). *Vizantiiskoe i iuzhnoslavianskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv*. Moscow: Nauka.

Sheveleva, M. N. (1993). Anomal'nye tserkovnoslavianskie formy s glagolom *byti* i ikh dialektnye sootvetstviia (K voprosu o sootnoshenii tserkovnoslavianskoi normy i dialektnoi sistemy). In B. A. Uspenskii, & M. N. Sheveleva (Eds.), *Issledovaniia po slavianskomu istoricheskomu iazykoznaniiu. Pamiati prof. G. A. Khaburgaeva* (pp. 135–155). Moscow: Izd-vo MGU.

Sheveleva, M. N. (2001). Ob utrate drevnerusskogo perfekta i proiskhozhdenii dialektnykh konstruktsii so slovom *est'*. In M. L. Remneva (Ed.), *Iazykovaia sistema i ee razvitie vo vremeni i prostranstve. Sbornik statei k 80-letiiu K. V. Gorshkovoi* (pp. 199–216). Moscow: Izd-vo MGU.

Sheveleva, M. N. (2002). Sud'ba form prezensa glagola *byti* po dannym drevnerusskikh pamiatnikov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Filologiia, 5*, 55–72.

Sheveleva, M. N. (2006). Neknizhnye konstruktsii s formami glagola *byti* v pskovskikh letopisiakh. In A. M. Moldovan (Ed.), *Verenitsa liter. K 60-letiiu V. M. Zhivova* (pp. 215–241). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Sheveleva, M. N. (2007). «Russkii pliuskvamperfekt» v drevnerusskikh pamiatnikakh i sovremennykh govorakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii, 2*, 214–252.

Sheveleva, M. N. (2008). O sud'be drevnerusskikh konstruktsii s nezavisimymi formami glagola *byti* v russkom iazyke. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Filologiia, 6*, 34–57.

Sheveleva, M. N. (2009). Russkii pliuskvamperfekt v pamiatnikakh XV–XVI vv. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii, 1*, 5–43.

Sheveleva, M. N. (2015). O nekotorykh glagol'nykh formakh v «Pouchenii» Vladimira Monomakha i iazyke Kieva na rubezhe XI–XII vv. *Slověne, 4*(1), 564–577.

Sheveleva, M. N. (2019). O drevnerusskikh dialektnykh razlichiiakh v glagol'noi sisteme. In A. F. Zhuravlev, & F. B. Uspenskii (Eds.), *Slavianskoe i balkanskoe iazyknanie: Rusistika. Slavistika. Komparativistika. Sbornik k 64-letiiu S. L. Nikolaeva. Ser. «Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie»* (pp. 355–380). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Sichinava, D. V. (2013). *Tipologiia pliuskvamperfekta. Slavianskii pliuskvamperfekt*. Moscow: AST-Press Kniga.

Skachedubova, M. V. (2018). Ob interpretatsii *-l*-formy bez sviazki v pliuskvamperfektnykh kontekstakh v Ipat'evskoi i *1*-i Novgorodskoi letopisiakh. *Voprosy jazykoznaniia, 5*, 64–76.

Trubinskii, V. I. (1975). K voprosu o tavtologii v strukture predikata (na materiale dialektnykh konstruktsii so slovom *est'*). In A. S. Gerd (Ed.), *Severnorusskie govory* (Iss. 2, pp. 148–162). Leningrad: Nauka.

Urmanchieva, A. Yu. (2020). Pliuskvamperfekty s aoristom i imperfektom vspomogatel'nogo glagola v Galitskoi, Volynskoi i Suzdal'skoi letopisiakh. In V. V. Kaza-

kovskaia, & M. D. Voeikova (Eds.), *Problemy funktsional'noi grammatiki. Otnoshenie k govoriashchemu v semantike grammaticheskikh kategorii* (pp. 167–190). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Yanin, V. L., Zalizniak, A. A., & Gippius, A. A. (2015). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.).* Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Yanko, T. E. (2001). *Kommunikativnye strategii russkoi rechi*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Yanko, T. E. (2008). *Intonatsionnye strategii russkoi rechi*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Zalizniak, A. A. (1993). K izucheniiu iazyka berestianykh gramot. In V. L. Ianin, & A. A. Zalizniak, *Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1984–1989 gg*. (pp. 191–319). Moscow: Nauka.

Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* (2nd ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zalizniak, A. A. (2007). *«Slovo o polku Igoreve». Vzgliad lingvista* (2nd ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zalizniak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Zholobov, O. F. (2016). Zametki o slovoforme *e* ʻest'ʼ v drevnerusskoi i staroslavianskoi pis'mennosti. *Slověne, 1*, 114–125.

Zimmerling, A. V. (2002). *Tipologicheskii sintaksis skandinavskikh iazykov*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zimmerling, A. V. (2013). *Sistemy poriadka slov slavianskikh iazykov v tipologicheskom aspekte*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zimmerling, A. V. (2019). Sviazki pliuskvamperfekta v russkom iazyke XIV–XVI vv. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Iazykoznanie, 4*, 41–57.

Zimmerling, A. (2020). Zero forms in morphological paradigms: the verb "BE" in Russian. In V. P. Selegei (Ed.), *Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the international conference "Dialogue 2020"* (Iss. 19, pp. 795–810). Moscow: RGGU.

Zimmerling, A. V. (2021). *Ot integral'nogo k aspektivnomu.* Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Zimmerling, A., & Kosta, P. (2013). Slavic clitics. A typology. *Language Typology and Universals (STUF), 66*(2), 178–214.

Received on April 27, 2022

doi.org/10.31912/rjano-2022.2.2

И. С. ЮРЬЕВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
iriwonok@yandex.ru

УСЛОВНЫЕ СОЮЗЫ В ОРИГИНАЛЬНЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ РАЗНЫХ ЖАНРОВ*

Статья посвящена анализу употребления условных союзов в различных оригинальных древнерусских произведениях. Исследование показало, что памятники XII–XIV вв. демонстрируют неустойчивое состояние языковой системы на этапе выбора условного союза.

В условном значении употребляются следующие древнерусские союзы: ***аже***, ***али***, ***аче***, ***аци***, ***даже***, ***даче***, ***ели***, ***или***, ***оже***, ***оли***, ***оче***, ***пакы (ли)***, ***се ли*** — и церковнославянские ***аще***, ***еже*** и ***иже***. Особенность ситуации заключается в том, что, в отличие от церковнославянского языка, в древнерусском нет собственно условного союза. Все частотные союзы, выступающие со значением ‘если’, мультифункциональны.

В древнерусских текстах в условной функции наиболее распространены три союза: церковнославянский ***аще*** и древнерусские ***аже*** и ***оже***, и в разных оригинальных жанрах представлено их различное соотношение. В агиографических, гомилетических и канонических произведениях допустим только ***аще***. То же наблюдается в гномических сочинениях Даниила Заточеника и древнерусских хожениях. В прочих оригинальных произведениях употребляются ***аже*** и ***оже***, причём ***аже*** воспринимается как более книжный союз, возможно, из-за внешнего сходства с ***аще***. Граница в употреблении древнерусских союзов проходит не только между жанрами, но и между текстами разной степени книжности. Так, ***аже*** встречается во всех поучениях, а ***оже*** — только в наименее книжном Поучении Иоанна-Илии. В более книжных летописях основными условными союзами по мере убывания частотности служат ***аще–оже–аже***, в менее книжных — ***оже–аже–аще***. В наименее книжных жанрах союза ***аще*** практически нет, а соотношение ***оже*** и ***аже*** зависит от времени создания текста: в ранних памятниках лидирует ***оже***, с XIV в. — ***аже***. Прочие условные союзы значительно менее распространены и представлены не во всех памятниках. Их употребление имеет ряд особенностей. Например, союзы с частицей ***ли*** там, где они зафиксированы, демонстрируют тенденцию к употреблению в значении альтернативного условия — в связи с исходной противительной семантикой ***ли***. Церковнославянский союз ***еже***, возможно, воспринимался как вариант древнерусского ***оже*** для более книжных жанров.

Ключевые слова: древнерусский язык, церковнославянский язык, синтаксис, условные союзы, жанры.

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00241 «Лингвистические параметры жанров оригинальной книжной письменности Древней Руси».

Выбор союзов и союзных средств в различных жанрах неслучаен. О жанрообразующей роли союзов, в частности подчинительных, применительно к былинам и лубочным повестям говорится в [Плетнёва 2021: 117–118]. Распределение временных союзов в оригинальных произведениях древнерусского периода разных жанров описано в [Юрьева 2020].

Настоящая статья посвящена анализу особенностей употребления подчинительных союзов, вводящих условные предложения, в различных оригинальных древнерусских памятниках.

Материалом послужили следующие произведения: 1. **Берестяные грамоты** (БГ), а именно письма на бересте с эпизодическим привлечением деловых документов. 2. **Деловые тексты**: а) оригинальные пергаменные грамоты Великого Новгорода и Пскова (ГВНП) XII–XIV вв., цитируемые по сборникам ГВНП, ДДГ и АСЭИ; б) Русская Правда (РПр). 3. **Летописи**: Повесть временных лет (ПВЛ), Киевская (КЛ), Галицкая (ГЛ) и Волынская (ВЛ) летописи по Ипатьевскому списку, Новгородская Первая летопись (НПЛ) старшего извода по Синодальному списку, Суздальская летопись (СЛ) по Лаврентьевскому списку. 4. **Хожения**: Хожение игумена Данила (ХИД) и Хожение Антония-новгородца (ХАН). 5. **Воинский эпос**, представленный «Словом о полку Игореве». 6. Древнерусские **гномические** тексты — сочинения Даниила Заточеника: Слово (СДЗ) и Моление (МДЗ). 7. **Вопросы иерархам и ответы на них**: Вопрошание Кириково (Кир), Ответы митрополита Георгия[1] (ОтвГеорг). 8. **Поучения**: Поучение Иоанна-Илии (ПИИ), Поучение Серапиона Владимирского (ПСВ), Поучение Евсевия (ПЕвс). 9. **Гомилетика**: сочинения Кирилла Туровского и митрополита Илариона[2]. 10. **Канонические тексты**: Правило о черноризцах и Предсловие покаянию. 11. **Жития**: Житие Феодосия Печерского, Авраамия Смоленского, Леонтия Ростовского и Сказание о житии Бориса и Глеба по Успенскому сборнику.

Условные отношения в древнерусских памятниках могли быть выражены и без помощи союза, ср.: **ꙁаидоуть ли**[3] **сѧ коунъı до того же года. то дадѧть ѥмоу коунъı въ треть** РПр 620: 43–47[4] ‘(Если) же деньги будут

[1] Это переводное сочинение рассматривается в ряду оригинальных произведений, поскольку, по данным [Баранкова 2012], ОтвГеорг не непосредственный перевод, а результат существенной переработки древнерусским книжником [Там же: 25–26].

[2] Собственно, цикл сочинений Илариона включает в себя произведения различных жанров: гомилию («Слово о законе и благодати»), панегирик («Похвала Владимиру») и молитву (см. [Молдован 2018]). Однако с точки зрения употребления условных союзов весь текст однороден, что позволяет рассматривать их как одно сочинение.

[3] Употребление частиц (**ли**, **ци**) в подобного рода предложениях оставлено за рамками настоящего исследования.

[4] Здесь и далее цифра перед двоеточием — номер листа рукописи и/или страницы издания, цифра после двоеточия — номер строки (номера строк).

истрачены до того срока, то (пусть) дадут ему деньги под 50 процентов…’. В. И. Борковский отмечал наличие бессоюзных условных периодов во всех жанрах, причём указывал на особую частотность таких примеров в деловой письменности [Борковский 1979: 256]. В условных периодах, где нет подчинительного союза, средством указания на зависимую часть мог служить сочинительный союз **а** [Там же], например: **а кто пакощами порежеть конь или скотиноу. то продаже ·в҃і· грв҃нѣ** 625: 35–39 ‘А (если) кто со злым умыслом зарежет коня или скотину, то штраф 12 гривен’.

Из союзов, выступающих в качестве подчинительных, в исследованных текстах употребляются следующие союзы со значением ‘если’: **аже**, **али**, **аче**, **ачи/аци**, **аще**, **даже**, **даче**, **еже**, **ели**, **иже**, **или**, **оже**, **оли**, **оче**, **пакы (ли)**, **се ли**. Три из них — **аще**, **иже** и **еже** — церковнославянские, остальные собственно древнерусские.

Временные союзы в условном употреблении в древнерусских оригинальных текстах крайне немногочисленны, поэтому исключены из настоящего исследования. Для книжного **егда** надёжных примеров нет. Для древнерусского **коли** условное употребление можно предположить в трёх контекстах: **а помочи коли хочеши т҃і. ли тъсѧчь болша ли а то ти послю** КЛ 148а: 27–29, 1150 ‘А если хочешь в помощь 10 тысяч или больше, то я тебе пришлю’; **Дроузии ре҄ч҄ избывають бм҃ь а коли то не боудоуть тоже даи** Кир 521: 26–39 ‘Иных, сказал он, избавляет (от эпилептических припадков) Бог, и если (даже) не будут (при смерти), давай (причастие)’; **Пакы прашахъ сего коли кр҄ѣтѧть дѣтѧ ѥгда же ѥсть не раздрѣшено даже принесоуть ѥго ни на вечерню ни на заоутреню а и роботою или оубожьствомь или како хотѧци и дома ничтоже не пѣли ѥмоу дати ли ѥмоу причащаниѥ на литоургии** Кир 527: 6–19 ‘…если/когда крестят дитя, когда/если оно не разрешено (от грехов?), если его не принесут ни на вечерню, ни на утреню или из-за работы, или от нищеты, или по любой другой причине, и дома ничего ему не пели — давать ли ему причастие на литургии?’.

Самой частотной типологически является ситуация, когда условных союзов в языке несколько [Храковский 1998: 62]. Однако в древнерусских памятниках имеется ряд особенностей. В старославянском языке подавляющее большинство условных придаточных вводится союзом **аще**: согласно [Дограмаджиева 1984], 1971 (97 %) из 2031 примера приходятся на **аще**. Таким образом, применительно к старославянским и наследующим им церковнославянским памятникам высокой книжности можно говорить о нём как о специализированном условном союзе.

Древнерусские же союзы, выступающие как условные, как правило, мультифункциональны, причём у самых распространённых из них условное значение не основное.

Так, **аже** и **оже**, наиболее частотные в качестве **изъяснительных**, помимо условной функции, выступают как союзы причины и цели: см. **аже** [СДРЯ I: 76; СРЯ XI–XVII 1: 23], **оже** [СДРЯ VI: 112–113; СРЯ XI–XVII 12: 296–298].

Для **разделительного** и **противительного** **али** современные исторические словари русского языка не приводят примеров подчинительного условного употребления [СДРЯ I: 80; СРЯ XI–XVII 1: 28], однако И. И. Срезневский на него указывает [Срезн 1: 16]. У **или**, также в основном выполняющего разделительную и противительную функции, условное значение приводится во всех словарях [Срезн 1: 1089; СДРЯ IV: 141–143; СРЯ XI–XVII 6: 224]. Сочинительный **противительный** союз **оли** в качестве подчинительного выражает временное и условное значения, а также значение следствия [СДРЯ VI: 143–144; СРЯ XI–XVII 12: 296–298].

Основная союзная функция **даже** — **присоединительная**, обозначение временного предела ‘пока, до тех пор пока’ (ср. [СДРЯ II: 422; СРЯ XI–XVII 4: 167]).

Только условное[5] союзное употребление в словарях отмечается у **аче** [СДРЯ I: 99–100; СРЯ XI–XVII 1: 59] и **пакы** (**ли**) [СДРЯ VI: 422]. То же касается немногочисленных примеров с **ачи**/**аци** [СДРЯ I: 100; СРЯ XI–XVII 1: 59] и исключительно редких **оче** [СДРЯ VI: 397; СРЯ XI–XVII 14: 94], **даче** [СДРЯ II: 439, Срезн 1: 635], **єли** [СРЯ XI–XVII 5: 45] и **се ли** [СДРЯ XI: 100].

Рассмотрим распределение названных союзов внутри каждого жанра.

Берестяные письма и деловые тексты

Таблица 1

Грамоты и Русская Правда

Памятник / Союз	БГ	ГВНП	РПр
ВСЕГО	109	44	155
аже	30 (26 %)	8 (19 %)	65 (42 %)
али	17 (16 %)	–	–
аче	4 (4 %)	2	10 (6,5 %)
аци	7 (6 %)	–	–
аще	–	1	1
даже	3 (3 %)	2	–
єли	1	–	–
или	8 (8 %)	14 (33 %)	4
оже	33 (30 %)	15 (35 %)	65 (42 %)
оли	1	–	–

[5] В случае **аче и** — производное от условного уступительное.

Памятник / Союз	БГ	ГВНП	РПр
оче	2	–	–
пакы ли	2	1	10 (6,5 %)
се ли	1	1	–

В **берестяных грамотах** представлено максимальное разнообразие условных союзов: из приведённого выше полного списка в БГ отсутствуют только **аще** и **еже**.

Наиболее распространённые — **оже** и **аже**, ср.: **а не сестра ѧ вамо оже тако дѣлаете не исправить ми ничето же** № 644 (1100–1120) ‘И не сестра я вам, если вы так поступаете, не делаете для меня ничего’; **аже ми сѧ поцьньши насмихати а соудить бъ҃ [и] моѧ хоудость** № 752 (1120–1140) ‘если станешь надо мной насмехаться, то будет тебя судить Бог и я, недостойная’. В абсолютных цифрах преобладает **оже**. В текстах XI в., по крайней мере на настоящий момент, отмечен только **оже** (2 примера), в грамотах XII в. 14 раз встречается **оже** и 11 раз **аже**, XIII в. — 16 **оже** и 5 **аже**, а с XIV в. ситуация становится противоположной и на первое место выходит **аже**: в берестяных письмах XIV в. 4 раза фиксируется **оже** и 10 раз **аже**. При обращении к более поздним текстам видно, что в берестяных грамотах XV в. зафиксирован только **аже** (3 примера).

Как показывают данные БГ, **оже** во всех своих значениях распространяется раньше, чем **аже**: так, **оже** в роли изъяснительного союза фиксируется с начала XII в. (первый пример — в грамоте № 752), **аже** — со второй половины XIV в. (первая фиксация — в грамоте № 30).

После **оже** и **аже** самыми частотными условными союзами в БГ служат союзы на **-ли**, и наиболее распространён **али** (**али ти**). При этом 13 из 18 примеров с **али** ‘если’ встречаются в грамотах XII в. (на протяжении всего столетия), ср.: **али не идете а присъте** (!) **ми грамотичѹ сторови ли есте** № 424 (1100–1120) ‘(Продав двор, идите в Смоленск или в Киев.) Если же не пойдёте, то пришлите мне грамотку, всё ли с вами в порядке’. Четырежды **али** встречается в берестяных грамотах XIII в., ср.: **али цего еси не продало а посли ми лицеме али еси продало а добро сътворѧ оукоупи ми жита** Вит. 1 (1280–1300) ‘Если ты чего-то не продал, то пошли мне (товар) лицом, если же продал, то, пожалуйста, купи мне ячменя’. Два случая зафиксированы в грамотах XIV в., ср.: **ажь водѧ по :г: рѹблѧ прода: али не водѧ нь продаі** № 65 (1300–1320) ‘Если собираешься заниматься (этим), продай по три рубля, если же не собираешься, не продавай’.

Можно предположить, что частотность условного **али** значительно падает со временем. Интересно, что с **или** ‘если’ в БГ из 9 примеров 3 самых ранних — в грамотах последней трети XII в., ср.: **или не прислеши а мнѣ ти стати [о](ѹ кнѧ)зѧ и ѹ влдкѣ** № 155 (1160–1180) ‘(А пришли…) Если

же не пришлёшь, то мне-то придётся предстать перед князем и епископом’, один — XIII в.: **и:ли: ти: тѧ:жа: а по:е:ди: во го:родо** № 112 (1200–1220) ‘Если же тяжба, то поезжай в город’, а 5 относятся к XIV в., ср.: **или возметъ рубль. купи и другии конь** № 354 (1340–1360) ‘Если он возьмёт рубль, купи и второго коня’. Таким образом, распределение **или** по времени противоположно **али**. Как кажется, условный **или** в новгородском диалекте сменяет **али**. Ещё один вариант условного союза на **-ли** — **оли** — редкий в грамотах и в собственно новгородских текстах не встречается. Этот союз единственный раз зафиксирован в грамоте из Звенигорода Галицкого Звен. 2 [Зализняк 2004: 346]: **а дае лоуцѣ. оли нь водаси то ѧ ꙋ конѧзѧ поема отроко прижь приедю** (1120–1140) ‘А дай Луке. Если же не дашь, то я, взяв у князя отрока, вместе ⟨с ним⟩ приеду’.

Все союзы на **-ли**, по всей видимости, в связи со своей исходной противительной семантикой, тяготеют к указанию на альтернативное условие. В большинстве процитированных выше контекстов выражено значение ‘если же будет наоборот’. Встречаются также примеры с **али**… **али** ‘если… если же’ на основе разделительно-противительного значения ‘или… или’, ср. контекст из Вит. 1. С союзом **али** однозначных примеров со значением альтернативного условия 10 из 17, ещё в четырёх случаях текст недостаточен. С союзом **или** — 6 из 8.

Ещё два редких союза с **ли** — **ели** (единственный пример отмечен в БГ) и **се ли** — демонстрируют такое же употребление: **присъли же мою ї малѫю нитокѫ ѣли не присолеши а рѫти тѧ хоцѫ** № 776 (1140–1160) ‘Пришли же и мою малую нитку. Если же не пришлёшь, то я намерен устроить тебе конфискацию’; **возми ꙁахарие ꙋ попа се [ли не] ꙋдасте да со изростъ водасте** № 483 (1260–1280) ‘…возьми, Захария, у попа. Если же он не даст, то отдаст с процентами’.

Альтернативное условие в контекстах из БГ выражает и союз **пакы ли**, в котором к значению противительности тяготеют обе части, ср. **пакы** ‘обратно’ [Фасмер III: 188]: **поиди соуноу домовь свободне еси. паки ли не идеши а послоу н тѧ ѫбьтьникъ** № 421 (1120–1140) ‘Иди, сын, домой, ты свободен. Если же не пойдёшь, я пошлю за тобой судебного исполнителя’; **пакъ ли не оуправише того а ѧ тѧ передамо свѧтее богородице ко нее же еси ꙁаходиле роте** № 705 (1220–1240) ‘(…пришли ко мне сына…) Если же не исполнишь этого, то я тебя предам святой Богородице, перед которой ты приносил клятву’.

Значение альтернативного условия не ограничено союзами с **ли**, но в БГ имеется чёткая тенденция к закреплению за ними именно этой функции. Для выражения альтернативного условия к другим условным союзам также может добавляться частица **ли**, ср., например, **оже ли: при:съ:ли: коу:нъ: о:же: ли: не: при:съ:ле:ши то: ти: въ: по:л** № 915 (1050–1075) ‘Пришли деньги. Если же не пришлёшь, то тебе будет ⟨заём под⟩ 50 %’.

Союз **даже** в двух примерах из трёх вводит новое условие, ср.: **да же еси тими коунами не исполнила св[о]… … [т]и исполониши головами**

№ 711, 1240–1260 ‘Если ты теми деньгами не покрыла сво[его долга (?)], то покроешь людьми’. Один раз **даже** используется для обозначения альтернативного условия: **оже еси ꙁабыле моего добродѣꙗниꙗ а прислати ти … (к)[е](н)[да]р[ꙗ соли да] ж[е] ти то н[е любо а]** № 627 (1160–1180) ‘Если ты забыл, как я тебе делал добро, то (имей в виду:) ты должен прислать … кендарей соли. Если же тебе это не угодно, то…’. Однако и в этом случае союз употребляется с частицей, но не **ли**, а **ти**.

Из союзов, выступающих только в условной функции, **аче**, восточнославянский вариант **аще**, встречается в БГ 4 раза, ср: **а ты атче еси не въꙁалъ коунъ: техъ: а не емли: ничътоже оу него** № 109 (1100–1120) ‘А ты, если не взял тех денег, не бери у него ничего’. Три примера из четырёх принадлежат текстам XII в. и один — XIII в.

Ещё два союза — **аци** и **оче** — отмечены лишь в БГ, ср. примеры: **ачи то ти почьне п[ь]нати не їми вѣрѣ** ‘Если же начнет тянуть (давить) — не верь’[6] № 820 (1160–1180); **аци восопрашееть местиловь съыно цого малаго даи ту ꙗ стою** № 68 (1240–1260) ‘А если запросит Местилов сын чего-нибудь небольшого, то дай — я за этим стою’; **оце е тобе н[е] годена а попровади ко моне сестроу… оце ю б҃о поемете а присоли соно ко моне со ее ꙁнатебою** № 705 (1200–1220) ‘Если она тебе неугодна, то отошли ко мне сестру… Если её Бог приберет, то пришли сына ко мне с известием о ней’.

Если в БГ 12 условных союзов, из которых 6 относительно частотны, то в **пергаменных деловых грамотах** таких союзов 8, и только три из них (**оже**, **или** и **аже**) достаточно употребительны.

Как и в БГ, в ГВНП **оже** преобладает в более ранних, а **аже** — в более поздних текстах. Так, в Договоре Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1191–1192 гг. из 17 условных союзов 14 раз употреблён **оже**, ср.: **ѡже съгренеть чюжеѥ женѣ повои с головъı. или дщьри. ꙗвитсꙗ прстоволоса .ѕ҃. грн҃ъ старъıѥ ꙁа соромъ** ГВНП 28: 35–37[7] ‘Если он сорвёт у чужой жены или дочери повой с головы, (и) она окажется простоволосой — 6 старых гривен (штрафа) за позор’. При этом в грамотах XIV в. зафиксирован всего один контекст с **оже** — в Договоре князя Дмитрия Ивановича и Новгорода с князем Михаилом Александровичем 1376 г.: **а с татаръı ѡже буде на миръ по думѣ. а буде на дати въихо по думѣ же** ДДГ-9: 17 ‘А если с татарами у нас будет мир по договору, то следует нам дать выплату тоже по договору’.

Самый ранний пример с **аже** — из Духовной Климента 1255–1257 гг.: **аже кто въспупить** (!) **на сю грамо[т]оу да не со мною съ ѡднъıмь станеть прѣ бм҃ь съ всимь моимь племенемь** ГВНП 105: 54–57 ‘Если кто

[6] Чтение и перевод грамоты даётся по [Гиппиус, Сичинава 2021: 220].

[7] Здесь и далее в примерах из грамот перед двоеточием указан номер грамоты в издании, после двоеточия — номер строки/строк.

поступит вопреки этой грамоте, то не со мною одним встанет перед Богом — со всем моим родом'. Все же остальные контексты взяты из грамот кон. XIII — XIV в., ср.: **аже будеть тѧгота мнѣ ѿ андрѣѧ. или ѿ тат⟨ар⟩ина. или ѿ иного кого. вамъ потѧнути со мною** ГВНП 4: 4–5 (1296, договор Новгорода с Михаилом Ярославичем) 'Если мне будет притеснение от Андрея, или от татарина, или от кого другого, вам следует действовать со мною сообща'; **аже пошлю своего даньщи⟨к⟩а и тогдъ ему не надобѣ потѧ⟨ну⟩ти** АСЭИ 3 178: 8–10 (1374–1389 гг. Грамота великого князя Дмитрия Ивановича новоторжцу Микуле Андрееву) 'Если я отправлю своего данника, то и тогда ему не нужно подчиняться'.

Наиболее частотный из союзов на **-ли** в условной функции и один из самых распространённых в ГВНП условных союзов — **или**, притом что в любом другом из исследованных памятников условный **или** зафиксирован максимум в двух контекстах. Как правило, условные придаточные с **или** встречаются в княжеских договорах; ещё несколько раз **или** 'если' отмечен в двух духовных и одной жалованной грамоте. Самый ранний пример и единственный текст XIII в. — Духовная Климента (2 контекста), ср.: **оу климѧте грв҃на оу хотьше грв҃на. или кто почнеть сѧ ꙁапирати того тъ станеть со мною передъ бм҃ь** ГВНП 105: 49–52 (около 1255–1257 гг.) '…у Климяты гривну, у Хотьши гривну. Если же кто-нибудь (из них) начнёт отпираться от этого, он станет со мной перед Богом (на суд)'. В текстах XIV в. условный **или** употреблён уже в 6 грамотах (12 контекстов), например: **а та грамота. ивану. и его другамъ. въıдати. ил҃и не ꙁнаидуть. не поминати то грамотѣ. ѡпаснои. ни въ вѣкъı** ГВНП 46: 19–20 (1392 г. — Нибуров мир) 'А ту грамоту выдать Ивану и его друзьям; если же не найдут, то надлежит вовеки не вспоминать о той охранной грамоте'. Как было видно по данным БГ, поразительную частотность **или** в ГВНП, так же как и немногочисленность примеров в других источниках, можно объяснить достаточно поздним его распространением. Пергаменные грамоты XV в. подтверждают распространённость **или** в условном употреблении в новгородских текстах и в старорусский период: этот союз встречается в 5 грамотах (9 контекстов), ср.: **или и҃ скꙋю҃ в рꙋсе ино взѧти ꙋ не҃ дворѧнинꙋ пѧ҃ ко҃** АСЭИ 3–21: 14 (1462–1477 гг. — Жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича старорусским тонникам) 'Если их закуют в цепи в Русе, то взять у него дворянину пять кун'.

Как и в БГ, у **или** в ГВНП обнаруживается тенденция к указанию на альтернативное условие: 10 из 15 примеров. Такое же употребление демонстрируют союзы с **ли**, отмеченные в ГВНП по одному разу, — **пакы ли** и **се ли: ѡже кто робу повержеть насилькмь. а не соромить. то ꙁа ѡбиду грн҃а. пакъı ли соромить. собѣ свободна** ГВНП 28: 56–58 'Если кто-нибудь насильно повалит рабыню, но не опозорит, то за обиду — гривна, если же опозорит, она свободна' (Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами, 1191–1192 гг.); **се ли не оуцините. исправѣ в тѣи срокъ по хр҃тьному целованью вамъ ти на себе жалоба** ГВНП 44: 18–20, 1373 г.

(Грамота Новгорода Любеку) ‘(Отдайте награбленный разбойниками товар.) Если же вы не проведёте разбирательство в те сроки, согласно крестному целованию, вам же на себя жаловаться’.

В ГВНП, как и в БГ, условный **даже** встречается редко и в раннем тексте. Оба примера — из грамоты Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю 1130 г.: **даже которъıи кнѧзь по моѥмь кнѧжении почьнеть хотѣти ѿıати оу ст҃го гєѡргиıа а бг҃ъ боуди за тѣмь и ст҃аıа бц҃а и тъ ст҃ыи гєѡргии** ГВНП 81: 5–8 ‘Если какой князь после моего княжения захочет отнять у святого Георгия, то пусть будет против него Бог, и Пресвятая Богородица, и сам святой Георгий’; **даже кто запъртить или тоу дань и се блюдо да соудить ѥм[оу] [бъ҃] [въ] дн҃ь пришьствиıа своѥго и тъ ст҃ыи [гєѡр]гии** ГВНП 81: 19–21 ‘Если кто-нибудь испортит или это пожертвование, или это блюдо, пусть судит его Бог в день пришествия Своего и этот святой Георгий’.

Столь же редок в пергаменных грамотах **аче**. Он зафиксирован только в раннем Договоре Новгорода с Готским берегом 1191–1192 гг.: **аче боудеть соудъ кнѧзю новгороцкъмоу новѣгородѣ или нѣмецкъмоу в нѣмчьхъ. а в томь мироу ити гостю домовь бес пакости** ГВНП 28: 14–18 ‘Если будет суд у новгородского князя в Новгороде или у немецкого у немцев, то по условиям этого мир(ного договора) купцу надлежит отправляться домой без вреда’; **ѡже придетъ въ своѥи лодьи в нѣмецкои домовь. аче самъ не поидьть в неи ѡпѧть. мужь дасть кърмьникоу** ГВНП 28: 53–54 ‘Если он приедет в своей немецкой ладье домой, если сам не поедет в ней обратно, (пусть) отправит человека кормчему’.

В текстах ГВНП имеется союз, не встречающийся в БГ, — церковнославянский **аще**. Единственный пример с этим союзом среди грамот до XIV в. включительно принадлежит данной грамоте Варлама Хутынского (1192–1210), в которой немало церковнославянизмов, и **аще** употреблён в религиозном контексте: **аще кто диѧволъмъ потъченъ и злыми члвк҃[ы] [н]аваж[ен]ъ ц[и] [за]хочеть ѿѧти ѿ нивъ ли ѿ пожьнь ли или ѿ ловищь а боуди емоу противьн[ъ] ст҃ыи спс҃ъ и въ сь вѣкъ и въ боудоущии** ГВНП 104: 9–11 ‘Если кто-нибудь, подстрекаемый дьяволом, науськанный ли злыми людьми, захочет отнять часть нив, или пожней, или охотничьих угодий, то пусть будет против него святой Спас и в этом веке, и в будущем’.

Как показывает материал ГВНП, особенности употребления условных союзов в ранних пергаменных грамотах схожи с их бытованием в берестяных письмах. В текстах XIV в. остаётся всего два союза — **или** и **аже**, причём первый значительно преобладает.

Данные **Русской Правды** демонстрируют близость новгородским берестяным письмам и ранним пергаменным грамотам: четыре из шести встречающихся в памятнике условных союзов достаточно частотны, наиболее распространены **оже** и **аже**, ср.: **А҃же кто оударить мечемъ. не вынезъ ѥго**

или роукоꙗтью. то ·в҃і· грв҃не. продаже ꙁа обидоу 617: 25–29 ‘Если кто-то ударит мечом, не вынув его, или рукоятью, то 12 гривен штрафа за вред’; **Оже придеть кръвавъ моуже на дворъ. или синь то видока ѥмоу не искати. нъ платиті ѥму продажю ·г҃· грн҃** 617об.: 3–7 ‘Если придёт человек окровавленный или в синяках, то свидетеля ему искать не нужно, но следует заплатить ⟨за него⟩ штраф 3 гривны’.

Одна особенность употребления **аже**–**оже** в РПр может говорить в пользу более позднего распространения **аже** в древнерусских текстах, на которое указывают данные грамот. Если условная часть стоит в постпозиции, в РПр употребляется только **оже** (всего три контекста), например: **нъ ити ѥмоу самомоу ротѣ. ѡже сѧ почнеть ꙁапирати** 620: 15–18 ‘Но ему следует самому клясться, если он станет отпираться’. В БГ древнерусского периода в постпозиции также встречается только **оже**, один раз в грамоте XII в. № 644 (пример см. выше) и дважды — в грамотах XIII в. № 781 и 347. Первый (и единственный) контекст с постпозицией условного **аже** среди новгородских берестяных писем зафиксирован только в грамоте № 933 1400–1410 гг.

Соответственно, функции **оже** шире, что даёт основания для предположения о его более раннем распространении в древнерусском языке.

Точно так же, как в грамотах, частица **ли** может употребляться с союзом **оже** для указания на альтернативную возможность: **ажь оубьѥть моужь моужа. то мьстити братоу брата. любо ѡц҃ю любо сн҃оу. любо браточадоу любо братню снв҃и ѡже ли не боудеть кто ѥго мьстѧ. то положити ꙁа головоу ·п҃· грв҃нъ** 615об.: 4–14 ‘Если убьёт человек человека, то следует мстить брату за брата, либо отцу, либо сыну, либо двоюродному брату, либо племяннику. Если же никто не будет мстить за него, то установить за тело 80 гривен’.

Из союзов, которые в грамотах демонстрируют тенденцию к употреблению в значении ‘если же наоборот’, в РПр имеются только **пакы** и **или**. Союз **пакы** только один раз встречается без **ли**, причём, возможно, потому что в списке затем идёт слово на **л**: **Аже кто оубиѥть кнѧжѧ моужа. въ раꙁбои… то ·п҃· грн҃ъ паки людинъ. то сорокъ гривенъ** 115об.: 42/116: 1–2 ‘Если кто убьёт княжеского приближённого во время разбоя… то 80 гривен; если же ⟨это просто⟩ свободный человек, то сорок гривен’. Вероятно, в РПр, как и в берестяных письмах, нужно усматривать только составной союз **пакы ли** ‘если’, поскольку в прочих контекстах **пакы** выступает всегда с **ли**, ср.: (**ꙁаплатить переднии гн҃ъ ѥго…**) **пакъ ли гн҃ъ не хотѣти начнеть платити ꙁа нь. а продасть и…** 624: 26–29 ‘(заплатит его прежний господин); если же господин не захочет за него платить, то ⟨пусть⟩ продаст его…’; **Пакъ ли боудеть что татебно коупилъ. въ търгоу. или конь или пъртъ. или скотиноу. то въведеть свободьна моужа два. или мытника** 618об.: 2–9 ‘Если окажется, что ⟨кто-либо⟩ купил на торгу что-то ворованное: либо коня, либо одежду, либо скотину, то пусть приведёт двух свободных человек или сборщика податей’. Последний процитированный

контекст — единственный в РПр, где **пакы** (**ли**) не вводит ситуацию альтернативного условия.

Условный **или** в РПр редок, что служит дополнительным аргументом в пользу его относительно позднего распространения, о чем свидетельствуют данные грамот. В трёх случаях из четырёх союз указывает на альтернативное условие: **Оже придеть кръвавъ моуже на дворъ. или синь то видока ѥмоу не искати. нъ платити ѥму продажю ·г҃· грн҃. или не боудеть на немь ѕнамениꙗ. то привести ѥмоу видокъ** 617об.: 3–11 ‘Если придёт окровавленный человек на двор ⟨ко князю⟩ или в синяках, то ему не нужно искать свидетеля, но следует заплатить ему штраф 3 гривны. Если же не будет на нём следов, то ему следует привести свидетеля’; **или пьхнеть моужь моужа. любо к собѣ любо ѿ себе. любо по лицю оударить. или жердью оударить. а видока два въведоуть. то ·г҃· грвнъі продаже** 617об.: 27–34 ‘Если толкнёт человек человека либо к себе, либо от себя, либо ударит по лицу, либо жердью ударит, и приведут двух свидетелей, то 3 гривны штрафа’; **а се третьѥѥ холопьство. тиоуньство безъ рѧдоу. или привѧжеть к собѣ ключь безъ дрѧдоу** (!). **или с рѧдомъ. то како сѧ боудеть рѧдилъ. на томь же стоить** 626об.: 15–20 ‘а вот третий (вид) холопства — служба тиуном без договора, если кто привяжет себе ключ без договора; если же с договором, то о чём, как окажется, договорился, на том пусть стоит’. Последний контекст содержит **или… или**, ср. выше пример из Вит. 1 с **али… али**.

Из союзов, фиксируемых в текстах только в условном значении, в РПр относительно частотен **аче**, специфических условий для его употребления не наблюдается. В сочетании с частицей **ли** этот союз, как и **оже**, выступает в значении ‘если же наоборот’, ср.: **положити ѕа головоу ·п҃· грвнъ аче боудеть кнѧжь моужь. или тивоуна кнѧжѧ. аче ли боудеть роусинъ любо гридь. любо коупець. любо тивоунъ боꙗрескъ. любо мечникъ. любо изгои. любо словенинъ. то .м҃. грвнъ положити ѕа нь** 615об.: 13–25 ‘Определить за тело 80 гривен, если это будет приближённый князя или княжеского тиуна; если же это будет русь, или младший дружинник, или купец, или боярский тиун, или мечник, или изгой, или славянин, то определить за него 40 гривен’.

Как и в деловых новгородских грамотах, условный союз **аще** в РПр обнаружен всего один раз, причём в общем контексте с **аже**: **аже кто кого оударить батогомь. любо чашею. любо рогомь. любо тылѣснию. то ·в҃і· грвнѣ. не тьрпѧ ли противоу томоу оударить мечемь. то винъ ѥмоу в томь нѣтоуть аще ли оутнеть роукоу. и ѿпадеть роука. или оусъхнеть. или нога. или ѡко. или не оутьнеть. тъ полъ виръ ·к҃· грвнъ. а томоу ѕа вѣкъ ·і҃· грвнъ** 617: 31–47 ‘Если кто-нибудь ударит другого дубинкой, или чашей, или рогом, или кулаком, то 12 гривен; если, не выдержав, тот в ответ ему ударит мечом, то его вины в этом нет; если же отсечёт руку, и рука отвалится, или нога, или глаз…; если же не отсечёт, то половину штрафа 20 гривен, а тому за увечье 10 гривен’. Специфически книжных признаков,

в отличие от контекста ГВНП, в примере из РПр нет, поэтому, возможно, употребление **аще** здесь вызвано стремлением избежать повторения союза.

В **летописях** в целом условных союзов достаточно много.

Таблица 2

Летописи

Памятник / Союз	ПВЛ	НПЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ
ВСЕГО	242	24	215	38	19	61
аже	–	5 (22 %)	57 (26 %)	3 (8 %)	6 (32 %)	1
аче	1	–	20 (9 %)	–	–	–
аще	233 (95 %)	8 (35 %)	38 (18 %)	31 (82 %)	2 (10 %)	44 (72 %)
даже	–	1	10 (5 %)	–	–	–
даче	1	1	1	–	–	–
еже	2	–	–	–	–	–
иже	1	–	2	–	–	–
или	–	2 (8 %)	–	–	–	–
оже	4 (2 %)	7 (30 %)	69 (32 %)	4 (10 %)	11 (58 %)	15 (25 %)
пакы (ли)	–	–	18 (8 %)	–	–	1

Наибольшее количество союзов представлено в ПВЛ (6) и КЛ (8). Однако в ПВЛ частотен только **аще** — прочие союзы, кроме **оже**, не превышают 1 %. Применительно же к КЛ можно говорить о большом разнообразии средств для подчинения условной части периода. Если учитывать общее — весьма небольшое — число примеров в НПЛ, разнообразие условных союзов в этой летописи тоже достаточно велико.

Как и по многим другим параметрам, по употреблению условных союзов летописи делятся на более книжные (ПВЛ, ГЛ, СЛ) и менее книжные (НПЛ, КЛ, ВЛ). Ситуация в летописях второй группы с точки зрения градации союзных средств ближе к древнерусским берестяным письмам и РПр: на первом месте в этих памятниках, как правило, стоят **оже** и **аже**. То же касается и разнообразия: в НПЛ и КЛ больше синонимов со значением ‘если’.

Оже и **аже** употребляются во всех летописях, за исключением ПВЛ, где нет **аже**. Вероятно, отсутствие этого союза в ПВЛ можно объяснить его более поздним распространением в древнерусских текстах по сравнению с **оже**, как показывают приведённые выше примеры из грамот и РПр.

Из менее книжных летописей в НПЛ условных союзов немного, и на этом фоне **оже** относительно частотен (почти как **аще**), а **аже** употребляется несколько реже. И **аже**, и **оже** встречаются как в собственном тексте ле-

тописи, так и во вставных фрагментах, например в южнорусской по происхождению Повести о битве на Калке под 1224 г: **оже мы брат симъ не поможемъ. тъ си имоуть придатисѧ к нимъ** 97: 10–12 ‘Если мы, братья, им не поможем, то они непременно сдадутся тем’; **аже въбежать къ вамъ. а биите ихъ ѿтолѣ** 97об.: 10–11 ‘Если выбегут к вам, то бейте их оттуда’. Ещё один контекст с **оже** — из вставной Повести о взятии Царьграда: **оже намъ нѣтоу исаковицѧ. с нимьже ѥсме пришли. да лоуче нъı ѥсть оумрети оу царьграда нежели съ срамомь ѿити** 68об.: 3–6, 1204 ‘Если (раз уж) у нас нет Исаковича, с которым мы пришли, то лучше нам умереть у Царьграда, чем с позором отступить’.

Два примера с **оже** — цитаты из Библии, однако изначальный синтаксис в них перестроен: **нъ оже бъ по насъ кто на нъı** 107об.: 17 (1228) ‘Но если Бог за нас, кто против нас’ (ср. Рим 8: 31 ***аще…***); **а оже кто подъ другомъ копаѥть ꙗму. самъ впадетсѧ в ню** 167об.: 23–25 (1337) ‘А если кто копает под другим яму, сам свалится в неё’ (ср. Еккл 10: 8 ***копаи яму***…).

И **оже**, и **аже** встречаются в диалогах простых людей: (псковичи — рижанам) **оже поидоу на насъ тъ въı намъ помоѕите** 104об.: 15–16, 1228 ‘Если они пойдут на нас, то вы нам помогите’; (новгородцы друг другу) **аже брате кнѕь нашь тако сдоумалъ. с нашими крьтоперестоупникъı. оно имъ бъ и стаꙗ софьꙗ. а кнѕь безъ грѣха** 134об.: 4–8, 1255 ‘Если, братья, наш князь так сговорился с нарушителями данного нам крестного целования, вот им Бог и святая София, а князь без греха’; в беседах нижестоящих с вышестоящими и наоборот, ср.: **аже онаньꙗ лишитсѧ посадничьства. ꙗѕъ вамъ гнѣва ѿдамь** НПЛ 134об.: 10–12, 1255 ‘Если Онанья лишится места посадника, я вас помилую’; **оже ти не оугодьно дьржати новагорода снмь. а въда нъı брат** НПЛ 94об.: 9–11, 1222 ‘Если тебе неугодно, чтобы Новгородом правил твой сын, то дай нам брата’. При этом функциональность **оже** в НПЛ, как и в бытовых и деловых текстах, шире, чем у **аже**. Употребление не только в условной функции в НПЛ возможно для обоих союзов. Но **оже** чаще, чем **аже**, выступает в роли изъяснительного союза (7 контекстов с **оже** против 2 с **аже**), например: **онъ же оуслъышавъ оже идоуть на нь** 34: 9–10, 1067 ‘А он, услышав, что на него идут войной…’; **томоу ѥсмъ радъ оже винъı моѥи нѣтоу** 91: 16–17, 1219 ‘поэтому я рад, что моей вины нет’; **слъышалъ ѥсмь аже ꙗрославъ идеть на новъгородъ. со всею силою своею** 149: 3–7, 1270 ‘Я слышал, что Ярослав идёт на Новгород со всеми своими силами’. В отличие от **аже**, союз **оже** в НПЛ может выступать помимо изъяснительных также в придаточных причины: **мьртвьци по оучамъ** (!) **и по търгоу. и но** (!) **мостоу. по великомоу. ѿ пьсъ изедаѥмъı. оже не можахоу погрѣбати** 113об.: 18/114: 2, 1231 ‘Мертвецы по улицам, и на торговой площади, и по великому мосту поедаемые псами, потому что не могли хоронить’ — и следствия, ср.: **и побѣди ꙗ. нъ лютъ бѧше поуть. оже коуплѧхоу по ногатѣ хлѣбъ** 10об.: 9–12, 1123 ‘И он их победил; но тяжек был путь, так что хлеб покупали по ногате (за меру)’.

В КЛ **оже** и **аже** — самые распространённые условные союзы. Они представлены практически в одинаковых контекстах, встречаясь в библейских и богослужебных цитатах; на контексты с упоминанием Бога и крестного целования приходится по 37 % употреблений каждого союза (26 **оже** и 21 **аже**), ср.: **тъı же еси бра҃т оудоумалъ бълъ. тако. ѡже на мѧ бъ҃ ѿц҃ю твоемоу помоглъ. и тобѣ было въѣхавши в киевъ. бра҃т моего ꙗти и сн҃а моє҃г и жена моꙗ и домъ мои взѧти** 136а: 16–22, 1149 ‘Ты же, брат, задумал было так: если Бог помог твоему отцу против меня, и тебе бы, въехав в Киев, захватить моего брата, и сына, и жену, и мой дом забрать’; **аже ми бъ҃ дасть оуспѣю галичю** 179а: 15–17, 1159 ‘Если мне Бог даст, успею к Галичу’. Доля светских контекстов, соответственно, составляет 63 % употреблений каждого союза (44 **оже** и 36 **аже**), например: **ѡже. мѧ оумиришь съ братомъ. то по всеволожи животѣ помогоу ти про киевъ** КЛ 116г: 32/117а: 3, 1144 ‘Если ты помиришь меня с братом, то после смерти Всеволода я помогу тебе с Киевом’; **брате аже зовоуть тѧ съ честью. иди** 214б: 2–3, 1178 ‘Брат, если тебя зовут с честью, иди’. Как и в НПЛ, в КЛ охват функций у **оже** шире. **Оже** и **аже** в КЛ выступают и как изъяснительные союзы, например: **и на томъ цѣловаше. вси киꙗне хр҃стъ и с дѣтми. ѡже подъ игоремь не льстити подъ ст҃ославомъ** 119б: 7–10, 1146 ‘И на том все киевляне с детьми целовали крест, что(бы) не строить козней ни Игорю, ни Святославу’; **и слыша ѿ некого. аже брата его кнѧзь велѣлъ казнить** 207а: 28–30, 1176 ‘И он слышал от одного человека, что его брата князь велел казнить’. Но если изъяснительных предложений с **аже** в КЛ 32 (28 из них — на листах 222б–245а, 1184–1200 гг., единственной части текста КЛ, где **аже** частотнее **оже**), то с **оже** — 178. Придаточные причины вводятся союзом **аже** трижды, причём для всех примеров не исключено условное значение, ср.: **нн҃ же всего того не поминаю роускиꙗ дѣлѧ землѧ. и хр҃тьꙗнъ дѣлѧ. аже есте ко мнѣ прислалисѧ. мира дѣлѧ. и ѡ томъ сѧ каете што есте хотѣли оучинити** 133г: 14–21, 1148 ‘Сейчас же я обо всём этом не упоминаю ради Русской земли и христиан, потому что (раз уж?) вы ко мне послали послов для ⟨заключения⟩ мира и каетесь в том, что хотели устроить’. Придаточные с **оже** ‘потому что’ зафиксированы в КЛ 10 раз, ср.: **киꙗне же рекоша. не мъı его оубили но ѡльгови҃ч дв҃двича и всеволодичь. ѡже мъıслили на нашго кн҃зѧ зло. хотѧче погоубити льстью** 129г: 14–19, 1147 ‘киевляне же сказали: «Не мы его убили, но Ольговичи, Давыдовичи и Всеволодич, потому что замышляли на нашего князя зло, намереваясь погубить обманом»’.

В ВЛ, как и в других летописях, где есть и **оже**, и **аже**, вариант **оже** частотнее: это самый распространённый из трёх условных союзов памятника. Из шести контекстов с **аже** три — из диалога князей, ср.: **аже не поедешь добромъ. а зломъ пакъ поѣдешь же** 929: 22–23, 1289 ‘Если добром не поедешь, то злом-то поедешь же’. Другие три примера — из завещаний. Интересно, что, как было сказано выше, в ГВНП первый условный **аже** встречается именно в завещании (духовная Климента 1255–1257 гг.). Союз **оже**

в завещании выступает один раз, в том же контексте, что и **аже**: **а княгини моа. по моемь животѣ. ѡже восхочеть в черничѣ поити поидеть. аже не восхочеть ити. а како еи любо. мнѣ не воставши смотрить что кто иметь чинити. по моемь животѣ** 904: 9–14 ‘А княгиня моя после моей смерти, если захочет пойти в монахини, пойдёт, если (же) не пожелает пойти, то как ей угодно: мне не посмотреть, воскреснув, кто что станет делать после моей смерти’. Альтернативное условие в приведённом примере вводится союзом без дополнительных частиц — стоит обратить внимание, что никаких условных союзов с **ли** в ВЛ нет.

Из 11 условных придаточных с **оже** в ВЛ три содержат упоминание Бога, ср.: **како боу любо и тобѣ. ѡже хочешь грамоты писати. како бьꙗ волѧ и твоꙗ** 902: 25–27, 1287 ‘Как угодно Богу и тебе; если ты намерен писать грамоты — (пусть будет) по Божьей воле и твоей’, а 8 — совершенно светские, например: **ѡже поидемь к новоугородъкоу а тамо оуже татарове извоевали все. поидемь. кдѣ к чѣломоу мѣстоу** 877: 2–4, 1277 ‘Если мы пойдём к Новому городку, то (окажется, что) там татары уже всё разорили…’; **ѡже имешь кнѧжити во краковѣ. то ть мы готовѣ твої** 910: 8–9, 1287 ‘Если ты станешь княжить в Кракове, то вот мы готовы ⟨быть⟩ на твоей стороне’.

Союз **аже** всего один раз употреблён не как условный (**аже ми боудеть смрть. по своемь животѣ. даю. землю свою всю. братоу своемоу Мьстиславоу** ВЛ 931: 1–3, 1289 (завещание Владимира Васильковича) ‘Когда придёт ко мне смерть…’[8]), а **оже** выполняет несколько разных функций: 38 раз присоединяет придаточное изъяснительное, ср.: **и приде вѣсть тогда. данилови кнѧзю и к василкови. ѡже боуронда идеть** 849: 1–3, 1261 ‘И тогда пришло известие князю Данилу и Васильку, что идёт Бурундай’, 4 раза выступает как союз причины, например: **по своемь животѣ. даю. землю свою всю. братоу своемоу мьстиславоу. а тобѣ не дамъ. ѡже мене. не слоушаешь. ѡца своего** 931: 2–5, 1289 ‘После моей смерти я даю всю свою землю моему брату Мстиславу, а тебе не дам, потому что ты не слушаешься меня’.

В более книжных летописях процент как **оже**, так и **аже** в несколько раз ниже по сравнению с менее книжными.

В ПВЛ союз **оже**, несмотря на низкую частотность употреблений в этой летописи, выполняет и функцию условного союза (5 раз), и изъяснительную (7 контекстов). В условном значении **оже** употребляется дважды в текстах Договоров с греками, например: **а ѡже переступїть се ѿ страны нашеꙗ. или кнѧзь. или инъ кто. или крщенъ или не крѣщенъ да не имать ѿ ба помощи** 20d: 27–32, 945 ‘А если это нарушит с нашей стороны князь ли или кто другой, крещёный или некрещёный, пусть не будет ему от Бога помощи’. Три контекста — диалоги князей на бытовые темы, причём все — на лл. 90–91, ср.: **ѡже хощеши послати мужа своего. и воротитсѧ воло-**

[8] Для этого контекста, впрочем, не исключено и условное значение.

димеръ. то вдам ти которыи любо городъ 91а: 16–19, 1219 ‘Если ты захочешь послать своего человека, и Владимир повернёт назад, то я дам тебе какой угодно город’.

В ГЛ **оже** ‘если’ встречается 4 раза, все примеры — это светские контексты, ср.: **ѡже ти не восхочеть. даи емоу поохати зельꙗ. именемь вшанъ** 716: 19–20, 1201 ‘Если же не пожелает, дай ему понюхать траву, которая называется емшан’; **ѡже еси миренъ поиди со мною** 846: 18, 1260 ‘Если ты не сражаешься, иди со мною’.

Все три контекста ГЛ с условным союзом **аже** — из княжеских диалогов, один — с упоминанием Бога: **аже даси королевичю когда восхощеши. можеши ли взѧти под нимь. даси ли данилови. в вѣкъ не твои боудеть галичь** 750: 17–18, 1227 ‘Если отдашь королевичу, когда захочешь, сможешь ли забрать у него? Отдашь же Данилу — навеки станет для тебя недоступен Галич’; **ажь бъ восхочеть. поидивѣ на нѧ** 752: 8–9, 1227 ‘Если Бог пожелает, мы вдвоём пойдём против тебя’. В третьем примере ГЛ **аже** употребляется наряду с **аще**, причём первое условие выражается с помощью **аще**, а альтернативное — с помощью **аже ли**: **аще вы боудете оу мене. вамъ ездѣти в станъ к нимъ. аже ли азъ боудоу**[9] 848: 16–18, 1260 ‘Если вы будете у меня, вам следует ездить к ним в лагерь, если же я буду…’. Как в КЛ и НПЛ, в ГЛ **оже** и **аже** различаются по функциональности. **Аже** выступает только как условный союз, а **оже** может также присоединять придаточное следствия: **люто бо бѣ бои оу чернигова. ѡже и таранъ на нь поставиша. меташа бо каменемь. полтора перестрѣла. а камень ꙗкоже можахоу. д҃. моужи силнии подъѧти** 772: 22–26, 1234 ‘Лютой была битва у Чернигова, так что и таран к нему приставили…’ — и изъяснительное: **ре емоу король не взѧлъ быхъ тысѧще серебра за то ѡже еси пришелъ. ѡбычаемь роускимь ѡц҃въ своихъ** 814: 24–27, 1252 ‘…за то, что ты пришёл…’.

В СЛ **аже** ‘если’ встречается всего один раз, в контексте, связанном с крестным целованием: **на тѧ будеть грѣхъ. аже переступишь хрьное цѣлованье** 297: 16–17, 1127 ‘На тебе будет грех, если ты нарушишь крестное целование’. Интересно, что это единственный летописный пример с постпозицией **аже**. При этом параллельный текст КЛ отражает неверное прочтение: **он же переступивъ хрестьное целование** КЛ 109а: 1–3, — которое, однако, позволяет предположить в исходном тексте не **аже**, а **оже**. Таким образом, данные СЛ, как и остальных летописей, не противоречат утверждению о позднем появлении в древнерусском языке постпозитивных условных придаточных с **аже**.

Союз **оже** в летописи относительно частотен. Из 15 примеров с условным **оже** 8 совпадают с КЛ, кроме одного, где в КЛ читается **аже**: **поидевѣ на нь. ѡже и проженевѣ. и поидевѣ на гюрга** СЛ 315: 13–15, 1147 ‘давай мы вдвоём пойдём ⟨войной⟩ на него. Если его прогоним, то пойдём на

[9] На этом месте текст летописи обрывается.

Юрия’ — в КЛ **аже и проженевѣ** 126б: 3–13. Остальные 7 контекстов из непараллельного КЛ текста Суздальской летописи — диалоги, как правило, светского содержания, ср.: **ѡже к на не пустить ѡлговичь ст҃ополка а мы ѡлговича не хоче. а любо к на самъ поиди. любо сн҃а пусти** 309: 5–7, 1141 ‘Если (раз уж) Ольгович не пускает к нам Святополка, а Ольговича мы не хотим, то либо сам к нам приди, либо отправь сына’; **брате ѡже тѧ привели старѣишаꙗ дружина. а поѣди ростову. а ѿтолѣ миръ възмевѣ** 380: 23–25, 1177 ‘Брат, если (раз уж) тебя привела старшая дружина, то поезжай в Ростов, и с этого момента заключим мир’. Упоминание Бога имеется только в одном контексте: **да ѡже михалка бъ҃ поꙗлъ. а с брато его съ всеволодомъ бъ҃ росудилъ тѧ чему к намъ идеши** 382: 22–24, 1177 ‘И если (раз) Михалька Бог забрал, а с его братом Всеволодом Бог тебя рассудил, зачем ты идёшь к нам?’. В СЛ **аже**, как в НПЛ и КЛ (в противоположность ГЛ и ВЛ), может служить не только условным союзом. В четырёх контекстах **аже** присоединяет изъяснительные предложения, например: **слышав же галичане. с романовичема аже идеть рать на нѧ силна ѿвсюду. и оубоꙗшасѧ ꙁѣло** СЛ 426: 29–31, 1206 ‘Галичане же с Романовичами, услышав, что на них идёт многочисленное войско со всех сторон, сильно перепугались’. Но **оже**, как и в прочих летописях, во всех этих функциях частотнее. Так, **оже** в СЛ служит изъяснительным союзом в 10 раз чаще, чем **аже** (40 контекстов), ср.: **то слышавъ великыи кнѧꙁь Всеволодъ. ѡже Дв҃двъ полкъ побѣженъ. и сватъ ѥму ꙗтъ** 413: 11–12, 1196 ‘Великий князь Всеволод, услышав о том, что Давидово войско побеждено…’. Трижды союз **оже** выступает в значении причины, например: **помоꙁи Бъ҃ дружинѣ. ѡже не ꙁабывають любве ѡц҃а наго** 372: 27–28, 1175 ‘Помоги Бог дружине, потому что они не забывают милости нашего отца’.

По данным всех древнерусских летописей, союз **аже** менее частотен, выступает в меньшем количестве значений и более ограничен в своих функциях, к тому же отсутствует в ПВЛ, что подтверждает предположение о его более позднем распространении в древнерусских текстах. Именно в летописном жанре условный **аже** и позже не стал частотнее: так, в Московском своде конца XV в. **аже** нет вовсе. По данным НКРЯ, из старорусских летописей только в новгородско-псковских изредка встречается **аже** ‘если’: например, в Строевском списке Псковской 3-й летописи 5 раз зафиксирован **аже** в условном значении (наряду с тремя условными **оже** и 16 **аще**).

Важное отличие летописей, в том числе и наименее книжных, от бытовых грамот и деловых документов — роль **аще**. В летописях бóльшей степени книжности **аще** используется в подавляющем большинстве условных контекстов.

В относительно некнижной НПЛ **аще** — тоже самый частотный условный союз, но он имеет контекстные ограничения. Из 8 примеров три — библейские цитаты, например: **аще хощете послоушати мене. блг҃аꙗ ꙁемнаꙗ снѣсте. аще ли не хощете ни послоушаете мене. ѻроужие въ**

поꙗсть 125: 21/125об.: 1–2, 1238 ‘Если захотите послушать… если же не захотите…’, ср. Ис 1: 19. Ещё один пример — в молитве: **да аще кто помолитьсѧ въ цр҃кви сеи. съ вѣрою. тъ оуслъши мл҃твоу ѥго. и ѿпоусти грѣхы ѥго** 59об.: 15–18, 1198 ‘И если кто помолится в этой церкви с верой, то услышь его молитву и отпусти его грехи’. Из оставшихся четырёх относительно светских контекстов один принадлежит вставной Повести о взятии Царьграда: **аще сего доужа ѿпоустиши съдрава. тъ много ѕла створить. твоѥмоу цр҃твоу** 71об.: 4–6, 1204 ‘Если ты отпустишь этого Дужа невредимым, то он много зла причинит твоему царству’. В двух примерах с **аще** содержится либо упоминание Бога, либо новозаветная цитата, но сам союз в цитату не входит, ср.: **аще бы кто добро дроугоу чинилъ. то добро бы было. а копаꙗ подъ дроугомь ꙗмоу сам сѧ в ню въвалить** НПЛ 136: 5–8, 1257 ‘Если бы кто другому делал добро, то было бы добро, а копающий другому яму сам в неё свалится’, ср. Еккл 10: 8. О том, что **аще** в НПЛ встречается только в библейских цитатах и религиозных отступлениях, говорится в [Истрина 1923: 190]. Подобных маркеров не содержится только в одном примере собственно новгородского по происхождению нарратива: **да аще кто иѕ ꙑстьбы вылеѕеть напрасно оубьѥнъ бываше. невидимо** 6: 5–7, 1092 ‘И если кто вылезет из избы, его внезапно невидимо убивали’.

В наименее книжных КЛ и ВЛ **аще** на третьем месте по употребительности. Из 38 контекстов КЛ 9 представляют собою новозаветные цитаты и реминисценции, например: **тъ бо сп҃се гл҃алъ еси. вѣроуꙗ в мѧ аще оумреть живъ боудеть въ вѣкы** 128г: 13–15, 1147 ‘Ведь Ты, Спасе, говорил: «Верующий в Меня если умрёт, жив будет вовеки»’, ср. Ин 11: 26; **аще кто неѕаконно мученъ бꙋдет не вѣнцаетсѧ** 197г: 16–17, 1172 ‘Если кто будет подвизаться не по закону, не увенчается’, ср. 2 Тим 2: 5. Ещё 17 — молитвы и другие упоминания Бога, например: **аще ба҃ любиши люби брата** 143а: 18–19, 1149 ‘Если ты Бога любишь, люби брата’. Два примера связаны так или иначе с религиозным контекстом, ср.: **аще была ти мысль на постриженіе. в томъ еси воленъ** 124б: 23–25, 1146 ‘Если у тебя была мысль о пострижении, в этом ты волен’. В четырёх случаях речь идёт о крестном целовании, например: **аще кто перестоупить кр҃тьное цѣлованіе на того. быти всимъ** 118а: 7–10, 1145 ‘Если кто нарушит крестное целование, против того следует выступить всем’. Собственно светских контекстов остаётся всего 5, например: **аще комоу на боудеть ѡбида да тъ прави** 118а: 27–29, 1145 ‘Если кого-то из нас будут притеснять, ты распоряжайся’; **аще оуѕможно есть покажи ми** 173в: 33/173г: 1, 1155 ‘Если возможно, покажи мне’.

В ВЛ **аще** зафиксирован всего два раза, и один из примеров — неточное цитирование евангельского текста: **слыша Г҃а гл҃ща. аще створите братьи моеи меншеи то и мнѣ створисте** 921: 22–23, 1289 ‘Слыша Господа, говорящего: «Если сделаете (!) ⟨это⟩ для братьев Моих меньших, то вы сделали ⟨это⟩ для Меня»’ (ср. Мф, 25: 40 ***яже створисте***).

Другие условные союзы встречаются не во всех летописях. Союз **аче** зафиксирован только в Ипатьевском списке ПВЛ и КЛ, причём в ПВЛ — всего один раз: **и реч цр҃ь молю тѧ ѡ г҃и ѿпусті нынѣ грѣхъ раба твоего. аче не люб[о] ти а ворочюсѧ дому моемоу** 98d: 15–18, 1110 ‘И сказал цесарь: «Молю Тебя, о Господи, отпусти ныне грех раба Твоего; если Тебе неугодно, то я вернусь в свой дом»’. Судя по тематике, **аче** в Ипатьевском списке ПВЛ (в Лаврентьевском параллельного текста нет) выступает как вариант **аще**, что для прочих оригинальных памятников нетипично.

В КЛ **аче** употребляется достаточно активно. Но в процентном соотношении примеров с **аче** не слишком много, приблизительно столько же, сколько в Русской Правде (см. Таблицу 1). Большинство контекстов с **аче** в КЛ, в противоположность примерам с **аще**, — светские (13 из 20), ср.: **пꙋстите мѧ по немь. аче самъ оу^те^четь мене. а женоу и дѣти ѿ него ѿѡимоу имѣние его въсхыщю** 123в: 17–20, 1146 ‘Пошлите меня за ним — если сам он убежит от меня, то я отберу у него жену и детей и заберу его имущество’; **аче ти мѧ оубити сн҃оу на семъ мѣстѣ. а оубии а ꙗ не ѣдоу** 144в: 2–4, 1150 ‘Если тебе придётся убить меня, сын, на этом месте, то убей, но я не поеду’. В остальных семи примерах упоминается Бог и/или крестное целование, ср.: **сн҃у аче володимеръ оумреть а бъ҃ оубилъ его. ꙁане ступилъ есть хр҃тьного чѣлованиꙗ. къ ѡбѣима нама. на нѣмже цѣловалъ хр҃тъ** 162в: 26–31, 1152 ‘Сын, если Владимир умрёт, то ⟨это⟩ Бог убил его, потому что он нарушил крестное целование к нам двоим в том, о чём целовал крест’. Библейских цитат среди примеров с **аче** нет. Очевидно, что в КЛ ситуация с **аче** не такая, как в ПВЛ, специфических ограничений, подобных ограничениям для **аще**, у союза **аче** не имеется, и летопись в этом отношении не отличается от грамот и РПр.

Союз **даже** в условном значении отмечен в КЛ и НПЛ. В обоих памятниках он редок. В НПЛ три примера, все контексты религиозные, ср.: (молитва Твердислава) **даже боудоу виноватъ. да боудоу тоу мр҃твъ. боудоу ли правъ а тъі мѧ оправи г҃и** 90об.: 7–9, 1218 ‘Если я окажусь виноват, пусть я буду здесь мёртв, а окажусь прав, то Ты оправдай меня, Господи’. В КЛ условный **даже** встречается чаще, при этом все контексты светские, ср.: **даже нъі бъ҃ поможеть а сѧ ихъ ѿтобьемъ. то ти не крилати соуть. а перелетѣвше ꙁа днѣпръ сѧдуть же** 155б: 16–19, 1151 ‘Если нам Бог поможет, то мы отобьёмся от них: ведь они не крылатые, и, перелетев через Днепр, сядут же’. Интересно, что в четырёх случаях из 10 союз **даже** употреблён параллельно с условной конструкцией **пакы ли** в ситуации «новое условие — альтернативное условие»: **даже… а/пакы ли… а, даже… да/пакы ли… да, даже… то/ пакы ли… то**. Ср.: **даже мѧ постигнеть володимеръ съ сѣми а с тѣми сꙋ^д^ бг҃и вижю а како бъ҃ роꙁъсудить с ни^м^. пакъі ли мѧ оусрѧщеть гюрги а с тѣми сꙋ^д^ бг҃и вижю како мѧ с ни^м^ бъ҃ росоудить** 149а: 16–23, 1150 ‘Если меня настигнет Владимир… если же мне встретится Юрий…’; **дажь еси реклъ моложьшему сѧ не поклоню. да се ѧꙁъ тебе старѣи. есмь. не маломъ но многомъ. аꙁъ оуже. бородатъ а**

тъı сѧ ѥси родилъ. пакъı ли хощеши на моѥ старишиньство поѣхати ꙗко то еси поѣхалъ. да бъ за всимь 155г: 27/156а: 2, 1151 ‘Если ты сказал: «Я не поклонюсь младшему», — то вот я тебя старше… Если же ты собираешься ⟨, покусившись⟩ на моё старшинство, пойти ⟨войной⟩…’; **Дажь стоиши в томъ рѧдоу то тъı намъ братъ. пакъı ли поминаѥшь давнъıꙗ тѧжа. которъıи бъıлѣ при ростиславѣ. то стоупилъ еси рѧдоу мъı сѧ в то не дамъı** 232б: 15–20, 1190 ‘Если ты твёрдо соблюдаешь тот договор, то ты нам брат. Если же снова напоминаешь о давних спорах…’.

Только в КЛ и СЛ отмечен условный союз **пакы** (**ли**). Один раз в КЛ фиксируется **пакы** без **ли**: **аже въѣдемъ в нѣ. то азъ вѣде ти сѧ за мѧ биють. пакъı нъı нѣлзѣ будеть поѣхати. на бѣлъгородъ. а в чернъıи клобукъı въѣдем** 150в: 2–6, 1150 ‘Если приедем к ним, то я знаю: они будут биться за меня. Если же нам нельзя будет поехать в Белгород, то поедем к Чёрным Клобукам’. В параллельном контексте Хлебниковского и Погодинского списков при этом **ли** имеется, так что пример нельзя считать абсолютно надёжным. Во всех прочих случаях употребляется только **пакы ли**. Тенденция к использованию **пакы** (**ли**) для выражения альтернативного условия в КЛ ярко выражена: такого рода контекстов 15 из 18.

На примере текстологически разнородных частей КЛ можно продемонстрировать различные варианты употребления **пакы** (**ли**) ‘если’. В первой части (до л. 116в: 19) союза нет, во второй (до 146г: 15, 1144–1150 гг.) он выступает только в качестве первого или единственного условного союза, например: **но се мира ищють. оу наю пакъı ли рать годно а ꙗ на тобѣ оукладъıваю** 133в: 9–11, 1148 ‘Но вот они стремятся к миру с нами. Если же ⟨тебе⟩ угодно воевать, то я возлагаю ⟨это⟩ на тебя’. Идентичен пример из четвёртой (163а: 14–194г: 32, 1152–1171 гг.) части: **стославъ же слаше и-чернигова къ изѧславу. велѧ ему миръ взѧти. пакъı ли ти не дадѧ мира а всѧко поѣди за днѣпръ** 184г: 18–23, 1161 ‘А Святослав посылал послов из Чернигова к Изяславу, приказывая ему заключить мир. «Если же он с тобой не заключит мира, то всё равно поезжай за Днепр»’. В третьей части (146г: 15–163а: 13, 1150–1152 гг.) **пакы ли** в большинстве случаев — единственный союз периода, ср.: **киꙗне же рекоша вѧчьславу и изѧславу. и ростиславу. ать же поидуть вси. како можеть и хлоудъ в роуци взѧти пакъı. ли хто не поиде намъ же и даи ать мъı сами побьемъı** 157а: 11–17, 1151 ‘А киевляне сказали Вячеславу, и Изяславу, и Ростиславу: пусть же пойдут все, кто может взять в руки копьё. Если же кто не пойдёт, нам же и поручи, чтобы мы побили его сами’. Однако встречаются контексты, где **пакы ли** выступает в параллельных конструкциях с **даже** (см. выше КЛ 149а: 16–23). В последних же частях КЛ **пакы ли**, как правило, вводит альтернативное условие в параллельных конструкциях с **аже** и **оже**, например в пятой части (195а: 1–222б: 16, 1171–1183 гг.): **реклъ бо еси ѡже ꙗ сѧду вь киеву то ꙗ тебе надѣлю пакъı ли тъı сѧдеши вь кыевѣ то тъı ме надѣли** 204г: 27–30, 1174 ‘Ты ведь сказал: «Если я сяду в Киеве, то я дам тебе надел; если же ты сядешь в Киеве, то ты дай мне надел»’; в шестой

части (222б:17–245а: 3, 1184–1200 гг.): **ажь любишь нами рѧдъ правыи. и в любви с нами быти то мы любви не бѣгаемь. и на всеи волѣ твоеи [быти] станемь. пакы ли что еси оумыслилъ. а того не бѣгаемь же. да како ны бъ расоудить с вами и стыи спсъ** 240б: 11–17, 1196 ‘Если ты предпочитаешь справедливый договор с нами и быть с нами во взаимной помощи, то мы не избегаем сотрудничества и будем поступать полностью по твоей воле. Если же ты что задумал, то и этого мы не будем избегать, и ⟨пусть будет так,⟩ как Бог нас рассудит и Святой Спас’.

В СЛ **пакы ли** выступает всего в одном контексте, в котором, как и в большинстве примеров КЛ, выражается значение ‘если же наоборот’: **а галича не ищи подъ моею бра҃ю. пакы ли не поидешь добро҃. иду на тѧ ратью** 428: 2–3, 1206 ‘А за Галич против моих братьев не интригуй; если же добром не уйдёшь, я пойду на тебя войной’.

Только в летописях встречается редкий древнерусский условный союз **даче** — зафиксировано по одному примеру в ПВЛ, НПЛ и КЛ: **и буди ва[(м)] перемышль да[(а)]че ва[(м)] любо да сѣдѣта** ПВЛ 94с: 2–4, 1100; ‘И пусть Перемышль будет вашим — если вам по нраву, сядьте в нём ⟨княжить⟩’; **рчи тако ꙗрославоу. даче медꙋ ма⟨ло.⟩ а дроужины много. да къ вечероу въдати** НПЛ 1: 10–12, 1016 ‘Скажи Ярославу так: если мёда мало, а дружины много, то следует дать ⟨мёд⟩ к вечеру’; **даче бы не мытникъ. оустереглъ и моста не переметалъ. то ꙗли быша** КЛ 150г: 19–22, 1150 ‘Если бы сборщик пошлин не уберёг и не разрушил моста, то взяли бы’.

Отсутствующий в бытовых и деловых памятниках церковнославянский союз **иже** ‘если’ нельзя назвать освоенным в языке древнерусских летописей. Он употребляется только в Ипатьевском списке ПВЛ и КЛ, в ПВЛ — всего один раз: **се азъ слышю ѡже мѧ хочеть двдъ давати лѧхомъ. то сѧ мало насытилъ. крове моеꙗ. ї с[е] хощеть болше сѧ насытити. иже [м]ѧ вдасть имъ** 91b: 7–12, 1097 ‘Вот, я слышу, что Давыд хочет сдать меня ляхам; он мало попил моей крови, и вот, хочет напиться больше, если выдаст меня им’. При этом в Лаврентьевском списке в соответствующем месте читается **ѡже**, а не **иже** (ПВЛЛавр, л. 89об.).

Из 218 контекстов с условными союзами в КЛ **иже** употребляется всего в двух: **юже** (в других списках **иже**) **гюрги поиде҃ на тѧ. а ꙗзъ к тобѣ поиду** 164а: 26–28, 1152 ‘Если Юрий пойдёт ⟨войной⟩ на тебя, то я пойду к тебе’; **аже дѣеши хотѧть на мѧ поѣхати. а иже поѣдуть на тѧ с хвалою. а бъ будеть с тобою и ꙗ и моꙗ сновца** 178г: 30–33, 1159 ‘Раз ты говоришь: «Собираются пойти на меня ⟨войной⟩», — то если они пойдут на тебя с похвальбой, то Бог будет с тобой и я и мои племянники’.

Ещё два союза встречаются только в одном летописном памятнике.

Или ‘если’ зафиксирован в НПЛ. Из двух контекстов в одном выражено значение альтернативного условия (второй пример): **или ѥсте на на оудоумали. тъ мы противоу васъ съ стою бцею** НПЛ 105: 18–20 (1228)

‘Если вы против нас задумали дурное, то мы ⟨станем⟩ против вас со Святой Богородицей’; **і присла кн҃зь бориса на вѣче. въідаите ми ѻнанью посадника. или не въідадите. ꙗзъ вамъ не кн҃зь. ідоу на городъ ратью** НПЛ 134: 14–18, 1255 ‘И князь прислал Бориса на вече: «Выдайте мне посадника Онанию. Если же не выдадите, я вам не князь, пойду на город войной»’.

Только в ПВЛ по Ипатьевскому списку в двух контекстах встречается условный **еже**, один — из Договора с греками 945 г.: **и еже что принеслъ будеть чѣло все да возмет ѿ него** 19d: 7–9 ‘И если окажется, что он что-либо принёс в сохранности, пусть всё возьмёт у него’. В Хлебниковском списке здесь читается **иже**. Второй контекст в ПВЛЛавр не содержит союза **еже**: **и рѣша епп(с)ы и старци рать многа. а еже вира то на конихъ и на ѡружьи. буди** 47d: 9–11, 996 ‘…а если штраф — то пусть будет конями и оружием’ — в ПВЛЛавр (л. 43об./44) **ѡже вира то на ѡружьи**. Таким образом, употребление условного **еже** в ПВЛ — особенность только Ипатьевского списка и в дальнейшем не будет учитываться.

В жанре **вопросов клирикам и ответов на них** и в **поучениях** встречается довольно много условных союзов. Но даже в тех произведениях, где употреблены почти все, относительно частотны обычно два-три, а прочие представлены единичными примерами.

Таблица 3

Вопросы клирикам и ответы на них и поучения

Памятник / Союз	ОтвГеорг	Кир	ПИИ	ПСВ	ПЕвс
ВСЕГО	91	190	50	28	28
аже	4 (4 %)	63 (33 %)	13 (24 %)	2 (7 %)	2 (7 %)
али	----	2	----	----	----
аче	----	----	1	----	----
аще	83 (91 %)	82 (43 %)	3 (6 %)	26 (93 %)	26 (93 %)
даже	----	4 (2 %)	4 (7 %)	----	----
еже	----	17 (9 %)	----	----	----
иже	----	2	2	-----	----
или	2	----	1	----	----
оже	2	20 (11 %)	22 (41 %)	----	----
пакы	----	----	4 (7 %)	----	----

В **вопросах клирикам и ответах на них** на первый план выходит союз **аще**. Для более книжных ОтвГеорг это единственный частотный союз. В Вопрошании Кирика большинство условных предложений вводятся с помощью **аще**, но лишь немногим меньше употреблений приходится на

долю **аже**. Из 82 контекстов с **аще** 16 (20 %) принадлежат Кирику и 66 — Нифонту. В ответах епископа ожидаемо больше условных союзов (как правило, вопрос касается одной ситуации, а в ответе содержится несколько вариантов поведения). Но если число употреблений **аще** у Кирика и Нифонта соотносится как один к четырём, то второй по распространённости в памятнике условный союз **аже** представлен у Кирика 20 раз, а у Нифонта — 43 (на слова Кирика приходится 32 %), **оже** — 5 и 15 раз (25 % союзов). Таким образом, если Нифонт склоняется к выбору **аще**, то Кирик — к **аже**.

Что касается соотношения древнерусских союзов **аже** и **оже**, в ОтвГеорг четыре фиксации **аже** и две — **оже** в условном значении, ср.: **Аже сѧ покаєши ко оц҃ю. а бꙋдє покаалсѧ попъ. да аже ѡхапи** (! вместо **охаби**) **поповьства. ѡ҃ць та начнеть ходити покаати къ сн҃ви вышнемꙋ** (!) **не достоитъ прїати. ꙁане оц҃ь ємоу былъ** 30об.: 7–11 ‘Если ты каешься ⟨духовному⟩ отцу: окажется ли кающийся тоже священником и если откажется от священства ⟨духовный⟩ отец и станет ходить каяться к бывшему(?) ⟨духовному⟩ сыну, не подобает принять ⟨его исповедь⟩, потому что ⟨он⟩ был ему ⟨духовным⟩ отцом’; **[А]ще не вѣси оучити како кающаго, и єпитємїи давати противꙋ грѣхоу. то лоуче ти не прїимавше. но [о]же вѣси то прїиман** 26об.: 18–21 ‘Если ты не знаешь, как поучать кающегося и давать епитимии против греха, то лучше тебе не принимать ⟨исповедь⟩; но если знаешь, то принимай’.

В Кир **аже** ‘если’ намного более распространён, чем **оже**. И **аже**, и **оже** встречаются в памятнике в одних и тех же функциях. Ср. **аже** в условном значении у Кирика: **аже попа оувѣдаєть недостоинѣ слоужаща а боудеть ємꙋ сн҃ъ что подобаєть ємоу творити** 527об.: 24–29 ‘Если он узнает, что священник служит недостойно, а будет ему ⟨духовным⟩ сыном, что ему следует сделать?’ — и у Нифонта: **аже молодъ и невъꙁдерьжливъ не боронити ажь ли сѧ въꙁдержить а лоуче не ꙁапрещати силою али болии грѣхъ** 529об.: 27–33 ‘Если молод и несдержан, не запрещать, если же ⟨может⟩ воздерживаться, то лучше не запрещать насильно, иначе грех больше’; **оже** в условном значении у Кирика: **А ѡже дѣвкоу растлить и пакы сѧ ѡженить иною достоить ли поставити** 530: 28–31 ‘А если соблазнит девицу и потом женится на другой, допустимо ли рукополагать?’ — и у Нифонта: **Оже нѣлꙁѣ сѧ будеть причащати лѣ или полъ лѣ то ѡполоснутисѧ вечерѣ а наоутриѥ комъкатъ** 524: 44–50 ‘Если нельзя будет причащаться год или полгода, то омыться вечером, а наутро причащаться’. Как **аже**, так и **оже** в Кир может быть изъяснительным союзом, например: **А ѡже дьякъ поиметь женоу и оурозоумѣєть аже єсть не дѣвка** 530: 35–38 ‘А если дьяк возьмёт жену и поймёт, что она не девица…’; **И се влд҃ко оже жены наиболѣ кланѧютьсѧ в соуботу до ꙁемлѧ тако молвѧ ꙁа оупокои кланѧємсѧ** 520: 2–7 ‘И вот, владыка, ⟨по поводу того,⟩ что женщины больше всего кладут земных поклонов по субботам, говоря так: «За упокой кланяемся»’. Однако **аже** в этой функции встреча-

ется в 12 контекстах, а **оже** — всего в одном, причём для него не исключено значение ‘если’: ‘а вот если’ — несмотря на отсутствие главного предложения, в вопросительном контексте.

Показанная выше ограниченность распространения **аже** в летописях, как кажется, объясняет особенность употребления этого союза и в вопросах клирикам. В наиболее книжных летописях, где этот союз встречается, — Галицкой и Суздальской — можно отметить не только редкость его употребления, но и привязку к особым контекстам (упоминание Бога, крестного целования), что в большей степени, по сравнению с **оже**, сближает этот союз с **аще**. Предположительно, внешняя схожесть древнерусского **аже** и церковнославянского **аще** легче открывает для **аже** путь в более книжные жанры и служит причиной бóльшей частотности **аже** по отношению к **оже** в произведениях этих жанров.

В пользу того, что условный **оже** в меньшей степени, чем **аже**, допускается в рассматриваемые тексты, говорит употребление в Кир **еже** ‘если’. Примеров с этим союзом неожиданно много, и **еже** вполне сопоставим по частотности с **оже**. Из 17 примеров в четырёх **еже** выступает в репликах Кирика — соответственно, частотность этого союза у самого Кирика на втором месте после **аже**. Пример **еже** в реплике Нифонта: **А ꙗже на чл҃цѣ на холосте боудеть ѡпитемьꙗ а падетьсѧ в неи достоино ѥсть ѥмоу изнова почати а за падениѥ ѥмоу приꙗти** 538об.: 21–27 ‘А если на холостого человека будет ⟨возложена⟩ епитимья, и он ⟨во время исполнения⟩ её падёт, ему полагается начать заново, а за нарушение принять ⟨ещё епитимью⟩’ — и Кирика: **А ꙗже чл҃къ покаѥть а боудоуть оу него грѣси многи то не повелѣ ми тогда же ѡпитьмьи дати** 537об.: 42–46 ‘А если человек покается, и грехов у него будет много, то он не велел мне сразу же давать епитимью’. В одном из примеров **еже** встретился в сочетании **еже аще**, что говорит в пользу книжности **еже**: **ꙗже аще съключить которомоу попоу или дьꙗконоу ѿлоучить слоужьбы и со инымь въздьржаниѥмь на нѣклико времень и пакы приметь свои санъ**… 530: 3–12 ‘Если же случится так, что какой-нибудь священник или диакон будет отлучён от служения с другим ⟨каким-то⟩ ограничением на некоторое время и снова примет свой сан…’. Высокая частотность **еже** ‘если’ в Кир — возможно, свидетельство того, что **еже** мог восприниматься как книжный вариант не слишком престижного в такого рода текстах **оже**.

Из прочих условных союзов только в Кир отмечены церковнославянский **иже** и древнерусские **али** и **даже** и лишь в ОтвГеорг зафиксирован **или**.

В Кир оба употребления **иже** ‘если’ отмечены в одной реплике Нифонта: **Ѥже малымъ рече то нѣтоу бѣды причащаютьсѧ а иже съвершену аще поѥ ѥдиною потолчеть то нѣ бѣды причащатисѧ а иже многажды а помнѧ а то акы ѳбидно того възбранѧи** 526об.: 45/527: 5 ‘Если маленьким, — сказал он, — то не беда, ⟨пусть⟩ причащаются, а если взрослому, если только один раз постучит [яйцом о зубы], то не беда, ⟨можно⟩ причащаться, а если много раз и помня, что это нарушение, этого отлучай’.

Что касается союзов с **ли**, то в ОтвГеорг имеются два примера с **или** в значении ‘если же наоборот’, оба раза в общем контексте с союзом **аще**, вводящим новое условие: **Аще пе налоче что ли сверче впаде. ли стонога. ли жаба. ли мы согние. и разидетсѧ гноемъ. того не ꙗсти. или вкоусить не вѣдаа. и. дни да поститсѧ** 27: 9–12 ‘Если пёс полакает оттуда, или сверчок попадёт, или многоножка, или жаба, или сгниёт мышь, и гной растечётся — этого не есть. Если же кто поест, не зная, пусть поститься 8 дней’; **аще пти оудавитсѧ в силѣ. не достоитъ его ꙗсти. зане кро из не не изошла. или вкоуси не вѣдаа. то нѣ ѡпитемїи. но млтвоу возме. ю ѡскверньшемоу творѧть** 27: 16–20 ‘Если птица задушится в силке, её не полагается есть, потому что кровь из неё не вытекла. Если же кто съест, не зная, то нет епитимии, но ⟨пусть⟩ примет молитву, которую читают над осквернившимся’. В Вопрошании Кирика для выражения значения альтернативного условия употребляется **али**, и тоже в двух контекстах: **Не даи ре причащениꙗ томоу которыи ꙗю роспоускаꙗть а со инѣмь совъкоуплѧꙗть али ѡнъ оумирати начнеть тоже даи** 531об.: 17–23 ‘Не давай, — сказал он, — причастие тому, который её прогоняет, а с другой соединяется. Если же он станет умирать, тогда дай’; **аже терезви то легъчаꙗ али пьꙗни то оубиство ꙗсть** 537: 36–39 ‘Если они трезвые, то ⟨наказание⟩ легче, если же пьяные, то это убийство’.

Чуть менее редкий в древнерусских текстах, чем предыдущие два союза, условный **даже** в Кир употребляется в четырёх контекстах, поровну распределённых между Кириком и Нифонтом, ср.: **Въ великыи постъ аже се ꙗмлемъ доры на е. постьныхъ днов даже не пригодитъ клико дновъ слоужити. А ѡстави ре на дроугоую нелю аче и до третьꙗꙗ нѣтоуть бѣды** 533: 19–27 ‘В Великий пост, если вот мы берём Святые Дары на 5 постных дней, если не придётся столько дней служить? «А оставь, — сказал он, — на следующую неделю; пусть и до третьей ⟨останутся⟩, не беда»’; **Даже мы ѿ того не възбранимъ то ти наша вина** 180: 23–24 ‘Если мы от этого не предостережём, это наша вина’.

Из **поучений** ПСВ и ПЕвс очень похожи на ОтвГеорг, т. е. граница в употреблении условных союзов, как в случае с летописями, пролегает не между жанрами, а между текстами разной степени книжности. Основной условный союз ПСВ и ПЕвс — **аще**.

В Поучении Евсевия один раз фиксируется **иже** ‘если’: **О пастъри что створимъ иже всегда мьзду вземлемъ а дѣлатели никакоже ꙗсмъ** 48: 15–17 ‘О пастыри, что нам делать, если мы всегда берём мзду, а делатели из нас никакие’.

Из двух самых распространённых древнерусских союзов в ПСВ и ПЕвс допустим только **аже**, что говорит в пользу предпочтения в более книжных памятниках именно этого варианта. В ПСВ **аже** выступает только в условной функции: **аѣ еще поганьска ѡбыꙗꙗ держите волхвони (!) вѣруе і пожигае ѡгне неви ꙗꙗ члвкы и наводите на вь миръ и гра оубиство**

85: 1–7 ‘Если вы ещё придерживаетесь языческих обычаев, верите в колдовство и сжигаете в огне невинных людей, то творите во всём мире и в городе убийство’; **аже сему вѣруете то чему пожигаете ꙗ молитє и чтите ꙗ дары** 85а: 23–27 ‘Если этому вы верите, то почему сжигаете их ⟨жертвы⟩, молитесь и почитаете их (идолов) дарами’. В ПЕвс также отсутствует **оже**, контекстов с условным **аже** два: **аже кто будє крѣпокъ болше ему заповѣдь** 48: 6–7 ‘Если кто будет силён, для него строже заповедь’; **а се съблазна есть людмъ** (!) **аже оучить кто а самъ неправьду дѣет** 48об.: 27/49 ‘А это людям соблазн, если кто учит, а сам творит неправду’. Отличие от ПСВ только в том, что в тексте ПЕвс есть один случай употребления **аже** в изъяснительном придаточном, причём на том же самом листе, где фиксируется этот союз в условной функции: **и сами вѣсте аже во мнозѣ питьи всего горѣе дш҃и пагуба** ПЕвс 48: 1–3 ‘И сами вы знаете, что в неумеренном пьянстве хуже всего погибель души’.

Менее книжное Поучение Илии в употреблении условных союзов демонстрирует максимальное сходство с летописями: значение ‘если’ выражают в основном **оже** и **аже**, причём **оже** частотнее. Разницы в употреблении рассматриваемых союзов в условной функции нет, ср.: **аже ѡстанемсѧ поповьства а помирати ны боудеть гладѡ** 179об.: 7–8 ‘Если мы оставим священство, то нам придётся умирать от голода’; **Оже боудеть крѣпокъ а болшю заповѣдь дати емꙋ** 177об.: 25–26 ‘Если будет силён, то дайте ему более строгую заповедь’ (ср. выше похожий пример с **аже** в ПЕвс 48: 6–7); **Аже пригодитсѧ комꙋ дш҃егоубьство то възбран[ѧ]ите емоу церк҃вьнаго въхода** 177об.: 17–19 ‘Если случится кому совершить убийство, то запрещайте ему входить в церковь’; **Нъ ѡже боудеть болно дѣтѧ то ноужа и законъ престꙋпаеть а ѡже сдорова тъ наша вина** 179: 16–19 ‘Но если ребёнок будет болен, то по необходимости и закон нарушается, а если здоров, это наша вина’. **Аже** выступает только как условный союз, а функциональность **оже** шире: помимо условного употребления, **оже** в ПИИ присоединяет придаточное изъяснительное (8 контекстов), например: **Вы самї вѣдаете ѡже наша землѧ недавно хр҃щна** 178об.: 25/179: 1 ‘Вы сами знаете, что наша земля недавно крещена’.

Из союзов с исходно противительной семантикой условный **или** в ПИИ входит в состав единственного контекста, реализуя значение ‘если же наоборот’: **и про безакоиныи бои вы попове оуимаите дѣтии свои или кого оубьють а вы над ними в ризах не поите ни просфоуры прїимаите** 183: 25/183об.: 3 ‘И от боя без правил вы, священники, отговаривайте своих ⟨духовных⟩ детей. Если же кого убьют, вы над ним в ризах не пойте и частиц не вынимайте’.

Союз **пакы** ‘если’ употребляется только в сочетаниях с **ли** и **или** и во всех случаях служит для указания на альтернативное условие, например: (**Оже боудеть крѣпокъ а болшю заповѣдь дати емꙋ**) **Пакы ли кто боудеть слабъ да льжьшю запвѣдь даите ѡть въ ѿчаѧнїе не въпадеть** 178: 2–5 ‘…Если же будет слаб, то дайте заповедь полегче, чтобы он не

впал в отчаяние’; **даже сѧ изболить а тъгда даите имъ ѡпитемью. Пакы или бъ поиметь и да и то емꙋ досыти еже покаѧлъсѧ** 177об.: 5–8 ‘Если он выздоровеет, то тогда дайте ему епитимию; если же Бог заберёт, то и того ему достаточно, что покаялся’.

Как и в Кир, в ПИИ встречается условный **даже**, ср.: **даже оуже любо и нынѣ не попечалꙋемсѧ ѡ грѣсѣх свои тъ како и наричаемсѧ крстьѧны** ПИИ 181: 4–6 ‘Если уж даже сейчас мы не позаботимся о своих грехах, то как же мы зовёмся христианами’.

По отношению к **аще** ПИИ демонстрирует даже большую близость к деловым текстам, чем наименее книжные летописи: в памятнике всего три примера этого союза. И один из них — цитата из Нового Завета: **Слышите стго апла паула глща аще кто причѧщаетсѧ тѣла и кровѣ хвѣ недоинъ** (!) **сыи тъ грѣх собѣ прїемлеть** 181об.: 15–18 ‘…Если кто причащается Тела и Крови Христовой недостойно, тот берёт на себя грех’, ср. 1 Кор 11: 27. Два других употребляются в религиозном контексте: **А и аще слышю и дроугыѧ попы намѣ емлюще еже сїменїчьскоуоумꙋ чинꙋ ѡтиноу ѿречено Пишет бо въ моноканоунѣ аже который попїнъ и дьаконъ или клирїкъ ѡбрѧщетсѧ въземлѧи лихвоу да или ѡстанетсѧ или извержетсѧ. То мнѣ то оу ва съвѣдоуще како оумълъчати** 176об.: 5–14 ‘А и если я слышу о других священниках, что они берут проценты, что священническому чину совершенно не положено, сказано ведь в Номоканоне: «Если о каком священнике, или диаконе, или клирике станет известно, что он берёт проценты, то пусть или оставит ⟨служение⟩, или будет извержен ⟨из сана⟩», — то как мне, зная такое о вас, промолчать?’; **аще кто ѿ неправедного богатьства дает млтню то подобенъ есть семоу**… 182об.: 16–17 ‘Если кто раздаёт милостыню с незаконного дохода, тот подобен этому…’.

Единственный контекст ПИИ с **аче**, как и в КЛ, не имеет никаких специальных маркеров: **А того нѣтꙋ въ ꙋставѣ нъ аче кто хочет и рыбы ѣсти в та два дни нъ ѡбач ѡдїною днемь** ПИИ 181: 10–13 ‘А этого нет в уставе, но если кто хочет, и рыбу ⟨можно⟩ есть в эти два дня, но только один раз днём’.

Немногочисленные примеры условных союзов в «Слове о полку Игореве» демонстрируют ситуацию, схожую с наиболее книжными поучениями и ОтвГеорг: в тексте имеются только **аже** ‘если’ (три употребления) и аще (дважды). Употребляются союзы в одинаковых контекстах, например: ***Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею»*** СПИ 205–206 ‘…Если сокол улетит в гнездо, то мы соколёнка свяжем красной девицей’; ***«Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ»*** СПИ 208 ‘Если мы свяжем его красной девицей, не будет нам ни соколёнка, ни красной девицы…’.

В исследованных произведениях всех прочих жанров: **хожениях**, **гномических сочинениях**, **канонических** текстах, **гомилетике** и **агиогра-**

фических памятниках — имеется только **аще** и редкие употребления **иже**. Такое соотношение — прямое наследие ещё старославянской ситуации. Если для канонических сочинений, проповедей и житий данное положение дел очевидно, то хожения и произведения Даниила Заточеника, где в церковнославянский текст включаются явления, близкие живому языку, следует рассмотреть подробнее.

В **хожениях** условные союзы редки, но очевидно, что они и не могут быть слишком частотными в произведениях этого жанра. Например, в Хожении Антония всего один условный период: **ту же народ. накладываю у вра мужї женъ. да аще кто буде ядъ змиїный снѣлъ їли отравление каково. то не може его выняти їзо. рътта дондеже вся злоба їзыде слинами їзо устъ** 2г: 8–17 ‘Там же люди складывают у ворот мужчин и женщин, и если оказывается, что кто-то съел змеиный яд или какую отраву, то он не может вынуть его изо рта, пока не выйдет со слюной вся пакость’. При этом союз **аще**, не слишком частотный, употребляется, как правило, в особых контекстах. Так, в ХИД 6 употреблений союза **аще** из 7 встречаются в цитатах и реминисценциях из Библии или богослужебных текстов, например: **но аще гн. в содомѣ ѡбрѧщетсѧ .н. первни. не погуби ли всего мѣ[ста] .н. праведїкъ ра** 633в: 31/633г: 1 ‘Но если, Господи, в Содоме найдётся 50 праведников, не погубишь же Ты весь город ради 50 праведников?’, ср. Быт 18: 24. Один раз **аще** выступает в косвенной отсылке к Священному Писанию: **аще бо кто ѡкамененъ срцемъ своимъ. да и тои тогда можеть прослезитисѧ всѧкъ чкъ бо тогда зазритъ себе. и поминаетъ грѣхи своѧ** 644а: 26–32 ‘Ведь если кто окаменел в своём сердце, то и он тогда может прослезиться, потому что тогда всякий человек осуждает себя и вспоминает свои грехи’, ср. Ин 12: 40.

В **гномических** произведениях, для которых характерно множество цитат из Ветхого и Нового Завета, употребляется исключительно **аще**, в равной мере в цитатах и реминисценциях и в собственном тексте, ср.: ***Аще Богъ по нас, кто на ны?*** МДЗ 57: 13–14 ‘Если Бог за нас, кто против нас?’, ср. Рим 8: 31; ***Аще кто в печали человѣка призрит, какъ студеною водою напоить во зноиныи день*** СДЗ 13: 5–6 ‘Если кто позаботится о человеке в печали — как студёной водой напоит его в знойный день’, отсылка к Мф 10: 42; ***Сука не можетъ родити жеребяти; аще бы родила, кому на немъ ѣздит*** МДЗ 72: 15–16 ‘Сука не может родить жеребёнка; если бы родила, кому на нём ездить?’; ***Аще бых украсти умѣлъ, то толк[о] бых к тобѣ не скорбилъ*** СДЗ 25:3 ‘Если бы я умел красть, то не взывал бы столько к тебе со скорбью’. При этом и в МДЗ, и в СДЗ очень мало условных союзов: соответственно 8 и 6 **аще**.

Союз **аще** — единственный вариант для ‘если’ в сочинениях митрополита Илариона (7 контекстов) и Кирилла Туровского (КирТур — 38 при-

меров), в таких памятниках, как Правило черноризцам (ПрЧ — 53 употребления) и Предсловие Покаянию (ПреПок — 28 случаев).

В житиях **аще** 36 раз зафиксирован в ЖФП, 17 — в ЖАС, один раз в ЖЛР, 18 — в СкБГ. Условный **иже** встречается только в ЖФП и СкБГ. В обоих примерах из Жития Феодосия Печерского (ЖФП) **иже** функционирует только в составе **иже… кто**: **а иже ѿидеть къто о себѣ ѿ сего мѣста. тоже азъ о томь ороудиꙗ не имамъ** 63г: 18–22 ‘А если кто самовольно сойдёт с этого места, мне до него дела нет’; **на памѧти г҃а имѣꙗ рекъша. иже аще кто въ васъ хощеть быти старѣи боуди всѣхъ оубо мьнии и всѣмъ слоуга** (неточная цитата из Евангелия) 36г: 4–8 ‘…если же кто среди вас хочет быть старшим, да будет меньше всех и всем слуга’. В евангельском тексте при этом в Мф 20: 26 ***иже аще хощеть*** и ***аще кто***, в Мк 9: 35 ***аще кто хощеть***, так что в ЖФП контаминация. В СкБГ **иже** содержится в единственном контексте: **и иже все мимоходить. и хоуже паоучины то камо имамъ -҃-҃-** (!) **приити. по ѡшьствии моюмь ѿсюдоу** 9г: 13–17 ‘И если всё преходяще и хуже паутины, то куда мне предстоит… прийти после моего ухода отсюда?’.

Как видно из приведённых данных, основное различие в употреблении союзов со значением ‘если’ между жанрами оригинальной древнерусской письменности состоит в соотношении церковнославянского **аще** и древнерусских **оже**/**аже**. Эту ситуацию можно сопоставить с употреблением основных временных союзов — церковнославянского **егда** и древнерусского **коли**: в текстах наиболее высоких книжных жанров, в житиях, употребляется только заимствованный **егда** и полностью отсутствует **коли** — напротив того, в грамотах нет союза **егда**, за исключением церковнославянских цитат. В произведениях других жанров **егда** используется как престижный книжный союз, а **коли** допускается в вопросы клирикам и поучения в абсолютном большинстве случаев в составе древнерусской причастной конструкции произвольного выбора, в летописях же допустим для княжеского нарратива или прямой речи нецерковных лиц (см. [Юрьева 2020]).

Соотношение основных условных союзов сложнее, но общий вектор тот же: по мере увеличения книжности текста от 0 до 100 % растёт количество условных придаточных с церковнославянским **аще**.

В таких жанрах, как **агиография** и **гомилетика**, а также в **канонических** произведениях из условных союзов допустим только **аще** с небольшими вкраплениями **иже** (как в старославянских памятниках). Почти во всех оригинальных древнерусских житиях условным союзом служит исключительно **аще**; в ЖФП и СкБГ отмечены ещё 2 и 1 контекст с **иже** соответственно. В произведениях Кирилла Туровского, Правилах черноризцам и Предсловии покаянию имеется только **аще**. Такая же ситуация, как в церковных памятниках перечисленных жанров, отражена в **гномических** сочинениях Даниила Заточника и ранних древнерусских **хожениях**: основ-

ной условный союз этих памятников — **аще**, единственный допустимый второй союз — **иже** (в ХИД).

В менее книжных оригинальных произведениях, рассмотренных в настоящей работе, употребляются и древнерусские условные союзы.

В двух **поучениях** (Серапиона Владимирского и Евсевия) распространённость **аще** составляет около 90 %, но допускается также **аже** ‘если’.

В **СПИ** всего 5 контекстов с придаточными условия, однако по немногим имеющимся примерам можно предположить, что в отношении условных союзов этот памятник ближе к книжным поучениям: помимо **аще**, здесь используется только **аже**.

В **вопросах клирикам и ответах на них** основным условным союзом остаётся **аще**, но, кроме **аже**, допустим также древнерусский **оже**: в ОтвГеорг он редок, но в Кир составляет 10 % употреблений.

Поучение Илии, в котором имеется множество некнижных черт, резко отличается не только от двух других исследованных поучений, но и от Кир: **аще** стоит в нём на шестом месте по распространённости, а **оже** даже более частотен, чем **аже**. Таким образом, граница между поучениями и ответами клириков не совпадает с жанровой, но проходит между более книжными и менее книжными сочинениями: с одной стороны, остаются Поучения Серапиона и Евсевия и Ответы митрополита Георгия, с другой — Вопрошание Кирика и Поучение Илии, причём последнее по своим характеристикам близко к наименее книжным летописям.

Летописи по употреблению условных союзов также делятся на более (ПВЛ, ГЛ и СЛ) и менее книжные (НПЛ, КЛ и ВЛ). В ПВЛ ситуация особая. Судя по данным этого памятника, в нём ещё не вполне отражается «летописный стандарт» употребления условных союзов. Так, процент **аще** в ПВЛ даже выше, чем в самых книжных поучениях. При этом в более книжных летописях, включая ПВЛ, союз **аще** обычно используется в цитатах и реминисценциях из Священного Писания или же диалогах на религиозные темы. Несмотря на то, что состав союзов со значением ‘если’ в ПВЛ довольно разнообразен, примеры употребления любых из них, кроме **аще**, единичны, несколько более частотен **оже**. В ГЛ и СЛ процент **аще** ниже (в ГЛ 82 %, в СЛ 72 %), а доля **оже** выше (в ГЛ 10 %, в СЛ 25 %) и допускается употребление **аже**, хотя и менее свободное, чем у **оже**. Собственно, сформированный стандарт употребления условных союзов для книжных летописей по мере убывания частотности можно выстроить как **аще**–**оже**–**аже**. Менее книжные летописи в первую очередь отличаются от более книжных тем, что **аще** как условный союз теряет в них ведущую позицию, а на первое место выходит **оже**. Порядок употребления условных союзов для НПЛ, КЛ и ВЛ по мере убывания частотности таково: **оже**–**аже**–**аще**.

В **деловых** текстах (РПр и ГВНП) примеры с **аще** исключительно редки, в **берестяных письмах** их нет вовсе. Соотношение **оже** и **аже** зависит в них от времени создания текста. В ранних деловых памятниках безусловно

лидирует **оже**, а **аже** появляется позже и употребляется более ограничено. Позже (с XIV в.), по крайней мере в текстах новгородского происхождения, как показывают данные БГ и ГВНП, **оже** сдаёт свои позиции, а частотность **аже** резко возрастает.

Итак, разница в употреблении **оже** и **аже** в древнерусских текстах зависит от степени книжности и жанровой принадлежности. Представляется, что существует несколько причин такого соотношения двух союзов. Во-первых, поскольку **оже** во всех своих значениях распространяется раньше, чем **аже**, в наиболее близких живому языку памятниках (берестяных грамотах, ГВНП) представлено описанное выше состояние. Менее книжные древнерусские летописи демонстрируют такое же положение дел, что и ранние бытовые и деловые памятники: **оже** распространён шире, для **аже** характерно более ограниченное употребление. Во-вторых, во всех летописях **аже** не только менее частотен, чем **оже**, но и существует тенденция закрепления его за религиозными контекстами, чему способствует, как кажется, его внешнее сходство с **аще**. В связи с этой тенденцией, вероятно, в ОтвГеорг, Кир и поучениях, за исключением ПИИ, ситуация скорее обратная по отношению к летописной: во-первых, **аже** ‘если’ частотнее, во-вторых, **оже** употребляется в более ограниченных контекстах.

Прочие условные союзы распространены в меньшей степени. Прежде всего следует отметить, что чем менее книжным является памятник, тем выше разнообразие союзных средств для выражения значения ‘если’.

Союз **аче**, представляющий собою восточнославянский вариант **аще**, как условный союз не составляет конкуренции **аще** в исследованных текстах. В собственно церковнославянских памятниках его нет, в древнерусских он не слишком распространён. Встречается он только в берестяных грамотах, РПр, из летописей — в ПВЛ и КЛ. Один раз союз зафиксирован в ПИИ. Возможно, для **аче и** (ср. старославянское **аще и** ‘хотя (бы) и, пусть’) в древнерусских текстах существовала тенденция к закреплению одной из функций условных союзов — уступительной[10]. Поскольку уступительных употреблений вообще в оригинальных древнерусских текстах крайне мало, с уверенностью этого утверждать нельзя, однако, как кажется, некоторая тенденция наблюдается. Так, в КЛ 10 контекстов с уступительным аче, ср.: **кн҃же доумають ѡ тобѣ хотѧть ꙗти аче по тѧ и прислета бра҃та. не ѣзди к нима** 121б: 26–29, 1146 ‘Князь, на тебя замышляют, хотят схватить. Хотя бы за тобой и братья прислали, не езди к ним’. При этом в той же летописи уступительных **аще и** пять, уступительных **оже и** два, несмотря на то что в условном употреблении и **оже**, и **аще** намного частотнее, чем **аче**. В ПИИ два контекста с уступительным **аче и**, например: **Азъ бо бы҃х радъ да бысте вси бес прирока были аче и самъ въ**

[10] Уступительные употребления в настоящей работе при подсчётах не учитываются.

грѣсѣх живоу 180: 1–3 ‘Я был бы рад, если бы вы все были безупречны, хотя я и сам живу в грехах’. И единственный раз зафиксировано употребление условного **аче**. Один контекст с уступительным **аче и** отмечен в Кир, хотя в чисто условном значении этот союз в памятнике отсутствует: **А встави ре на дроугою нелю аче и до третьюю нѣтоуть бѣды** 533: 24–27 ‘…пусть и/хоть бы и до третьего’. Другие условные союзы, за исключением **аще**, в уступительном значении — также в сочетании с частицей **и** — в оригинальных древнерусских памятниках выступают в единичных случаях.

Союз **еже**, судя по данным Кир, мог восприниматься как книжный вариант **оже**.

Союзы с частицей **ли** во всех памятниках, где они зафиксированы, имеют тенденцию к употреблению в значении альтернативного условия — в связи с исходной семантикой **ли**. При этом условные **али** и **оли** встречаются только в памятниках новгородского происхождения: берестяных грамотах, Поучении Илии и Вопрошании Кирика. Союз **или** ‘если’ распространён несколько шире, его употребление не ограничивается текстами исключительно новгородского происхождения: контексты с этим союзом имеются в берестяных и пергаменных грамотах, Русской Правде, Новгородской Первой летописи, Поучении Илии и Ответах митрополита Георгия. Но в древнерусских текстах не из Новгорода этот союз крайне редок. Возможно, это связано с более поздним его распространением, о чем позволяют предположить данные исследованных новгородских памятников: в грамотах XII–XIII вв., как берестяных, так и пергаменных, условный **или** встречается не чаще, чем в других древнерусских текстах, начиная же с XIV в. его частотность возрастает, а в договорных грамотах он становится основным.

Условный **пакы ли** более редок, чем **или**: контексты с этим союзом встречаются в берестяных грамотах, Русской Правде, Киевской летописи и Поучении Илии.

Ещё один древнерусский условный союз — **даже** — ни в одном из текстов не является частотным. Этот союз, как и предыдущие, характерен для менее книжных памятников: немногочисленные условные периоды с **даже** имеются в берестяных грамотах, ГВНП, ПВЛ, НПЛ, КЛ, Поучении Илии и Вопрошании Кирика.

Прочие союзы представлены лишь единичными примерами: **даче** употребляется по одному разу в ПВЛ, КЛ и НПЛ, **се ли** изредка встречается в берестяных и пергаменных грамотах, условные придаточные с **аци**, **ели** и **оче** имеются только в БГ.

Как показало настоящее исследование, в разных произведениях внутри каждого жанра представлен неодинаковый набор древнерусских условных союзов, и устойчивые позиции имеются только у **оже** и **аже**, которые могут маркировать различную зависимость между частями периода. Это либо заполнение объектной валентности (изъяснительная функция), либо различ-

ные отношения между условием и следствием: собственно условная связь, причинная связь и указание на следствие, — либо временные отношения.

Именно эти союзы и стали в древнерусском языке основными для реализации условной функции. В. С. Храковский называет подобные союзы «асемантическими» и, приводя в пример язык дари, пишет: «В некоторых языках наряду с семантическими союзами, т. е. союзами, маркирующими и синтаксическую связь между ЗЧ ⟨зависимой частью⟩ и ГЧ ⟨главной частью⟩, и условное содержание такой связи, встречаются так называемые асемантические союзы, т. е. союзы, которые маркируют только синтаксическую связь между частями УК ⟨условной конструкции⟩, но ничего не говорят о содержании этой связи» [Храковский 1998: 65].

Древнерусская ситуация специфична тем, что все прочие способы выражения условной зависимости с помощью имеющихся в живом языке подчинительных союзов, за исключением придаточных с **оже** и **аже**, находятся в памятниках скорее на периферии. Чем это можно объяснить?

В случае отсутствия подчинительного союза и/или наличия сочинительного союза как маркера условной части периода зависимая часть всегда предшествует главной (ср. [Борковский 1979: 257]). Как показывают данные всех исследованных текстов, только 7 % придаточных с **оже** ‘если’ и 4 % с **аже** стоят в постпозиции. Во всех прочих контекстах с этими и другими древнерусскими условными союзами зависимая часть находится в препозиции. Обилие вариантов для выражения условного значения, выбор универсального союза (**оже** и **аже**) в качестве основного и абсолютное преобладание условных периодов с препозицией зависимой части указывают на то, что древнерусские памятники XII–XIV вв. демонстрируют неустойчивое состояние языковой системы на этапе выбора условного союза.

Существенной разницы между **оже** и **аже** в реализации условной функции исследованные памятники не демонстрируют. Помимо основного условного значения — гипотетического реального условия (ср. [Пекелис 2017]), — оба союза возможны в контекстах с другой семантикой условия. И **аже** (5 примеров), и **оже** (четырежды) встречаются как «если обобщения» [Там же], где условный союз сближается с временным, ср.: **аже кто буде҇т крѣпокъ болше ему ꙁаповѣдь** ПЕвс 48: 6–7 ‘Если (всякий раз когда) кто окажется стойким, ему (положена) более строгая заповедь’; **А҆ се ѥсть оу женъ аже не въꙁлюбѧть ихъ моужи то ѡмываютъ тѣло своѥ водою и тоу водоу даютъ моужемъ** Кир 538: 30–35 ‘…если (каждый раз когда) разлюбят их мужья, то они омывают своё тело водой и дают эту воду мужьям’; **ѡже брате твоꙗ ѡбида то не твоꙗ но моꙗ ѡбида** КЛ 148в: 23–25 ‘Если (когда), брат, несправедливость (проявляют) к тебе, то это не к тебе, а ко мне несправедливость’; **И пастоу҇х бо ѡвѣ́чїи ѡже и мълъчить тъ въсхытаемо ѡвча вълъкомъ ѿ стада его** ПИИ 175: 9–12 ‘И пастух овец, если (когда, всякий раз когда) он молчит, то волк утаскивает овцу из

его стада’. Чаще всего, в связи со спецификой жанра, такие примеры встречаются в поучениях и вопросах клирикам.

Оба союза выступают в контекстах «предупредительного поведения» [Санников 2008: 61]. Чаще всего это значение фиксируется в летописях, например: **аже не имете сѧ по число. то оуже полкы на низовьскоі земли** НПЛ 137: 1–3, 1259 ‘Если не соберёте дань, то (имейте в виду, что) полки уже на Низовской земле’; **ѡже мы дадимъ симъ животъ. а половѣць много есть назадѣ. а насъ есть мало** КЛ 199а: 11–14, 1172 ‘Если мы оставим их в живых, то (имейте в виду, что) позади много половцев, а нас мало’; **ѡже поидемь к новоугородъкоу а тамо оуже татарове извоевали все. поидемь. кдѣ к чѣломоу мѣстоу** ВЛ 877: 2–4 ‘Если мы пойдём к Новогородку, то (имейте в виду, что) там татары всё разорили’. В подобных примерах **аже** обнаружен дважды, **оже** — в восемь раз чаще.

В значении контрфактивного условия (ср. [Пекелис 2017]) зафиксированы пять примеров с **аже** и три — с **оже**, все с формами сослагательного наклонения, ср.: ***Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ*** СПИ 125 ‘Если бы ты был, то была бы пленница за ногату, а пленник за резану’; **ѡже бы пришелъ толико съ дѣтьми то котораꙗ ему волость люба. ту же бы взѧлъ** КЛ 137г: 23–26 ‘Если бы он пришёл только с детьми, то какая волость ему по сердцу, ту бы он и взял (но так как он привёл на меня половцев и моих врагов Ольговичей, то я намерен биться с ним)’.

Семантика фактивного условия [Там же], когда условный союз сближается с причинным, 28 раз выражается в условной части с **аже** и 38 раз — с **оже**. Ср. примеры: **аже дѣеши ты мои еси ѡц҃ь а ты мои и сн҃ъ оу тебе ѿц҃а нѣту а оу мене сн҃а нѣтуть. а ты же мои сн҃ъ ты же мои братъ** КЛ 152а: 2–7 ‘Если (раз) ты говоришь: «Ты мой отец», — то и ты мой сын…’; ***Млъвитъ Гза къ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами»*** СПИ 203–204 ‘…если (раз) уж сокол в гнездо летит, мы расстреляем соколёнка своими золочёными стрелами’; **а отрок- оже ти шишакъ гонить. посади же въ радъко[в](ѣ) [в]ежькѣ** БГ № 805 (1180–1200) ‘Раз Шишак прогоняет отроков, посели их в Радковом шалаше’; **а не лѣпо быти градоу семоу безъ влд҃цѣ. оже бъ҃ казнь свою възложилъ на онтониꙗ. а вы сочите таковаго моу҃. въ попѣхъ ли. в ыгоуменехъ ли. въ череньцихъ ли** НПЛ 108об.: 10–14, 1229 ‘…если (раз) Бог своё наказание наслал на Антония, то вы ищите такого мужа…’; **Да оже мы до ѡбѣда пїемъ то ти простьче и черосъ ночь на кого имъ зрѧще въстѧгноутїсѧ** ПИИ 175об.: 15–17 ‘Если (раз) уж мы до обеда пьём, то простецам ⟨хоть бы⟩ и всю ночь, ведь на кого глядя смогут они воздержаться?’. Контексты такого типа более характерны для повествовательных жанров.

Что касается остальных древнерусских условных союзов, редкость их употребления и представленность в небольшой части памятников, как и отсутствие примеров постпозиции зависимой части в условных периодах

с этими союзами, тем более свидетельствует против какой-либо закреплённой функции. При этом различные союзы со значением ‘если’ также могут употребляться в неосновных условных значениях (помимо гипотетического реального условия). Эти значения зафиксированы не у всех союзов, однако такая ситуация может объясняться редкостью примеров и периферийностью употребления.

В значении «если обобщения», помимо **оже** и **аже**, встречается **аче**: **иногда бо аче и гость приходилъ изъ цр҃ѧгорода и ѿ нихъ странъ. изъ рускои ѕемли и. аче латининъ. и до всего хр҃тьꙗньства. и до всеѣ погани. и р҃е вьведе и вь цр҃квь и на полати да видѧть истиньное хр҃тьꙗньство** КЛ 208г: 9–17, 1175 ‘…если (всякий раз когда) прибывал гость из Царьграда и из других стран…, ты вёл его в церковь, чтобы они увидели настоящее христианство’; **аче кто оу половець оутечашеть. оу городъ. а тѣхъ не въдавашеть** КЛ 170а: 28–31, 1154 ‘Если (всякий раз когда) кто от половцев убегал в город, он того не выдавал’. В конструкциях «предупредительного поведения» выступают **пакы ли** и **аче**, например: **пакъı ли хочемъ сде перестоꙗти. а се володимеръ ѕа нами. а мало ли нъı тотъ постигнеть** КЛ 150б: 21–23, 1150 ‘Если же мы намерены здесь переждать, то (имейте в виду, что) Владимир — позади нас’; **аче кдѣ налѣѕѣть оударенъıи тъ. своѥго истьча. кто же ѥго оударилъ. то ꙗрославъ бъıлъ оуставилъ. и оубити** РПр 624: 44–50 ‘Если где найдёт…, то (в таких случаях) Ярослав постановил его убить’.

В значении фактивного условия употребляются **даже** и **аче**, например: **даже мнѣ в неи части нѣтъ. да то тъı а то киевъ и роускаꙗ ѡбласть а комоу еси в неи часть далъ. с тем же еи и блюди и стережи** КЛ 236а: 8–12, 1195 ‘Если уж (раз уж) для меня в ней нет доли, то вот ты, а вот Киев и русская земля, и кому ты в ней долю дал, с тем её охраняй и береги’; **ѿц҃е кланѧю ти сѧ аче ми бъ ѿц҃а моего мистислава ѿꙗлъ. а тъı ми еси ѡц҃ь нъı(й)** КЛ 151г: 10–14 ‘…Если (раз уж) Бог забрал (у меня) отца моего Мстислава, то ты мне теперь отец’.

Можно отметить некоторую связь употребления форм и конструкций в условной части периода и выбора союза, однако в случае **оже** и **аже** вновь разница не очень велика. Так, личные формы глагола со значением будущего (презенс и футурум) после **аже** используются в 142 контекстах (60 % всех употреблений), после **оже** — в 118 (52 %); формы же перфекта, напротив, чаще употребляются с **оже** (30 раз, 13 %), чем с **аже** (13 примеров, 6 %).

После большинства условных союзов, как и после **оже** и **аже**, формы футурума и презенса глаголов совершенного вида наиболее частотны: это 61 % всех примеров с условными **пакы** (20 контекстов), 67 % **даже** (16), 81 % **или** (25)[11] и 58 % **аче**. Существенно реже названные формы встреча-

[11] Но поскольку большинство примеров с условным **или** принадлежат деловым пергаменным грамотам, столь высокий процент объясняется, скорее всего, клишированностью оборотов, в которые входит союз.

ются после **али** (38 %, 6 контекстов). С последним союзом перфект употребляется значительно чаще в процентном отношении, чем с прочими: в 25 % примеров. Однако речь идёт всего о четырёх контекстах.

В отрицательных контекстах большинство союзов выступают в 20–30 % случаев. Резко отличаются в этом отношении от прочих условных союзов **или** (41 % примеров — с отрицанием) и **али** (69 %), что, вероятно, связано с употреблением в значении альтернативного условия в контекстах наподобие ‘Если X, то A. Если же не X…’.

Материал исследованных древнерусских памятников показывает, что они фиксируют такой этап в истории языка, когда происходил выбор варианта условного союза, и состояние союзной системы, при котором в значительной степени предпочитаются не собственно условные союзы/условный союз, а союзы логической связи **ѡже** и **аже**, состав же союзных средств для выражения значения условия и частотность того или иного варианта зависит от жанровой принадлежности и степени книжности произведения.

Источники

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / Отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1952–1964: В 3 т. Т. 1. М., 1952; Т. 2. М., 1958; Т. 3. М., 1964.

БГ — Древнерусские берестяные грамоты [Зализняк 2004: 239–695].

ВЛ — Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 848–938.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Вейман и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

ГЛ — Галицкая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 715–848.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепниным. М.; Л., 1950.

ЖАС — Житие Авраамия Смоленского. ГИМ. Уваров. № 350-1°. Л. 322–343 [НКРЯ].

ЖЛР — Житие Леонтия Ростовского. РГБ, собр. Тр.-Серг. Лавры № 745. Л. 94–97об. [НКРЯ].

ЖФП — Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 71–135.

Ил — Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати, Молитва и Исповедание веры по Синодальному сборнику ГИМ. Синод. № 591. Л. 168–202об.

Кир — «Вопрошание Кириково». Новгородская кормчая. ГИМ. Син. № 132. Л. 518–539 [НКРЯ].

КирТур — Кирилл Туровский. Притча о душе и теле. ГИМ Чуд. 20. Л. 286об.–294об. [НКРЯ]. Повесть о беспечном царе и его мудром советнике. ГИМ. Син. № 935. Л. 72–81об. [НКРЯ]. Сказание о черноризском чине. Новгородская кормчая XIII в. ГИМ. Син. № 132. Л. 604–611об. [НКРЯ]. Слова: на Неделю цвет-

ную, на Пасху, на Антипасху, на Третью неделю по Пасхе [Еремин 1957], в Неделю о расслабленном, на Вознесение, на Собор свв. отец [Еремин 1958].

КЛ — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.

МДЗ — Моление Даниила Заточеника // Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Подгот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. С. 53–73.

ОтвГеорг — **Невѣдомы(х) словесъ изложено гєѡргїємъ. митрополито(м) кїєвьскымъ. германꙋ игоуменꙋ. въпрашающꙋ. ѡномꙋ повѣдающꙋ** [Баранкова 2012: 28–36].

НПЛ — Новгородская харатейная летопись / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964.

ПВЛ — Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 2–285.

ПВЛЛавр — Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. С. 1–286.

ПЕвс — Поучение святого Евсевия [Баранкова 2021].

ПИИ — Поучение Иоанна-Илии // Сборник слов, полемических произведений и апокрифов. РГБ. Ф. 236, № 147. Л. 174–184об. + РГБ. Ф. 304.I, № 204. Л. 239–239об. [НКРЯ].

ПреПок — Предсловие покаянию. РНБ, собр. Крылова, № 45. Л. 102–111об. [Баранкова 2018: 39–65].

ПрЧ — Правило о черноризцах по Новгородской кормчей 1282 г. Гим. Синод. № 132. Л. 547а–549г [Баранкова 2017: 72–78].

ПСВ — Поучение Серапиона Владимирского, собр. Тр.-Серг. Лавры № 11. Л. 78об.–86 [НКРЯ].

РПр — Русская Правда в Пространной редакции по Новгородской кормчей 1282 г. ГИМ, Синод. № 132. Л. 615об.–627 [НКРЯ].

СДЗ — Слово Даниила Заточеника // Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Подгот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. С. 4–35.

СкБГ — Сказание о житии Бориса и Глеба по Успенскому сборнику. Л. 8б–18б // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 43–71.

СЛ — Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. С. 287–540.

СПИ — Слово о полку Игореве [Зализняк 2008: 461–475].

ХАН — Хожение Антония, или Книга Паломник Антония-новгородца. РНБ Q.IV.412. Л. 1–13об. [НКРЯ].

ХИД — Хожение игумена Данила. ГИМ, Син. № 181. Л. 618–646об. [НКРЯ].

Словари

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв). Т. I–. М., 1988–.

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып 1–. М., 1975–.

Срезн — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1903.

Фасмер III — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1987.

Литература

Баранкова 2012 — Г. С. Баранкова. «Неведомых словес изложено Георгием, митрополитом Киевским, Герману игумену вопрошающу, оному поведающу»: вопросы подлинности памятника и особенности его языка // Религии мира: История и современность / Научн. совет «Роль религий в истории», ИРИ РАН 2012 / Отв. ред. Е. В. Белякова, А. В. Назаренко. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 15–43.

Баранкова 2017 — Г. С. Баранкова. «Правила о черноризцах» в Кормчих книгах и сборниках // Palaeobulgarica / Старобългаристика. София, XLI (2017), 1. С. 56–78.

Баранкова 2018 — Г. С. Баранкова. Текстологические и языковые особенности «Предсловия покаянию» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 16. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2016–2017. М., 2018. С. 9–65.

Баранкова 2021 — Г. С. Баранкова. Цикл поучений иереям в древнерусских сборниках // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 2. С. 207–238.

Борковский 1979 — Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / Под ред. акад. В. И. Борковского. М.: Наука, 1979.

Гиппиус, Сичинава 2021 — А. А. Гиппиус, Д. В. Сичинава. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 158–259.

Дограмаджиева 1984 — Е. Дограмаджиева. Обстоятелствените изречения в книжовния старобългарски език. София: Издателство на Българската академия на науките, 1984.

Еремин 1957 — И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1957. Т. 13. С. 409–426.

Еремин 1958 — И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1958. Т. 15: К Четвертому международному конгрессу славистов. С. 331–348.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.

Истрина 1923 — Е. В. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Петроград, 1923.

Молдован 2018 — А. М. Молдован. Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона // Slověne / Словѣне. Т. 7, № 1 (2018). С. 8–26.

Пекелис 2017 — О. Е. Пекелис. Условные придаточные // Русская корпусная грамматика (rusgram.ru). 2017.

Плетнёва 2021 — А. А. Плетнёва. Записи былин в составе рукописных сборников XVIII в.: языковые критерии жанра // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 104–124.

Санников 2008 — В. З. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.

Храковский 1998 — В. С. Х р а к о в с к и й. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 1998. С. 7–96.

Юрьева 2020 — И. С. Ю р ь е в а. Особенности употребления временных союзов со значением ‘когда’ в древнерусских текстах разных жанров // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 246–266.

Статья получена 01.02.2022

Irina S. Yuryeva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
iriwonok@yandex.ru

CONDITIONAL CONJUNCTIONS IN THE ORIGINAL OLD RUSSIAN TEXTS OF DIFFERENT GENRES

The article analyses the use of conditional conjunctions in various original Old Russian works. The study shows that the texts of the 12th–14th centuries demonstrate an uneven state of the language system when it comes to choosing a conditional conjunction.

The following Old Russian conjunctions are used in a conditional meaning: *aže, ali, ače, aci, daže, dače, jeli, ili, ože, oli, oče, paky (li), se li* – as well as Church Slavonic *ašče, ježe* and *iže*. The peculiarity of the situation is that, unlike the Church Slavonic language, the Old Russian language does not have its own specific conditional conjunction. All frequently used conjunctions that convey the meaning of ‘if’ are multifunctional.

In Old Russian texts, three conjunctions are most common in the conditional function: Church Slavonic *ašče* and Old Russian *aže* and *ože*, presented in different ratios in different texts, depending on their genre. In hagiographic, homiletic, and canonical works, only *ašče* is allowed. The same is observed in the gnomic writings of Daniil the Immured and ancient Russian pilgrimages. In other original (not translated) works, *aže* and *ože* are used, and *aže* is perceived as a word of high style, perhaps because it resembles *ašče*. The dividing line in the use of Old Russian conjunctions runs not only between genres, but also between texts of different styles. So, *aže* is found in all high style teachings, and *ože* only in the Teaching of John-Elijah. In high slyle chronicles, the main conditional conjunctions are, in decreasing order, *ašče, ože, aže*, in less bookish chronicles – *ože, aže, ašče*. In rather low style genres, we practically do not find the conjunction *ašče*, and the ratio between *ože* and *aže* depends on the time when the text was created: *ože* leads in early works, *aže* is more common beginning from the 14th century. Other conditional conjunctions are much less common, are not represented in all the texts, and have a certain specifics of usage. For example, conjunctions with the particle *li*, tend to indicate an alternative condition, which comes from the original adversative semantics of *li*. The Church Slavonic conjunction *ježe* may have been perceived as a variant of the Old Russian *ože,* more appropriate for more formal genres.

Keywords: Old Russian language, Church Slavonic language, historical syntax, conditional conjunctions, genres.

References

Barankova, G. S. (2012). «Nevedomykh sloves izlozheno Georgiem, mitropolitom Kievskim, Germanu igumenu voproshaiushchu, onomu povedaiushchu»: voprosy podlinnosti pamiatnika i osobennosti ego iazyka. In E. V. Beliakova, & A. V. Nazarenko (Eds.), *Religii mira: Istoriia i sovremennost'* (pp. 15–43). Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Barankova, G. S. (2017). «Pravila o chernoriztsakh» v Kormchikh knigakh i sbornikakh. *Palaeobulgarica / Starob"lgaristika, 41*(1), 56–78.

Barankova, G. S. (2018). Tekstologicheskie i iazykovye osobennosti «Predsloviia pokaianiiu». *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova, 16: Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka*, 9–65.

Barankova, G. S. (2021). Cikl pouchenij iereyam v drevnerusskih sbornikah. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah*, 2, 207–238.

Borkovskii, V. I. (Ed.). (1979). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Sintaksis. Slozhnoe predlozhenie*. Moscow: Nauka.

Dogramadzhieva, E. (1984). *Obstoiatelstvenite izrecheniia v knizhovniia starob"lgarski ezik*. Sofia: Izdatelstvo na B"lgarskata akademiia na naukite.

Eremin, I. P. (1957). Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury, 13*, 409–426.

Eremin, I. P. (1958). Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury, 15*, 331–348.

Gippius, A. A., & Sichinava, D. V. (2021). Popravki i zamechaniia k chteniiu ranee opublikovannykh berestianykh gramot [XIII]: predvaritel'naia publikatsiia. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii, 2*, 158–259.

Khrakovskii, V. S. (1998). Teoreticheskii analiz uslovnykh konstruktsii (semantika, ischislenie, tipologiia). In V. S. Khrakovskii (Ed.), *Tipologiia uslovnykh konstruktsii* (pp. 7–96). St Petersburg: Nauka.

Moldovan, A. M. (2018). Molitva v strukture Sinodal'nogo spiska sochinenii Ilariona. *Slověne, 7*(1), 8–26.

Pekelis, O. E. (2017). *Uslovnye pridatochnye*. Retrieved from http://rusgram.ru

Pletneva, A. A. (2021). Zapisi bylin v sostave rukopisnykh sbornikov XVIII v.: iazykovye kriterii zhanra. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii, 2*, 104–124.

Sannikov, V. Z. (2008). *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Yur'eva, I. S. (2021). Osobennosti upotrebleniia vremennykh soiuzov so znacheniem ‘kogda’ v drevnerusskikh tekstakh raznykh zhanrov. In A. A. Pichkhadze, I. S. Yur'eva, E. A. Mishina, M. S. Mushinskaia, & Yu. V. Kagarlitskii (Eds.), *Slova, konstruktsii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti: Sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana* (pp. 246–266). Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* (2nd ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zalizniak, A. A. (2008). *«Slovo o polku Igoreve»: vzgliad lingvista* (3rd ed.). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

Received on February 1, 2022

doi.org/10.31912/rjano-2022.2.3

Е. А. ГАЛИНСКАЯ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
eagalinsk@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XV В.

Довольно обширный корпус текстов духовных и договорных грамот великих и удельных князей XV в. отражает фонетические черты говоров Северо-Восточной Руси и некоторых смежных областей, в том числе черты нетривиальные — реализацию предлога «к» в [х] перед фрикативным согласным (*х своему*), регрессивную ассимиляцию гласных (*су удѣла*). Но наиболее существенно то, что грамоты дают новый материал относительно распространения ряда известных диалектных явлений и уточняют хронологию их возникновения либо временны́е границы их существования. Так, выяснилось, что в тверских говорах, в отличие от других говоров центра, в XV в. еще сохранялись мягкие шипящие [ш’] и [ж’]. В то же время в этот период в диалектах Северо-Восточной Руси уже распространились твердые долгие и/или сложные глухие и звонкие шипящие. До сих пор самым ранним из найденных примеров оглушения /в/ в [ф] считалось написание *фпрок* из грамоты 1501 г., но теперь обнаружилась орфограмма *Витоѳтъ* в списке XV в. с грамоты 1402 г. и гиперкорректное написание *девтеремъ* («дефтерь» — ‘ханская налоговая грамота’) в текстах 1434 и 1436 гг. Если раньше считалось, что отвердение аффрикаты /ц/ относится к концу XV в., то сейчас оказалось, что самый ранний пример отражения твердого [ц] датируется 1428 г. Из этого следует, что фонетический переход [е] в [о] после мягких согласных перед твердыми, который завершился до отвердения /ц/, должен был окончиться не позднее чем в начале XV в. В говорах Северо-Восточной Руси сохранялись древние причастные формы типа *вынемши*, которые ныне в говорах этой территории отсутствуют. Такая инновация, как стяженные формы презенса типа *сказывашь*, развилась в говорах великорусского центра не позже XV в.

Ключевые слова: духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV в., говоры великорусского центра, хронология языковых изменений.

Для публикации [ДДГ 1950] Л. В. Черепнин подготовил большой корпус грамот, созданных в Северо-Восточной Руси и некоторых смежных областях в XIV–XVI вв., причем наиболее обширная его часть относится к XV в. Издание вполне пригодно для лингвистического исследования, в том числе для реконструкции фонетических особенностей говора писцов. Однако до сих пор в полном объеме эти грамоты в фонетическом аспекте не исследовались. Например, К. В. Горшкова для своей докторской диссертации «Очерки исторической диалектологии Северной Руси (по данным исторической фонологии)» и монографии с тем же названием [Горшкова

1968] использовала только грамоты №№ 1–13 и 15–56 [Там же: 34], хотя последняя грамота XV в. в [ДДГ 1950] имеет номер 86. Следовательно, есть смысл обратиться ко всему корпусу грамот XV в., т. к. сплошная выборка примеров позволяет сделать достаточно важные для установления хронологии протекания ряда языковых процессов и территориального распространения отдельных диалектных явлений выводы.

Грамоты XV в. написаны от имени московских, серпуховских и боровских, можайских, волоцких, рязанских, тверских, суздальских, углицких, галицких князей, а также от имени верейского и белозерского князя Михаила Андреевича. И в некоторых случаях можно разграничить явления, которые отражаются в грамотах разной локализации в пределах Северо-Восточной Руси и смежных территорий. Духовные грамоты московских великих князей (т. е. их завещания) писались, по всей видимости, в Москве. Что касается договорных грамот, так называемых докончаний князей между собой, то среди них до нас дошли и парные грамоты: один и тот же договор, написанный от имени каждой из сторон. Часто тексты парных грамот бывают практически идентичны и различаются главным образом личными и возвратными местоимениями и личными формами глагола. Вот, например, отрывки из грамоты № 24 «Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем» 1428 г.

Грамота московского великого князя Василия Васильевича, заключающего договор от своего имени и от имени еще двух князей	Грамота галицкого и звенигородского князя Юрия Дмитриевича
Быти **ти** с **нами** вездѣ заѡдинъ и до своеᵍ живота. А **намъ** такоᶜ быти с **тобою** вездѣ заѡдинъ и до своего живота. А добра **ти намъ** хотѣти вездѣ во всеᵐ гдѣ бы ни было. А что **ти** слышовъ о **нашемъ** добрѣ или о лисѣ ѿ кого бы ни было, то **ти намъ** повѣдати въ правду безъ примышленіа. А **намъ** тако же **тобѣ** добра хотѣти вездѣ во всеᵐ гдѣ бы ни было. ⟨…⟩ А хотѧ **будешъ** с кѣмъ в целованіи, і **тобѣ** к нему целованіе сложити.	Быти **вы** со **мною** вездѣ заодиⁿ и до своего живота. А **мнѣ** таᵏ же быти с **вами** вездѣ заодиⁿ и до своего живота. А добра **вы мнѣ** хотѣти вездѣ во всеᵐ гдѣ бы ни было. А што **вы** слышевъ о **моемъ** добрѣ или о лисѣ от кого бы ни было, то **вы мнѣ** повѣдати въ правду беᶻ примышленьꙗ. А **мнѣ** таᵏ же **вамъ** добра хотѣти вездѣ во всеᵐ гдѣ бы ни было. ⟨…⟩ А хотѧ **буду** с кѣᵐ в целованье, и **мнѣ** к нему целованье сложити.

Договоры с московскими великими князьями составлялись, вероятнее всего, в Москве. И иногда, хотя нечасто, это отражено в грамотах. Например, в обоих вариантах грамоты, о которой сейчас шла речь, сказано, что грамота писана *на Москве*. Но может быть и другой вариант, указывающий на Москву. Так, в докончании великого князя Ивана Васильевича с великим князем тверским Михаилом Борисовичем (№ 63, 1462–1464 гг.) стоит подпись *смиреныи Ѳеѡд(о)сіи архіеп(и)с(ко)пъ всеꙗ Роусіи* в обоих доку-

ментах. Однако при этом орфографические особенности говорят о том, что парные грамоты создавались разными писцами, причем грамоту московского князя мог писать московский писец, а грамоту удельного князя — дьяк, которого он привез с собой.

Например, в обоих вариантах грамоты № 76 «Докончание великого князя Ивана Васильевича с великим князем рязанским Иваном Васильевичем» 1483 г. указано, что каждый из них писан в Москве, но в грамоте от имени рязанского князя (№ 76б) явно видно стремление писца не отражать яканье, в связи с чем он допускает гиперкоррекцию, нередко заменяя **ѧ/ꙗ** на **е** в безударных слогах: *без примышлен(ь)**е**, без ослушан(ь)**е**, **е**сачны*^{х} *людеи*, *съ **Е**рославич(а) с(ы)н(о)мъ*, ***Е**рославич(а) с(ы)нъ*, *при Иване **Е**рославичѣ*, *ѿн**е**ти* (в московской грамоте во всех этих случаях орфографически правильно употреблены буквы **ѧ/ꙗ**).

В конце грамоты № 48 1477 г., составленной от имени можайского князя Ивана Андреевича, сделана приписка другим почерком, нежели тот, которым написан основной текст: *а писана грамота на Коломнѣ*.

В совершенно единичных случаях обнаруживается указание на местожительство писца: так, в конце духовной грамоты князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича ок. 1401–1402 гг. (№ 17) сказано: *а грамоту писа*^{л} *Мещеринъ*. Впрочем, эта грамота дошла в списке второй половины XV в. Другой пример косвенного указания на местожительство писавшего находим в духовной грамоте князя верейского и белозерского Михаила Андреевича ок. 1486 г. (№ 80), где сказано: *А грамоту писа*^{л} *дьячи*^{ш}*ко мое постельное Неклюдець*. Но обычно все же диалектную принадлежность писца в пределах Северо-Восточной Руси и окрестных областей определить не удается, тем более что князья перемещались с престола на престол и могли возить с собой своих дьяков. Например, до нас дошли грамоты Юрия Дмитриевича и как князя галицкого и звенигородского (№ 24б, 1428 г.; № 29, 1433 г.; № 30а, 1433 г.), и как московского великого князя (№ 32, 1434 г.).

Переходя к языковым особенностям грамот, в первую очередь следует сказать, что здесь отражаются известные фонетические черты, которые распространились во многих древнерусских диалектах, поэтому далее будут приведены лишь некоторые примеры без комментариев.

— Переход [е] в [о]: *земли лишо*^{н} № 17, *ушо*^{л} № 19, *ѿшо*^{л} № 63а, *Ржовою* (Т. п.) № 73 IIб и т. д.

— Развитие протетического [в]: *да*^{л} *ми еси в вотчину и в вудѣ*^{л} № 38б, *восминичее* № 79б, *в Ворду* № 35 и т. д.

— Развитие эпентетического [в]: *съ Родивоновски*^{м} № 20, *съ Фавустовьски*^{м} (топоним) № 57.

— Развитие сочетаний [шт] и [шн] из [ч’т] и [ч’н]: *што* (часто, например, № 34, 14 раз), *в опришнину* № 20.

— Диссимилятивное изменение [к] в [х] перед [т] и [к]: *хто* (часто, например, в грамоте № 24, 6 раз), *х тѣ*^{м} *мѣсто*^{м} № 18, *х тобѣ* № 19, № 35 Iб,

№ 66, № 81а, *х тому* № 64, № 65, № 67, *ни х кому* № 81а, 81б, *х куплѧ*^{м} № 72 IIIа, *х Коломнѣ* № 47, *ко ц(а)ремъ х Кичи Махметю и к Сиди Ахметю* № 38 IIб, *х Кубене* № 61а и т. д.

— Ассимилятивное оглушение согласных: *коропка* № 20, *коропку* № 21, *в Зупцевѣ* № 23, *у мое*^{г} *парwпка* № 80, *к моеи бра*^{т}*(ь)и моло*^{т}*шои* № 19.

— Упрощение групп согласных: *чесно* № 27.

— Реализация фонемы /и/ в [ы] после предлога, оканчивающегося на согласный или состоящего из согласного: *не в-ызмѣну* № 19, *об-ыно*^{м} № 33, *с-Ывано*^{м} № 19, *с-ыны*^{м} № 33, *от-ыновѣрьца* № 34 и т. д.

В духовных и договорных грамотах XV в. изредка отражается и аканье, и, хотя ничего необычного в этом нет, тут следует остановиться, поскольку отдельные варианты его отражения позволяют пролить свет на нередко встречающуюся нестандартную причастную форму *слышевъ*/*слышовъ*, употребляемую в формульных контекстах типа *а что на*^{м} ***слышевъ w*** *тво-е*^{м} *добрѣ или* ***w*** *листъ* w̄ *кого бы ни было*, *и на*^{м} *тобѣ повѣдати въ правду*, *безъ примышленіа* № 30б; *а што ми* ***слышо***^{в} *о вашо*^{м} *добрѣ или о листъ отъ хрестьѧнина или от-ыновѣрьца*, *а то ми ва*^{м} *повѣдати в правду*, *безь примышъленьѧ* № 34. Самый древний надежный пример отражения аканья обнаруживается в духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича 1358 г. (№ 4), причем в обоих дошедших до нас экземплярах: *Бр**а**шеваю*. И еще в одной грамоте XIV в. есть аналогичный случай: *Бр**а**шева* (духовная грамота великого князя Дмитрия Ивановича 1389 г., № 12). Это название волости в Коломенском уезде, ср. *Бр**о**шевую* (духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты ок. 1339 г., № 1). В грамотах XV в. аканье находит отражение несколько чаще, причем и в предударных, и в заударных слогах, например: *Рад**а**не*^{ж}, *на Рад**а**нежы*, *пред игуменомъ рад**а**жне*^{ж}*скимъ* № 17, *Р**а**стовецъ* № 17, *изн**а**ва* № 19, *w*^{т}***а****има*^{л} № 19, *Бр**а**шева* № 20, *Бр**а**шеву* №№ 20, № 21, № 22. Есть и гиперкорректные написания с заменой **а** на **о**: *К**о**лугою* № 18, *к**о**бальному*, *к**о**балы* (В. мн.) № 34, *изо кн(ѧ)ж**о** удѣла* № 17. И именно такое гиперкорректное происхождение, судя по всему, имеет форма *слышовъ* (стандартная форма *слышавъ* в грамотах тоже есть, например № 30). С нежеланием писцов отражать неразличение гласных неверхнего подъема связано, по-видимому, также довольно частотное написание **о** вместо **е** после букв шипящих в безударных слогах, например *старѣиш**о**и* (И. п.), *старѣиш**о**му*, *так ж**о***, *ж**о**нѣ*, *до Усищ**о**ва двора*, *по наш**о**му докончанью*, *д(у)ш**о**губство* № 17 (здесь для наглядности приведен материал из той же грамоты, где обнаруживаются «акающие» написания *Рад**а**не*^{ж}, *на Рад**а**нежы*, *пред игуменом рад**а**жне*^{ж}*скимъ*). Видимо, форма *слышовъ*, изначально гиперкорректная, встала в один ряд с формами типа *старѣишому*, *жонѣ*, которые имели известный писцам орографический вариант типа *старѣишему*, *женѣ*, и поэтому появилось написание *слышевъ*.

В исследованных текстах отражаются и некоторые нетривиальные фонетические особенности. Так, в договорной грамоте № 34 1434 г., напи-

санной от имени великого князя Василия Васильевича и, скорее всего, созданной в Москве, находим три случая отражения реализации предлога «к» в [х] перед фрикативным согласным: *хъ своему брату старешому*, *хъ своему брату хъ старешому*. Видимо, произношение [х] на месте предлога «к» в результате диссимиляции перед взрывными (в этой же грамоте 11 раз написано *хто*) приводило к спорадическому появлению той же реализации предлога и в других позициях. В современных русских говорах такое произношение распространено компактным ареалом на северо-западе и в отдельных населенных пунктах на северо-востоке [ДАРЯ I, карта 88]. Ср. также примеры типа *х ста́ду* из говоров Тверской и Новгородской областей, отмеченные в [Бурова 1967: 21–219]. Впрочем, возможно, что это явление в действительности распространено шире, чем обнаружилось в результате случайной фиксации материала, не предусмотренного «Программой собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» [ДАРЯ, справочные материалы: 192].

В духовной грамоте князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича ок. 1401–1402 гг., дошедшей в списке второй половины XV в. (№ 17), находим отражение регрессивной ассимиляции гласных: *су удѣла*, *су удѣло*^{в}, *су Углеча полѧ* (2 раза), *изу удѣло*^{в} (понятно, что писец не мог сделать одинаковую описку пять раз, так что этим написаниям следует доверять как отражающим фонетику). Не стоит удивляться незакономерности появления здесь огласованного варианта предлога, поскольку и в других случаях такие варианты в данной грамоте встречаются: *ко казнѣ*, *со одного*. Оригинал грамоты «писа^{л} Мещеринъ», а где сделан список, непонятно, но предположительно не в Москве.

Однако особенно интересен материал грамот, который позволяет выявить распространение в XV в. некоторых известных диалектных явлений или уточнить хронологию их возникновения либо временны́е границы их существования.

Начнем с отвердения шипящих /ш/ и /ж/. Общеизвестно, что первые написания, которые отражают это фонетическое изменение, датируются XIV в. Еще А. И. Соболевский указал на самые ранние примеры, такие, в частности, как *слышышь* из грамоты рижан в Витебск ок. 1300 г. (впрочем, здесь возможна описка под влиянием буквы **ы** предшествующего слога[1]), *межы*, *кнѧжылъ* из договора Дмитрия Донского с Ольгердом ок. 1372 г., *жывите*, *Жырошкины*, *Сурожы*^{к}, *жывота*, *держытъ* из духовной грамоты Дмитрия Донского 1389 г. [Соболевский 1907: 135–136]. Добавлю, что в этой грамоте (№ 12 по [ДДГ 1950]) есть и пример с сочетанием **шы**: *поѧсъ золо*^{т} *Шышкина дѣла*, а также примеры с **жъ**: *Оугожъ*, *Рогожъ*, *кнѧжъ*. В грамотах XV в. словоформ с сочетаниями **жы**, **шы** уже много, есть и случаи с сочетаниями **жъ**, **шъ**, например: *Рожъствомъ* № 28, *вточтешъ*

[1] Заметим, что Н. Н. Дурново сомневался в надежности этого примера [Дурново 2000: 168, сн. 53].

№ 30б. Естественно, обнаруживаются в больших количествах и традиционные написания **жи**, **ши**, **жь**, **шь**, которые, в принципе, нейтральны по отношению к отражению фонетики. Но есть случаи, когда некоторые привходящие обстоятельства позволяют и за такими написаниями видеть фонетическую реальность. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в грамоте № 59б, ок. 1456 г., написанной от имени московского князя Василия Васильевича, свободно отражаются твердые шипящие [ш], [ж]: *вашы*^{м}, *нашы*^{х}, *межы на*^{с}, *жыти* и т. д., а в парной грамоте № 59а, написанной от имени тверского князя Бориса Александровича, подобных написаний нет, здесь встречаются только сочетания **ши**, **жи**[2]. То же самое наблюдается в парных грамотах 1462–1464 гг. № 63б и № 63а. Грамота № 63б написана от имени московского князя Ивана Васильевича, и в ней мы находим написания *нашыми*, *сважывати*, *межы нас* и т. д., а грамота № 63а, написанная от имени тверского князя Михаила Борисовича, демонстрирует исключительно сочетания **ши**, **жи**. Можно думать, что тут мы имеем дело не только с орфографически правильными написаниями, но и с отражением произношения, т. к. даже еще в XVII в. шипящие согласные в тверском диалекте сохраняли мягкость, что свидетельствуется показаниями тверской отказной книги 1627–1643 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 16061) [Галинская 2002: 159]. Видимо, и в каких-то других говорах на территории Северо-Восточной Руси в той или иной степени сохранялись мягкие шипящие, поскольку и сейчас они там встречаются отдельными «островками» [ДАРЯ I, карта 63], но определить это на основании грамот, созданных писцами, чья диалектная принадлежность в подавляющем большинстве случаев не устанавливается, не представляется возможным.

Интересный материал, относящийся к качеству шипящих согласных, находим в упоминавшейся ранее договорной грамоте № 34 1434 г., написанной от имени великого князя Василия Васильевича. Ее писец довольно свободно отражал свою фонетику, о чем говорят следующие примеры, которые уже приводились выше: *што* (14 раз), *хто* (11 раз), *от-ыновтрьца*, *хъ своему брату старешому*, *хъ своему брату хъ старешому*. При этом он обращал внимание еще и на твердость и мягкость согласных:

от-ыновтрьца, *не канчивати* (2 раза), *доконьчанье* (3 раза), *доконьчанью* (Д. п., 2 раза), *московьскими жеребьи*, *Ивановьское*, *оу детеи оу боярьски*^{х}, *на поручьникть*, *в тысячьныи окладъ*, *безь примышъленья* (2 раза);

чимъ, *вси*^{м} *тымъ*, *апроче Ликуръгы*, *Новоселъки*, *оуправъливати*, *по крестъному целова*[*нью*], *сыскати по крестън(о)му*, *данъныхъ люде(и)*, *честъные*.

И у этого писца мы находим следующие написания: *безь примышъленья* (2 раза), *шъто*, *пошълю*, *нынешънимъ приходомъ*, *пошълю* (2 раза), *пошълемъ*, однако также *рубежьника* (В. п.) и *кнѧжь*. При столь внима-

[2] О различиях между почерками и графическими пристрастиями писцов этих двух грамот см. [Конявская 2018: 325–326].

тельном отношении к буквам **ъ** и **ь** писец, возможно, отразил твердость [ш] и мягкость [ж’] в своем произношении, хотя это и выглядит странно, поскольку члены коррелятивной пары по глухости/звонкости должны были вести себя одинаково в отношении отвердения. Впрочем, такое предположение не невероятно, если учесть тот факт, что В. В. Колесов упоминает (без конкретной ссылки) о рукописях, согласно показаниям которых «отвердению подлежит только ⟨ж’⟩, а ⟨ш’⟩ сохраняет свою мягкость до XVII в.» [Колесов 2005: 155].

В грамотах есть данные о твердом произношение глухого долгого (или сложного) шипящего. Об этом свидетельствуют следующие написания: *половины Щ**ы**това* (2 раза), *рубежь Щ**ы**тову*, *ѡ^{т} Щ**ы**това* № 17, ок. 1401–1402 гг. в списке второй половины XV в. (духовная грамота князя серпуховского и боровского); *на пристанищ**ы*** № 28, 1433 г. (духовная грамота вдовы князя серпуховского и боровского); *да^{н}щ**ы**ка* (В. п., 2 раза), *да^{н}щ**ы**ки*, *да^{н}щ**ы**ковъ* (Р. п., 2 раза), *съ … да^{н}щ**ы**ко^{м}* № 56б, 1450–1454 гг. (грамота от имени князя серпуховского и боровского); *а хто учини^{т} рубежъ или выво^{д} и рубежщ**ы**ка и выво^{д}чыка выдати по исправѣ* № 59б, ок. 1456 г. (грамота от имени великого князя московского Василия Васильевича); *татарщ**ы**ну* №№ 70 Iб и 70 IIб, 1481 г. (два противня грамоты от имени углицкого князя, в каждом из которых есть помета «писана на Москвѣ») и нек. др. По этим написаниям нельзя определить, долгим или сложным был шипящий. Но по крайней мере в части говоров Северо-Восточной Руси шипящий был долгим, поскольку на это указывают написания *братьѧ молощаѧ* (2 раза), *брата молощого*, *братьею молощою* № 34, 1434 г. (грамота от имени великого князя московского Василия Васильевича), где буква **щ** обозначает долгий [ш:], возникший по ассимиляции в результате фонетического развития прилагательного *моложьшии* (в языке писца этой грамоты краткий шипящий [ш] был уже твердым, см. выше). По данным [ДАРЯ], твердое произношение глухого долгого и/или сложного шипящего распространено в русских диалектах намного шире, чем мягкое его произношение: оно свойственно практически всем периферийным говорам, кроме крайних юго-восточных, нижегородских и некоторых «островков» в западной диалектной зоне и на севере, где шипящий звучит мягко. В говорах центра на территории, ограниченной с запада Ржевом, с севера Тверью и Ростовом, с востока Владимиром и с юга Серпуховом и Рязанью, произносится мягкий шипящий с некоторыми вкраплениями «островков», где мягкое произношение сосуществует с твердым [ДАРЯ I, карта 48]. Духовные и договорные грамоты показывают, что долгий/сложный глухой шипящий в отдельных говорах Северо-Восточной Руси отвердевал рано — уже в XV в.

Что касается звонкого шипящего, то он был преимущественно долгим, а не сложным, на что указывают написания с двумя **ж**. Во-первых, неоднократно встречается словосочетание *с/со от(ъ)ѣжжими мѣсты* № 41, 1445 г.; № 43, ок. 1445 г.; № 44, 1447 г.; № 55а, 1450 г.; № 67б, 1472 г. и т. д. (в грамотах, написанных от имени князей верейских и белозерских, вели-

ких московских князей, волоцкого князя), во-вторых, отмечается написание *опро*^{ч}*(ь) тое землици Можжеельника* № 80а, ок. 1486 г. (духовная грамота князя верейского и белозерского), и еще пять раз в разных вариантах этой грамоты употребляется та же форма *Можжеелника*, а один раз — *Можж**ш**елника*.

В современных говорах твердые и мягкие долгие/сложные звонкие шипящие распространены практически там же, где и глухие [Там же, карта 52], и в нашем распоряжении имеются единичные указания на то, что звонкий шипящий, так же как и глухой, мог быть твердым уже в XV в.: *с отьѣжъжими мѣсты*, № 55б, 1450 г., список XVI в. (грамота от имени московского великого князя), *с о*^{т}*(ъ)ѣжжы**ы**ми мѣсты* № 82б, 1486 г. (грамота от имени углицкого князя). Но есть и одно написание, которое свидетельствует о мягкости долгого звонкого шипящего: *с wтъѣжь**ь**жими мѣсты* № 64б, 1462–1464 гг. (грамота от имени князя верейского и белозерского).

Впрочем, в грамотах представлены и написания с сочетанием **жд**, которые могут указывать на отпадение конечного элемента изначально сложного звонкого согласного: *не вьѣж*^{д}*аютъ* № 17 (грамота от имени князя серпуховского и боровского), *с ѿ(ъ)ѣждими мѣсты*, *со ѿ(ъ)ѣждими мѣсты* № 84а (грамота от имени московского великого князя), *с о*^{т}*(ъ)ѣждими мѣсты* № 84б (грамота от имени рязанского князя), *с от(ъ)ѣжж*^{д}*ими мѣсты* № 75а, 1482 г. (грамота от имени московского великого князя). Это показывает вариативность в произношении долгого/сложного шипящего, которая отмечается и сейчас [Там же], но примечательно, что она присутствовала уже в XV в.

В грамотах обнаруживаются новые данные о датировке оглушения /в/ в [ф] в языке Северо-Восточной Руси. Дело в том, что имя литовского князя Витовта (лит. *Vytautas*), обычно записывающееся с буквой **в**, один раз встречается в написании *Вито~~в~~тъ* № 19 (список XV в. с грамоты 1402 г. «Докончание великого князя Василия Дмитриевича с великим князем рязанским Федором Ольговичем», грамота от имени московского князя с указанием «а писа^{н} на Москвѣ»). Кроме того, в подлинных грамотах 1434 г. (№ 34) и 1436 г. (№ 35), написанных от имени московских князей, находим следующее написание слова «дефтерь» ‘ханская налоговая грамота’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 4: 240]: *по старымъ девтеремъ* № 34, № 35 Iа, *по старыи*^{м} *девтере*^{м} № 35 IIб., что является гиперкоррекцией, указывающей, так же как и написание *Витоѳтъ*, на реализацию фонемы /в/ в позиции перед глухим согласным в [ф]. До сих пор самым ранним из найденных примеров оглушения /в/ считалось написание *фпрок* из грамоты 1501 г. [Дурново 2000: 195][3], так что духовные и договорные грамоты отодвигают датиров-

[3] Эта подлинная датированная грамота опубликована в [Акты, т. II 1958] под номером 303 (с. 259) — Купчая Михаила Гневаша Стогинина на деревни Гришинскую и Мелинскую с пустошами в Шубацком стане Белозерского уезда. В упоми-

ку древнейших примеров, демонстрирующих это явление, более чем на полвека назад.

В грамотах обнаруживается и материал, существенно уточняющий время появления написаний, свидетельствующих об отвердении аффрикаты /ц/. А. И. Соболевский утверждал, что отвердение /ц/, как и отвердение /ш/ и /ж/, произошло в XIV в., ссылаясь при этом на Киевскую Псалтырь 1397 г., где он обнаружил пример *языцы* л. 84об. [Соболевский 1907: 138][4]. Однако это написание крайне ненадежно из-за большой вероятности описки под влиянием буквы **ы** предшествующего слога. Кроме того, шипящие и /ц/ одновременно отвердеть не могли ввиду того, что перед [ш] и [ж] в русском языке наблюдаются результаты перехода [е] в [о], а перед [ц] их нет, что свидетельствует о более позднем отвердении аффрикаты, нежели шипящих. По словам Н. Н. Дурново, написания **цы** и **цъ**, которые указывают на отвердение /ц/, появляются в памятниках очень поздно, не ранее XVI в. [Дурново 2000: 171]. П. С. Кузнецов говорил о том, что отвердение /ц/ отражается не раньше второй половины XV в., приводя пример *болшые улицы* из грамоты Ивана Юрьевича Патрикеева с датировкой «до 1499 г.» [Борковский, Кузнецов 1963: 153]. Эта грамота опубликована в [ДДГ 1950] под номером 86 («Духовная грамота князя Ивана Юрьевича Патрикеева»), и в ней представлены и другие написания с сочетанием **цы** (*с се*^{п}*цы* (10 раз), *Луговицына* (В. ед.), *Ѡтцы С*(*вѧ*)*тые*, *Палицына* (В. ед.)), а также сочетание **цъ**: *конецъ* (2 раза). Но, как выяснилось, материал духовных и договорных грамот XV в. содержит существенно более ранние примеры:

wт(*е*)*цъ*, *w*(*те*)*цъ* (2 раза) № 24а, 1428 г. (докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем — грамота вел. кн. Василия Васильевича кн. Юрию Дмитриевичу с пометой «а писана на Москвѣ» и с подписью митрополита Фотия);

от(*е*)*цъ*, *Б*(*огороди*)*цы*, *Ногатиньцы* (Т. мн.), *на моемъ внуцы* № 28, 1433 г. (духовная грамота вдовы князя Владимира Андреевича серпуховского и боровского инокини Евпраксии (княгини Елены Ольгердовны));

w(*те*)*цъ* (5 раз), *о*(*те*)*цъ* № 35 IIа, 1436 г. (докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем — грамота кн. Дмитрия Юрьевича вел. кн. Василию Васильевичу);

w(*те*)*цъ* (2 раза), *о*(*те*)*цъ* (3 раза) № 35 IIб, 1436 г. (то же докончание — грамота вел. кн. Василия Васильевича кн. Дмитрию Юрьевичу);

w(*те*)*цъ* № 38 Iб, 1441–1442 гг. (докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем — грамота кн. Дмитрия Юрьевича вел. кн. Василию Васильевичу);

навшейся выше книге К. В. Горшковой приводится этот же пример, но указывается, что он обнаружен в грамоте начала XV в., что, видимо, является опечаткой (вместо XVI); опечатка обнаруживается и в номере грамоты (302 вместо 303) [Горшкова 1968: 142].

[4] В подлиннике **ꙗзꙑцы**, см. рукопись: https://www.prlib.ru/item/465928.

о^{т}(*е*)*цъ* № 43, ок. 1445 г. (проект докончания великого князя Василия Васильевича с князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем — грамота вел. кн. Василия Васильевича кн. Михаилу Андреевичу);

при твое^{м} *wтцы* (2 раза), *а цы переменитъ богъ Ѡрду* № 56б, 1450–1454 гг. (докончание великого князя Василия Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем — грамота кн. Василия Ярославича вел. кн. Василию Васильевичу);

съ оубрусцы № 57, 1451 г. (Духовная великой княгини Софьи Витовтовны).

Есть и более поздние примеры, которые на фоне примеров из грамот 1428 — начала 1450-х гг. особого интереса уже не представляют: *wт*(*е*)*цъ*, *Городецъ*, *Верхъ-Московицъ*, *Растовецъ*, *Юрьевецъ*, *Сосновецъ*, *Маковецъ*, *wколицъ* (Р. мн.) № 17, ок. 1401–1402 гг. в списке 2-й половины XV в., *w*(*те*)*цъ* (4 раза) № 70 Iб, 1473 г., *Тр*^{о}(*и*)*цы* (Р. ед.) № 68, ранее 1472 г. в списке 2-й половины XV в. и т. д.

Возможно, что отвердение /ц/ начиналось с позиций конца слова и перед гласным, тогда как перед согласным мягкость сохранялась дольше. Об этом говорят написания из упомянутой выше грамоты № 34 1434 г., писец которой внимательно относился к употреблению букв **ъ** и **ь** как отражающим твердость/мягкость согласных: *Бѣжицьки*^{м} *Верхо*^{м}, *из Бѣжицького Верха*, *Бѣжицькии … Верхъ*, *галицькие* (Р. ед.), *галицькои* (В. ед.).

Таким образом, самый ранний пример отвердения /ц/ датируется 1428 г., что меняет наши представления о времени начала этого процесса в диалектах Северо-Восточной Руси, в том числе в московском говоре[5]. Теперь можно думать, что твердый звук [ц] появился по крайней мере в конце первой четверти XV в. Тем самым становится очевидным, что датировка еще одного процесса, вернее, его окончания, также может быть уточнена. Речь идет о фонетическом переходе [е] в [о] после мягкого согласного перед твердым, который завершился до отвердения /ц/, следовательно, окончиться он должен был не позднее начала XV в.

И наконец, отмечу две интересные черты, которые характеризовали морфологию языка Северо-Восточной Руси XV в.

Еще во второй половине XV столетия здесь сохранялись древние формы действительных причастий прошедшего времени от глаголов с основами на **ę*: *поче*^{н} № 19, 1402 г., список XV в. (2 раза), № 33, 1434 г., список конца XV в., № 47, 1447 г., список конца XV в., *вынемши* № 25, ок. 1430 г., список середины XV в. Сейчас причастия (деепричастия) от глаголов с корневым [’а], восходящим к **ę*, типа *взёмши*, *снёмши* представлены отдельными «островками» только в селигеро-торжковских, псковских, гдовских, новгородских и ладого-тихвинских говорах [ДАРЯ II, карта 111].

---

[5] К. В. Горшкова пишет, что отвердение /ц/, возможно, произошло к XV в., однако все приводимые ею примеры написания **ъ** и **ы** после **ц** из издания [Акты, т. II 1958] извлечены из грамот конца XV — начала XVI в. [Горшкова 1968: 84–85].

В грамоте № 30б 1433 г. (докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем — грамота вел. кн. Василия Васильевича кн. Дмитрию Юрьевичу, которая, видимо, писалась в Москве) три раза встречена форма 2 л. презенса с утратой интервокального йота и стяжением гласных: *сказыва*^{ш}(*ь*). Формы со стяжением *-aje-* на стыке основы и окончания при ударной основе сейчас имеют довольно широкое распространение в русских диалектах, в том числе в генетически ростово-суздальских говорах, включая области вокруг Москвы [Там же, карта 89], но примечательно, что эти формы существовали уже в первой половине XV в.

Таким образом, духовные и договорные грамоты XV в. оказываются информативным источником, который позволяет получить новые данные о хронологии возникновения или протекания некоторых известных языковых процессов и о территориальной распространенности отдельных диалектных явлений.

Источники и словари

Акты, т. II 1958 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. II. М., 1958.

ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка. Вып. I. Фонетика. М., 1986.

ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. Вып. II. Морфология. М., 1989.

ДАРЯ, справочные материалы — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР: В 3 вып. Вып. I. Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика. М., 1986.

ДДГ 1950 — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.

СлРЯ XI–XVII, вып. 4 — Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 4. М., 1977.

Литература

Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд. АН СССР, 1963.

Бурова 1967 — Е. Г. Бурова. Диалектные изменения и замены *к* при сочетании его с последующими взрывными согласными (в предложно-падежных конструкциях) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 225–227.

Галинская 2002 — Е. А. Галинская. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Изд-во МГУ, 2002.

Горшкова 1968 — К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии Северной Руси (по данным исторической фонологии). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.

Дурново 2000 — Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка // Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры, 2000.

Колесов 2005 — В. В. Колесов. История русского языка. М.: Изд. центр «Академия», 2005.

Конявская 2018 — Е. Л. Конявская. Московские и тверские противни договоров 1454–1456 и 1462–1464 гг. // «Вертоград многоцветный»: сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018. С. 323–332.

Соболевский 1907 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.

Статья получена 17.01.2022

Elena A. Galinskaya

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
eagalinsk@mail.ru

REVISITING THE LANGUAGE OF NORTH-EASTERN RUSSIA OF THE 15TH CENTURY

Testamentary and contractual charters of grand and feudal princes of the 15th century reflect the phonetic features of the dialects of North-Eastern Russia and some adjacent areas, including nontrivial ones – pronunciation of the preposition "k" as [x] before a fricative consonant (*x svojemu*), regressive assimilation of vowels (*su uděla*). But the most significant thing is that the charters provide new material regarding the distribution of some well-known dialectal phenomena and clarify the chronology of their occurrence or time limits of their existence. For example, it turned out that in the Tver dialect, unlike other dialects of the center, in the 15th century soft sibilants [š'] and [ž'] were still preserved. At the same time, during this period, hard long (or complex) voiceless and sonorous sibilants have already spread in the dialects of North-Eastern Russia. Until now, the earliest of the found examples of devocalization of /v/ to [f] was considered *fprok* from the charter of 1501, but now the following spellings have been discovered: *Vitoft* in the charter dated 1402, but rewritten later in the 15th century, and hypercorrect *devterem* (*defter'* – khan tax charter) in texts dated 1434 and 1436. Earlier it was believed that the hardening of the affricate /c/ refers to the end of the 15th century, but now the study of charters has shown that there are earlier examples of the reflection of the hard [c], the oldest of which dates back to 1428. It follows from this that the phonetic transition of [e] to [o] after a soft consonant before a hard one, which ended before the hardening of /c/, should have been over no later than at the beginning of the 15th century. In the dialects of North-Eastern Russia, the ancient participial forms of the *vynemshi* type were preserved, but now they are no longer present in the dialects of this territory. Innovative constricted forms of present, like *skazyvash*, developed in the dialects of the Great Russian center no later than the 15th century.

Keywords: testamentary and contractual charters of grand and feudal princes of the 15th century, dialects of the Great Russian center, chronology of linguistic changes.

References

Borkovskii, V. I., & Kuznetsov, P. S. (1963). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka.* Moscow: Izd. AN SSSR.

Burova, E. G. (1967). Dialektnye izmeneniia i zameny *k* pri sochetanii ego s posleduiushchimi vzryvnymi soglasnymi (v predlozhno-padezhnykh konstruktsiiakh). In L. L. Kasatkin, O. N. Morakhovskaia, & T. G. Stroganova (Eds.), *Ocherki po fonetike severnorusskikh govorov* (pp. 225–227). Moscow: Nauka.

Durnovo, N. N. (2000). *Izbrannye raboty po istorii russkogo iazyka*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Galinskaia, E. A. (2002). *Istoricheskaia fonetika russkikh dialektov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moscow: Izd-vo MGU.

Gorshkova, K. V. (1968). *Ocherki istoricheskoi dialektologii Severnoi Rusi (po dannym istoricheskoi fonologii)*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Kolesov, V. V. (2005). *Istoriia russkogo iazyka*. Moscow: Akademia.

Koniavskaia, E. L. (2018). Moskovskie i tverskie protivni dogovorov 1454–1456 i 1462–1464 gg. In A. A. Turilov (Ed.), *«Vertograd mnogotsvetnyi»: sbornik k 80-letiiu Borisa Nikolaevicha Flori* (pp. 323–332). Moscow: Indrik.

Received on January 17, 2022

doi.org/10.31912/rjano-2022.2.4

А. Н. АНТОНОВА

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
alexa.antonova96@yandex.ru

АППРОКСИМАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ В СТАРОРУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ И ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКАХ

В статье рассматриваются разновидности числовых конструкций со значением приблизительного количества и особенности их употребления в летописных и деловых памятниках кон. XIV–XVII вв. В качестве материала для исследования были отобраны: Типографская летопись (кон. XIV–XV вв.), Никоновская летопись (XVI в.), Строевский список Псковской III летописи (XVI в.), Холмогорская летопись (XVI в.), Двинской летописец (XVII — н. XVIII в.), Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (кон. XIV — н. XVI в.), Акты Русского государства (XVI в.), Можайские акты (XVII в.). При сравнении конструкций с семантикой приблизительности с другими числовыми конструкциями был выявлен общий для всех числовых конструкций принцип числового округления. Наиболее частотные способы аппроксимации: конструкция с *больше*, конструкция с *до*, «*съ* + ВП» и конструкции с соположением числительных. Конструкция «*съ* + ВП» является нейтральной с точки зрения степени книжности источника; фиксируются также книжная конструкция с *яко* и некнижная конструкция обратного порядка слов. Первые примеры инновационной конструкции с аппроксимативной инверсией относятся к кон. XV в.

Ключевые слова: аппроксимативные конструкции с числительными; синтаксис числовых сочетаний; старорусские летописи кон. XIV–XVII вв.; деловые памятники кон. XIV–XVII вв.

1.1. Способы выражения семантики приблизительного количества в современном русском языке не раз привлекали внимание исследователей; см., например, такие работы, как [Супрун 1962: 5–19; Мельчук 1985: 78–79; 147–160; 362–375; Толстопятова 1986: 132–147; Billings, Yadroff 1999: 45–71; Plank 2004: 195–196]. «Наиболее специфическим», по словам А. Е. Супруна [1962: 5], средством аппроксимации является конструкция типа *человек двадцать*, в которой значение приблизительности выражается при помощи обратного порядка слов. Определение семантики данной аппроксимативной конструкции представляет собой «особую проблему» [Мельчук 1985: 156]. Так, А. Е. Супрун [1962: 5–7] считает термин «приблизительность» не вполне удачным, поскольку аппроксимативная инверсия скорее указывает на неуверенность говорящего в точности числа. Дискус-

сионной также является возможность образования данной конструкции с некоторыми числительными, например с *два* [Птенцова 2018: 404], *тысяча*, *миллион*, *миллиард* [Толстопятова 1986: 134]. Помимо инверсии, к синтаксическим средствам аппроксимации относится соположение числительных, или, в терминах [Мельчук 1985: 157], — кратные и однородные (с союзом *или*) числовые конструкции: *два-три дня*, *два или три дня* [Супрун 1962: 10; Толстопятова 1986: 135–139]. В таких конструкциях значение неопределённости создает или числовой интервал (кратная конструкция), или дизъюнкция чисел (однородная конструкция) [Мельчук 1985: 158]. Семантика приблизительности может также выражаться лексически (при помощи наречий и предлогов). В [Толстопятова 1986] выделяются следующие группы аппроксимативных маркеров:

1) числовые конструкции с наречиями *приблизительно*, *примерно* и предлогом *порядка*, которые определяют количество неопределенно, отклонение может быть как в сторону увеличения, так и уменьшения;

2) конструкции «приближения снизу»: с наречием *почти* и сочетанием *без малого*; сочетания с предлогом *около* (которые могут означать и «приближение сверху»); сочетания с предлогами *до* и *к*, наречиями *менее*, *меньше*;

3) конструкции с наречиями *более* (*больше*), предлогом *свыше.*

И. А. Мельчук [1985: 363] предлагает классификацию показателей приблизительности, основанную на синтаксическом принципе:

1) наречия и наречные речения (например: *приблизительно*, *примерно*, *этак*, (*не*) *более чем*, (*не*) *менее чем*, *без малого*);

2) предлоги: *около*, *до*, *от — до*, *с*, *под*, *за* (*лет за пятьдесят*);

3) формы сравнительной степени: *более*, *менее*, *больше*, *меньше*, *свыше.*

Важной особенностью является то, что показатели типа (1) могут сочетаться с показателями типа (2) и (3), в то время как маркеры приблизительности типа (2) и (3) друг с другом сочетаться не могут [Там же].

Как отмечает А. В. Птенцова [2018: 402], диахронический аспект описаний конструкций со значением приблизительного количества представлен заметно лаконичнее. В [Жолобов 2006: 211–213] описываются типы аппроксимативных конструкций в древнерусском языке. Так, значение приблизительного количества передавалось при помощи конструкции «*съ* + ВП», причем для раннедревнерусского периода был характерен порядок слов типа «*съ* + числ. + сущ. в ВП», в позднедревнерусских источниках в данной конструкции появляется препозиция существительного [Там же]. Аппроксимативная семантика также выражалась конструкциями со словом *яко* ‘приблизительно, около’ и частицей *нѣ* со значением неопределённости [Там же]. В Новгородской I летописи зафиксирована новая модель аппроксимативной конструкции, сочетающая обратный порядок слов и МП с предлогом *о* ‘около’: *паде головъ о сте къметьства* (XIII в.) [Там же].

А. В. Птенцова [2018: 402–413] исследовала данные конструкции на материале древнерусского и старорусского подкорпусов Национального кор-

пуса русского языка (далее — НКРЯ). Помимо указанных в [Жолобов 2006: 211–213] средств аппроксимации, для древнерусского периода в [Птенцова 2018: 402–413] выделяются конструкции с предлогом *до*, зафиксирован пример с лексемой *любо* и предлогом *около*, а также пример кратной конструкции (*по три по четыре* — Волынская летопись, л. 286, 1262); как аппроксимативная рассматривается конструкция «*о* + МП». Кроме того, в [Там же] предлагается отличная от [СРЯ XI–XVII, 11: 9] и [Жолобов 2006: 212] трактовка числового сочетания с аппроксимативным маркером *нѣ* как конструкции с семантикой приближения снизу. По данным **старорусского подкорпуса**, для сочетаний с числительными малого количества наиболее употребительны конструкции с соположением числительных типа *человека два или три*, начинают также появляться сочетания без союза типа *человека два-три* [Птенцова 2018: 411]. Так же как и в древнерусском, для выражения приблизительного количества возможно употребление предложно-падежных конструкций, однако «набор предлогов отчасти меняется»: наиболее употребительные «*съ* + ВП», «*въ* + ВП» (типа *недель въ двадцать*) и «*близъ* + РП»; в абсолютном большинстве примеров наблюдается препозиция существительного [Там же: 412–413]. Приблизительность также выражается конструкциями с *аки* (причем и аппроксимативный маркер *аки*, и предлог *до* могут сочетаться в одной конструкции) [Там же]. Важно отметить, что первые инновационные примеры, в которых аппроксимативная семантика передается исключительно инверсией, по данным старорусского подкорпуса относятся ко второй половине XVI — XVII вв. [Там же].

В [Bogusławski 1966: 147–152] описывается эволюция основных способов выражения аппроксимативно-количественного значения в XVII–XVIII вв. Так, возникновение современной аппроксимативной инверсии связывается А. Богуславским с модификацией конструкции «*съ* + ВП»: инверсия стала самостоятельно выражать значение приблизительности, поскольку в подавляющем большинстве случаев конструкция «*съ* + ВП» характеризовалась именно обратным порядком слов [Ibid.: 151]. В XVII в. аппроксимативная инверсия малоупотребительна, к концу XVII — первой половине XVIII в. предлог *с* опускается чаще, но его употребление всё еще преобладает; в течение второй половины XVIII в. конструкции с инверсией начинают преобладать [Ibid.: 225]. Обратим внимание, что замечание о происхождении конструкции типа *человек двадцать* высказывалось еще у А. А. Потебни [1941: 251]: он связывает ее с тем, что при неопределенности числа предметов говорящий сначала припоминает известное (массу считаемых объектов), а затем само число, т. е. фактически с характерным для некнижного синтаксиса принципом организации информации «вначале главная часть сообщения, затем уточнения» [Зализняк 2004: 190].

1.2. Материалом для данной работы послужили памятники конца XIV — XVII вв. различной диалектной принадлежности и степени книжности.

В старорусский период синтаксическая система числительных[1] претерпевает значительные изменения: наблюдается разрушение исконной системы древнерусских числительных и постепенное формирование новой. Таким образом, именно этот период синтаксического развития числительных представляет для нас особый интерес.

Как известно, пространство письменности средневековой Руси делится на книжные (стандартный и гибридный регистр, по В. М. Живову) и некнижные тексты [Живов 2017: 212–213; 321]. На грамматическом уровне данное противопоставление выражается в первую очередь в выборе определенной лингвистической стратегии. Тексты, несущие в себе дидактическое начало, были ориентированы на стратегию логического развертывания; в текстах бытового содержания преобладал ситуационный синтаксис [Живов 1996: 31]. В настоящей статье мы рассмотрим особенности способов аппроксимации, обусловленные различной степенью книжности источников, а также попытаемся выявить специфику конструкций со значением приблизительности на фоне других числовых конструкций. Исследованы следующие летописные источники: Типографская летопись за конец XIV — XV в. (далее — ТЛ), Никоновская летопись за XVI в. (далее — НЛ); помимо летописей центрального происхождения, исследована Псковская III летопись за XIII–XVI вв. (далее — ПЛ), а также тексты двух поздних севернорусских летописей — Холмогорской за XVI в. (далее — ХЛ) и Двинского летописца за XVII — начало XVIII в. (далее — ДЛ). Некнижные тексты представлены материалами актов: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСВР), Акты Русского государства за XVI в. (далее — АРг), Можайские акты за XVII в. (далее — МА).

2.1. Согласно [Krifka 2002; 2009], для выражения аппроксимативной семантики обычно используются круглые числа, поскольку они сами по себе, вне аппроксимативных конструкций, передают значение приблизительности (Манфред Крифка предлагает называть это «the Round Numbers Round Interpretation principle» — принципом аппроксимативной интерпретации круглых чисел). Ср. с русскими примерами типа *десять*/*сорок*/*сто*/*тысячу раз тебе говорил*, в которых круглые количественные числительные не указывают на точное количество, а означают вообще ‘много’ [Супрун 1962: 5].

Интересно, что для конструкций с числительными (как аппроксимативных, так и передающих точное числовое значение) в рассмотренных старорусских памятниках стремление к фиксации округленного количественного значения является общей тенденцией. В фокусе внимания находится числовое целое, остаток при целом может иметь лексическое выражение или

[1] В вопросе о частеречной принадлежности числительных мы придерживаемся концепции О. Ф. Жолобова, согласно которой древнерусские числительные являются самостоятельной частью речи [Жолобов 2006: 12].

же обозначаться с помощью синтаксической конструкции, но в обоих случаях само наличие остатка подчеркивает идею «округления». По способу выражения остатка при целом значении в конструкциях с числительными можно выделить две группы:

1. Конструкции с точным числовым выражением остатка (конструкции с семантикой точного числового значения);
2. Конструкции с остатком, не имеющим точного числового выражения, (аппроксимативные конструкции).

Первая группа включает в себя конструкции, состоящие из двух компонентов: числовое целое и точный числовой остаток. К данной группе можно отнести такие типы конструкций с числительными, как (1.1) счет вперед и (1.2) обратный счет:

(1.1) *с нимъ* ***двѣсте и 20 казаковъ*** (ТЛ л. 292 об., 1492); *а всѣхъ ихъ* ***60 человѣкъ да 4*** (ТЛ л. 292 об., 1492); ***и жонак и робят 50 да 2*** (ПЛ л. 196, 1480); *всь Псковъ дал на вече* ***30 роублевъ да сто*** (ПЛ л. 170 об., 1476); *а тому…* ***дватцат(ь) лѣт да четыре*** (АСВР № 607, [1496–1498]); *дал есми на неи* ***сорок рублев и шесть рублев*** (АРг № 203, 1521/1522); *а съ зубцами вышина стѣнѣ* ***4 сажени и пол-пол-пол-трети сажени*** (МА № 11, 1626);

(1.2) *было же с ними рати 12000, а великого князя с воеводами было рати* ***4000 без 30 человек*** (ДЛ л. 5, 1464); *а дроузии сказуют* ***4000 без 15 душь*** (ПЛ л. 81, 1480); *бывъ вь епископѣхъ* ***30 лѣтъ безъ трехъ*** (ТЛ л. 248, 1414); *ино того имется (так!) на пятнацат(ь) лѣт* ***двѣстѣ рублев без пяти рублев*** (АСВР № 249, [1477–1482]); *да взяти ми…****тритцат(ь) алтын без гривны*** (АРг № 65, не п. 1510).

В примерах (1.1), отражающих исконный тип союзных сочетаний разноразрядных числительных, выделяется целое и указывается точный остаток: 200 плюс остаток 20 в *с нимъ* ***двѣсте и 20 казаковъ*** (ТЛ л. 292 об., 1492) — данный тип мы будем называть «целое плюс остаток». В абсолютном большинстве примеров остаток указывается после «целого», однако в Псковской III летописи встречаются числовые сочетания, в которых остаток указывается до целого[2]: *всь Псковъ дал на вече* ***30 роублевъ да сто*** (ПЛ л. 170 об., 1476); ***два человека да 20*** (ПЛ л. 167 об., 1476).

Конструкции обратного счета (1.2) «зеркальны» по отношению к счету вперед и соответствуют схеме «целое минус остаток»; ср. сохранившиеся современные русские конструкции типа *без пяти восемь*. К (1.2) можно также отнести конструкции половинного счета: *о* ***полъ третью десяти оуглах*** (ПЛ л. 142, 1471); *и тако сметиша и сказаша царю* ***полчетвер-***

[2] Благодарю анонимного рецензента за указание на ценные типологические параллели в немецком, датском, разговорном норвежском, классическом иврите, арабском и английском языке XIX в. к нашим примерам из Псковской III летописи.

татцать тысящь *убиенных* ***турков*** (ХЛ л. 350 об., 1453); *въ старой гривенкѣ было* ***полтретья рубля*** (НЛ 1534–1535, 85); *по* ***полутрет(ь)ящати алтын*** (АСВР № 249, [1477–1482]); *сѣдевше* ***полдевята года*** (ТЛ л. 252, 1418); *а* ***полдевяты сажени*** *длиннику подъ садами* (МА № 49, 1689). Так, в конструкциях половинного счета порядковое числительное указывает на «целое число единиц, предшествующее порядковому числительному, и половину названной числительным единицы» [Жолобов 2006: 198], т. е. фактически числительное округляется до целого и отсчет ведется от этого целого, например *половина девятого десятка*, т. е. опущенное «целое» 80 + половина еще одного, девятого десятка — «остаток».

Вторая группа характеризуется наличием в конструкциях семантики приблизительного количества. Остаток при целом числе может иметь приблизительное числовое выражение или же формально быть представленным нулем. В первом случае остаток обозначен лексически, во втором — на остаток указывает синтаксическая структура конструкции. Наличие в конструкциях с числительными «нулевого» остатка или остатка, не имеющего точного числового выражения, и обусловливает появление семантики приблизительного количества. В данную группу входят конструкции следующих типов:

Тип 1: «целое плюс остаток»	(2.1) *а та была государь церковная подѣлка смѣчена до меня холопа вашего* ***больше дву сотъ рублевъ*** (МА № 11, 1626);
Тип 2: «целое минус остаток»	(2.2) *ведоша* ***до 40 хрестьанъ*** (ТЛ л. 345 об., 1408);
Тип 3: «целое плюс/минус остаток»	(2.3) ***лѣт*** *тому* ***с пѧтдесѧт*** (АСВР № 524, [1485–1490]).

Тип 1 «целое плюс остаток» включает в себя только примеры с лексическим выражением остатка — маркером аппроксимативности *больше* (*болѣ*): *косили* ***лѣт боле дватцати*** (АСВР № 214, [ок. 1495–1502]); *жил...* ***болѣ ста лѣт*** (АСВР № 289, [ок. 1492]); *взялъ полону* ***болши сорока тысячъ*** *безъ возбраненія* (НЛ 289, 1558); *убили* ***болши трехъ тысячь*** (НЛ 290, 1558); *потерял* ***боле 2 тысяч*** (ПЛ л. 220 об., 1559); *а казнѣ вашей государской многую прибыль сдѣлалъ во всякомъ въ городовомъ дѣлѣ* ***больше двухъ тысячъ*** (МА № 11, 1626). Соответствием данной конструкции (семантика приблизительности как следствие *лексического* выражения остатка) в первой группе, т. е. в группе конструкций с точным выражением остатка, могут служить примеры (1.1) (типа *с нимъ двѣсте и 20 казаковъ*, в котором к числовому целому (*двѣсте*) прибавляется не *переменная* (*болѣ*), а точное числовое значение (*20 казаковъ*)).

Ожидаемым соответствием конструкции обратного счета («целое минус остаток») с лексическим выражением остатка (примеры 1.2) является конструкция типа *осталось меньше пяти рублей*, однако в исследуемых па-

мятниках зафиксирован только один подобный пример (с частицей *не*, т. е. данный пример относится к типу 1): *прислаша* ⟨…⟩ *и из иных православных стран* ⟨…⟩ ***не менее двусот книг*** (ДЛ л. 14 об., 1655). Такую редкую употребительность конструкций типа «меньше X» можно объяснить особой семантикой и контекстным употреблением в древних памятниках конструкций типа *болѣ тысячи душь.* Частотным контекстом для конструкции «*болѣ* + числовое целое» в летописных памятниках является ситуация «убытка» (указание потерь):

(1) *Истопѣ на озерѣ* ***болѣ тысячи душь*** (ТЛ л. 244, 1408);
(2) ***Большiи двою сотъ человѣкъ*** *згорѣ людей* (ТЛ л. 297, 1493);
(3) *Погорѣ…* ***дворовъ больши пятсотъ*** (ТЛ л. 290, 1491).

Ситуация «убытка» предполагает, что описываемые потери масштабны и катастрофичны, а следовательно, выражается через схему: числовое значение X (уже много), но убыток еще больше. Можно предположить, что это обстоятельство влияет на семантику конструкции «*болѣ* + числовое целое». Рассмотрим расширенные контексты с употреблением данной конструкции:

(2) *И много бо тогда людемъ скорбости бысть:* ***большiи двою сотъ*** *человѣкъ згорѣ людей, а животовъ бесчислено выгорѣ. А все то погорѣ единого полудни, а лѣтописець и старые люди сказывают: как Москва стала, таков пожар не бывалъ* (ТЛ л. 297, 1493);
(3) *…а всѣхъ церквей во градѣ згорѣло девять, а на посадѣ тритцать, и много бѣды тогда градскимъ людемъ и крестьяньству. Того же лѣта … згорѣ градъ Оуглечь весь и на посадѣ погорѣ и за Волгою дворовъ* ***больши пятсотъ*** (ТЛ л. 290, 1491).

Как мы видим, конструкция «*болѣ* + числовое целое» в данных контекстах не сводится к значению ‘больше числа «x»’, а приобретает дополнительный семантический компонент ‘много’.

Соответствием конструкции обратного счета во второй группе (т. е. в группе конструкций с приблизительным выражением количества) являются примеры с аппроксимативным предлогом *до*: *сказали, что на Ваге воров* ***тысячь до седми*** (ДЛ л. 10 об., 1616–1617); ***до 50 пищалниковъ*** *поимали* (НЛ 80, 1535); *на тѣх пожнях...* ***копен до полутораста*** (АСВР № 213, [ок. 1495–1501]); *ведоша* ***до 40 хрестьанъ*** (ТЛ л. 345 об., 1408). Кроме конструкций с *до*, встретился также единичный пример, в котором на остаток указывает синтаксическая конструкция с отрицанием: *ег(о) знахорю Гридкѣ Алексѣеву* ***тритцати лѣт*** *от роду* ***нѣт*** (АСВР № 607а, [1496–1498]). И в обратном счете, и в аппроксимативных конструкциях типа «целое минус остаток» числовое значение округляется до целого, однако в обратном счете остаток до целого представлен как точное числовое значение, а в примерах с семантикой приблизительности на остаток указывает аппроксимативный предлог *до* или отрицательная конструкция.

Основной способ аппроксимации типа «целое плюс/минус остаток» — числовые конструкции «*съ* + ВП». Отношения между числовым целым и остатком в примере (2.3) *лѣт тому с пѧтдесѧт* можно описать следующим образом: числовое значение, выражаемое конструкцией *лѣт с пѧтдесѧт*, лежит в диапазоне от «числовое целое (в данном случае 50) минус остаток» до «числовое целое (50) плюс остаток». Конструкции приблизительного количества именно с таким соотношением числового целого и остатка («целое плюс/минус остаток») претерпевают в истории русского языка наибольшие изменения — рассмотрим их подробнее.

2.2.1. Универсальным и самым частотным средством выражения значения приблизительного количества в исследованных памятниках является конструкция «*съ* + ВП». Эта конструкция активно используется как в текстах гибридного регистра (летописях), так и в материале актов конца XIV — XVII вв.; см. некоторые примеры: *а съ нимъ* ***человѣкъ з дватцать*** (НЛ 244, 1554); *и всяких чинов служителей и ремесленных* ***человек с 1000*** (ДЛ л. 38, 1698); *и привезе с собою щькабатовъ* ***клячь*** *новогородскыхъ* ***съ 300*** *полону* (ПЛ л. 141, 1471); *тому…* ***лѣт с пятдесят*** (АСВР № 289, [ок. 1492]); *а моеи рухляди было* ***рубли с три*** (АРг № 196, [ок. 1521–1522]); *да въ прошлыхъ де годѣхъ* ***лѣтъ*** *тому* ***съ двадцать и больше*** *онъ же* ⟨…⟩ *завладѣлъ* (МА № 50, 1695).

Для большинства примеров характерен обратный порядок слов, который появляется в данной конструкции в позднедревнерусских источниках [Жолобов 2006: 211]. Однако встречаются единичные случаи типа «*съ* + ВП числ. + сущ.»; см. пример из НЛ с постпозицией сущ. *человѣкъ*: *улановъ и князей и мурзъ и казаковъ* ***съ триста человѣкъ*** (1552, 174)[3].

В [СРЯ XI–XVII, 23: 8] приводятся две сходные конструкции с предлогом *съ*, на наш взгляд, семантически и генетически связанные с конструкцией приблизительного количества «*съ* + ВП»:

A. Выражает количественную соотнесенность, соразмерность с какой-либо величиной. *Убозии… и неимущеи, иже и съ единъ дьнь не имуть брашьна* (Гр. Наз., 27, XI в.);
B. Выражает сопоставление двух предметов по величине. (1487): *Бысть град великъ съ яблоко с садовое* (Псков. Лет. II, 223); *Струш есть птица во Африкии, величеством с велбуда, сильна вельми* (Алф., 217 об., XVII).

[3] Конструкция приблизительного количества с предлогом «с» была довольно активной вплоть до конца XIX в., на что указывает её частое употребление в текстах художественной литературы XIX — начала XX в.; в [СРЯ XI–XVII] эта конструкция малоупотребительна, см. самый поздний пример по данным НКРЯ — тоже без препозиции существительного: *пройдя* ***с десять шагов*** *обратно до сарая* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001 г.).

Семантика приведённых конструкций с предлогом *съ* в действительности сводится к общей схеме, которую можно представить следующим образом: некий неизвестный объект (в широком понимании: предмет, отрезок времени, расстояние) **x** соотносится с известным объектом **y** (или с известным качеством объекта y). Так, в примере **A** таким неизвестным **x** является отрезок времени, в течение которого «не имуть брашьна»; это неизвестное **x** приравнивается к известной величине **y** (единъ день). В примерах **B** таким неизвестным выступает качество объекта (величина), которое приравнивается к известной величине другого объекта. Можно предположить, что в основе конструкции приблизительного количества лежит такой же принцип соотношения двух компонентов, однако в данном случае отношения «приравнивания» трансформируются ввиду особенных свойств **y**. Если в примерах **A** и **B** величина **y**, к которой приравнивается неизвестное **x**, мыслится как нечленимое целое, то в конструкции с семантикой приблизительного количества величина **y**, напротив, всегда разложима на составляющие, тем самым становится возможным отношение приблизительного равенства между **x** и **y**.

2.2.2. Помимо нейтральной с точки зрения книжности конструкции «*съ* + ВП», зафиксированы синонимичные конструкции, употребление которых обусловлено конкретным языковым регистром. Так, книжная конструкция с *яко*/*аки*, восходящая к традиции старославянских переводов [Жолобов 2006: 212], зафиксирована только в летописных памятниках XV–XVI вв.:

(1) *бысть ихъ числом* ***яко сто*** (ТЛ л. 225 об., 1395);
(2) *множество же бо бѣша Новогородцивъ,* ***яко тысящь сорокъ*** *или больши (*ТЛ л. 264 об., 1471);
(3) *и бысть тма сильна и дождь прапроудою неисказаемоу силенъ,* ***яко с полтора часу*** (ПЛ л. 128 об., 1470);
(4) *старости же достиже* ***яко лѣтъ сто*** (НЛ 50, 1530);
(5) *и паки второе удариша, и сразиша стену сверху,* ***аки сажен с пять*** (ХЛ л. 349, 1453).

В Холмогорской летописи зафиксирован один пример с частицей *ни* (ср. с аппроксимативной частицей *нѣ*, характерной для древнерусских летописных источников [Жолобов 2006: 212]: *имаша на нихъ* ***нѣ съ полоуторы тысяце гр҃внъ***, Новгородская I летопись, XIII в.): *и мало бе воя их,* ***яко ни с тысячю*** (ХЛ л. 326 об., 1445).

Важной особенностью данных маркеров приблизительности, в отличие от конструкции «*съ* + ВП», является то, что они могут совмещаться с другими предлогами (ср. с сочетанием в английском языке, которое приводится в [Мельчук 1985: 369], — *in* ***about*** *hundred cases* — ‘*примерно в ста случаях*’, где аппроксимативный маркер *about* может сочетаться с предлогом):

(1) *и егда бысть ихъ числом* ***яко до тысящи*** (ТЛ л. 226 об., 1395);
(2) *и бишася у града седмь недель, и много избиша,* ***яко до 4000*** *изсекоша их* (ХЛ л. 206, 1237);
(3) ***яко до трею лет*** *сущу ему в Орде* (ХЛ л. 231 об., 1277).

Кроме того, в Холмогорской летописи семантика приблизительности передается также при помощи предлога *близко*: *церквей единех згорело* ***близко штисот*** (ХЛ л. 123 об., 1123); данный пример можно рассматривать и как тип 2 «целое минус остаток».

2.2.3. В деловых памятниках конца XV в. появляются новые конструкции, в которых значение приблизительного количества выражается исключительно обратным порядком слов. В абсолютном большинстве случаев инновационные конструкции с инверсией содержат предлог (не обладающий аппроксимативной семантикой[4]); см. примеры из разъезжих грамот конца XV в.:

(1) *мы… помним* ***лѣтъ за семьдесять*** (АСВР № 213, [ок. 1495–1501]);
(2) *мы… помним* ***лѣт за восмьдесят*** (АСВР № 209, [ок. 1495–1497]);
(3) *съкли от съх мѣстъ* ***лѣт за пятьдесят*** (АСВР № 285, [ок. 1492]).

Доказательством аппроксимативности конструкций (1–3) может служить то, что все примеры конструкций нового типа с обратным порядком слов зафиксированы в типичных для конструкций «*съ* + ВП» контекстах, ср.:

(4) *а тому* ***лѣт с пятдесят*** (АСВР № 587, [ок. 1495–1499]);
(5) *тѣм починком иным* ***лѣт с тритцат(ь),*** *а иным* ***лѣт з дватцат(ь)*** (АСВР № 289, [ок. 1492]);
(6) *тому…* ***лѣт с трицат(ь)*** (АСВР № 289, [ок. 1492]).

Важно также отметить, что данные контексты представляют собой прямую речь ответчиков на суде — современная аппроксимативная инверсия является характерной чертой именно разговорной речи.

По всей видимости, современная инверсия «сущ. + числ.» с семантикой приблизительности возникла из конструкции «*съ* + ВП» с существительным, вынесенным в тему [Bogusławski 1966: 147–152]. Дело в том, что аппроксимативный предлог *съ* не мог сочетаться в одной конструкции с другими предлогами [Ibid.]. При этом показатели приблизительности типа *яко*, сочетающиеся как с неаппроксимативными предлогами, так и с маркерами приблизительности, были не универсальны, поскольку характеризовали исключительно книжный язык. Идею А. Богуславского о возникновении современной инверсии из конструкции «*съ* + ВП» подтверждает, вероятно,

[4] Отметим, что предлоги в сочетаниях типа *недель* ***въ*** *двадцать*, *лѣт* ***за*** *пятьдесят* мы рассматриваем как неаппроксимативные, поскольку они не выражают значения приблизительности.

еще и тот факт, что аппроксимативная инверсия невозможна (или затруднена) в косвенных падежах: **рублями тремястами.*

Самый ранний в исследованном материале, хоть и не очень надежный с фонетической точки зрения, пример конструкции с инверсией без предлога относится также к концу XV в.:

(7) *а тому… **лѣт шестьдесят*** (АСВР № 587, [ок. 1495–1499]).

Можно предположить, что фонетический фактор — ассимиляция предлога *с* в сочетаниях типа *с сорок* / *с семьдесят* / *с шестьдесят* — мог играть вспомогательную роль в формировании нового типа аппроксимативной конструкции.

Обратим внимание, что в летописных источниках конца XIV — XVII вв. числовое сочетание с обратным порядком слов является нейтральным выражением нумеральной семантики и не несет в себе значения приблизительности[5], см. некоторые примеры из Холмогорской и Псковской III летописей: *преставися князь великий Всеволод, зовомый Дмитрей, сын Юрьевичь Долгорукого, жив **лет 63**, а княжив 40 лет* (ХЛ л. 181 об., 1212); *бе бо **лет 18**, но крепок бе на брань* (ХЛ л. 195 об., 1223); *и поял у бортника того дщерь в жену себе, и пребысть с нею **лет 30** бездетен, и убиен бысть громом* (ХЛ л. 237 об., 1293); *паде **Нѣмец ратманов 500*** (ПЛ л. 3 об., 1242); *и поима с собою новгородскых **бояръ 6*** (ПЛ л. 192, 1478); *на память **святыхъ мученикъ 10*** (ПЛ л. 21, 1341). Вероятно, это более архаичный порядок слов, сохраняющийся в книжной традиции, в то время как в живом языке нейтральным порядком слов стала препозиция числительного и постпозиция существительного (см., например, [Улитова 2016: 18]).

2.3. Для летописных источников характерен также тип аппроксимативных конструкций, не связанный с тенденцией к округлению. Это конструкции с соположением, или, по [Мельчук 1985: 158], кратные и однородные конструкции. Напомним, что в таких конструкциях семантика приблизительности задается при помощи числового интервала или дизъюнкции чисел [Там же]. Большая часть зафиксированных примеров содержит союзы *и*, *или*, *ово*:

(1) *пришлетъ... **человѣкъ трехъ или четырехъ*** (НЛ 161, 1550–1551);
(2) *положатъ... дѣтокъ **семеро или осмеро головъ** въ единъ гробъ* (ПЛ л. 25 об., 1341);
(3) *горніе же люди ѣздили... **человѣкъ по пятисотъ и по штисътъ*** (НЛ 165, 1551);

[5] Однако в Никоновской летописи (записи за XVI в.) зафиксирован контекст, который можно рассматривать как аппроксимативный (с неаппроксимативным предлогом *за*): *и воевали до Вильны **версъстъ за пятдесятъ**, а индѣ и **за сорокъ*** (НЛ 82, 1535). Ср. *за 50 верст* — '*на расстоянии 50 верст*' vs. *верст за 50* — '*приблизительно на расстоянии 50 верст*'.

(4) *правя на людех* ***ово сто рублеи, ово двесте, ово триста, ово боле*** (ПЛ л. 209, 1541).

В единичных примерах встречается бессоюзная связь:

(5) *мертвыхъ...* ***человѣкъ по пяти, по шти*** (НЛ, 261, 1556);
(6) ***тысячь съ пять, съ шесть*** (НЛ 257, 1555).

В (6) конструкция с соположением числительных является также аппроксимативной конструкцией «*съ* + ВП».

Отметим, что конструкции с соположением числительных могут включать числительные малого количества (см., например, (1): *человѣкъ трехъ или четырехъ*), в то время как для аппроксимативных конструкций типа «целое плюс/минус остаток» нехарактерно употребление некруглых числительных, особенно числительных малого количества с названием физических объектов (не единицами измерения)[6].

3. Таким образом, сравнение аппроксимативных конструкций с другими числовыми конструкциями в исследованных старорусских памятниках конца XIV — XVII вв. позволило выделить общий для всех числовых конструкций принцип числового округления: в конструкциях с точным числовым значением фиксируется целое и указывается точный числовой остаток, в конструкциях с семантикой приблизительного количества целое также фиксируется, но остаток не имеет точного числового выражения. Наиболее частотные способы аппроксимации: конструкция с *больше* (тип «целое плюс остаток), конструкция с *до* («целое минус остаток») и «*съ* + ВП» (тип «целое плюс/минус остаток»), а также конструкции с соположением числительных, которые не связаны с тенденцией к округлению. Анализ конструкций типа «целое плюс/минус остаток» с точки зрения степени книжности источника показал, что наряду с общеупотребительной, нейтральной конструкцией «*съ* + ВП» функционируют обусловленные конкретным языковым регистром книжная конструкция с *яко* и некнижная конструкция обратного порядка слов. Наиболее ранние примеры инновационной конструкции с инверсией относятся к концу XV в.

Источники и словари

АРг — Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.

АСВР — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I–III. М., 1952–1964.

[6] Ср. с конструкциями типа «целое плюс/минус остаток» в [СРЯ XI–XVII] — данные НКРЯ отражают высокую частотность контекстов типа *человека два*, например: *до заветной цели оставалось* ***человека два*** (В. Астафьев. Затеси // «Новый Мир», 1999). Однако в подобных контекстах аппроксимативная инверсия, как отмечает А. Е. Супрун [1962: 5–7], означает не приблизительность, а неопределенность.

ДЛ — ПСРЛ. Т. XXXIII. Двинской летописец. Л., 1977.
МА — Можайские акты: 1506–1775. М., 1892.
НКРЯ — Национальный корпус русского языка. http://www.ruscorpora.ru.
НЛ — ПСРЛ. Т. XIII. Никоновская летопись. СПб., 1901.
ПЛ — Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.
СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23. М., 1996.
ТЛ — ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. СПб., 1921.
ХЛ — ПСРЛ. Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Л., 1977.

Литература

Живов 1996 — В. М. Живов. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности. Т. I. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.

Жолобов 2006 — О. Ф. Жолобов. Числительные. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. М.: Азбуковник, 2006.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Мельчук 1985 — И. А. Мельчук. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slawistisher Almanach, 1985.

Потебня 1941 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.; Л., 1941.

Птенцова 2018 — А. В. Птенцова. Эволюция конструкций со значением приблизительного количества в древнерусском и старорусском языке // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: ИСл РАН, 2018. С. 402–414.

Супрун 1962 — А. Е. Супрун. Обозначение неточных (приблизительных) количеств при помощи определенно-количественных числительных // Вопросы лексики и грамматики русского языка: ученые записки филологического факультета Киргизского университета / Отв. ред. А. И. Васильев. Фрунзе: [б. и.], 1962. Вып. 8. С. 5–14.

Толстопятова 1986 — М. Ф. Толстопятова. Семантика и прагматика аппроксимативных конструкций с числительным в русском языке // Zeitschrift für Slawistik. 1986. № 3. С. 132–147.

Улитова 2016 — А. С. Улитова. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и книжной письменности XVII века. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Billings, Yadroff 1999 — L. A. Billings, M. Yadroff. Prosodic correspondence in syntax: Russian approximative inversion // R. Kager, W. Zonneveld (eds.). Phrasal Phonology. Nijmegen: Nijmegen Univ. Press, 1999. P. 45–71.

Bogusławski 1966 — A. Bogusławski. Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia v języku rosyjskim. Wrozław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy imienia Osłolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1966.

Krifka 2002 — M. Krifka. Be brief and vague! And how bidirectional optimality theory allows for Verbosity and Precision // D. Restle, D. Zaefferer (eds.). Sounds and

Systems. Studies in Structure and Change. A Festschrift for Theo Vennemann. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. P. 439–458.

Krifka 2009 — M. K r i f k a. Approximate interpretations of number words: A Case for strategic communication // E. Hinrichs, J. Nerbonne (eds.). Theory and evidence in semantics. Stanford: CSLI Publications, 2009. P. 109–132.

Plank 2004 — F. P l a n k. Inevitable reanalysis: From local adpositions to approximative numerals, in German and wherever // Studies in Language. 28. 2004. P. 165–201.

Статья получена 14.03.2022

Alexandra N. Antonova

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
alexa.antonova96@yandex.ru

APPROXIMATIVE CONSTRUCTIONS WITH NUMERALS IN THE LATE OLD RUSSIAN CHRONICLES AND NOTARIAL ACTS

This paper discusses the types of approximative constructions with numerals in the Russian chronicles and notarial acts of the late 14th–17th centuries. The material for the study was: Tipografskaya letopis (late 14th — 15th cent.), Nikonovskaya letopis (16th cent.), Pskovskaya III letopis (16th cent.), Kholmogorskaya letopis (16th cent.), Dvinskoj letopisec (17th cent.), Acts of the Russian State 1505–1526 (16th cent.), Acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia (late 14th — early 16th cent.), Mozhajskie akty (17th cent.). As a result, the principle of numerical rounding was revealed, both for approximative and non-approximative constructions. The most frequent methods of approximation are the construction with *bol'she*, the construction with *do* and "*sъ* + acc.", as well as number range constructions. The distribution of approximative constructions depends on the language register. The construction "*sъ* + acc." is neutral, the construction with *jako* is used in bookish contexts, the construction with approximative inversion is non-bookish. The earliest examples of the approximative-inversion construction date back to the end of the 15th century.

Keywords: approximative constructions with numerals; the syntax of numerals; Russian manuscripts of the late 14th — 17th centuries; Russian notarial acts of the late 14th — 17th centuries.

References

Billings, L. A., & Yadroff, M. (1999). Prosodic correspondence in syntax: Russian approximative inversion. In R. Kager, & W. Zonneveld (Eds.), *Phrasal Phonology* (pp. 45–71). Nijmegen: Nijmegen University Press.

Bogusławski, A. (1966). *Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia v języku rosyjskim*. Wrozław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy imienia Osłolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Krifka, M. (2002). Be brief and vague! And how bidirectional optimality theory allows for Verbosity and Precision. In D. Restle, & D. Zaefferer (Eds.), *Sounds and Systems. Studies in Structure and Change. A Festschrift for Theo Vennemann* (pp. 439–458). Berlin: Mouton de Gruyter.

Krifka, M. (2009). Approximate interpretations of number words: A Case for strategic communication. In E. Hinrichs, & J. Nerbonne (Eds.), *Theory and evidence in semantics* (pp. 109–132). Stanford: CSLI Publications.

Mel'chuk, I. A. (1985). *Poverkhnostnyi sintaksis russkikh chislovykh vyrazhenii*. Vienna: Wiener Slawistisher Almanach.

Plank, F. (2004). Inevitable reanalysis: From local adpositions to approximative numerals, in German and wherever. *Studies in Language, 28*, 165–201.

Ptentsova, A. V. (2018). Evoliutsiia konstruktsii so znacheniem priblizitel'nogo kolichestva v drevnerusskom i starorusskom iazyke. In S. M. Tolstaia (Ed.), *Slavianskoe iazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov (Belgrad, 20–27 avgusta 2018 g.) Doklady rossiiskoi delegatsii* (pp. 402–414). Moscow: ISl RAN.

Suprun, A. E. (1962). Oboznachenie netochnykh (priblizitel'nykh) kolichestv pri pomoshchi opredelenno-kolichestvennykh chislitel'nykh. In A. I. Vasil'ev (Ed.), *Voprosy leksiki i grammatiki russkogo iazyka: uchenye zapiski filologicheskogo fakul'teta Kirgizskogo universiteta* (Iss. 8, pp. 5–14). Frunze: [s.n.].

Tolstopiatova, M. F. (1986). Semantika i pragmatika approksimativnykh konstruktsii s chislitel'nym v russkom iazyke. *Zeitschrift für Slawistik, 3*, 132–147.

Ulitova, A. S. (2016). *Poriadok slov v atributivnykh slovosochetaniiakh v pamiatnikakh russkoi delovoi i knizhnoi pis'mennosti XVII veka* (Doctoral dissertation summary). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zhivov, V. M. (1996). *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Zhivov, V. M. (2017). *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti* (Vol. 1). Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke.

Zholobov, O. F. (2006). *Chislitel'nye. Istoricheskaia grammatika drevnerusskogo iazyka* (Vol. 4). Moscow: Azbukovnik.

Received on March 14, 2022

doi.org/10.31912/rjano-2022.2.5

Н. И. КИРЕЕВ
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
nkireyev@yandex.ru

МНИМЫЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ ПРАВИЛА ЗАЛИЗНЯКА (К УТОЧНЕНИЮ УСЛОВИЙ АПОКОПЫ ГЛАСНЫХ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА)*

В статье предлагается уточнение правила факультативного отпадения конечных безударных гласных в истории русского языка, сформулированного А. А. Зализняком в своей классической работе 1992 г. Апокопа возможна при соблюдении следующих условий: 1) лексема встречается в конце фонетического слова (= не является проклитикой); 2) гласный в ауслауте не составляет отдельной морфемы; 3) этому гласному не предшествует кластер согласных. В статье А. А. Зализняка, однако, из-за существования нескольких аномальных форм предполагается непоследовательная реализация первого пункта. В данной публикации формулируется возможное решение этой проблемы. Для исконно конечноударного союза *или*, ставшего впоследствии проклитикой, выдвинуто индивидуальное объяснение (контаминация с синонимичной энклитикой *ль*). Слова *сквозѣ́* и *чтобы́* сначала пережили ретракцию ударения, а затем закономерно подпали под действие правила. Форма же *коль* ‘сколько, как’ исконна и вплоть до конца старовеликорусского периода была противопоставлена слову *коли́* ‘когда, если’; они смешались в употреблении уже после окончания действия правила Зализняка (а именно в XVIII в.), поэтому в *коль* ошибочно видели результат нерегулярной апокопы. Также разбирается существующая в русском языке тенденция к устранению конечноударных инфинитивов, вероятно, связанная и с рассматриваемым правилом. В заключение утверждается, что правило не распространялось ни на проклитики, ни на конечноударные словоформы.

Ключевые слова: отпадение конечных гласных, проклитики, полупроклитики, акцентуация инфинитивов, историческая акцентология, историческая фонетика.

1. Введение

Согласно классической формулировке, «в истории русского языка со времени падения редуцированных (XII век) в течение нескольких веков (по крайней мере до конца XVI века) действовала следующая закономерность:

---

* Статья представляет собою расширенный вариант доклада, прочитанного на конференции 17th Annual Meeting of the Slavic Linguistics Society 21 сентября 2022 г. Благодарим двух анонимных рецензентов, а также С. А. Бурлак и В. А. Плунгяна за ценные замечания.

безударная конечная гласная фонетического слова, не составляющая самостоятельного морфа, факультативно (а в части случаев и окончательно) исчезала, если ей предшествовала одиночная согласная (или сочетание *ст*)» [Зализняк 1992: 552]. Ср. аналогичное изложение в современном учебнике [Галинская 2016: 109–110]; далее для краткости мы будем именовать это явление «правилом Зализняка».

«Правило относится к русскому языку в целом. Современный литературный русский язык в силу свойственного любому литературному языку нормативного регламентирования во многих случаях из двух возможностей, предоставляемых основным правилом, зафиксировал только одну» [Зализняк 1992: 552–553]. Из-за этого фонетического изменения на месте др.-русс. *ту́то* в современном русском языке сосуществуют разг. *ту́та* (в акающих идиомах) и лит. *тут*, диал. *тепе́ре* и общее *тепе́рь*, конкурируют высокое *вели́кою* (instr. sg.) и обычное *вели́кой*, повсеместное *неуже́ли* и поэтическое *неуже́ль*, в свободном варьировании после гласной находятся *же* и *ж*, *бы* и *б* и т. д.

Из стройной формулы А. А. Зализняка есть кажущиеся исключения всех мыслимых родов. С одной стороны, это словоформы, которые удовлетворяют всем необходимым условиям, но не имеют усечённого варианта; заметные примеры такого рода — *-те* в презенсе и императиве, окончания *-ого* и *-ому* — подробно объяснены уже самим А. А. Зализняком [Там же: 554, 555–557][1]. Далее мы не будем их касаться.

С другой стороны — словоформы, в которых усечение произошло, но не должно было произойти по какой-либо из следующих причин: 1) конечная гласная несёт ударение; 2) эта форма не встречается в конце фонетического слова; 3) конечная гласная составляет отдельную морфему; 4) конечной гласной предшествует не одиночная согласная или *ст*.

Что касается последних двух пунктов, то, кажется, к ним относятся только некоторые императивы (типа *наморщь*) и новые вокативы (*Саш!*). Они убедительно прокомментированы с типологических позиций уже в [Там же: 552]; среди них есть и формы, утратившие конечный ударный гласный под действием морфологического выравнивания (*положи́* → *поло́жь* [Там же: 554]), см. также специально про случаи типа *стои́* → *стой* в [Зализняк 2016б: 55–56], а синхронное морфонологическое описание — в [Иткин 2013: 60] с библиографией. К пункту 3 также можно отнести некоторые опростившиеся слова типа *хотя*.

---

[1] Вообще говоря, в большинстве случаев трудно себе представить, как должно выглядеть доказательство, что такой-то формы «не существует» в принципе в русском языке. В [Зализняк 1992: 558] указывается на слова *однако*, *ради* и *еле*, для которых «вариант без конечной гласной, как кажется, не отмечен»; но в основном подкорпусе НКРЯ представлено более 40 вхождений на *однак*, вариант *ель* зафиксирован в старорусских памятниках [СРЯ XI–XVII 5: 44], а *ради*, надо думать, является церковнославянизмом и потому не подпадает под действие правила Зализняка (как и, например, причастия на *-ся* [Зализняк 1992: 552]). О слове *кромѣ* см. ниже.

Часть из предполагаемых исключений первого рода объясняется очень легко: например, слова *ужé* и *хотя́* имели в древности начальное ударение (первое — автономное, второе — автоматическое, ср. *нéхотя*), отсюда и закономерные формы *уж* и *хоть* [Зализняк 1992: 554].

Относительно форм типа *водóй*, *землёй* из древних *водою́*, *землею́*, т. е. instr. sg. *a*-склонения акцентной парадигмы *c*, верно отмечено [Там же], что в них ударение сначала передвинулось на слог левее, а потом уже выпал конечный гласный. Это явление есть не что иное, как морфологическая аналогия с формами а. п. *b* (где ударение приходилось на первый слог окончания) под давлением большинства существительных, попавших под действие правила Зализняка (т. е. а. п. *a* и *b*). Сюда же относятся формы местоименного склонения (*моею́*, *своею́* и т. д.), несколько позже пережившие оттяжку ударения; в членных же формах прилагательных ударение никогда не падало на второй слог флексии. Добавим к этому также, что ретракционную природу акцентовки *рукóю*, *мнóю*, *однóю* и т. п., как можно полагать, первым установил ещё 110 лет назад Л. Л. Васильев (см. посмертно опубликованный труд [Васильев 1929: 138–139]).

Однако есть целый класс словоформ первой-второй группы, приходящий в противоречие с правилом Зализняка, а именно — исторически конечноударные служебные слова, позже ставшие проклитиками. Так, наконечную акцентовку имели слова *или́*, *коли́* и *сквозѣ́*. Комментируя формы *иль*, *коль* и *сквозь*, А. А. Зализняк пишет, ссылаясь на Н. Н. Дурново [Durnovo 1928: 21–22]: «но в действительности здесь отпадение гласной, по-видимому, произошло на базе вариантов, вообще лишенных ударения (например, безударного *коли*)» [Зализняк 1992: 554]. Однако это противоречит им же самим приведённому следствию из общей формулировки: «Проклитики, разумеется, не подпадают под действие основного правила, поскольку они не могут стоять на конце фонетического слова. Но следует иметь в виду, что многие союзы и предлоги не были проклитиками — они составляли отдельное фонетическое слово и, соответственно, могли терять конечную гласную» [Там же: 553]. Таким образом, фонетически самостоятельные слова типа *сквозѣ* не могут быть усечены из-за своего ударения, а проклитики — из-за невозможности в конце тактовой группы.

В следующих трёх разделах настоящей статьи предлагается решение этого противоречия; в четвёртом разделе разбирается группа мнимых исключений типа 1, а в пятом — подводятся итоги.

2. *Или*

Или или или?
Герман Лукомников

Исконное (конечное) ударение в этом слове зафиксировано в десятках акцентуированных памятниках письменности XIV–XVII вв. [Зализняк 2019: 286]. Как мы показали в работе [Киреев 2022], архаичная акцентовка со-

хранялась ещё по крайней мере на всём протяжении XIX в., хотя с XVIII в. началась активная экспансия проклитического и начальноударного вариантов этого союза.

Уже в древнерусскую эпоху *или* было «полупроклитикой» (термин А. А. Зализняка), т. е. полноударной формой, которая могла, по-видимому, в некоторых специальных контекстах терять своё ударение [Зализняк 2008: 70]. Тем не менее поведение фразовых энклитик указывает, что просодически самостоятельные употребления существенно преобладали вплоть до конца XVII в. [Киреев 2022: 163-165].

Итак, безударное *или* не может быть усечено, потому что оно невозможно в конце фонетического слова, а *илú* — потому что имеет конечное ударение. Единственный памятник из учтённых в [Зализняк 2019: 286], последовательно отражающий акцентовку *úли* (только из неё по правилу Зализняка можно получить *иль*), создан вскоре после 1529 г. Это очень изолированные данные: хронологически следующие известные нам надёжные свидетельства такого ударения относятся ко времени более чем на два столетия позже (см. [Киреев 2022]).

Между тем в старорусском подкорпусе Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) союз *иль* зафиксирован 19 раз в 9 документах начиная с 1486 г. (на *или* — 14 431 вхождение в 1 971 документе). Должны ли мы из этого заключить, что уже в XV в. имела распространение, несмотря на непредставленность в акцентуированных памятниках соответствующего времени, форма *úли*, тем самым на несколько веков удревнив процесс акцентуационной эволюции данного союза, описанный в [Там же]? Как представляется, это было бы слишком смело и опрометчиво, т. к. возможно и другое решение.

В современном русском языке союз *или* нечленим (ср. [Тихонов 1996: 194; Сичинава 2018: 23]) — несмотря на существование слов *и* и *ли*, с которыми он этимологически связан: он довольно далеко отстоит от них по своей семантике. В древнерусском же языке энклитика *ли* имела среди прочих и хорошо задокументированное значение ‘или’: *оузрѧть ѡ҃ца ли мт҃рь* [СДРЯ 4: 399], *что хощю створити, гдѣ ли бы обрѣсти єго* ‘что мне делать или где бы мне найти его’, *инде ли сѧ пригодить* ‘или в другом месте окажется’ [Зализняк 2008: 31] (перевод из источника). По существу, слова *ли* и *или* (как и, например, — более прозрачная параллель — *бо* и *ибо*) находились в отношениях (частичной) синонимии. В современном литературном языке[2] реликты этого значения у энклитики *ли* сохраняются только в конструкциях [*X ли, Y ли*] и [*X ли, или Y*] (обе — ‘X или Y’)[3], они воспринимаются сегодня как архаичные[4]:

---

[2] В диалектах отмечается *ли* в значении ‘или’ [СРНГ 17: 38–39; ПОС 2005: 59], ср.: *У нас была Валя в Перме, летось ли вёснусь* [СГДА 1990: 108]. Благодарим П. А. Офимкину, обратившую наше внимание на этот факт.

[3] Здесь можно усмотреть некоторую семантическую разницу, которой мы не касаемся (см. из литературы об этом обороте [РГ 1980: § 3146; Санников 2008: 204]).

[4] Здесь и далее все неоговорённые цитаты из НКРЯ (ruscorpora.ru).

1. *Но я начинаю думать о том, хорошо ли мне лежать; и что-то, мне кажется, неловко ногам: коротко* ***ли,*** *неровно* ***ли****, но неловко что-то; я пошевеливаю ногами и вместе с тем начинаю обдумывать, как и на чём я лежу, чего мне до тех пор не приходило в голову* (Л. Н. Толстой. Исповедь (1882));

2. *Паду* ***ли*** *я, стрелой пронзенный,*
   Иль *мимо пролетит она,*
   Всё благо: бдения и сна
   Приходит час определенный,
   Благословен и день забот,
   Благословен и тьмы приход!
   (А. С. Пушкин. Евгений Онегин / Глава шестая («Заметив, что Владимир скрылся...») (1826)).

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что в древнерусскую эпоху связь между *ли* и *или* ещё ощущалась.

При этом в древности *ли*, присоединяясь к ортотонической словоформе, было безударным, и, таким образом, попадало под действие правила Зализняка (не после форм на согласный, разумеется). Более того: ещё до окончания этого фонетического процесса безударность энклитики *ли* стала обязательной во всех позициях — после совпадения автономного и автоматического ударения акцентовки типа *воду же́* были довольно рано ликвидированы [Зализняк 2010: 372]. Согласно [Крысько 2020: 203], впервые форма *ль* фиксируется в XIV в.; в старорусском подкорпусе НКРЯ — с первой четверти XV в. (в древнерусском сегменте вхождений нет).

Таким образом, для объяснения употребимой как минимум со второй половины XV в. формы *иль* не нужно предполагать раннюю ретракцию ударения: мы полагаем, что оно есть не что иное, как результат контаминации слова *или́* и синонимичной энклитики *ль*. Как кажется, ничто не противоречит такому объяснению; в этом случае данную апокопу не следует считать прямым действием правила Зализняка.

3. *Коли*

Что же касается слова *коли́*, то обратим внимание на следующее обстоятельство: форма *коль* ‘сколько, как’ зафиксирована уже в древнейших памятниках славянской письменности — она хорошо засвидетельствована в старославянских рукописях в узком смысле [Цейтлин и др. 1994: 288], а на восточнославянской почве — уже начиная с Изборника 1076 г. [СДРЯ 4: 243]. При этом в древне- и старорусских текстах последовательно различаются *коли* ‘когда(-нибудь), если; разве’ и *коль* ‘(на)сколько, как’ [СРЯ XI–XVII 7: 238–239, 256], причём первое стабильно с наконечным ударением (инновативную акцентовку отражает только один пример, да и тот с двойным

ударением: *нико́лѝ же*) [Зализняк 2019: 286]. Исследователи полагают, что обе формы восходят ещё к праславянской древности [Крысько 2020: 203][5].

Так или иначе, нам неизвестно никаких свидетельств того, что в восточнославянском слова *колѝ* и *коль* могли быть синонимичны до XVIII в. В связи с этим любопытен фрагмент из ранней литературной полемики:

4. *Довольно кажут нам толь ясные доводы,*
Что ищет наш язык везде от И свободы.
Или *уж стало* **иль***;* **коли** *уж стало* **коль***;*
Изволи *ныне все везде твердят* изволь.
За спиши спишь*, и* спать *мы говорим за* спати.
На что же, Трисотин [прозвище Тредиаковского]*, к нам тянешь И некстати?*
(М. В. Ломоносов. «Искусные певцы всегда в напевах тщатся...» (1753.11.01–1753.11.15));

5. *Пусть вникнет он* [Ломоносов] *в язык славенский наш степенный,*
Престанет злобно врать и глупством быть надменный;
Увидит, что там злой *кончится нежно* злый
И что чермной мигун — мигатель *то ж* чермны́й*,*
Увидит, что там **коль** *не за* **когда***, но только*
Кладется, как и долг, в количестве за **сколько***.*
Не голос *чтется там, но сладостнейший* глас*;*
Читают око *все, хоть говорят все* глаз*;*
Не лоб *там, но* чело*; не* щеки*, но* ланиты*;*
Не губы *и не* рот — уста *там багряниты…*
(В. К. Тредиаковский. «Не знаю, кто певцов в стих вкинул сумасбродный...» (1753))[6].

Обратим особое внимание на ударения М. В. Ломоносова: *илѝ* и *колѝ*. Ответ В. К. Тредиаковского следует интерпретировать так: ‘*коль* — вовсе не более современный вариант слова *коли* (вопреки М. В. Ломоносову); это слово должно использоваться только тогда, когда говорится о количестве, — там, где в устной речи употребляется *сколько*’.

---

[5] Справедливости ради заметим, что соответствующие факты упущены не только у А. А. Зализняка, но и в словарях [ЭССЯ X: 135–136; Derksen 2008: 229]. Происхождение и история обоих слов заслуживают самостоятельного исследования, и в данных заметках мы этой темы касаться не будем.

[6] Эпиграмма В. К. Тредиаковского цитируется не по антологии из «Библиотеки поэта», послужившей основой для НКРЯ, а по более исправному тексту, опубликованному Б. А. Успенским [1984: 77–78]; жирный шрифт — наш. В этой же весьма пространной работе обсуждается данная полемика с литературоведческих позиций (также отсылаем туда за подробными текстологическими комментариями). Следует заметить, что В. К. Тредиаковский отчитывал за неправильное употребление слова *коль* не только М. В. Ломоносова, но и А. П. Сумарокова [Виноградов 1935: 49].

Таким образом, нет никаких оснований полагать, что *коли* когда-либо подпадало под действие правила Зализняка; его смешение с *коль* относится к XVIII в., когда последнее стало выходить из употребления.

4. Прочие служебные слова

Рассмотрим усечённые формы других конечноударных слов. Кроме *сквозь* (в НКРЯ с 1460-х гг.; в [СРЯ XI–XVII 24: 193; 25: 39] более ранних примеров нет) из др.-русс. *сквозѣ́*, нам известно ещё *чтобъ* (с 1440-х гг.) от *чтобы́*. И тут, по-видимому, ничего не остаётся, как предположить, что в них сначала сдвинулось ударение, а уже потом они утратили ауслаут. В самом деле, обнаруживается достаточное число памятников, в которых ударение в *чтобы* и *сквозѣ* стоит на первом слоге [Зализняк 2019: 630, 697].

Для *что́бы* несложно найти объяснение: дело в том, что даже в раннедревнерусской акцентуационной системе при присоединении к неодносложному энклиномену *чьто* энклитики *бы* ударение могло падать как на энклитику, так и на последний слог энклиномена (два варианта реализации закона Васильева — Долобко в узком смысле) — в частности, «рано стало господствующим» ударение *ничьто́ же* [Зализняк 2010: 125], регулярное уже в Чудовском Новом Завете и Мериле Праведном; в более поздних памятниках отмечается уже и *ничто́* без энклитик, да и *что* ведёт себя не как идеальный энклиномен (ср. акцентовки типа *почто́*) [Зализняк 2019: 524], хотя следы старого состояния существуют (типа *ни за́ что ни про́ что*). Как представляется, эту перестройку можно было бы описывать как приобретение комплексом *что* самоударности (причём именно в русском, ср. укр. *нема́ за́ що*). См. также [Зализняк 2010: 649].

Сюда же, по-видимому, относится и *кабы*. Это слово нечасто встречается в акцентуированных памятниках (и только с XVI в.), но всегда с конечным ударением [Зализняк 2019: 630]. При этом имеется редчайшая форма *каб*: в НКРЯ первые три примера — 1731, 1856, 1882; первое вхождение — из Антиоха Кантемира (кажется, здесь допустимо предполагать даже апокопу metri causa), второе — в стилизации народного стиха у А. К. Толстого, третье — в пересказе былины у Г. И. Успенского. Думается, тут тоже не следует видеть прямое действие правила Зализняка, скорее эта нелитературная форма построена по аналогии с закономерной вариантностью *бы* — *б*, *чтобы* — *чтоб*. Тождественно, полагаем, происхождение и редкой формы *даб* (в основном XVII–XVIII вв.) из *дабы́* (в XIV–XVII вв. акцентуация всегда именно такова [Там же]).

Что касается предлога и наречия *сквозѣ́*, то необходимо отметить, что такую же клитизацию и оттяжку ударения пережили и другие русские предлоги и союзы — в частности ещё слово *кромѣ́* (а также *возлѣ́*, *послѣ́*, *подлѣ́* и некоторые другие, не подпадающие под правило Зализняка), но у последнего этот просодический процесс происходил медленнее, и его от-

ражение в старовеликорусских памятниках более ограниченное, см. [Там же: 698], отсюда и отсутствие варианта **кромь*. Возможно, и процесс грамматикализации и опрощения в *сквозѣ* шёл быстрее[7]. То же явление представлено в словах (*про*)*ме́жду* из (*про*)*между́* и (*на*)*про́тив* из (*на*)*проти́ву*; в случае предлогов *меж* и *проме́ж* из древних *межи́*/*межу́* и *промежи́*/*промежу́* нас не должно смущать, что варианты *ме́жи* и *проме́жи*, кажется, не засвидетельствованы [Зализняк 2019: 272], — это может быть связано с ограниченным числом описанных акцентуированных рукописей[8].

Как известно, хороша та теория, «которая бы объясняла не только возможность того, что возможно, но и невозможность того, что невозможно» [Бурлак, Иткин 2011: 104]. Мы указали выше, что *ли* и *или* находились в таких же отношениях, как и *бо* и *ибо*, но при этом форма *иль* существует, а форма **иб* невозможна в XVIII–XX вв. (несмотря на то, что ударение *и́бо* вместо исконного *ибо́* распространилось значительно раньше, чем *и́ли*: уже в XVII в. «почти всегда *и́бо*» [Зализняк 2019: 497]); сейчас она употребляется лишь крайне маргинально, скорее в качестве языковой игры или неграмотной стилизации.

Мы полагаем, что процесс усечения не произошёл со словом *ибо́*, поскольку, во-первых, соотносимая с ним энклитика *бо*, могшая подпасть под действие правила Зализняка, не существовала в живой речи большей части восточнославянской территории (см. [Зализняк 2008: 31]; заметим, что и *ибо* в литературном языке стало в какой-то момент признаком высокого/старого стиля), а во-вторых — усечённые формы энклитик *бо* и *бы* были бы омонимичны, что коммуникативно неудобно.

Как видим, и эти союзы и предлоги не демонстрируют прямых нарушений правила Зализняка.

5. Показатель инфинитива

Комментируя формы *взять*, *бере́чь*, *принéсть* из исходных *взяти́*, *беречи́*, *принести́*, А. А. Зализняк пишет: «Во всех таких случаях необходимо предполагать перенос ударения на слог влево как предварительное условие для отпадения конечной гласной. Этот перенос произошел раньше, чем закончился процесс отпадения конечных гласных. Правда, некоторые из таких переносов ⟨…⟩, может быть, сами были стимулированы начавшимся

[7] А. В. Циммерлинг обратил наше внимание на изящный и, кажется, ранее не отмечавшийся древнерусский пример, иллюстрирующий то ограничение, что усекаемый гласный не должен составлять целую морфему: синхронно нечленимая частица *ти* встречается в виде *ть* [Зализняк 2008: 32], а омонимичное местоимение дательного падежа — по всей видимости, нет.

[8] Заметим, что, например, (*по*)*средь* не является усечённой формой от (*по*)*среди́* — эти слова суть грамматикализованные формы винительного и местного падежей соответственно от существительного **serdь* (а. п. *c*), см. [Snoj 2015].»

в других группах словоформ процессом устранения гласной в окончании (но разбирать этот сложный вопрос в рамках настоящей работы нет необходимости)» [Зализняк 1992: 554].

Этот вопрос нуждается в более подробном комментарии. Дело в том, что в истории русского языка действует тенденция к избавлению от конечноударных инфинитивов. В древнерусском языке, как следует из справочника [Зализняк 2019], неопределённая форма оканчивалась на *-и́* в трёх группах глаголов:

1. У глаголов с минусовыми и правоударными корнями на согласный. У них в презенсе представлены древнерусские а. п. *b* и *c* соответственно, а в системе прошедших времён — только а. п. *b*.
2. У глаголов *жрети́* и *начати́* со сложной акцентологической историей.
3. У глаголов с минусовым корнем на гласный, за исключением глаголов на *-ити*, *-ыти* (но не *ити*, который относится к п. 1) и глагола *дати*. У них в презенсе и в прошедших временах представлена а. п. *c*.

Примерно с XIV в. с запада на восток движется инновация, ретрагирующая ударение на слог левее в формах, относящихся к пп. 2 и 3, которая окончательно побеждает на восточнославянской территории в XVII в. Аналогичная тенденция в п. 1 в данный период была менее повсеместна и не настолько сильна, но тоже существовала. При этом в некоторых идиомах быстрее теряли конечный гласный глаголы на *-чи́*, т. е. с корнем на заднеязычный (к ним относятся говоры, лежащие в основе русского литературного языка), а в некоторых — на *-сти́* [Зализняк 2010: 351–355] (см. также [Зализняк 2019: 112, карта 18]).

Дальше всех в этом направлении продвинулись те современные русские говоры, которые вообще во всех инфинитивах имеют показатель *-ть* (включая *идти*, который там обычно выглядит как *ити́ть*) (см. [Касаткин 2005: 143]).

Литературный язык несколько более консервативен. Формы на *-чи́* были полностью исключены (уже к XVIII в., см. подробнейшую работу [Живов 2004: 131—237]). На *-ти́* в словаре [Зализняк 2016а] оканчиваются 167 глаголов — все принадлежат к классу 7b/b, т. е. имеют корень на *з* (38), *с* (46), *д* (12), *т* (40), *ст* (3) или *б* (26) и современную а. п. *b* во всех временах. Кроме этих слов, в класс 7b/b входит только глагол *честь* с приставочными производными — и это прекрасно соответствует тому факту, что *чести* раньше прочих слов из п. 1 получило предконечное ударение [Зализняк 2010: 353].

Однако встречается и безударное *-ти* — в глаголах с префиксом *вы́-*, образованных от глаголов на *-ти́* (в [Зализняк 2016а] зафиксировано 17 лексем). С этим пристанищем исключительных форм связано одно примечательное обстоятельство, сформулированное И. Б. Иткиным [2017: 64] так: «V*з-ть* — *вы*-V*з-ть* ~ *вы*-V*з-ти*», т. е. кроме тривиальных форм *вылезть* и *выгрызть*, существуют и инфинитивы *вылезти* (зафиксированный в словарях) и *выгрызти* (не отмеченный лексикографами), причём частот-

ность — по крайней мере у *вылезти* — растёт. Вероятно, это связано с аттракцией к инфинитивам вида *вы́*-V-*ти*, которые хоть и весьма немногочисленны, но зато чрезвычайно частотны (это касается в первую очередь глаголов *вывезти*, *вывести*, *вынести*, *вырасти*). Заметим, что и их императивы ведут себя аналогично: *несú* → *вы́неси* (**вы́несь*), *везú* → *вы́вези* (**вы́везь*) и т. д.

Сама тенденция может быть отчасти связана с действием правила Зализняка в формах, уже в древности имевших ударение не на показателе инфинитива. Следовательно, здесь, как в случае *своею́ рукою́*, мы имеем дело не с чисто фонетическим процессом, а с аналогическим выравниванием внутри отдельного класса словоформ.

6. Заключение

Таким образом, разобранные примеры предполагаемых исключений из правила Зализняка связаны отчасти с морфологическими процессами (конечноударные инфинитивы), отчасти имеют свои индивидуальные причины появления (*илú*), а иные могут быть выведены из числа исключений при более детальном знакомстве с ситуацией в древнерусском (*ужé*, *колú*).

Рассмотренные выше материалы подтверждают, что правило Зализняка не действовало ни на проклитики, ни на конечноударные словоформы. Тем самым приведённая в начале работы формулировка этого фонетического изменения действительно оказывается точной, и внутренних противоречий статья [Зализняк 1992] не содержит.

Источники и словари

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. https://ruscorpora.ru.

ПОС 2005 — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 17: лес — мамушкин / Ред. И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова. СПб., 2005.

СГДА 1990 — Словарь говора деревни Акчим Пермской области. Т. 2: И–М. Пермь, 1990.

СДРЯ 4 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. IV: изживати — молениіе. М., 1991.

СРНГ 1— Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М., 1965–.

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 1–. М., 1975–.

Тихонов 1996 — А. Н. Тихонов. Морфемно-орфографический словарь. М., 1996.

Цейтлин и др. 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): Ок. 10 000 сл. / Ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М., 1994.

ЭССЯ X — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 10 (*klepačь–konь). М., 1983.

Sredi // Marko Snoj. Slovenski etimološki slovar. Tretja izdaja. Ljubljana: Založba ZRC, 2015. https://fran.si/.

Литература

Бурлак, Иткин 2011 — С. А. Бурлак, И. Б. Иткин. [Рец. на:] A. Carstairs-McCarthy. The evolution of morphology. Oxford: Oxford university press, 2010 // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 104–109.

Васильев 1929 — Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков: к вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929. (Сборник по русскому языку и словесности. Т. 1, вып. 2.)

Виноградов 1935 — В. В. Виноградов. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935.

Галинская 2016 — Е. А. Галинская. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. 2-е изд., испр. М.: Ленанд, 2016.

Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков М.: Языки славянской культуры, 2004. (Studia philologica.)

Зализняк 1992 — А. А. Зализняк. Правило отпадения конечных гласных в русском языке [1992] // А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 550–558.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

Зализняк 2010 — А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. I. М.: Языки славянских культур, 2010.

Зализняк 2016а — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. 6-е изд., стер. М.: АСТ-Пресс, 2016. (Фундаментальные словари.)

Зализняк 2016б — А. А. Зализняк. Из истории русского ударения: сдвиг ударения с неприкрытой гласной // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 55–70.

Зализняк 2019 — А. А. Зализняк. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. 2-е изд., расш. и перераб. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Иткин 2013 — И. Б. Иткин. В поисках нулевого словообразовательного суффикса (отглагольные существительные типа *звон*, *шум*, *шелест* в современном русском языке) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 52–64.

Иткин 2017 — И. Б. Иткин. Об одном невероятном инфинитиве и о склонении некоторых русских существительных // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 63–69.

Касаткин 2005 — Русская диалектология: учебник / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия, 2005.

Киреев 2022 — Н. И. Киреев. Акцентологическая история слова *или* в XVII–XX веках: корпусные данные // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2022. № 3 (33). С. 162–180.

Крысько 2020 — Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. М.: ИЦ «Азбуковник», 2020.

РГ 1980 — Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

Санников 2008 — В. З. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом аспекте. М.: Языки русской культуры, 2008.

Сичинава 2018 — Д. В. Сичинава. Части речи. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2018. URL: http://rusgram.ru/pdf/sichinava-2018-parts_of_speach.pdf.

Успенский 1984 — Б. А. Успенский. К истории одной эпиграммы Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.) // Russian Linguistics. 1984. № 8. С. 75–127. [Перепечатано в: Б. А. Успенский. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М.: Индрик, 2008. С. 459–508.]

Derksen 2008 — R. Derksen. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden; Boston: Brill, 2008. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series / Ed. by A. Lubotsky. Vol. IV.)

Durnovo 1928 — N. Durnovo. Der Schwund von Endvokalen im Russischen // Zeitschrift für slavische Philologie. 1928. Bd. V, № 1/2. S. 17–36.

Статья получена 12.05.2022

Niyaz I. Kireyev

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
nkireyev@yandex.ru

**ALLEGED EXCEPTIONS TO 'ZALIZNYAK'S RULE'
(ONCE AGAIN ON THE APOCOPATION
OF UNSTRESSED VOWELS IN RUSSIAN)**

This paper elaborates on the rule concerning the phonological history of Russian worded by Andrey Zaliznyak in his classic 1992 work. The rule states that an optional elimination of the word-final unaccented vowels operated if: 1) the word was not proclitic; 2) the final vowel of the phonological word was not a separate morpheme; and 3) the vowel was preceded by a single consonant or /*st*/. However, Zaliznyak postulates inconsistent application of (1) due to a few irregular forms. In what follows I propose a possible solution of this problem (re)considering individual cases. Thus, for the conjunction *ili* 'or' (originally end-accented, then proclitic), I put forward a novel explanation (blending of *ili* and the synonymous enclitic *=l'*). The words *skvozě́* and *čtobý* appear to undergo apocopation only after leftward accent shift had occured. The lexemes *kolí* 'if, when' and *kol'* 'how many, how much' are simply separate words which merged in usage only during the 18th century, i.e. after the end of Zaliznyak's rule operation. I also examine the trend for eliminating end-stressed infinitives which seems to be related with this rule. In conclusion, I argue that Zaliznyak's rule affects neither proclitics, nor end-stressed words.

Keywords: vowel apocopation, proclitics, semi-proclitics, infinitive accentuation, historical accentology, historical phonology

References

Burlak, S. A., & Itkin, I. B. (2011). [Review of:] *A. Carstairs-McCarthy*. The evolution of morphology. Oxford: Oxford university press, 2010. *Voprosy yazykoznanija, 5*, 104–109.

Derksen, R. (2008). *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden; Boston: Brill.

Galinskaia, E. A. (2016). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Fonetika. Morfologiia* (2nd ed.). Moscow: Lenand.

Itkin, I. B. (2013). V poiskakh nulevogo slovoobrazovatel'nogo suffiksa (otglagol'nye sushchestvitel'nye tipa *zvon*, *shum*, *shelest* v sovremennom russkom iazyke). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii, 2*(26), 52–64.

Itkin, I. B. (2017). Ob odnom neveroiatnom infinitive i o sklonenii nekotorykh russkikh sushchestvitel'nykh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii, 2*(34), 63–69.

Kasatkin, L. L. (Ed.). (2005). *Russkaia dialektologiia: uchebnik*. Moscow: Akademia.

Kireev, N. I. (2022). Aktsentologicheskaia istoriia slova *ili* v XVII–XX vekakh: korpusnye dannye. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 3*(33), 162–180.

Krys'ko, V. B. (Ed.). (2020). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Azbukovnik.

Sannikov, V. Z. (2008). *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom aspekte*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Shvedova, N. Yu. (1980). *Russkaia grammatika. T. 2: Sintaksis*. Moscow: Nauka.

Uspenskii, B. A. (1984). K istorii odnoi epigrammy Trediakovskogo (epizod iazykovoi polemiki serediny XVIII v.). *Russian Linguistics, 8*, 75–127.

Zalizniak, A. A. (2002). *«Russkoe imennoe slovoizmenenie» s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu iazyku i obshchemu iazykoznaniiu*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zalizniak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Zalizniak, A. A. (2010). *Trudy po aktsentologii* (Vol. 1). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Zalizniak, A. A. (2016a). *Grammaticheskii slovar' russkogo iazyka. Slovoizmenenie* (6th ed.). Moscow: AST-Press.

Zalizniak, A. A. (2016b). Iz istorii russkogo udareniia: sdvig udareniia s neprikrytoi glasnoi. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii, 2*(32), 55–70.

Zalizniak, A. A. (2019). *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar'* (2nd ed.). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Zhivov, V. M. (2004). *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka XVII—XVIII vekov*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Received on May 12, 2022

doi.org/10.31912/rjano-2022.2.6

В. В. ГЛЕБКИН

Школа актуальных гуманитарных исследований
Института общественных наук РАНХиГС
Школа № 1514 г. Москвы
gleb1514@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА *АВОСЬ* В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

Хотя различные аспекты семантической структуры и употребления дискурсивного слова *авось* и производных конструкций, входящих в лексический комплекс *авось*, давно привлекают внимание лингвистов, его семантическая история и, в частности, история превращения *авось* в лингвоспецифичное слово, отражающее особенности «менталитета русского человека», остается во многом неясной. Данная статья обращается к раннему периоду этой истории. Автор подробно останавливается на появлении первых интерпретаций слова. В статье показано, что заметное влияние на трансформацию семантической структуры слова *авось* оказало одноименное стихотворение Ивана Михайловича Долгорукова, вызвавшее ряд подражаний и повлиявшее среди прочего на трактовку этого слова А. С. Пушкиным. Важным выводом статьи, сделанном на основании статистического анализа данных Национального корпуса русского языка, является утверждение о том, что «пассивные» контексты употребления конструкций, входящих в лексический комплекс *авось*, характеризующие отказ от действия в надежде, что ситуация разрешится сама, гораздо менее частотны, чем «активные» контексты, описывающие стремление действовать без рационального оценивания возможных рисков с надеждой на благоприятное стечение обстоятельств и положительный исход действия.

Ключевые слова: *авось*, интерпретации, уровень повседневного употребления, И. М. Долгоруков, А. С. Пушкин.

Введение

Связь слова *авось* с особенностями русского национального характера является общим местом как внешнего, так и внутреннего дискурса о русских и русской культуре [Wierzbicka 1992: 433–435; Шмелев 2021: 241]. Следует подчеркнуть, что эта связь воспроизводится не только в философских текстах и идеологически направленной публицистике, но и в гораздо более «приземленных» контекстах:

(1) *Конечно, мы будем использовать различные способы для того, чтобы заманить на диспансеризацию, — выступления в СМИ, лис-*

товки, «горячие линии». Особенно ждем молодых людей в возрасте от 20 до 30 лет. Тех, кто еще не заработал букет хронических заболеваний и у кого есть огромный шанс их миновать. Давайте отбросим извечное русское ***авось*** *и воспользуемся возможностью узнать больше о своем здоровье* (обобщенный. Не надейтесь на авось (2013.04.12) // «Новгородские ведомости»)[1].

Однако история превращения слова *авось* в значимый маркер русской культуры еще не становилась, кажется, предметом отдельного исследования. Обращение к историческому материалу позволяет увидеть «рукотворность» указанной выше связи, выявить имена основных ее творцов, понять, какие социокультурные процессы за ней стоят. Обозначенным сюжетам и посвящена данная статья.

Прежде чем переходить к непосредственному анализу, полезно резюмировать предшествующие исследования, посвященные семантике *авось* в современном русском языке. В качестве такого резюме можно обратиться к статье [Шмелев 2021], учитывающей другие работы. Автор выделяет три «режима» употребления лексической единицы *авось*: дискурсивное слово, элемент наречного выражения *на авось* и субстантив [Там же: 243] (ср. [Николина 1993: 159–160])[2]. В отличие от других слов со значением ‘может быть, возможно’, «*авось* всегда проспективно, устремлено в будущее и выражает надежду на благоприятный для говорящего исход дела» [Шмелев 2021: 244]. Установка на *авось*, с точки зрения автора, «обычно призвана обосновать пассивность субъекта установки, его нежелание предпринять какие-либо решительные действия (в частности, меры предосторожности)», но иногда «говорящий при помощи *авось* объясняет смысл своих действий в ситуации, когда эти действия не гарантируют благоприятного выхода из исходной ситуации (чаще всего неблагоприятной)» [Там же: 246] (ср. [Wierzbicka 1992: 435]). Слово *авось* является лингвоспецифичным и не имеет прямых аналогов в других языках (по крайней мере, европейских).

Более подробная классификация, которую можно рассматривать как уточнение утверждений А. Д. Шмелева в отдельных аспектах, предложена

---

[1] Если не оговорено обратное, все примеры взяты из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ; www.ruscorpora.ru).

[2] Эти режимы, как кажется, могут быть органично объединены в единое целое, если воспользоваться введенным в [Глебкин 2012: 169–183] и затем уточненным в [Глебкин 2014: 207–225] понятием лексического комплекса. Лексический комплекс определяется в указанных работах как упорядоченная пара, «которую составляют определенное лексическое гнездо и соответствующее ему концептуальное содержание» [Глебкин 2014: 211–212] и именно в этом значении используется в данной статье. В лексический комплекс *авось* входят дискурсивное слово *авось*, его субстантиват, наречная конструкция *на авось*, а также редкие формы *авосьничать*, *авосьник* и др.

в статье [Разлогова 1998]. Описание *авось* в данной работе сделано в рамках специальной теоретической модели, которая не является общепринятой и обсуждение которой вывело бы нас далеко за рамки этой статьи, но ее конкретные результаты могут быть переформулированы на более привычном языке без ущерба для содержания, что и будет сделано ниже. Е. Э. Разлогова определяет базовый сценарий-схему использования *авось* следующим образом: «*Авось* **р** означает, что в условиях непредсказуемого развития событий имеет место ориентация на возможность благоприятного исхода **р**» [Там же: 321]. Затем она выделяет три большие группы ситуационных контекстов употребления слова с определенными подгруппами внутри каждой из них.

Контекст А. «Деятельный, но бессильный, субъект предпринимает действия для преодоления сложившейся неблагоприятной ситуации (**не р**), и, ориентируясь на возможность благоприятного разрешения **р**, указывает на принципиальную непредсказуемость развития событий» [Там же].

В рамках этого контекста выделяются три локальные группы:

А1 («Будем бороться…»). Автор говорит о данной группе как наиболее характерной для контекста А и определяет ее как группу, в которой активный субъект «действует для устранения неблагоприятного для него положения вещей **не р**, понимая при этом, что развитие событий непредсказуемо» [Там же: 322]. Эту группу можно проиллюстрировать следующими примерами:

(2) *— Ты бы не ходила, Лукинишна! — попросила женщина. — Чего тебе зазря ноги топтать?! — Ничего, — возражала старуха. —* ***Авось*** *доковыляем. Заодно Прошу там своего проведаю* (С. И. Шуляк. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной // «Волга», 2013).

(3) *Украина, конечно, отправляет в Москву парламентеров на переговоры —* ***авось*** *договорятся о снижении цены* (Н. Радулова. Между свечкой и тьмой // «Огонек», 2013).

Следует отметить, что в рамках данной группы ожидаемая вероятность положительного исхода может изменяться от высокой до низкой. Так, в примере (2) Лукинична почти уверена, что «доковыляет», тогда как в примере (3) эта вероятность намного меньше.

А2 («Все-таки основания есть…»). В этой группе, в отличие от предыдущей, активность субъекта подкрепляется определенными аргументами: он объясняет, почему надеется на благоприятный исход, например:

(4) *Больше будет пара в атмосфере, наверное, больше осадков,* ***авось*** *и в Сахаре будет не так сухо* (П. Ростин. Караул. Потепление! // «Знание-сила», 2008).

А3 («*На авось*, или Чем черт не шутит…»). «*На авось* вводит действие, которое является “шагом” к результату **р**, а не само желаемое **р**» [Там же: 323], что отличает эту группу от групп А1 и А2, например:

(5) *Направо или налево? Описание маршрута показалось ему таким простым, что записывать поленился, подумал, и так запомнит, чего там. И не запомнил… Он решил действовать* ***на авось*** *и повернул налево* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)).

Контекст В. В рамках этого контекста «описываются ситуации, когда субъект авось не оценивает сложившееся положение как серьезное или явно неблагоприятное (оно только может стать серьёзным)». Для данного контекста «характерно наличие явной или скрытой опасности для *авось*-субъекта, которая может им и не осознаваться как таковая (но зато всегда расценивается как таковая говорящим, когда тот не совпадает с субъектом ситуации)» [Там же].

В рамках этого контекста также выделяются три локальные группы:

В1 («Одна надежда…»). «Говорящий ориентируется в будущем на благоприятный исход, не предпринимая (или не будучи в состоянии предпринять) необходимых шагов для осуществления **p**. В некоторых случаях субъект *авось*-ситуации даже делает все наоборот, то есть его действия явным образом могут привести к **не p**» [Там же] (см. (6)).

(6) *Кое-что отредактировал «из залежей» для коллективного сборника и уже потирал руки в предвкушении близящегося весеннего наступления на издательства, когда вдруг узнал, что в нашем продуктовом магазине отпущены цены на все продукты, включая хлеб, молоко и сахар. Впрочем, я знал обо всем загодя (слухи муссировались на кухне), но не среагировал. То есть не побежал с мешком по магазинам, как это сделали в большинстве жильцы нашего общежития. Я подумал:* ***авось*** *как-нибудь обойдется. Не обошлось* (В. Слипенчук. Зинзивер (2001)).

В2 («*Русский авось*, или Бездействие»). В этой группе «рассматриваются субстантивные употребления *авось* (*русский авось*, *полагаться/надеяться на авось*). Здесь особый акцент ставится на потенциальной опасности ситуации, которая скорее видна говорящему (рассказчику), нежели субъекту *авось*-ситуации, который бездействует… В субстантивном употреблении *авось* теряет синтаксический актант **p**, который легко восстанавливается из контекста» [Там же].

Данный подраздел требует комментария. Обратимся к приведенному ниже примеру (7) и примеру (1).

(7) *Про операцию никто не заговаривал, все сроки были проворонены. Первой забыла об операции Раймонда. Она, как всегда, надеялась* ***на авось*** *и, кроме того, понимала, что операция продлила бы ее больничное заточение, а она рвалась выскочить побыстрей* (М. Палей. Кабирия с Обводного канала (1990)).

Оба фрагмента говорят, по сути, об одном — о бездействии, связанном с легкомысленным отношением к собственному здоровью. Однако пример (1) содержит важный дополнительный аспект, который отсутствует в примере (7): в нем имплицитно утверждается, что отмеченная черта не является индивидуальной особенностью субъектов *авось*-ситуации, а присуща им как представителям определенной национальности, связана с их национальной идентичностью. Этот аспект, крайне важный для настоящей статьи, не отражен в описании Е. Э. Разлоговой[3].

В3 («Думаю, что у вас/у них все обойдется»). «В этих контекстах речь идет о благоприятном исходе не для говорящего, а скорее для собеседника (или третьего лица), причем говорящий не оценивает исходную ситуацию как заведомо неблагоприятную, но не предпринимает (или не может предпринять) каких-либо действий в пользу собеседника (третьего лица). Для этих контекстов характерен налет равнодушия» [Там же: 323]. Автор приводит в качестве иллюстрации два фрагмента из «Доктора Живаго» Б. Пастернака (один из фрагментов представлен ниже, см. (8)).

(8) *Бог даст без нас уцелеете, не такая мы редкость, не правда ли, Паша?* ***Авось*** *найдется вашим молодым друзьям замена. И совершенно забыв, с кем и о чем она говорит, Лара что-то вспомнила и, торопливо встав, ушла за перегородку на кухню* (Б. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)).

Здесь также требуется комментарий. Подобно тому как субстантивные употребления *авось*, описанные в **В2**, имеют прямой коррелят в группе **А3**, контексты **В3** также имеют непосредственный аналог в группе **А**. Ситуация, когда говорящий не хочет (не может) делать что-то для собеседника (третьего лица), выражая надежду (часто формальную), что все и так придет к благополучному исходу, может быть соотнесена с ситуацией, когда говорящий совершает активные действия в поддержку собеседника (или дает ему совет), надеясь на благоприятный для собеседника результат (см. (9)).

(9) *Струхнула рыжая — и в чащобу. А Дед Мороз за длинные уши зайца поднял. Тот и глаза зажмурил. Дед усмехнулся и говорит: — Не бойся, косой, полезай ко мне в мешок. Я тебя подальше от лисы отнесу.* ***Авось****, она тебя и не сыщет* (Ю. Макаров. Про зайца // «Мурзилка», 2001).

Я обозначу эту группу ситуаций, не отмеченную в работе Е. Э. Разлоговой, как **А4**.

Контекст С. Автор описывает в рамках этого контекста две принципиально различные группы ситуаций, которые, на мой взгляд, правильнее

[3] Следует также отметить, что субстантивные употребления *авось* (*русский авось*, *полагаться*/*надеяться на авось*) характерны и для группы **А3** (*действовать*, *полагаясь*/*надеясь на авось (русский авось)*) и должны быть включены туда тоже.

было бы определить как отдельные контексты, но мы будем следовать классификации автора.

С1 («Бог даст…»). В этой группе «субъект в принципе не может повлиять на ситуацию, то есть… вопрос об активности/пассивности снимается» [Там же: 325]. При этом ситуация может оцениваться не только как неблагоприятная (и тогда говорящий надеется на ее изменение), но и как благоприятная (и тогда выражается надежда на ее сохранение) (см. примеры (10) и (11)). По мнению автора, в данной группе *авось* часто заменяется на *Бог даст*.

(10) *Успешных гастролей. — Спасибо!* ***Авось*** *погода смилостивится. Однако и вечером легче не стало. Все то же безвоздушное небо висело над казанским вокзалом* (Л. Зорин. Казанские гастроли // «Новый мир», 2008);

(11) *Вряд ли многие нынешние читатели журнала «Знание — сила» хорошо знают своих современников! Но Лобачевский и Мичурин тоже были слабо заметны на фоне Пушкина и Лермонтова. Однако прошло полтораста лет, и светлые образы поэтов, математиков и востоковедов сравнялись в исторической перспективе.* ***Авось*** *так будет и с нашими современниками!* (С. Смирнов. Пустили козленка в огород // «Знание — сила», 2006).

Учитывая сделанное выше замечание о градиентном типе связи между совершаемыми человеком действиями и его оценкой вероятности положительного исхода, характерном для контекстов **А1** и **А4**, контекст **С1** можно рассматривать как предельный случай ослабления этой связи, т. е. как предельный случай **А1** и **А4** (впрочем, его можно рассматривать и как предельный случай контекстов группы **В**; он оказывается областью, в которой исчезает различие между «активной» и «пассивной» стратегиями).

С2 («А вдруг пригодится»). В этой группе ситуаций «субъект активен при нейтральном относительно **р** положении вещей, то есть отсутствии “проблемы”, непосредственно связанной с **р**… *Авось* **р** указывает на то, что некоторый, в данный момент ненужный предмет может понадобиться в будущем» [Там же] (см. пример (12) как иллюстрацию).

(12) *Пока была суматоха, я смотрю, у нее в чемодане пузыри с зеленкой болтаются, — а зеленка в лагере вещь полезная, — я незаметно прибрала их себе в карман,* ***авось*** *пригодятся* (С. Вахитов. Разорванное сердце Адель // «Бельские просторы», 2013)[4].

[4] Е. Э. Разлогова полагает, что в данном контексте «отсутствует оценка исхода как благоприятного» [Там же: 325]. Однако, если предмет пригодился, это означает, что он помог решить (уменьшить) существующую проблему, т. е. сделал ситуацию более благоприятной. Это вполне коррелирует с контекстом **А1**. Используя модель описания автора, можно сказать, что в данной группе активный субъект

Перейдем к некоторым обобщениям. Можно исходить из того, что представленная модель (с определенными оговорками и уточнениями) адекватно описывает контексты употребления слова *авось* в современном русском литературном языке[5]. При этом она порождает ряд вопросов, наиболее значимым из которых в рамках данной статьи является вопрос о том, с какого момента контексты **A3** и **B2** начинают характеризовать поведение русского человека, начинают рассматриваться как неотъемлемая черта русского национального характера и какие социокультурные процессы за этим стоят. Для ответа на него полезно обратиться к диахронному анализу ситуационных контекстов употребления слова *авось* в русской культуре XVIII–XIX вв.

Лексический комплекс *авось* в русском литературном языке XVIII в.

Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.», слово *авось* (*авосе*) появляется в письменных текстах в XVII в. в значении ‘может быть’[6]. Словарь также выделяет конструкцию *авось бы* со значением ‘если бы’, также датируемую XVII в. [СРЯ XI–XVII, 1: 20]. Первое вхождение этого слова в НКРЯ датируется 1734 г., в корпусе Google Books Russian 2019 (далее — GB) — 1772 г.[7]

В XVIII в. слово *авось* появляется в словарях. Видимо, впервые это происходит в русско-французском словаре Антиоха Кантемира [Кантемир 2004, 1: 4], где автор приводит формы *авось*, *авось либо* и предлагает *peut-être* в качестве французского эквивалента[8]. В «Новом лексиконе или словаре на французском, итальянском, немецком, латинском и российском языках», изданном в типографии Н. И. Новикова, *авось* помещается в сле-

---

сохраняет некий объект **O**, надеясь, что **O** поможет устранить неблагоприятное для субъекта положение вещей, но понимая при этом, что актуализация такой возможности непредсказуема.

[5] Под современным русским литературным языком в этой работе понимается письменный русский язык со второй половины XX в. по настоящее время (ср. https://ruscorpora.ru/new/corpora-structure.html).

[6] Анализ различных версий происхождения слова *авось* проведен в работе [Березович 2007]. Обратившись к материалу говоров, автор предлагает и свою семантическую реконструкцию, показывая, что *авось* могло образоваться путем слияния союза *а* и наречия *вось*, у которого постепенно появляются значения ‘вскоре’, ‘через некоторое время в будущем’ и ‘возможно, быть может’ [Там же: 338–339].

[7] Google Books Ngram Viewer показывает и более ранние вхождения, но при непосредственном анализе они оказываются ошибками распознавания.

[8] Я искренне признателен Елизавете Эдуардовне Бабаевой, указавшей мне на этот факт.

дующий ряд: «Peut-être, adv. forse, vielleicht, fortaste, forsitan, forte, может быть, авось либо» [Соц 1787: 305]. В «Словаре немецко-российском и российско-немецком» Ивана Гейма *авось* описывается таким образом: «Авось, Авосьлибо — vielleicht, wir wollen sehen» [Гейм 1798: 2]. Слово *авось* включено и в «Словарь Академии Российской» со следующим описанием: «АВОСЬ, АВОСЬЛИБО. Нареч. сложн. простонар.: употребляемое вместо может быть» [САР, 1: 6]. Резюмируя описания в словарях, можно отметить, что *авось* устойчиво поясняется через ‘может быть’ и соотносится с немецким *vielleicht* и французским *peut-être.*

Перейдем теперь к более детальному анализу, обратившись к подкорпусу XVIII в. НКРЯ[9]. Слово *авось* встречается там 59 раз (44 в основном подкорпусе и 15 — в поэтическом): 37 раз в форме *авось-либо* (14 вхождений *авось либо* и 23 — *авось-либо*), 16 раз в форме *авось*, 2 раза — *авось ли* и по разу в формах *авось и*, *авось ли бы*, *авось-таки* и *авось-либом* (последнее слово представляет собой творительный падеж от субстантивированного *авось-либо* (см. (19)). Как легко заметить, форма *авось-либо* доминирует в подкорпусе.

Анализируя коммуникативные ситуации, в которых используется *авось*, можно видеть, что в них превалирует прямая речь говорящего/пишущего, обращенная к находящемуся рядом (например, (13)) или удаленному (например, (14)) собеседнику (39 вхождений, 66,1 % от общего числа)[10]. К этому примыкает и единственный случай использования *авось* в косвенной речи рассказчика (см. (15)).

(13) *Ега-Баба накормила его и напоила, и в бане выпарила, и стала спрашивать: «Зачем ты, добрый молодец, опять ко мне приехал, скажи мне,* ***авось*** *я тебе помогу в твоей нужде?»* (Сказка о Игнатье-царевиче и Суворе-невидимке мужичке (1786));

(14) *Любезнейший Друг Илья Васильевич! Это правда, что я на три Ваши письма не ответствовал. Ожидал я со дня на день,* ***авось либо*** *не будет ли к Вам чего нового написать. Но и поныне ничто не открывается* (А. М. Шумлянский. Письмо И. В. Руцкому (1784));

(15) *Уговаривал я государя, чтоб изволил закутаться,* ***авось-либо*** *уснет, что от того, конечно, будет легче* (С. А. Порошин. Семена Порошина записки… (1764–1765)).

Вторая группа (12 вхождений, 20,3 %) включает в себя мысленные монологи персонажей, от которых автор текста отчетливо дистанцируется (эта подгруппа характерна главным образом для басен (см. (16)), и реконструкцию мыслей *авось*-субъектов, отличных от автора (см. (17)).

[9] Дата обращения: 10.01.2022.

[10] Следует отметить, что из 39 вхождений 35 (59,3 %) относятся к литературным текстам и 4 (6,8 %) появляются в переписке.

(16) *Стал наш крестьянин в пень, не знает, что начать,*
Однако вздумал отдыхать, и мыслит: «Отдохнув немного,
поплетуся;
***Авось-либо** дойду,*
Хоть с ношею пойду;
Быть так, добро, пущуся»
(И. И. Хемницер. Крестьянин с ношею (1782));

(17) *Лысой с ребячества своего был, как я от стариков слышал, превеликий ленивец. Его женили в надежде, **авось-либо** поправится* (Д. И. Фонвизин. Поучение, говоренное в Духов день (1788)).

Третью группу (7 вхождений, 12 %) составляют монологи либо автора текста (например, (18)), либо лирического героя, отличие которого от автора никак не маркировано (например, (19)).

(18) *Если кто безвинно идет к смерти, то своя невинность и неотягощенная совесть подает надежду, **авось-либо** невинность его узнается; но собственною совестью уличенный злодей, чего кроме достойнаго себе не щастия, надеяться может, находясь уже в руках справедливости* (Ф. А. Эмин. Путь ко спасению… (1766));

(19) ***Авось-либо** велико дело!*
Я без него давно оставил бы сей свет;
Несчастный только им одним лишь и живет,
Скажу я это смело.
*Хоть сим **авось-либом** я тщетно, скажут, льщусь,*
Но от него всегда я вмиг развеселюсь
И — засмеюсь (П. П. Сумароков. Плач и смех (1788–1795)).

Если говорить о распределении вхождений по жанрам, то доминируют басни, комедии, сказки, дневниковые записи, переписка, но встречаются и философские диалоги (у Григория Сковороды), поучения и проповеди. В рамках модели трех стилей М. В. Ломоносова слово *авось* в основном появляется в текстах, относящихся к «низкому штилю», но это не является абсолютным правилом[11].

Перейдем теперь к распределению вхождений по описанным во введении ситуационным контекстам. Почти весь массив покрывается контекстами **А1** (25 вхождений, 42,4 %; см. (16), (18)), **А4** (17 вхождений, 28,8 %;

[11] В. М. Живов отмечает, что теория трех стилей плохо соотносилась с современной М. В. Ломоносову языковой практикой и что собственные тексты ученого не подчиняются этой системе, находясь скорее в рамках бинарной схемы [Живов 2007: 19–20]. Однако это не отменяет сделанного выше утверждения: слово *авось* использовалось преимущественно (но не исключительно) в текстах низких жанров.

см. (13), (15), (17)) и **C1** (13 вхождений, 22 %; см. (14), (19))[12]. Однажды (см. (20)) встречается контекст **B1** и два случая не вписываются в рамки обозначенной системы контекстов (их можно рассматривать как вырожденные случаи модели **A1**).

(20) *А когда придет какая беда, скорбь или теснота, тогда мало нечто опаметоваемся, к покаянию приближаемся, да и тогда не спешим к истинному покаянию, а берем себе в разсуждение:* ***авось либо*** *поживем,* ***авось либо*** *будет лехче, и вместо лекарства душевнаго ищу телеснаго, а последнее —* ***авось либо*** *поспею еще покаятися и бога умилостивлю* (В. Н. Татищев. Духовная (1734)).

Перейдем к обобщению приведенных данных. Слово *авось* попадает в письменный язык из устной речи и воспринимается как черта «низкого штиля», хотя может появляться и в текстах, имеющих более высокий статус. Доминирующая форма для него — форма *авось-либо* (*авось либо*). Контексты, в которых оно употребляется, — почти исключительно контексты **A1**, **A4** и **C1**. При этом, как уже отмечалось во введении, данные контексты можно объединить в один, рассматривая **C1** как предельный случай градиентного ослабления связи между действиями самого человека (контекст **A1**) или других людей (контекст **A4**) и благоприятного для них исхода (ср. примеры (16) и (18)). Следует особо подчеркнуть, что контексты группы **B**, рассматриваемые в позднейшей традиции как важная черта русского национального характера и как наиболее характерные для *авось*[13], в подкорпусе XVIII в. НКРЯ отсутствуют почти полностью. Для понимания того, как эти контексты актуализируются, становясь все более частотными и значимыми, необходимо небольшое теоретическое отступление.

В [Глебкин 2012; 2014] изложена социокультурная теория лексических комплексов, важным элементом которой являются два уровня описания лексического комплекса (слова, конструкции): уровень «повседневного

[12] Распределение по ситуационным контекстам несет в себе элемент субъективной оценки, и я вполне допускаю, что другие носители языка проинтерпретируют отдельные вхождения по-другому. Однако я исхожу из того, что качественная картина не будет отличаться. Определенные основания для этого утверждения дает эксперимент, который я проводил в ситуации, соотносимой с данной: распределение нескольких сотен вхождений лексического комплекса *скука* по концептуальным кластерам. Распределения различных носителей не совпадали количественно, но качественная картина была одинаковой [Глебкин 2018: 283–284].

[13] Ср. замечание А. Д. Шмелева: «О человеке, который покупает лотерейный билет, вообще не говорят, что он руководствуется расчетом на *авось*. Так скорее скажут о человеке, который не чинит крышу, готовую обвалиться, или строит атомную станцию без надлежащей системы защиты. Вопреки разуму он надеется, что ничего плохого не случится — что *обойдется* или *пронесет*. Это и есть самые типичные контексты для *авось* — *авось обойдется*; *авось ничего*; *авось рассосется*; *авось пронесет*» [Шмелев 2021: 245].

употребления» (уровень А) и уровень интерпретаций (уровень В). На уровне А слово не попадает в фокус внимания, оно используется в потоке речи и правильность его употребления определяется языковой интуицией говорящего. На уровне В использование слова отрефлексировано, обозначаемое этим словом понятие обычно встраивается в определенную теоретическую конструкцию или мировоззренческую модель и получает определение в рамках этой модели. Наиболее очевидным примером понятий на уровне В являются научные термины, но спектр таких понятий гораздо шире. Диахронное описание уровней А и В, учитывающее их взаимное влияние, дает возможность системного представления семантической эволюции отдельного слова или лексического комплекса[14].

Еще одно важное предварительное замечание. Часто семантические или лексические изменения в языке являются реакцией на социокультурные изменения, для описания которых не хватает традиционных языковых ресурсов. В этих случаях оказывается полезным обозначить социокультурный контекст, формирующий запрос на семантические изменения (отмечу, что такое описание — один из важных элементов социокультурной теории лексических комплексов; социокультурный контекст в ней представлен уровнем A_0).

Русская культура XVIII в. характеризуется высокой вертикальной мобильностью, невозможной до этого. Непредсказуемые и часто радикальные изменения в социальном статусе, резкие перемещения вверх и вниз по карьерной лестнице становятся важной чертой повседневности и одновременно предметом размышления образованного сословия. Другая важная черта — секуляризация русской культуры в XVII–XVIII вв. и значимое особенно для XVIII в. возрастание в ней веса античных мировоззренческих моделей, сосуществующих с христианскими и постепенно вытесняющих их в целом ряде областей. В частности, на глубокую периферию официальной культуры уходят мотив Страшного суда и страха Божьего, заменяясь представлениями о важности успеха и награды в земной жизни (см. [Глебкин 2018: 134–174]). Одним из способов осмысления этих изменений в литературе стало активное использование категории фортуны, во многом заимствованное из западной литературы; см., например, фрагмент (21), взятый из перевода А. Д. Кантемиром первой оды Н. Буало:

(21) *Видим, что предел странный железного века*
Тотчас возвысил князем проста человека, —

[14] В [Глебкин 2014: 281–313] разработанная модель использована для описания лексического комплекса *интеллигенция*, в [Глебкин 2018] — лексического комплекса *скука* и, в редуцированной форме, для комплексов *тоска* и *уныние*. Также выделение двух уровней и описание их взаимного влияния использовано в [Глебкин 2007; 2007а] для слов *мещанство* и *пошлость*, в [Глебкин 2016] — для лексического комплекса *философия*, и в [Глебкин 2019] — для лексического комплекса *авантюра.*

Так-то добродетелью фортуна играет,
Часто доброго низит, злого возвышает…
(А. Д. Кантемир. Из Буало. Сатира первая (1727–1729)).

После публикации «Манифеста о вольности дворянства» Петра III (1762) и «Жалованной грамоты дворянству» Екатерины II (1785) у дворян появляется возможность не служить, что постепенно приводит к формированию типа «частного человека» и распространению особого вида неостоицизма, в котором государственная служба связывалась уже не с идеей служения Отечеству, а с погоней за чинами и почестями, а жизнь частного человека — с верностью себе и своим идеалам. Эта модель представлена, например, в басне И. И. Дмитриева «Пустынник и фортуна», в которой Фортуна со своей свитой (Богатством, Знатностью и Чинами) пытается остановиться на ночлег в доме пустынника, но он отказывает ей, объясняя, что в доме нет места [Дмитриев 1967: 376–377].

Этот контекст важен для понимания дальнейшей семантической эволюции слова *авось*. Появившись в письменном языке из разговорной речи и не имея в нем отчетливо закрепленных служебных функций (в отличие от *может быть*), слово *авось* обладало гораздо менее устойчивой концептуальной структурой, более подвижными контекстами употребления и легко допускало субстантивацию. Кроме того, в отличие от заимствованного слова *фортуна*, оно было «своим» и поэтому гораздо лучше подходило для отражения специфики русской жизни[15].

Возможность генерализации *авось* задается уже в приведенном выше примере (20), но у Василия Никитича Татищева она осуществляется в границах традиционного христианского мировоззрения, которое уже не воспринимается как актуальное в русской культуре последней трети XVIII в., ориентированной главным образом на античность. В этот период начинают активно возникать интерпретации *авось*, созданные в рамках изменившейся мировоззренческой модели. Обозначим основные из них. Иван Кудрявцев, вполне в логике мировоззрения неостоицизма, рассматривает *авось* как знак неопределенности человеческой жизни в целом, вне зависимости от социокультурного контекста, противопоставляя эту неопределенность подлинности и неизбежности смерти:

(22) *Нет ничего на свете подлиннее смерти. Впрочем все основано на* ***авось-либо****. Образцы научают, искусство доказывает; да и тем не редко обманываются. Судьба, держащая на оси участь смертных, толь сокровенна в своих определениях, что человек оных никак постигнуть не может* [Кудрявцев 1772: 112].

[15] Параллели между текстами Н. Буало и А. Д. Кантемира отражают определенное сходство социокультурных ситуаций во Франции XVII в. и России XVIII в., но социокультурный контекст во Франции XVIII в. был принципиально иным, и для него описания Н. Буало уже не являлись столь актуальными.

Панкратий Платонович Сумароков, внучатый племянник Александра Петровича Сумарокова, в стихотворении «Плач и смех», фрагмент из которого приведен выше (см. (19)), строит другую модель, где непредсказуемость *авось* дополняется ни на чем, по большому счету, не основанной надеждой на благоприятный исход (*И что несчастливой судьбы моей премены* / ***Авось-либо*** *когда-нибудь я и дождусь*). И хотя автор понимает, что эти надежды, вероятно, окажутся тщетными, они позволяют поддерживать присутствие духа и радоваться жизни. В обозначенном подходе заложена возможность развертывания группы контекстов **В**. Отметим также еще раз субстантивацию *авось-либо*, осуществленную П. П. Сумароковым.

Важной вехой в формировании интерпретаций *авось* стало одноименное стихотворение Ивана Михайловича Долгорукова, напечатанное в 1798 г. в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», издаваемом Иваном Петровичем Тургеневым (об истории публикации см. [Поэты-сатирики 1959: 706–707]). И. М. Долгоруков указывает, что обозначаемые *авось* сюжеты еще не описаны, но актуальны и могут иметь успех у читателя, что слово *авось* — исконно русское (см. (22)), оно синонимично удаче и отрицает рациональный расчет, взвешенное принятие решения (см. (23)). *Авось* обеспечило успех и славу для Ромула, Александра Македонского и Магомета, но оно также поддерживает влюбленного, карточного игрока, нашалившего ребенка, неверного мужа или жену, ворующего чиновника и т. д. Иногда надежды на *авось* абсолютно беспочвенны, но все равно греют сердце (см. (24)).

(23) *О слово милое, простое!*
Тебя в стихах я восхвалю!
Словцо ты русское прямое,
Тебя всем сердцем я люблю! [Поэты-сатирики 1959: 403];

(24) *На свете мыкался я много,*
Ходил, езжал и так и сяк;
Пойдёшь ***авось*** *— везде отлого,*
Пойдёшь с умом — всё буерак.
Удача, матушка ты наша!
Земля такая ныне каша,
Что без тебя всё наплевать.
Наперекор рассудку смело
Ломай, коверкай всяко дело;
Коль тут ***авось****, всё тишь да гладь* [Там же];

(25) *Старик, одной ногою в гробе,*
Мечтает год прожить еще;
Он, чая жизни новой в небе,
Здесь любит суеты вотще;
По склонности своей природной,
В часок, от немощи свободный,

Карабкается мыслью вверх:
***Авось**, дескать, я знатен буду,*
И денег наживу я груду!
Меня чем лучше сей изверг? [Там же: 406].

Обобщая, можно сказать, что *авось* в интерпретации И. М. Долгорукова обозначает как саму удачу, так и надежду на удачу, противопоставленную рациональной оценке ситуации и часто абсолютно беспочвенную. Как две стратегии поведения, подкрепляемые такой надеждой, можно выделить «действовать на авось» и «ждать, надеясь на авось»[16]. Другими словами, стратегии, связываемые с особенностями национального характера русских, являются чертой не повседневного языка, отражающего базовые социокультурные практики и модели поведения, а интерпретацией, «надстраивающейся» над уровнем А.

Лексический комплекс *авось* в русском литературном языке первой трети XIX в.

Есть основания утверждать, что интерпретация И. М. Долгорукова оказала заметное влияние на семантическую эволюцию слова *авось* и, запустив цепочку подражаний и новых интерпретаций, превратила его в значимую категорию русской культуры (ср. [Поэты-сатирики 1959: 706–707]). Одним из показательных примеров таких подражаний, в которых уже нет сатирического снижения и *авось* получает отчетливо выраженную мировоззренческую нагрузку, является стихотворение Петра Розанова «Авось», см. фрагмент из него ниже:

(26) *Молчи! — **авось** и наше поле*
Такой же плод произведет;
***Авось** и к нам по доброй воле*
Слепое щастье завернет.
Гордись, кто хочет, величайся,
Над нашей братьей издевайся,
Смотри на нас не прямо, вкось;
А мы, как странственник убогой,

[16] Стихотворение И. М. Долгорукова носит иронический характер, но в его мемуарах есть и вполне патетические высказывания, выражающие ту же идею. Например: *Человек никогда настоящим не доволен, каждый хочет переменить свое состояние, несмотря на то, что часто самая лестная новость хуже посредственной старинки. Ошибки скоро приметны, но никто, глядя на другого, не учится из опытов, у всех при неудаче сторонней вырывается следующая мечта: «это случилось с таким-то, а со мной не может случиться». Велико русское слово **авось**! Оно разрушает царства, гонит полки, оно покорило нам Бендеры при Панине, оно и меня решило на самый важный шаг* [Долгоруков 2004: 255].

Знай по бредем[17] *путем, дорогой,*
И будем говорить — ***авось****!*
……..
Куда ж с простой душой деваться,
Иль с лицемерами равняться?..
Нет, им лежит дорога врозь. —
Пускай богач гордится щастьем, —
А мы и в сентябре — с ненастьем
Все будем говорить, ***авось****!*
……..
Фортуна! Подними повязку,
И оцени дары свои: —
Кто заслужил твою пристрастку,
Тому ты пальцем погрози;
А кто и малым сыт — доволен,
То естьли бог ты, естьли волен,
Дай новый жребий, старый сбрось…
Фортуна! — Полно быть слепою –
Хоть загляни на нас порось –
А я опять скажу — ***авось****!..* [Друг просвещения 1806: 93–95].

Не обсуждая литературных достоинств этого текста, важно отметить, что здесь *авось* оказывается характеристикой неудачника, «пигмея», как пишет автор, который не хочет (или не может) прилагать активные усилия, чтобы добыть благосклонность фортуны, а просто надеется, что положение вещей внезапно изменится и он обретет то, о чем мечтает. Другими словами, здесь еще более отчетливо, чем в стихотворении И. М. Долгорукова, вводится контекст **В** употребления *авось*, характеризуя жизненную позицию не только лирического героя, но и целого типа людей, к которому он себя относит.

Следует также отметить стихотворение П. А. Вяземского «Сравнение Петербурга с Москвой», которое можно проинтерпретировать как первое появление контекста **В2**, но касающееся не русской культуры и русского национального характера, а российской политики:

(27) *У вас* ***авось***
России ось
Крутит, вертит,
А кучер спит
(П. А. Вяземский. Сравнение Петербурга с Москвой (1810)).

Еще одним локальным, но очень показательным знаком повышения статуса *авось* является его использование для названия корабля, на кото-

[17] Так в оригинале.

ром было предпринято путешествие в Америку, воспетое А. А. Вознесенским и затем положенное в основу культовой для 70–80-х гг. XX в. рок-оперы «Юнона и Авось», поставленной на сцене театра им. Ленинского комсомола. Вот как представлен процесс выбора имени в предисловии к описанию этого путешествия одним из участников (автор предисловия — вице-адмирал Александр Семенович Шишков):

(28) *Между тем как приступили к построению одного из двух назначаемых для Экспедиции судов, открылся случай другое из оных купить у пришедшего случайно туда из Соединенных Штатов Америки корабельщика Вульфа. Сие судно, отданное под начальство Хвостова, называлось Ю н о н а*; *другому же вновь построенному, и которое поручено было Давыдову, дали сходное с покушением на сию Экспедицию название А в о с ь* (Г. И. Давыдов. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова… (1808–1809)).

Для понимания выбора имени следует отметить, что в петровское время известно по крайней мере одно судно, называвшееся «Фортуна» (см. [Голиков 1838: 561]). *Авось* в контексте американской экспедиции Н. Хвостова и Г. Давыдова получало аналогичный смысл надежды на удачу, на благополучную судьбу путешествия, но с использованием уже не заимствованного, а русского слова.

Переходя от первого десятилетия XIX в. к последующим, необходимо остановиться на текстах Александра Сергеевича Пушкина. В полном собрании его сочинений и писем слово *авось* встречается 42 раза (17 раз в переписке, 11 — в прозе, 5 — в стихотворениях, 5 — в «Евгении Онегине», 3 — в публицистике и 1 — в заметках)[18]. Бросается в глаза большой вес эпистолярного блока в этом корпусе. Другими словами, *авось* активно используется Пушкиным не только в речи персонажей его произведений, выполняя стилистическую функцию, но и в текстах, в которых он говорит от своего имени. Распределение по ситуационным контекстам выглядит следующим образом: контекст **A1** — 45,2 % от общего числа вхождений; **C1** — 40,5 %; **A4** — 9,5 %. Контекст **B2** встречается один раз, и мы остановимся на нем чуть позднее. Легко заметить, что складывающаяся картина вполне соотносится с распределением, полученным на материале подкорпуса XVIII в. НКРЯ. Анализ переписки показывает, что Пушкин использует *авось* в широком спектре ситуаций, касающихся его литературных дел, здоровья, ожидания встречи с адресатом в будущем, а также в политических контекстах, например:

(29) *Кажется, дело польское кончается; я всё еще боюсь: генеральная баталия, как говорил Петр I, дело зело опасное. А если мы и осадим*

[18] Подсчет велся по электронному изданию: Полное энциклопедическое собрание сочинений А.С. Пушкина. ИДДК, 2005.

Варшаву (что требует большого числа войск), то Европа будет иметь время вмешаться не в ее дело. Впрочем Франция одна не сунется; Англии не [на что] для чего с нами ссориться, так ***авось ли*** *выкарабкаемся* (Письмо П. А. Вяземскому, 3 августа 1831 г.).

Приведенный пример интересен тем, что показывает, какой сложной может быть структура субъекта *авось*-ситуации. Данный случай кажется правильным отнести к контексту **A1** , однако сам субъект формально не проявляет здесь никакой активности. Он мысленно соотносит себя с русской армией, подошедшей к Варшаве, и присоединяется к ее действиям виртуально, надеясь на благоприятный для нее и для него исход.

Интерпретация *авось* предложена Пушкиным в двух фрагментах. Один из них (из «десятой главы» «Евгения Онегина», см. (30)) остался неизвестным широкой публике и не оказал заметного влияния на дальнейшую семантическую траекторию слова, но важен для понимания интерпретации Пушкина, тогда как влияние второго (см. (31)) сложно переоценить:

(30) ***Авось****, о Шиболет народный*
Тебе б я оду посвятил
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил
……
Авось *аренды забывая*
Ханжа запрется в монастырь
Авось *по манью ⟨Николая⟩*
Семействам возвратит ⟨Сибирь⟩
……
Авось *дороги нам исправят* [Пушкин 1977–1979, 5: 181];

(31) *Призадумался поп,*
Стал себе почесывать лоб.
Щелк щелку ведь розь.
Да понадеялся он на русской ***авось***
(А. С. Пушкин. Сказка о попе и о работнике его Балде (1830)).

Начнем с фрагмента (30). Как видно, Пушкин прямо отсылает в нем к стихотворению И. М. Долгорукова и отчетливо характеризует *авось* как лингвоспецифичное слово, важное для осознания русскими самих себя[19]. Три последующих примера задают контекст **C1**, но стоит подчеркнуть утопичность надежд на *авось*, наглядно проявляющуюся в них[20]. Такая

[19] О слове *шиболет* см., например, [Мещерский 1999].

[20] В. А. Кошелев отмечает, что у Пушкина *авось*, высказанные его героями, почти всегда «оборачиваются неудачей» и «“биографический” пушкинский *авось* того же порядка и с тем же предощущением невозможности осуществления» [Кошелев 2011: 112]. Это утверждение сложно назвать справедливым для переписки

утопичность не подчеркивается (хотя, возможно, и предполагается) ни в стихотворении И. М. Долгорукова, ни в других интерпретациях (П. П. Сумароков, признавая утопичность *авось*, подчеркивает не ее, а значимость надежды на благоприятный исход для обретения точек опоры в жизни). Фрагмент (31) является яркой иллюстрацией контекста **B2** (персонаж Пушкина недооценивает опасность ситуации и выбирает пассивную стратегию, надеясь на благополучный исход, причем такая стратегия маркируется как характерная черта русской культуры). Хотелось бы подчеркнуть, что это первый чистый случай появления контекста **B2**, который мне удалось обнаружить: ни в других текстах Пушкина, ни до него (за исключением приведенного выше фрагмента П. А. Вяземского (27), который тоже не является чистым случаем) этот контекст не встречается.

Перейдем теперь к анализу данных НКРЯ за 1800–1834 гг. Указанный подкорпус дает 260 вхождений конструкций, относящихся к лексическому комплексу *авось*, исключая *Авось* как название корабля и как заглавие стихотворения И. М. Долгорукова (234 — в основном корпусе и 26 — в поэтическом). Следует прежде всего отметить резкие морфологические изменения. Если в XVIII в., как отмечалось, доминирует форма *авось-либо* (62,7 % — *авось-либо* и *авось либо*; 27,1 % — *авось*), то в первой трети XIX в. форма *авось* получает подавляющий перевес (88,1 % — *авось*; 9,6 % — *авось-либо* и единичные случаи употребления *авось бы* и *авось ли*). В этих изменениях можно увидеть прямое воздействие стихотворения И. М. Долгорукова и вызванной им реакции.

Если говорить о коммуникативных моделях, то, как и в XVIII в., доминирует употребление *авось* в прямой речи говорящего в диалоге с находящимся рядом или удаленным собеседником (66,1 % — XVIII в.; 81,4 % — первая треть XIX в.), но в рамках этого массива резко возрастает роль эпистолярного блока (6,8 % — XVIII в.; 23,2 % — первая треть XIX в.)[21]. При этом *авось* начинает использоваться не только в бытовом, но и в более «высоких» стилистических регистрах, например:

(32) *Россия, мы надеемся, через этот перелом не пройдет;* ***авось*** *в ней не будет кровопролитных переворотов, но тем заботливее надо пещись в ней о нравственности систем и поступков. Чем меньше фанатизма, тем строже и бдительнее должен быть разум* (И. В. Киреевский. Письмо А. И. Кошелеву, 1832).

поэта (Пушкин использует *авось* в широком спектре контекстов и по большей части его ожидания выглядят вполне реалистично), но оно справедливо для его произведений (я бы только заменил *почти всегда* на *часто*).

[21] Для корректной оценки этих данных надо учитывать общий вес эпистолярного блока в структуре каждого подкорпуса. Он различается, но не так заметно, как приведенные выше данные. В XVIII в. письма составляют 4,8 % от объема общего и поэтического корпусов, в первой трети XIX в. — 7,5 %. Если перенормировать приведенные выше данные, исходя из равных процентов, окажется, что относительный вес эпистолярного блока во вхождениях *авось* вырастает в 2,2 раза.

Таблица 1

Распределение вхождений *авось* по семантическим кластерам в XVIII в. и в 1800–1834 гг. (в % от общего числа вхождений в соответствующий подкорпус НКРЯ)

	A1	A2	A3	A4	B1	B2	B3	C1	C2
XVIII в.	42,4	0	0	28,8	1,7	0	0	22	0
1800–1834 гг.	63,1	0,4	1,5	10,4	1,9	0,4	2,3	18,1	0,8

Обобщая, можно сказать, что в первой трети XIX в. слово *авось* закрепляется в письменном языке, теряя свой просторечный статус и активно используясь уже как элемент авторской речи, в первую очередь в переписке. Лексический комплекс пополняется конструкцией *на авось*, отсутствующей, насколько мне известно, в XVIII в. Если исходить из контекстов, то в целом распределение по первой трети XIX в. соответствует распределению XVIII в. (результаты представлены в Таблице 1). Доминируют контексты **A1**, **C1** и **A4**. Контексты группы **B** крайне редки, хотя они уже появляются в XIX в. Важно отметить, что в этот период создаются интерпретации *авось*, в которых оно связывается как с безрассудной активностью, не опирающейся на рациональный расчет, так и с пассивностью, связанной с недооценкой опасности ситуации и нежеланием преодолевать ее[22]. Эти возможности представлены в баснях И. А. Крылова «Мыши» и «Лиса», фрагменты которых приводятся ниже:

(33) *«Сестрица! знаешь ли, беда! —*
На корабле Мышь Мыши говорила, —
Ведь оказалась течь: внизу у нас вода
Чуть не хватила
До самого мне рыла.
(А правда, так она лишь лапки замочила.)
И что диковинки — наш капитан
Или с похмелья, или пьян.
Матросы все — один ленивее другого;
Ну, словом, нет порядку никакого.
……

[22] Отказ от калькуляции рисков, являющийся важной чертой интерпретаций *авось*, коррелирует с представлениями о «контекстном мышлении» русского человека, также разрабатываемыми в первой и второй трети XIX в. Речь идет о сознательном отказе от планирования своих действий и установке на принятие решений «по ситуации». Об этом пишет Н. В. Гоголь в «Мертвых душах», а также Л. Н. Толстой в «Войне и мире», когда характеризует национальные типы самоуверенности и противопоставляет взгляды Кутузова на принципы ведения боевых действий взглядам немецкого генерала Пфуля (см. [Глебкин 2019: 421]).

Сестрица! неужли нам гибнуть с ними вместе!
Пойдем же, кинемся скорее с корабля;
***Авось** не далеко земля!»*
Тут в Океан мои затейницы спрыгнули
И — утонули;
А наш корабль, рукой искусною водим,
Достигнул пристани и цел и невредим.
(И. А. Крылов. Мыши (1832));

(34) *Зимой, ранехонько, близ жила,*
Лиса у проруби пила в большой мороз.
Меж тем оплошность ли, судьба ль (не в этом сила),
Но — кончик хвостика Лисица замочила,
И ко льду он примерз.
Беда невелика, легко б ее поправить:
Рвануться только посильней.
И волосков хотя десятка два оставить,
Но до людей.
Домой убраться поскорей.
Да как испортить хвост? А хвост такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нет, лучше подождать — ведь спит еще народ;
*А между тем **авось** и оттепель придет,*
Так хвост от проруби оттает.
Вот ждет-пождет, а хвост лишь боле примерзает...
(И. А. Крылов. Лиса (1832)).

Заключение

Анализ семантической эволюции лексического комплекса *авось* со второй трети XIX по начало XXI в. требует отдельного исследования. Однако, чтобы придать данной статье законченный характер, имеет смысл наметить контуры последующих изменений, а также выделить инварианты, остановившись на двух моментах.

Первый из них касается использования конструкций, входящих в лексический комплекс *авось*, в паремиях. Авторы, пишущие об *авось* (см. [Николина 1993: 157; Шмелев 2021: 241]), часто обращаются к пословицам, собранным Владимиром Ивановичем Далем, например:

(35) *Русский крепок на трех сваях: **авось**, небось да как-нибудь*;
(36) *Русский на **авось** и взрос.*

Они рассматривают эти примеры как отражение представления о том, что слово *авось* является значимой чертой «русского национального характера», важным маркером «русской ментальности». Вместе с тем использо-

вание паремий для подобного рода анализа порождает целый ряд методологических вопросов. В отличие от корпусов текстов, где нормой является наличие у текста автора и времени создания, паремии во многих работах рассматриваются как элемент народной культуры, для которой некорректны ни вопрос об авторстве, ни вопрос о датировке (даже приблизительной)[23]. По умолчанию считается, что они характеризуют речь простого народа, отличную от речи образованных слоев. Показательна в связи с этим позиция самого В. И. Даля, сформулированная им в предисловии к сборнику: «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет; в образованном и просвещенном обществе пословицы нет; попадаются слабые, искалеченные отголоски их, переложенные на наши нравы или испошленные нерусским языком, да плохие переводы с чужих языков. Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз. И кто же станет поминать в *хорошем* обществе борону, соху, ступу, лапти, а тем паче рубаху и подоплеку? А если заменить все выражения эти речениями нашего быта, то как-то не выходит пословицы, а сочиняется пошлость, в которой намек весь выходит наружу» [Даль 1862: 5][24].

По умолчанию предполагается, что в паремиях мировоззрение и речь народа сохраняются на протяжении веков и не испытывают влияния письменного языка, языка «просвещенного общества». Оба эти предположения могут быть поставлены под сомнение на материале семантической истории слова *авось*. Не имея возможности обсуждать этот вопрос в деталях, хотелось бы обратить внимание на следующие факты. В первом, пожалуй, крупном собрании русских пословиц, собранном Антоном Алексеевичем Барсовым и изданном в 1770 г. [Барсов 1770], слово *авось* не встречается. В следующем за ним по времени собрании Дмитрия Максимовича Княжевича [Княжевич 1822] слово *авось* присутствует только в четырех паремиях, причем исключительно как дискурсивная частица, см. (37)–(40):

(37) *Живи, ни о чем не тужи; а все проживешь* ***авось*** *еще наживешь*;
(38) *Не тужи,* ***авось*** *наживешь ременные гужи*;
(39) *Ехал да не доехал, опять поедем,* ***авось*** *доедем*;
(40) *До того доживем,* ***авось*** *еще наживем.*

[23] Такой взгляд, в частности, является общим местом для большого массива работ, выполненных в рамках направления, маркируемого как «лингвокультурология» (например, [Красс 2000; Кузнецова 2005; Голембовская 2014]).

[24] Следует отметить непрозрачность методологии, на которую опирался В. И. Даль, выбирая паремии для сборника. Неясно, кто выступал для него в качестве информанта, какова распространенность записанных им паремий. Описание аналитических процедур заменяется у В. И. Даля опорой на собственную интуицию, на образ «народа», каким он сформировался в его сознании.

В собрании Ивана Михайловича Снегирева [Снегирев 1848] паремий с *авось* уже 16, причем в двух случаях встречается наречие *на авось* ((41)–(42)) и в двух (в дополнениях к словарю) появляется субстантивация ((43)–(44)).

(41) ***На авось*** *города брать, да как-нибудь век скоротать*;
(42) *Кто делает все* ***на авось****, у того все хоть брось*;
(43) ***Авось*** *и как-нибудь до добра не доведут*;
(44) ***Авоська*** *веревку вьет, небоська петлю накидывает.*

И наконец, в сборнике В. И. Даля представлено 29 паремий с *авось*, из которых в 13 случаях имеет место субстантивация и, кроме того, появляются такие дериваты, как *авосьничает*, *авосьник*, см.:

(45) *Кто* ***авосьничает****, тот и постничает*;
(46) *С* ***авосьником*** *нехотя согрешишь*.

При всех очевидных оговорках (у авторов сборников различались принципы отбора материала, критерии его включения в сборник и т. д.) можно отметить, что и частота употребления *авось* в паремиях, и степень произвольности этого употребления (субстантивация, возникновение наречной формы *на авось*, появление таких дериватов, как *авоська*, *авосьничает*, *авосьник*) возрастают вслед за похожими процессами в письменном языке, т. е. изменяются со временем и, с заметной долей вероятности, представляют собой реакцию на интерпретации И. М. Долгорукова и других, вызвавшие соответствующие изменения в употреблении слова в письменных текстах и речи образованного сословия[25].

Второй момент, который необходимо кратко обозначить, — это использование основных конструкций, входящих в лексический комплекс *авось* (дискурсивное слово, его субстантиват и наречная конструкция *на авось*), в современном письменном языке. Подкорпус 1950–2020 гг. основного корпуса НКРЯ дает 1153 вхождения *авось*[26]. Я проанализировал 290 из

[25] Создается впечатление, что похожая картина имеет место и на материале диалектных словарей. Так, в «Словаре русских народных говоров» приводится значительное число дериватов *авось* (*авосеев*, *авоська*, *авоськать*, *авосьник*, *авосьница*, *авосьничать*) и примеров субстантивации, но самые ранние из них датируются серединой XIX в. [Словарь говоров 1965: 198–199]. Я признателен Денису Мочульскому, обратившему мое внимание на этот факт.

[26] Некоторые исследователи утверждают, что слово *авось* теряет свою значимость в современном языке, употребляясь «преимущественно цитатно или иронически» [Шмелев и др. 2012: 300] (ср. Николина 1993: 158]). Это утверждение требует дополнительного анализа. Так, согласно данным Google Books Ngram, частота вхождений слова *авось* уменьшается в 2,12 раза в период с 1950 по 1970 г. и увеличивается в 2,25 раза в период с 1970 по 2017 г. Если сравнить частоту вхождений в корпус в 2017 г. с максимальной частотой вхождений (достигнутой в 1843 г.), то она оказывается меньше ее в 1,7 раза. Другими словами, радикального уменьшения частоты вхождений не происходит. Данные НКРЯ другие (от 1900 к 2000 г.

них, выбранных случайным образом[27]. Следует отметить возросшее разнообразие речевых жанров, в которых употребляется *авось*, и, в частности, заметное возрастание использования *авось* в авторской речи (в расширенном понимании, включая авторскую речь в литературных произведениях и публицистике, эпистолярный жанр и различные формы автобиографического нарратива), в результате чего этот регистр оказывается сопоставимым с употреблением *авось* в диалогах (авторская речь — 31,7 %, диалоги — 38,6 %).

Результаты распределения по кластерам представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Распределение вхождений *авось* по семантическим кластерам в 1950–2020 гг. (в % от общего числа вхождений в соответствующий подкорпус основного корпуса НКРЯ)

	A1	A2	A3	A4	B1	B2	B3	C1	C2
1950–2020 гг.	48,3	1,7	9,7	3,4	6,9	4,5	2,8	18,3	3,8

Сравнение с данными Таблицы 1 показывает, что общие рамки семантической структуры, сформированной в первой трети XIX в., сохраняются и в современном языке: кластеры **A1** и **C1** заметно превосходят остальные кластеры по частотности, и в целом вес кластеров группы **A** почти в 4,5 раза превосходит вес кластеров группы **B**. Другими словами, приводимое во введении утверждение ряда лингвистов, что пассивное *авось*, предполагающее отказ от действия, связанный с недооценкой опасности ситуации, превосходит по значимости активное *авось*, отражающее установку на действие без предварительной оценки связанных с этим действием рисков, требует дополнительных уточнений и, если исходить из прямой корреляции между значимостью и частотностью, кажется не соответствующим действительности.

Из существенных изменений следует отметить возрастание частотности наречной формы *на авось* (с 1,5 % до 9,7 %), падение частотности кластера **A4**, репрезентирующего «альтруистическую» версию *авось* (с 10,4 % до 3,4 %), а также возрастание общего веса группы кластеров **B** (с 4,6 %

частота вхождений уменьшается где-то в три раза, а отношение максимальной частоты (1833 г.) к частоте в начале 2000-х равно примерно восьми), но надо учитывать, что подкорпус Google Books за XIX в. более чем в 22 раза превосходит соответствующий подкорпус НКРЯ, а подкорпус за XX в. — в 315 раз. Также авторами не приводится каких-либо подсчетов, подтверждающих, что «слово употребляется преимущественно цитатно или иронически».

[27] Если исходить из гипотезы независимости и равной значимости отдельных вхождений, такая выборка дает доверительную вероятность 95 % и доверительный интервал 5 %.

до 14,2 %), вызванное, вероятно, проникновением интерпретаций в повседневный язык (см., например, (1)). Однако, повторюсь, эти тенденции и их причины требуют отдельного исследования.

Источники и словари

Барсов 1770 — А. А. Барсов. Собрание 4291 древних русских пословиц. М., 1770.

Гейм 1798 — И. А. Гейм. Словарь немецко-российский и российско-немецкий. Рига; Лейпциг, 1798.

Голиков 1838 — И. И. Голиков. Деяния Петра Великого… Т. 6. М., 1838.

Даль 1862 — В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1862.

Дмитриев 1967 — И. И. Дмитриев. Полное собрание стихотворений. Л., 1967.

Долгоруков 2004 — И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем… Т. 1. СПб., 2004.

Друг просвещения 1806 — Друг просвещения. Ч. 2. М., 1806.

Кантемир 2004 — Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. 1–2. М., 2004.

Княжевич 1822 — Д. М. Княжевич. Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. СПб., 1822.

Кудрявцев 1772 — И. Кудрявцев. Собрание Достопамятностей или Плоды уединения. СПб., 1772.

Поэты-сатирики 1959 — Поэты сатирики конца XVIII — начала XIX вв. Л., 1959.

Пушкин 1977–1979 — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977–1979.

САР — Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб., 1789–1794.

Словарь говоров 1965 — Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.; Л., 1965.

Снегирев 1848 — И. М. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.

Соц 1787 — И. В. Соц. Новый лексикон или словарь на французском, итальянском, немецком, латинском и российском языках. Ч. 2. М., 1787.

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–.

Литература

Березович 2007 — Е. Л. Березович. Еще раз о русском *авось* // Е. Л. Березович. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. С. 333–339.

Глебкин 2007 — В. В. Глебкин. Мещанство // Культурология. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2007. С. 1312–1314.

Глебкин 2007а — В. В. Глебкин. Пошлость // Культурология. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2007. С. 242–244.

Глебкин 2012 — В. В. Глебкин. Лексическая семантика: культурно-исторический подход. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

Глебкин 2014 — В. В. Глебкин. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014.

Глебкин 2016 — В. В. Глебкин. Структура лексического комплекса *философия* в текстах русской культуры XVIII в. // *Ya evaṃ veda*… Кто так знает… Памяти Владимира Николаевича Романова. М.: РГГУ, 2016. С. 191–210.

Глебкин 2018 — В. В. Глебкин. Категории русской культуры XVIII–XX вв. Скука. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.

Глебкин 2019 — В. В. Глебкин. Генезис и структура лексического комплекса «авантюра» // Русская авантюра: идентичности, проекты, репрезентации. М.: Издательский дом «Дело», 2019. С. 408–424.

Голембовская 2014 — Н. Г. Голембовская. Лингвокультурные антиномии в русских и литовских паремиях. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014.

Живов 2007 — В. М. Живов. Язык и стиль А. П. Сумарокова // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1. С. 7–51.

Зализняк и др. 2012 — Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2012.

Кошелев 2011 — В. А. Кошелев. «Авось, дороги нам исправят…»: о семантике «десятой главы» «Евгения Онегина» // Русская литература. 2011. № 2. С. 107–119.

Красс 2000 — Н. А. Красс. Концепт дерева в лексико-фразеологической семантике русского языка (на материале мифологии, фольклора и поэзии). Дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН, 2000.

Кузнецова 2005 — Л. Э. Кузнецова. Любовь как лингвокультуральный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005.

Мещерский 1999 — Н. А. Мещерский. О слове *шиболет* у Пушкина // Русский язык конца XVIII — начала XIX века. СПб.: Институт лингвистических исследований, 1999. С. 117–120.

Николина 1993 — Н. А. Николина. Семантика и функции слова «авось» в современном русском языке // Многоаспектность синтаксических единиц. М.: МГПУ им. В. И. Ленина, 1993. С. 157–168.

Разлогова 1998 — Е. Э. Разлогова. *Авось* // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. С. 319–325.

Шмелев 2021 — А. Д. Шмелев. Русские авось и небось revisited // Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Исследования по русской и компаративной семантике. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. С. 241–270.

Wierzbicka 1992 — A. Wierzbicka. Semantics, culture, and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations. New York: Oxford University Press, 1992.

Статья получена 02.04.2022

Vladimir V. Glebkin
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
School 1514
(Moscow, Russia)
gleb1514@gmail.com

SEMANTIC TRAJECTORY OF THE WORD *AVOS'* IN THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE OF THE 18TH AND THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURIES

Although various aspects of the semantic structure and use of the discursive word *avos'* and its derivatives have long attracted the attention of linguists, its semantic history and, in particular, the way how *avos'* became a language-specific word that designates basic properties of "the Russian soul", remains largely unclear. The article deals with the early period of this history and scrutinizes the emergence of the first interpretations of the word *avos'*. It demonstrates that Ivan Mikhailovich Dolgorukov's poem *Avos'* played an important role in the semantic transformation of the word, in particular influencing Pushkin's use of it. Basing on a statistical analysis of the Russian National Corpus data, the conclusion is made that "passive" contexts with *avos'*, describing abstention from action in hope that the situation will settle on its own, are much less frequent than "active" contexts, depicting an eagerness to act without calculating the risks, relying on a favorable outcome of events.

Keywords: *avos'*; interpretations; the level of everyday use; Ivan Mikhailovich Dolgorukov; Alexander Pushkin

References

Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniia*. Moscow: Indrik.

Glebkin, V. V. (2007a). Meshchanstvo. In S. Ya. Levit (Ed.), *Kul'turologiia. Entsiklopediia* (Vol. 1, pp. 1312–1314). Moscow: ROSSPEN.

Glebkin, V. V. (2007b). Poshlost'. In S. Ya. Levit (Ed.), *Kul'turologiia. Entsiklopediia* (Vol. 2, pp. 242–244). Moscow: ROSSPEN.

Glebkin, V. V. (2012). *Leksicheskaia semantika: kul'turno-istoricheskii podkhod*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Glebkin, V. V. (2014). *Smena paradigm v lingvisticheskoi semantike: ot izoliatsionizma k sotsiokul'turnym modeliam*. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Glebkin, V. V. (2016). Struktura leksicheskogo kompleksa filosofiia v tekstakh russkoi kul'tury XVIII v. In I. S. Smirnov, & N. Yu. Chalisova (Eds.), *Ya evaṃ veda… Kto tak znaet… Pamiati Vladimira Nikolaevicha Romanova* (pp. 191–210). Moscow: RGGU.

Glebkin, V. V. (2018). *Kategorii russkoi kul'tury XVIII–XX vv. Skuka*. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Glebkin, V. V. (2019). Genezis i struktura leksicheskogo kompleksa «avantiura». In M. S. Nekliudova (Ed.), *Russkaia avantiura: identichnosti, proekty, reprezentatsii* (pp. 408–424). Moscow: Delo.

Golembovskaia, N. G. (2014). *Lingvokul'turnye antinomii v russkikh i litovskikh paremiiakh* (doctoral dissertation). Volgograd State University, Volgograd.

Koshelev, V. A. (2011). «Avos', dorogi nam ispraviat…»: o semantike «desiatoi glavy» «Evgeniia Onegina». *Russkaia literatura, 2*, 107–119.

Krass, N. A. (2000). *Kontsept dereva v leksiko-frazeologicheskoi semantike russkogo iazyka (na materiale mifologii, fol'klora i poezii)* (doctoral dissertation). People's Friendship University of Russia, Moscow.

Kuznetsova, L. E. (2005). Liubov' kak lingvokul'tural'nyi emotsional'nyi kontsept: assotsiativnyi i gendernyi aspekty (doctoral dissertation). Kuban State Technological University, Krasnodar.

Meshcherskii, N. A. (1999). O slove *shibolet* u Pushkina. In Z. M. Petrova (Ed.), *Russkii iazyk kontsa XVIII — nachala XIX veka* (pp. 117–120). St Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovanii.

Nikolina, N. A. (1993). Semantika i funktsii slova «avos'» v sovremennom russkom iazyke. In V. V. Babaitseva (Ed.), *Mnogoaspektnost' sintaksicheskikh edinits* (pp. 157–168). Moscow: MGPU im. V. I. Lenina.

Razlogova, E. E. (1998). *Avos'*. In K. Kiseleva, & D. Paillard (Eds.), *Diskursivnye slova russkogo iazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniia* (pp. 319–325). Moscow: Metatekst.

Shmelev, A. D. (2021). Russkie avos' i nebos' revisited. In Anna A. Zalizniak, & A. D. Shmelev, *Issledovaniia po russkoi i komparativnoi semantike* (pp. 241–270). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, culture, and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations*. New York: Oxford University Press.

Zalizniak, Anna A., Levontina, I. B., & Shmelev, A. D. (2012). *Konstanty i peremennye russkoi iazykovoi kartiny mira*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zhivov, V. M. (2007). Iazyk i stil' A. P. Sumarokova. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii, 1*, 7–51.

Received on April 2, 2022

doi.org/10.31912/rjano-2022.2.7

Е. А. БАЛАШОВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
eblshv@yandex.ru

НА КАКОЙ НОГЕ? РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА-КОНСТРУКЦИИ ТИПА *НА КОРОТКОЙ НОГЕ*, НА ШИРОКУЮ НОГУ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII–XXI ВВ.

Статья посвящена проблеме возникновения в русском языке таких фразеологизмов, как *на короткой ноге*, *на широкую ногу* и подобных им. Анализируется предположение, выдвигавшееся разными исследователями, согласно которому фразеологизм представляет собой кальку с французского выражения *être sur un bon pied* / *sur quel pied*, возникающую в русском языке в XVIII в. Впоследствии фразеологизм получает широкое распространение, что подтверждается обилием корпусных данных, причём компонент — определение для слова *нога* — допускает возможность подстановки различных прилагательных, число которых постепенно сокращается в XX в. Таким образом, динамика изменений позволяет утверждать, что на протяжении XIX в. данный фразеологизм представляет собой конструкцию, которая со временем приобретает черты устойчивой идиомы и закрепляется в виде нескольких вариантов, фиксируемых в словарях современного русского языка.

Ключевые слова: фразеологизм-конструкция, фразеологические заимствования, русский язык XIX в., семантика фразеологизмов.

0. Постановка проблемы

Такие фразеологизмы, как *на дружеской ноге*, *на короткой ноге*, *на широкую ногу* и структурно подобные им, знакомы современному носителю русского языка преимущественно по текстам русской классической литературы. В качестве примера можно привести следующую цитату:

(1) Литераторов часто вижу. С Пушкиным *на дружеской ноге*. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то всё...» Большой оригинал (Н. В. Гоголь. Ревизор).

В корпусе русской литературы обнаруживаются и другие конструкции, формально схожие с указанной выше. Рассмотрим такие примеры[1]:

(2) …все здесь живо, все *на французскую ногу* (Дневник путешествия И. И. Вальберха в Париж (1802));

(3) Он перестал пить, обратился к трезвой жизни, но уже в общество попасть и стать *на первую ногу* не мог (И. М. Долгоруков. Капище моего сердца (1818));

(4) Ну, у того хорошо, скромно, невинно и деликатно; все *на тонкой ноге* (Ф. М. Достоевский. Бедные люди (1846)).

В примерах выше в качестве атрибутивного компонента для лексемы *нога* выступают такие прилагательные, которые сегодня уже не употребляются в подобных сочетаниях[2]. Обилие вариантов позволяет предположить, что в указанных случаях мы наблюдаем не ряд различных фразеологизмов, схожих только формально, но имеем дело с фразеологизмом-конструкцией[3], в структуре которого обнаруживается свободный слот, могущий заполняться различными лексемами.

Стоит, однако, заметить, что с точки зрения современного словарного состава русского языка предпочтительнее говорить о нескольких самостоятельных фразеологизмах, поскольку число лексем, способных функционировать в них в качестве атрибутивного компонента, исчерпывается только двумя вариантами — *дружеский* и *короткий*. Также формальную

---

[1] Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеры взяты из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

[2] Ср. [Баранов, Добровольский 2008: 497]: «Более сложный случай представляет собой ситуация, когда с точки зрения современного языка имеется явное нарушение общепринятой формы идиомы, но точно удалось установить, что для языка соответствующего периода это было нормой. Например, варьирование идиомы быть *на равной/дружеской/короткой ноге* (*быть на деликатной ноге*, *быть на тонкой ноге* и т. п.) вполне типично для разговорного языка рассматриваемого периода (XIX в. — *Е. Б.*)».

[3] Термин вводится в классификации [Баранов, Добровольский 2008: 30]. Существует также богатая научная литература, использующая понятие *фразеосхемы*, предложенное в [Шмелёв 1976: 132], где *фразеосхема* связывается автором с интонацией, модальностью и контекстом употребления [Там же: 137–140]. Заметим, что именно примеры *фразеосхем*, приводимые Д. Н. Шмелёвым, совпадают по длительности с предложениями. В настоящей работе термин *фразеологизм-конструкция* выбран именно потому, что такие употребления, как *на короткой ноге* или *на широкую ногу*, не обнаруживают интонационной и смысловой завершённости, представляя собой адвербиальные фразеологизмы, и в большинстве случаев выступают только в качестве обстоятельства образа действия. Исключение составляют только примеры, в которых указанные фразеологизмы образуют эллиптические предложения, ср.: — Ну и как он живёт в Москве? — *На широкую ногу!*

схожесть обнаруживает и фразеологизм с иным управлением предлога — [*жить*] *на широкую ногу*.

Современные словари [БФС 2006; ФСРЛЯ 2008] включают как минимум две статьи, одна содержит фразеологизм *на короткой/дружеской ноге*, другая — [*жить*] *на широкую ногу*. Впрочем, в более старых словарях, например в словаре М. И. Михельсона [1912], можно обнаружить большее число подобных фразеологизмов, ср. *на короткую ногу* [*стать*]; *на офицерской ноге* [*себя держать*]; *на равной ноге*; *на тонкой ноге*; *на широкую ногу* [*жить*], не все из которых широко употребительны сегодня. Таким образом, закономерно возникает вопрос: если, обращаясь к примерам языка прошлых эпох, мы обнаруживаем множество вариантов фразеологизма, известного современному носителю языка, но отличающихся только одним компонентом, то справедливо ли считать, что этот фразеологизм представляет собой конструкцию или представлял её на каком-то этапе своего существования в языке? Чтобы ответить на поставленный вопрос, требуется проделать предварительную работу, а именно — установить, когда и каким образом фразеологизм возникает в русском языке.

Для этого необходимо проследить историю возникновения фразеологизма в русском языке и проанализировать его структурные особенности. Этому посвящена первая часть настоящей статьи. Во второй части речь пойдёт об особенностях употребления фразеологизма в различные временные периоды. Таким образом, мы рассмотрим, какие именно лексемы авторы использовали в атрибутивной позиции для слова *нога* в диахронической перспективе. Каждый раздел второй части посвящён одному столетию вплоть до XXI в. Последняя часть статьи подводит итоги проведённого исследования.

1. Возникновение фразеологизма в русском языке

Историю интересующего нас фразеологизма целесообразно начать с определения момента, когда фразеологизм возникает в русском языке. Поскольку значительная часть работы по установлению его этимологии была проделана другими исследователями ранее, мы вправе обратиться к уже имеющемуся в нашем распоряжении справочному материалу. Отправной точкой условимся считать «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» [СРФ 1998: 406–407], а также [КЭФ 1979] и [Опыт 1987], использованные авторами при работе над словарём. Ниже перечислим релевантные для нашей проблемы статьи и предлагаемые авторами этимологии:

(1) *На дружеской ноге* [*быть*]
  1.1. Калька с фр. *être sur un bon pied*
  1.2. Калька с фр. *être sur un pied d'intimité avec qn.*; *sur un pied convenable*;

(2) *На приличную ногу*
Аналогично 1.2 с пометой «[*Калька*] *Известна с начала XIX века*»;
(3) *На широкую (большую) ногу (На большой ноге)* [*жить*]
3.1.1. Исконно русский фразеологизм
3.1.2. Калька с фр. (ср. п. 1)
3.2. Калька с нем. *auf einem großen Fuß leben*

Для экономии места можно обобщить указанные этимологии в виде:

Э1. Фразеологизм имеет исконное происхождение;
Э2. Фразеологизм заимствован и представляет собой кальку.

В первую очередь заметно странное сосуществование противоречащих друг другу этимологий для крайне схожих между собой фразеологизмов, особенно это касается п. 3 выше. Действительно, если можно обнаружить параллелизм конструкций русского фразеологизма и соотносимых с ним немецкого и французского, что отмечается самими составителями, то на каком основании предлагается считать его исконным для русского языка?

Э1 строится на тезисе, что в прошлом нога, равно как и другие части тела, служила народной мерой длины [Мокиенко 2005]. Справедливо, что, за неимением лучшего, человек использует собственную антропометрию для измерения объектов окружающего мира. Но можно ли, опираясь только на это, считать предложенную этимологию обоснованной? Приводимые диалектные варианты в книге В. М. Мокиенко, на которую ссылаются составители, среди них и сам автор книги, даны без ссылок на источники. По мнению исследователя, фразеологизм *на широкую ногу* образован по аналогии с фразеологизмом *на широкую руку*. Обратившись к [СРНГ], можно найти примеры, формально схожие с рассматриваемыми нами конструкциями: *на свою руку*, *на такую же руку*, *на тихую руку* [СРНГ 2001: 238–245]. Впрочем, только структурного подобия недостаточно, чтобы обосновать происхождение одной конструкции от другой[4]. Если обратиться к корпусным данным, можно обнаружить такой пример:

(5) Вместо гезель, с немецкого ж товарыщ, пишут езель, что значит осел. Да еще того смешняе, что от финского башмаки назвали курпс, а с польской стати *на дурацкую руку* епанчу — плащем, плащ же на руском значит какая-либо метальная дощечка (В. Н. Татищев. Письмо В. К. Тредиаковскому (1736)).

Иные контексты с этой конструкцией встречаются не ранее 1764 г.[5] Учитывая небольшое количество употреблений, трудно считать данную

[4] Отметим, что этимологии, предполагающие калькирование с иностранного языка, подразумевают наличие общего опорного компонента — слова *нога*, передаваемого буквально.

[5] Приведши себя Шумахер в такие обстоятельства и приготовив *на свою руку* в зяти, в наследники и в преемники тогдашнего асессора ⟨…⟩ Тауберта, опасался

конструкцию продуктивной. И действительно, единственный вариант, вошедший в употребление в конце XVIII в. и употребительный до сих пор, — это *на скорую руку*:

(6) Между тем как Зор полетел в свет набирать разных модных искусников, она новоприбывшему в ад французскому портному велела *на скорую руку* обмундировать семь греческих мудрецов и славнейших в древности женщин, как-то Семирамиду, Клеопатру, Лукрецию и прочих (И. А. Крылов. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами (1789)).

Если же рассматривать именно вариант *на широкую руку*, отмеченный в [Михельсон 1912: 487], то в НКРЯ обнаруживается всего 13 вхождений *на широкую руку*, первое из которых относится к периоду 1850–1860-х гг., последний пример датируется 1914 г. Примеров употребления близкого варианта *на большую руку* всего 4, с 1844 по 1881 г. Характерно, что последний пример — цитата из романа «В лесах» П. И. Мельникова-Печерского, приводимая в словаре М. И. Михельсона для соответствующей статьи:

(7) Угощенье у него бывало *на широкую руку*, мужик был богатый и тороватый, любил народ угостить и любил тем повеличаться (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871–1874)).

Итак, аналогичная конструкция, но с лексемой *рука*, действительно существовала, но использовалась значительно реже. Показателен хотя бы тот факт, что в [СРФ 1998] отсутствует аналогичная статья для конструкции *на широкую руку*. В целом аргументация в пользу исконного происхождения фразеологизма представляется малообоснованной. Заметим, впрочем, что в [СРНГ 1986: 261–262] встречаются такие небезынтересные конструкции, как *жить на легкую ногу*, *на богатую ногу*, *(на) боевую ногу стать*, *на всю ногу*, *на простую ногу*, *на толстую ногу*, *на тонкую ногу*, однако установить, когда указанные варианты вошли в употребление в тех регионах, где они зафиксированы составителями словаря, достаточно проблематично, если вообще возможно. В свете сказанного выше образование *на широкую ногу* по аналогии с *на широкую руку* не исключается полностью, но кажется маловероятным.

двоих в произведении сего предприятия профессоров… (М. В. Ломоносов. Краткая история о поведении академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени (1764)). Следует принять во внимание, что данные по XVIII в. в НКРЯ не всегда оказываются достаточно репрезентативными, тем не менее примечателен и факт отсутствия подобных примеров в течение практически тридцати лет. В НКРЯ встречаются также: *на крестьянскую руку* (И. Лепехин. Дневные записки (1768–1769)); *на сельскую руку* (И. И. Лепехин. Продолженіе Дневныхъ записокъ ⟨…⟩ (1771)); *на легкую руку* (‹О племяннике Фомке› [сказка] (1780–1783)).

Стоит посмотреть на проблему и с другой стороны: контекст не позволяет заключить, что понимается под *широкой* рукой. Если для лексемы *нога* мы можем применить атрибут *широкий*, имея в виду стопу (ср. буквальное употребление *обувь на широкую ногу*), то подобное использование данного прилагательного для лексемы *рука* встречается значительно реже (ср. *он молча протянул мне свою широкую ?руку*): чаще в таких контекстах используется именно слово *ладонь*[6]. Если же придерживаться гипотезы о происхождении фразеологизма от руки как меры длины, то нормальным для русского языка будет скорее сочетание существительного *рука* с прилагательным *длинный*, а не *широкий*, поскольку мы склонны изменять что-либо вытянутой рукой, а не ладонью. В таком случае трудно объяснить именно этой гипотезой и происхождение фразеологизма *на широкую руку*[7].

Итак, если принять Э1 как гипотезу, логика образования фразеологизмов *на широкую*/*большую ногу* и *на короткой ноге* становится интуитивно ясна, поскольку указанные прилагательные соотносимы с физическими объектами, такими, как части тела человека. Но как объяснить в этом случае употребления типа *на французскую ногу*, *на офицерской ноге*, *на дружескую ногу*? В подобных употреблениях лексема *нога* уже явно используется в переносном значении.

Завершая рассуждения об обоснованности гипотезы Э1, напомним, что авторы словаря отмечают распространённость выражения во многих европейских языках. Заметим, что данный фразеологизм также трудно мотивировать особенностями именно русской культуры, чтобы признать его исконным. Таким образом, трудно признать истинным сценарий, согласно которому фразеологизм возникает в русском языке независимо от других европейских языков, и ещё более странным кажется предположение, что фразеологизм мог быть заимствован именно из русского языка в другие европейские языки. По всей видимости, дело обстоит как раз наоборот — фразеологизм был заимствован из западноевропейского языка в русский, а впоследствии получил широкое распространение, что соответствует гипотезе Э2.

Гипотеза Э2, в свою очередь, различными путями отсылает читателя к истории о Генрихе II[8], на основании которой происхождение выражения

---

[6] Впрочем, НКРЯ обнаруживает и такие употребления: То, покоя спину на отвале кресел, он закрыл глаза и, положив *широкую*, мохнатую *руку* на голову Андрюши, тихонько, нежно перебирает мягкой лен его волос (И. И. Лажечников. Басурман (1838)).

[7] На наш взгляд, здесь имеет место метонимический перенос, ср. фразеологизм *широкий жест.* Ср. также: Но в этом он должен винить исключительно самого себя, потому что с самого начала стал действовать уже слишком неосторожно, чересчур *на широкую руку* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге (1872)).

[8] История встречается также в «Словаре французских поговорок» де Ля Мезанжера, представляющем интерес в большей степени как источник, где для статьи

объясняет Э. А. Вартаньян [1963: 171–172]. В. М. Мокиенко, признавая анекдотический характер этой истории[9], тем не менее ссылается на неё в словаре. Также приводится ссылка на «Литературную газету» 1841 г. (ср. [Вартаньян 1963]): номер нам найти не удалось, однако, согласно НКРЯ, выражение встречалось и ранее[10], ср.:

(8) Семейство было средней руки, жило *не на большую ногу* (А. Ф. Вельтман. Эротида (1835)).

Итак, Э2 представляется более основательной гипотезой, нежели Э1, особенно если учесть наличие подобных конструкций в иных языках. Перечислим варианты, имеющиеся в различных европейских языках со схожей внутренней формой: нем. *auf* Adj$_{(Dat,\ Akk)}$ *Fuß* [Duden 1992], англ. *on a(n)* Adj *footing*, исп. *en pie de* N, пол. *na* Adj *stopa*$_{(Loc,\ Acc)}$ (Adj) [БРПС 1993], фр. *sur un pied* Adj./*sur un pied du*/*de la* N [DELR 1991], нид. *op voet van* Adj., *op* (Adj) *voet* [БРНС 1997], укр. *на* Adj *стопа*$_{(Loc,\ Acc)}$/*нога*$_{(Loc,\ Acc)}$[11], бел. *на* Adj *нага*$_{(Loc,\ Acc)}$ [СФБМ 2008]. Перечень может быть продолжен.

Подобные конструкции используются в качестве адвербиальных в значении, синонимичном сегодняшним *на X-овый манер*, *по X-овому* и подобным. Обращает внимание, что в ряде случаев в сочетании используется слово, имеющее значение ‘стопа’. Согласно нашему предположению, в одном из перечисленных вариантов лексема, имеющая значение ‘стопа’,

---

Être sur un grand pied dans le monde даётся толкование ‘*jouer un grand rôle*’ и приводится исторический анекдот, объясняющий его происхождение. По мнению автора, выражение связано с обувью, вошедшей в моду в XIII в., когда герцог Анжуйский решил носить обувь с длинными носами, чтобы скрыть некий физический дефект на большом пальце ноги [La Mésangère 1821: 313–314].

[9] «Учитывая широкое и древнее распространение в русском языке выражений *на широкую (барскую, щегольскую) ногу* и их перекличку с оборотами *на широкую (купеческую, щегольскую) руку*, версию об английском происхождении нашей поговорки следует признать не только неверной, но просто анекдотической» [Мокиенко 2005: 115]. Однако Э. А. Вартаньян в своей книге [Вартаньян 1963: 171–172] и не настаивает на этой версии, а только приводит её как исторический анекдот в популярном издании для школьников. Также стоит заметить, что практически все источники, приводимые в данном словаре для указанных выражений, представляют собой просветительские статьи в непрофильных изданиях, таких как «Рабоче-крестьянский корреспондент» и подобных.

[10] Формулировка в [СРФ] (заимствованная из всё той же книги Э. А. Вартаньяна) неоднозначна: «В России стало *широкоупотребительным* (курсив наш. — *Е. Б.*) после того, как “Литературная газета” поместила в 1841 году заметку о его происхождении» [СРФ 1998: 407]. Иными словами, теоретически выражение могло употребляться и ранее. Суть заметки, впрочем, не раскрывается. Предположительно, она содержала всё тот же исторический анекдот о Генрихе II.

[11] Русско-украинские словари обнаруживают оба варианта, ср. [РУСЛВ 2000: 553–554; РУФТС 1991: 93].

должна иметь ещё одно значение, появившееся в результате расширения семантики и представляемое метафорически как ‘опора, основание’. Подобное обнаруживается только во французском варианте: *sur un pied X* / *sur un pied du (de la) X.*

Если наше рассуждение верно, то остальные варианты должны представлять собой кальки с указанной конструкции. То, что это именно кальки, а не самостоятельные образования, подтверждается тем, что в каждом из указанных языков при калькировании *pied* передаётся лексемой со значением ‘стопа’[12] при наличии в принимающем языке самостоятельной лексемы со значением ‘основание’. Ср. нем. *Grund*, англ. *ground*, нид. *grond*, пол. *podstawa*, рус. *основание*, укр. *підстава*, *заснування*, бел. *заснаванне*, *падстава*. Исключение из перечисленного закономерно составляет только испанский, также относящийся к романским языкам.

Следует отметить, что в тех языках, где имеется грамматическая категория падежа, например в польском и немецком, могут возникать различные варианты в зависимости от управляющего глагола. Это справедливо и для русского языка.

Рассмотрим возникновение указанных конструкций в некоторых западноевропейских языках. По нашим наблюдениям, наиболее ранние употребления в английском и немецком датируются 1749 г.[13], в испанском — 1765 г.[14] Для французского языка известный и авторитетный «Словарь выражений и словосочетаний Робер» [DELR 1991] относит появление конструкции к XVII в. И действительно, в словаре Э. Литтре[15], где для

---

[12] Путаница для носителей русского может возникнуть именно из-за того, что в русском языке *нога* объединяет в себе значения французских *pied* и *jambe*, английских *leg* и *foot* и т. д. (см. также [Долгопольский 1962]).

[13] Access to the young lady was by no means difficult; for as she *lived* now *on a perfect friendly footing* with her aunt, she was at full liberty to receive what visitants she pleased (H. Fielding. The History of Tom Jones, a Foundling (1749)).

Alle diese alten und neuerworbenen Länder *sind* nunmehr *auf einerley militairischen Fuß gesetzt*, und (Lothringen noch zur Zeit ausgenommen) in folgende 36. Gouvernemynts eingetheilet worden (G. Achenwall. Abriß der neuesten Staatswissenschaft der vornehmsten Europäischen Reiche und Republicken. Göttingen (1749)).

[14] Un furioso uracan, que se experimentó el 4. de este mes en Bolbec, derribó la mayor parte de las chimeneas y paredes maestras que quedaron *en pie de resultas* del último incendio acaecido en aquel Pueblo el 14. de Julio proxîino pasado (Gaceta de Madrid, de Octubre de 1765).

[15] Обращает внимание, что в толкованиях, приводимых Э. Литтре для *sur le pied de X* и *sur un bon pied*, компоненту *pied* соответствуют такие лексемы, как *caractère*, *raison*, *proportion*, *position*. Если рассмотреть это сочетание с точки зрения идиоматичности, как она сформулирована в [Мельчук 1960], то приводимые в толковании лексемы представляют собой как бы «единичные переводы» для компонента *pied*. Интересно, что в данном случае калька на русский язык представляет собой «плохой перевод», ср.: «Когда мы переводим сочетание исп. *la boca del*

конструкции *sur le pied de X* приводятся примеры, в частности, из «Тартюфа» Мольера (1664) и «Бакалавра Саламанского» Лесажа (1736)[16]. Также выражение фиксируется в словарях Французской академии уже в конце XVII в.[17] Возможно, что во французском языке конструкция появляется и раньше, но для целей данной работы нам достаточно найти подтверждение гипотезе о языке-источнике. Отметим также, что фразеологизм считает калькой с фр. *sur quel pied* и М. Смит [Smith 2006], чей словарь посвящён фразеологическим и семантическим калькам с французского в русском литературном языке XVIII в. К *mettre sur quelque pied* возводят составители [СРЯ XVIII 2005: 174] такие конструкции, как *на какой ногѣ*; *на какую ногу стать, поставить*. Кроме того, фразеологизм входит и в «Полной французской и россійской лексиконъ»[18] [Лексикон 1786: 268], где фиксируется *être sur un bon pied* ‘быть в хорошем состоянии’.

В русском языке конструкция возникает, вероятно, не ранее 1769 г.:

(9) По-сему, ежели мне здесь быть *на оборонительной ноге* и не упоминая о Казимире, Хелма не занимать, то с меня войска довольно, но буде занимать Хелм, то надобно еще мушкетерская рота, маловато будет драгун, особливо казаков, то по нужде заменят егери, я могу их человек 12 с Коцка снять и надобно уже в Хелм пушечка (Рапорт А. В. Суворова И. И. Веймарну о подготовке к военным действиям с конфедератами (1769 г. Сентября 26[19])).

В указанном примере глагол управляет предложным падежом, но встречаются и контексты, где глагол употреблён с существительным в винительном падеже:

---

perro при помощи словаря, где *boca* = «рот», то это сочетание неидиоматично при условии допустимости перевода “рот собаки” и идиоматично, если этот перевод нас не удовлетворяет (надо: “пасть собаки”)» [Там же: 75]. Таким образом, калька *на X-овой ноге*, как показывает история выражения в русском языке, оказывается вполне удовлетворительным и даже продуктивным вариантом.

[16] Оба текста переводились на русский язык в XVIII в.: первый перевод «Тартюфа», выполненный И. И. Кропотовым, появился в 1757 г.; «Бакалавра Саламанского» впервые перевёл А. А. Нартов в 1763 г. Эквивалента конструкции, отмеченной в словаре Э. Литтре, переводчики не дают.

[17] Ср. [GDAF 1696: 143], где фиксируется переносное употребление *sur le pied*, например *être sur le bon pied.*

[18] Ср. также [Лексикон 1798: 326], составленный И. Татищевым: *«sur quel pied sommes-nous ensemble? На чемъ мы условились между собою? на чемъ мы постановили?»* Характерно, что из всех словарей XVIII в., перечисленных в [Вомперский 1986], фразеологизм обнаруживается только в русско-французском.

[19] В некоторых примерах из XVIII в. намеренно оставлены число и месяц для точного датирования.

(10) Приведение войск Малороссийских *на лутчую и строевую ногу* немало послужит к устрашению недобромыслящих (Г. А. Потемкин — Екатерине II (Февраль–март 1783[20])).

Резюмируя настоящую часть, мы будем считать фразеологизмы *на широкую ногу*, *на короткой ноге* и т. п. вариантами кальки с французского языка, получившей в русском языке следующий вид: V + *на* + Adj + *нога*$_{(Loc,\ Acc)}$. Для простоты записи в дальнейшем будут употребляться следующие варианты: *на X-овой ноге* и *на X-овую ногу.*

2. Функционирование конструкции в текстах различных эпох и особенности развития её употребления

Если в современном русском языке фразеологизм-конструкция *на X-овой ноге* / *на X-овую ногу* используется только в нескольких устоявшихся формах, а в предыдущие периоды употреблялся значительно чаще в самых различных вариантах, как мы намереваемся показать далее, то в других европейских языках такого разнообразия вариантов не обнаруживается. В связи с этим важно рассмотреть конструкцию в исторической перспективе, чтобы проследить, как и когда одни лексемы укрепились в качестве постоянных компонентов, актуальных для современного русского языка. Кроме того, представляет интерес самый выбор лексем для заполнения свободного слота в конструкции, который делали носители языка в различные периоды времени.

2.1. Принципы отбора и анализа материала

В качестве источника использовался преимущественно Национальный корпус русского языка, большинство текстов XVIII в. взяты из открытой библиотеки lib.ru[21]. К текстам XIX в. были добавлены отсутствующие в НКРЯ тексты Ф. М. Достоевского[22]. Для XX и XXI вв. использовались только данные НКРЯ. Заметим, что мы не претендуем на статистическую полноту, т. к. количество текстов, на материале которых проводится анализ, может быть увеличено. Тем не менее объём уже собранного материала

[20] Стоит обратить внимание, что первый и второй примеры разделяют тринадцать с половиной лет. Если предположить, что фразеологизм действительно заимствовался из языка с развитой падежной системой (такого, как немецкий), в русском языке калька с большей вероятностью возникла бы сразу в двух падежах. Впрочем, и это соображение мы можем выдвинуть только в качестве попутного замечания или косвенного аргумента.

[21] Такое дополнение обусловлено явным недостатком необходимых данных по XVIII в. в НКРЯ.

[22] Это мотивировано личными исследовательскими интересами автора. При подсчётах мы решили учитывать и эти примеры, изначально отсутствующие в корпусе.

позволяет судить о функционировании конструкции на протяжении нескольких временных периодов.

При проведении подсчётов мы руководствовались следующими принципами.

1. За условную единицу считается употребление конструкции в контексте.
2. Все употребления, выделенные на определённом временном промежутке, ранжируются по количеству.
3. Если в конструкции встречаются частицы *не*, *-то*, *же* и т. д., все подобные случаи попадают в одну и ту же графу.
4. Если в конструкции встречаются наречия, характеризующие определение лексемы *нога* (например, *на слишком широкую ногу*), они также добавляются к имеющимся, а не выносятся в отдельную графу.
5. Случаи употребления с однородными членами (*на роскошной (и) европейской ноге*) считаются за одно употребление[23].
6. Некоторые варианты встречаются только один раз или только у одного автора. Их мы будем называть далее *индивидуальными употреблениями* (*ИУ*)[24]. О них стоит сказать подробнее.
   6.1. ИУ подсчитываются для каждого века отдельно. Так, если вариант встречается единожды в рамках одного века, то употребление индивидуально, однако если такой же вариант будет встречаться в следующем столетии, он считаться индивидуальным уже не будет[25].

---

[23] Ср. также *на равном поведении* и *ноге*, где *равный* оказывается несогласованным определением для существительного *нога*: *на равном поведении* + *на равной ноге* (тривиальный случай). Случаи типа *на широкую*, *барскую ногу* считаются за одно употребление (мы относим это в категорию *на широкую ногу* с пометой + *1 барскую*, поскольку вариант *на широкую ногу* встречается в разы чаще, чем *на барскую ногу*, следовательно, такое решение в меньшей степени исказит статистику).

[24] Предложенное название условно. В задачах исследования не ставилось цели продемонстрировать оригинальность языка того или иного автора. Подсчёт таких употреблений необходим в первую очередь для обоснования и подтверждения тезиса о фразеологизме-конструкции *на X-овой ноге*/*на X-овую ногу*, выдвинутом в вводной части статьи.

[25] Необходимо иметь в виду и неизбежные недостатки такой методологии. Например, деление по векам само по себе довольно условно, т. к. язык 1902 г. мало чем, в сущности, отличается от языка 1899 г. Кроме того, вынужденно исключаются из ИУ такие случаи, когда два автора (или более) употребили один и тот же вариант в пределах одного века, причём один из авторов сделал это явно раньше. Предположительно, подобных случаев немного, но они неизбежно обнаружатся. Следует учитывать и ограничения корпуса, могущие создать впечатление «индивидуальности» некоторых употреблений. Так или иначе, едва ли возможно получить абсолютно точные результаты по употреблениям каждого отдельно взятого варианта. Но этого и не требуется, поскольку наша задача — показать возможности использования конструкции и собрать примеры заполнения свободного слота в ней. Таким образом, мы допускаем незначительную погрешность в расчётах, для минимизации которой и вводим правила, перечисленные в 6.1–6.4.

6.2. С учётом перечисленного выше для XVIII в. большинство употреблений оказываются *индивидуальными*, поскольку встречаются один и только один раз, например *на военной ноге*. В то же время очевидно, что такое употребление само по себе нельзя признать *индивидуальным*, поскольку конструкция на этом временном отрезке ещё представляется новой для языка. Поэтому для XVIII в. все употребления, встретившиеся один и только один раз (или более, но только у одного и того же автора), соотносятся с данными следующих временных периодов. Если указанный вариант больше нигде не встречается, он считается за ИУ.

6.3. Для XIX в. и далее при соблюдении указанных условий (одно употребление или один автор) употребление соотносится с данными по прошлым векам.

6.4. При наличии однородных членов ИУ считается такой, где в качестве хотя бы одного из однородных членов, служащих определением для слова *нога*, выступает лексема, не встречавшаяся в процессе отбора материала ранее.

2.2. Конструкция в XVIII в.: возникновение и функционирование

Для XVIII в. обнаруживается 30 употреблений, 3 из которых встречаются в переводных текстах: 2 в переводах с немецкого, 1 — с французского. 10 употреблений мы можем назвать *индивидуальными*.

Рассмотрим наиболее оригинальные случаи. Есть только два контекста, где конструкция употребляется с родительным падежом, оба принадлежат А. В. Суворову:

(11) Китаев окончит дело с пленными до Бялы, прикажите весьма очуждившуюся Пулавскую пехоту экзерцировать *на ноге моего известного Суздальского учреждения*; драгун же паче эволюциям и маневрам, пехотою по кавалерийскому, да и на конях; тоже не забывайте и ваших кирасир (Письмо А. В. Суворова ротмистру И. Вагнеру об обучении войск (1771 г. февраля 25));

(12) Различные сии наши деташементные командиры по переменам обстоятельств, не имея истинных пределов, сущие действительно *на ноге партизанов*, но нерадивее оных, не так как например Плец, земли нигде не сохранят… (Записка А. В. Суворова И. И. Веймарну с замечаниями о недостатках в действиях против конфедератов (1771)).

Строго говоря, не до конца понятно, как толковать эти примеры. «Переводя» первый текст на современный русский язык, мы, вероятно, сказали бы *на базе учреждения*. Тем не менее сема ‘основание’, характерная для французского *pied*, прослеживается и здесь.

Второй пример интерпретировать ещё труднее, поскольку здесь *на партизанской ноге* можно понимать ‘как у партизан’ (ср. *на партизанский*

манер, *по-партизански*) или же ‘на партизанском положении’. Во втором случае этот пример — буквальная калька с французской конструкции.

Интересны и такие случаи словесной игры, где *нога* совмещает в себе как значение основания, так и буквальное значение:

(13) Шуваловы сначала не знали, *на какой ноге плясать*. Они держали совет и прибегли к придворным хитростям и интригам (Екатерина II. Собственноручные записки императрицы Екатерины II (1796 или 1797)).

В сущности, потенциал для подобных каламбуров был осознан носителями языка достаточно скоро и впоследствии неоднократно реализовывался в различных текстах.

В остальном же для XIII в. характерны такие употребления, где лексема *нога* имеет значение ‘положение, основание’[26]: *на старой ноге*, *на ногу Турецкую*, *на военную ногу*, *на этой ноге*, *на такой ноге* и т. д. Ср.:

(14) Бог знает, где граф будет жить и *на какой ноге* (Д. И. Фонвизин. Письма[27] родным (1763–1774)).

В собранных нами материалах русского языка XVIII в. чаще встречается предложный падеж, чем винительный, — 24 против 6.

XVIII в. не даёт такого количества материала, как последующие периоды, тем более что в данном случае рассматривается не целое столетие, а лишь его треть. Таким образом, основываясь на этом небольшом промежутке времени, когда конструкция только появляется в языке, можно с осторожностью выдвинуть предположение, что она изначально была характерна для достаточно формального языка[28], но уже в скором времени начинает употребляться и в стилистически иных текстах, таких как частная переписка, художественная литература.

2.3. Конструкция в XIX в.: распространение и динамика использования

XIX в. представляет собой самый репрезентативный период функционирования конструкции: она становится полноправной частью языка и получает наиболее широкое распространение.

Всего в рамках XIX в. обнаруживается 392 примера употреблений, 86 из которых (21,9 %) составляют ИУ. Столь большой удельный вес ИУ по-

---

[26] Иными словами, во всех подобных случаях мы можем легко перефразировать указанную конструкцию таким образом, чтобы извлечь этот компонент без потери смысла: *по-старому*, *по-турецки*, *по-военному*. Ср. контекстуальные синонимы: Дело в том, что Ненский вдруг решился жениться, то есть что ему надоело маяться *по-холостому* и *на холостой ноге*… (Е. П. Ростопчина. Счастливая женщина (1851)).

[27] Данный пример взят из письма 1775 г.

[28] Разумеется, для точных выводов требуется более репрезентативный объём материала.

зволяет подтвердить сформулированное ранее предположение, что мы имеем дело с конструкцией, а не фиксированным фразеологизмом. Тем не менее стоит рассмотреть, каким образом из всего этого многообразия формируются варианты, сохранившиеся в речи современных носителей русского языка.

Анализируя имеющиеся данные, легко заметить, что частотность употребления конструкции неравномерна: на первую половину века приходится только 70 употреблений, в то время как на каждое последующее десятилетие обнаруживается не менее 50 употреблений. Таким образом, целесообразно будет поделить этот временной промежуток на несколько частей (см. приложение): первый охватывает с 1801 по 1851 г., каждый последующий охватывает по 10 лет соответственно.

В качестве демонстрации возьмём пять самых распространённых вариантов конструкции для XIX в:

(1) *на широкую ногу* — 53 (13,7 %)
(2) *на равной ноге* — 33 (8,9 %)
(3) *на дружеской ноге* — 20 (5,1 %)
(4) *на военную ногу* — 19 (4,5 %)
(5) *на большую ногу* — 15 (3,5 %)

Обращает внимание, что почти все эти варианты (за исключением *на военную ногу*) отражены в современных фразеологических словарях. Результат сопоставления по временным периодам отражён в Таблице 1:

Таблица 1

Фрагмент распространения конструкции по данным XIX в.

	1800–1851 (76 контекстов)	**1851–1860** (44 контекста)	**1861–1870** (50 контекстов)	**1871–1880** (70 контекстов)	**1881–1890** (50 контекстов)	**1891–1900** (99 контекстов)
На широкую ногу	0 (0 %)	1 (2,2 %)	3 (6 %)	12 (17,1 %)	8 (16 %)	30 (30,3 %)
На равной ноге	2 (2,8 %)	0 (0 %)	9 (18 %)	10 (14,2 %)	5 (10 %)	9 (9 %)
На дружеской ноге	5 (7,2 %)	4 (9 %)	1 (2 %)	4 (5,7 %)	3 (6 %)	2 (2 %)
На военную ногу	4 (5,7 %)	3 (6,8 %)	3 (6 %)	1 (1,4 %)	0 (0 %)	7 (7 %)
На большую ногу	4 (5,7 %)	3 (6,8 %)	2 (4 %)	1 (1,4 %)	2 (4 %)	3 (3 %)

Легко заметить, что вариант *на широкую ногу* стабильно распространяется в языке. Тем не менее для каждого периода обнаруживается значи-

тельный разброс в вариантах компонента, служащего определением для лексемы *нога*.

Однако потенциальная возможность подставить на место определения в этой конструкции любое прилагательное вовсе не говорит о том, что все подобные варианты воспринимались как регулярные. Показателен пример из «Братьев Карамазовых», рассмотренный в [Баранов, Добровольский 2008: 499], где Алёша допускает оговорку, вызвавшую смех собеседницы:

(15) — Его, главное, надо теперь убедить в том, что он со всеми нами на равной ноге, несмотря на то, что он у нас деньги берет, — продолжал в своем упоении Алеша, — и не только на равной, но даже *на высшей*[29] *ноге...* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)).

Таким образом, на материале XIX в. можно проследить, как фразеологизм-конструкция постепенно начинает приобретать свойство устойчивости и утрачивает возможность образования различных вариантов: в XX в. подобного разнообразия уже не обнаруживается, более того — все нерегулярные определения используются часто как творческий способ переосмысления фразеологизма, его обыгрывания.

Необходимо также сказать несколько слов о сочетаемости конструкции V + *на* + Adj + *нога*$_{(\mathrm{Loc,\ Acc})}$[30]. Легко видеть, что разные фразеологизмы, образованные на основе этого паттерна, допускают сочетания с различными глаголами. Например, нормальны употребления *жить на широкую ногу*, *быть на дружеской ноге* и невозможны **жить на широкой ноге*, **быть на дружескую ногу*. Причём если глагол *быть* с винительным падежом не сочетается вообще, за исключением фиксированных конструкций, то для глагола *жить* подобные сочетания с локативом в принципе нормальны: *жить на широкой улице* / *в просторной квартире* / *на четвёртом этаже*.

В современном русском языке сочетаемость этих конструкций, содержащих *нога*$_{\mathrm{Loc}}$ или *нога*$_{\mathrm{Acc}}$, с глаголами в целом ограничена, а инвентарь прилагательных, заполняющих свободный слот, можно представить в виде короткого списка. В языке XIX в. ситуация представляется более разнообразной, тем не менее возможно обнаружить сочетаемостную тенденцию.

---

[29] Учитывая то, что *нога* функционирует как эквивалент фр. *pied* ‘основание’, то подобное употребление действительно представляется нехарактерным. Ср. невозможность образования наречий типа *по-X-овому* от прилагательных в абсолютной степени: *по-хорошему* / **по-лучшему*, *по-новому* / **по-новейшему*.

[30] Более полное рассмотрение сочетаемости конструкции в терминах малого синтаксиса или грамматики конструкций представляется нам избыточным в рамках настоящей статьи, поскольку в современном русском языке уже не существует конструкции со свободным слотом на прилагательное как таковой, а сочетаемость тех устоявшиеся вариантов, которые зафиксированы в словарях, описана в соответствующих словарных статьях. Нестандартных случаев сочетаемости (т. е. тех, что не отмечены словарями) по данным XXI в. нам обнаружить не удалось.

Так, для *на* + Adj + *нога*$_{Acc}$ более часты сочетания с глаголами совершенного вида (нами зафиксировано 169 случаев на 262 примера), из них большинство приходится на глаголы корня *-ст(а)-*: *стать*[31], *поставить* и производные от них причастия и деепричастия — суммарно 91 сочетание. С глаголами несовершенного вида конструкция сочетается значительно реже — отмечено 77 сочетаний[32], из которых 28 — сочетания с глаголом *жить*[33]. С рядом оговорок можно сказать, что конструкция с *нога*$_{Acc}$ имела тенденцию к сочетанию с глаголами, обозначающими действие или воздействие на какой-то объект, за исключением *жить*, часто употребляемого в значении, близком к деятельности, ‘вести быт’, а не существования, ср.:

(16) Славнобубенский откупщик жил *на широкую ногу*. Кабинет его, как и весь дом, носил яркую печать аляповатой, но спесивой роскоши (В. В. Крестовский. Панургово стадо. Ч. 1–2 (1869)).

Иначе используется конструкция *на* + Adj + *нога*$_{Loc}$, хорошо сочетающаяся с глаголами, описывающими состояние или поведение, такими как *держаться*, *быть*, *обращаться* и подобными. Подобные сочетания характерны и для бытования конструкции в современном русском языке. Существуют и периферийные случаи сочетаемости с глаголами действия, которые сегодня уже не встречаются:

(17) Приходил довольно часто и уже совсем *на дружеской ноге* (А. О. Смирнова-Россет. Из «Воспоминаний о Гоголе» (1877));

(18) …мещанский паспорт ⟨…⟩ отнимал у нее всякую возможность вступать в него (общество. — *Е. Б.*) *на равной ноге*, хотя бы даже компаньонкой, как сулила ей баронесса (Н. Э. Гейнце. В тине адвокатуры (1893)).

---

[31] В значении ‘принять положение’. По-видимому, в XIX в. ещё осознавалась логическая связь между существительным *нога* и указанными глаголами. Ср. Ей непременно нужно было «*стать на ногу*», а *стоять на своей ноге*, по ее соображениям, можно было, только начав сепаратные отношения с мужем. (Н. С. Лесков. Некуда (1864)).

[32] Заметим, что из указанных 262 примеров употребления конструкции в 10 случаях глагол пропущен и на место пропуска мы можем предложить как глагол совершенного, так и несовершенного вида, поэтому данные случаи мы исключаем из подсчётов. Также исключаются 6 случаев, когда конструкция сочетается с существительными, ср. дома, предназначенного ⟨…⟩ для широкого *житья на большую ногу* одного только аристократического семейства (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 4 (1864)).

[33] Заметим, что к концу XIX в. число подобных примеров возрастает. Кроме того, встречаются и сочетания с инхоативным глаголом *зажить*. Таким образом, можно отследить на имеющемся материале, когда конструкция приобретает устойчивость и оформляется в полноценный фразеологизм.

Пожалуй, самая заметная особенность употребления конструкции с *нога*$_{\text{Loc}}$ заключается в возможности сочетаться с глаголами воздействия на неодушевлённый объект, например:

(19) …наши волости совсем не такого рода и *не на такой ноге управляются*[34], чтоб можно было льститься нажить от них какие-либо прибытки, и не только большие, но и самые малые и ничего незначащие (А. Т. Болотов. Жизнь и приключения, т. 3 (1811)).

Также конструкция может сочетаться с глаголом, относящимся только к одному одушевлённому существительному, характеризуя его состояние, а не взаимоотношение с кем-либо:

(20) Дело в том, что Ненский вдруг решился жениться, то есть что ему надоело маяться по-холостому и *на холостой ноге*…[35] (Е. П. Ростопчина. Счастливая женщина (1851)).

Такова в общих чертах сочетаемость конструкции в русском языке XIX в.

2.4. Конструкция в XX в.: выход из активного употребления и сокращение возможных вариантов употребления

В отличие от предыдущего столетия, XX в. целесообразнее делить на три временных периода: дореволюционный, советский и постсоветский, поскольку политические изменения в истории страны частично отражаются и на языке, причём в первую очередь это касается лексики, фразеологии и стилистики речи. Появляется всё больше текстов, созданных людьми, принадлежащими к разным классам, обладающими различным культурным багажом, образованием и мировоззрением. Предположительно, с этим связана и непрозрачность конструкции как для русскоговорящих XX в., так и для современных носителей языка. Непрозрачность и кажущаяся немотивированность внутренней формы проявляется со временем, когда для среднестатистического носителя языка смысл слова или выражения становится неочевидным и для прояснения его требуется обращение к справочным материалам.

До 1917 г. значительных изменений в использовании конструкции не обнаруживается, практически все авторы употребляют уже привычные формы, встречающиеся в русской классической литературе. Впрочем, любопытный пример можно найти у Тэффи:

---

[34] Интересно здесь и авторское примечание к выделенной конструкции — *В смысле «не такие порядки»* — по двум причинам. Во-первых, автор осознаёт, что во время написания текста выражение всё ещё может оставаться непонятным читателям-современникам; во-вторых, это единственный случай авторского толкования, который мы обнаружили среди собранного материала.

[35] Обращает внимание сосуществование двух однородных членов, служащих контекстуальными синонимами.

(21) То есть заняться серьезной дератизацией *на научной ноге* (Н. А. Тэффи. «Де» (1911)).

Это высказывание принадлежит «гимназисту без будущего» Щупаку, вся речь которого представляет собой затяжной и выспренний монолог, обращённый к гостям героя, не проявляющим, впрочем, большого интереса к предмету его речи. Таким образом, эпитет *научный* Тэффи выбирает намеренно, чтобы передать вычурность речи героя, его манеры выражаться.

В более поздних примерах подобной стилизации уже не обнаруживается. В советский период творческий потенциал конструкции реализуется значительно реже, преимущественно в публицистике. Ср. такие окказиональные образования: *на вейсманистско-морганистскую ногу*, *на полупромышленную ногу* и т. д.

В целом использование конструкции в XX в. допускает всё меньше нерегулярных употреблений. В то же время конструкция периодически берётся в кавычки. В текстах XIX в. мы обнаруживаем только один подобный пример:

(22) Для этого («и только для этого!», — как уверял он) все его хозяйство было поставлено *на «либеральную» ногу*. Сохи и допотопные сабаны заменились рансомовскими плугами; ручной разброс семян уступил место механическому; неуклюжая молотилка, воздвигнутая крепостным изобретателем Федулаем, отстранилась в пользу паровой машины Маршаля… И так во всем (А. И. Эртель. Записки Степняка (1883)).

Значительно чаще (14 раз на 342 контекста) кавычки употребляются в XX в., здесь они обрамляют либо эпитет для лексемы *нога*, либо всю конструкцию целиком (за исключением управляющего глагола). Ср. два примера ИУ из текстов XX в.: *«на особой ноге»*; *на «неуправляемую» ногу.*

Подобные случаи можно интерпретировать двояко: или конструкция воспринимается пишущим скорее как устоявшееся образование, неохотно принимающее в свой состав нерегулярные компоненты, или конструкция считывается им как элемент стиля другой, прошедшей эпохи.

Иными словами, авторы ставят кавычки, как бы дистанцируясь от стилистики, в которой подобная лексика, согласно их интуиции, выглядела бы аутентично и уместно[36]. Возможно, это стоит рассматривать как аргумент

[36] В связи с этим стоит процитировать наблюдение Б. А. Успенского, касающееся употребления кавычек: «Кавычки — это элемент письменного текста; в устной речи тот же смысл может быть передан вводными словами и фразами, такими как *так сказать* или *так называемый*, а также *как бы* и т. п. Взять слово в кавычки в письменном тексте равносильно тому, чтобы вставить перед ним слова *так сказать* в тексте устном» [Успенский 2007: 181]. Ср.: Словом, обнищание простого народа поставлено, *как говорится*, на широкую ногу (В. Балачан. Взгляд удава // «Советская Россия», 2003.05.15); Держалась Анна Андреевна со всеми очень просто и дружественно, *что называется*, на равной ноге… (А. Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь (2003)). И далее: «Итак, лингвистическая функция кавычек в

в пользу того, что на *Х-овой ноге* и *на Х-овую ногу* становятся клишированными, но стилистически вычурными конструкциями для современного носителя языка. Кроме того, выбор прилагательных, сочетающихся в этой конструкции со словом *нога* в текстах XX в., вполне тривиален с точки зрения языка XIX в.[37], но современникам представляется уже достаточно необычным, причём эта тенденция усиливается к XXI в.

Всего для XX в. фиксируется только 19 ИУ, на которые приходится 5,5 % от общего числа употреблений, что значительно меньше по сравнению с предыдущим периодом.

2.5. Конструкция в XXI в.: стилистический шаблон

Мы начали статью с известной цитаты из «Ревизора» не случайно. Действительно, можно сказать, что многие примеры для XXI в. скорее отсылают читателя к этой цитате, нежели используют конструкцию как самостоятельную словарную единицу. Ср. следующие примеры:

(23) Этакий хлестаковский стиль: «Ну что, брат Пушкин?». *На равной ноге*. Форма комическая, а по сути он выражал свою надежду на то, что я захочу с ним встретиться. Все набивался на разговор (Л. Зорин. Юпитер (2001) // «Знамя», 2002);

(24) И что же — наш знаменитый кинодеятель, который с Борисом Николаевичем всегда был «*на дружеской ноге*», сегодня заявляет, что Беловежская Пуща — преступление (Ж. Алферов. Мы должны винить сами себя (2001));

интересующем нас аспекте заключается прежде всего в указании того, что взятое в кавычки слово используется в каком-то другом (метафорическом) значении, нежели буквальное или общепринятое, причем остается неизвестным, в каком именно значении. ⟨…⟩ Ситуация при этом становится аналогичной такой, когда мы слышим фразу, принадлежащую какому-то условному коду, причем сам код нам неизвестен, но мы знаем, что он состоит в том, что значения одних слов языка условно подменяются значениями других...» [Там же, 183]. Ср., также, пример с конструкцией *на высшей ноге* из «Братьев Карамазовых», упоминавшийся ранее. Только употребление кавычек нельзя считать достаточным аргументом в пользу «остранения» идиомы. Теоретически автор может брать в кавычки любые лексемы, отсутствующие в его идиолекте (см. пример 24), в том числе идиомы. Таким образом, логика постановки кавычек в целом требует более серьёзного анализа, но на данном этапе представляется важным отметить сам факт их использования.

[37] Разве что слово *товарищеский* сигнализирует о временнóй принадлежности этих конструкций, хотя и в XIX в. такой пример есть: По словам студента Донаиани, знавшего ее с 1868 по 1870 год, занималась женским вопросом, мечтала о докторстве и о путешествиях, рассказывала живо, огненно, с увлечением, одевалась чрезвычайно просто, даже неряшливо, с мужчинами становилась тотчас *на товарищескую ногу*, была резка, отважна, по выражению Варвары Тумановой, говорила смеясь, что трусят одни бабы (В. Д. Спасович. Речь на суде по делу Давида и Николая Чхотуа и др. (Тифлисское дело) (1878)).

(25) Поэтому чувствуется опасность, что вдруг фирменная галкинская легкость необыкновенная обернется *хлестаковщиной* (курсив наш. — *Е. Б.*) (тоже, надо сказать, симпатичный, в общем герой). И хотя мы верим, что, может, и было сорок тысяч одних курьеров, и с Пушкиным он действительно *на дружеской ноге*, но все же как-то настораживаемся (О. Кабанова. Уж не пародия ли он? Звездная болезнь хорошего мальчика // «Известия», 2002.10.08);

(26) И я ему за это благодарен, здесь он работал на меня, а не я на него. Фокинские артисты подкалывают: «Говорят, вы с Путиным *на дружеской ноге*?» Но это доброжелательные подколки. Ну а что после фильма будут говорить разные гадости и пошлости, так я к этому готов (В. Волошина. Игорь Шадхан: «Говорят, вы с Путиным на дружеской ноге?» // «Известия», 2002.10.08);

(27) «С Пушкиным *на дружеской ноге*», барон Брамбеус, «Юрий Милославский» — не говорят ему ничего (Тень мастера // «Театральная жизнь», 2003.11.24);

(28) Прошу: вот фото, я, конь и Семен Михайлович. С Жуковым *на дружеской ноге*? Не угодно ли: другой фото-документ — я в гостях у маршала (Г. Шергова. …Об известных всем (2002–2004));

(29) Его любимое слово — «я», у него сорок тысяч одних курьеров, и с Бегбедером он *на дружеской ноге* (М. Калужский, С. Минаев. Сергей Минаев: я — неудавшийся лузер // «Русский репортер», № 3 (33), 31 января — 7 февраля 2008).

Во всех этих примерах так или иначе обыгрывается указанная цитата. Тем не менее в некоторых случаях вариант *на широкую ногу*, окончательно победивший к XXI в. и ставший полноправной единицей словаря, некоторыми авторами берётся в кавычки. Ср. следующие примеры употреблений:

(30) Быстро промотав 100 тысяч (!) рублей, которые братьям выдал на расходы их обеспеченный отец, троица, привыкшая жить *на «широкую ногу»*, решила открыть охоту на «бомбил» (Ю. Мухина. Таксистов грабила «золотая молодежь» // «Вечерняя Москва», 2002.05.16);

(31) После подарков и демократических педсоветов Раневской все начинали жить *«на широкую ногу»* — но весьма недолго (А. Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь (2003)).

Выше уже говорилось, что кавычки могут пониматься либо как способ сигнализировать читателю о том, что взятый в них фрагмент текста следует интерпретировать с определёнными оговорками, либо как способ автора дистанцироваться от условного кода. В примерах (30)–(31) можно усмотреть оба варианта. Впрочем, основания для постановки кавычек у конкретного носителя языка могут быть совершенно непредсказуемы.

Всего для XXI в. зафиксировано 4 ИУ на 96 примеров. За исключением двух, все они представляют собой сочетания привычных, употреблённых ранее эпитетов с оригинальными, т. е. употреблений, где компоненту *нога* предшествовал бы один не встречавшийся ранее компонент, практически не обнаруживается. Таким образом, мы можем говорить, что к XXI в. фразеологизм-конструкция смог окончательно оформиться в виде нескольких устоявшихся форм, в частности потому, что тенденции к их творческому переосмыслению, т. е. замене компонентов, некогда бывших вакантными, уже не обнаруживается.

3. Подведение итогов и открытый вопрос

В рамках этой статьи было поставлено две задачи: 1. Рассмотреть особенности возникновения фразеологизма-конструкции на *X-овой ноге* / *на X-овую ногу* в русском языке; 2. Проанализировать динамику его распространения со времени появления до современного этапа развития русского языка.

Безусловно, проделанную работу нельзя назвать исчерпывающей, анализ может быть продолжен и углублён: детальное рассмотрение вопроса потребует значительно большего объёма данных. Но и на этом этапе мы можем подвести итог.

Представляется, что первая задача решена удовлетворительно. Ряд источников (словарей и корпусных данных) свидетельствует в пользу того, что конструкция имеет иностранное, а не исконное происхождение. Иная точка зрения основана преимущественно на интуитивных догадках и совпадениях в синтаксической структуре, ср. на *широкую ногу.* Действительно, подобные образования с компонентом *рука* обнаруживаются, например, в известном словаре М. И. Михельсона, однако это не может служить достаточным основанием для признания фразеологизма исконно русским. Больший интерес вызывает вопрос, из какого языка фразеологизм попадает в русский и каким образом можно доказать, что именно этот язык следует рассматривать как источник. Гипотеза о калькировании конструкции *sur un pied de la* X / *du* X в русский и другие европейские языки представляется нам хорошим дополнительным аргументом в пользу признания французского в качестве языка-источника.

Вторая задача направлена на подтверждение гипотезы о том, что фразеологизмы *на короткой ноге*, *на дружеской ноге* и *на широкую ногу* некогда представляли собой фразеологизм-конструкцию со свободным слотом, а именно: V + *на* + Adj + *нога*$_{(\mathrm{Loc,\ Acc})}$. Значительное количество найденных вариантов позволяет подтвердить это предположение. Кроме того, анализ распространения способен продемонстрировать не только особенности употребления и функционирования конструкции, но и проследить, каким образом она утвердилась в формах, привычных нашим современникам. В целом эта задача выполнена, поскольку дальнейший сбор материала по

XIX–XX вв. вряд ли будет противоречить уже полученным выводам и может быть полезен только для составления более объёмного перечня прилагательных, некогда заполнявших свободный слот в конструкции.

Источники и словари

Библиотека Максима Мошкова. http://lib.ru.

БРНС 1997 — Большой русско-нидерландский словарь / Под общ. рук. П. М. Миронова и Л. Гестермана. М., 1997.

БРПС 1993 — А. Мирович, И. Дулевич, И. Грек-Пабис, И. Марыняк. Большой русско-польский словарь. Т. 1 (А–О). Варшава, 1993.

БФС 2006 — Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 2006.

Вомперский 1986 — В. П. Вомперский. Словари XVIII века. М., 1986.

ДПСС Т. 3 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 3. Село Степанчиково и его обитатели. Униженные и оскорбленные. М., 1972.

Корпус немецкого языка Deutsches Textarchiv. https://www.deutschestextarchiv.de.

КЭФ 1979 — Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. Краткий этимологический словарь русской фразеологии // Русский язык в школе. 1979. № 5. С. 84–94.

Лексикон 1786 — Полной французской и россійской лексиконъ (Dictionnaire complet françois et russe). Ч. II: от L до Z. СПб., 1786. https://www.prlib.ru/item/1307139.

Лексикон 1798 — И. И. Татищев. Полной французской и россійской лексиконъ. Т. II: L–Z. СПб., 1798. https://play.google.com/books/reader?id=dwZnAAAAcAAJ&pg= GBS.PA328&hl=ru.

Михельсон 1912 — М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Т. 1. СПб., 1912.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. https://ruscorpora.ru/new/index.html.

Опыт 1987 — Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. М., 1987.

Параллельный идиоматический словарь BABELITE. http://babelite.org/front/expressions.

РУСЛВ 2000 — І. О. Вирган, М. М. Пилинська. Російсько-український словник сталих виразів. Харків, 2000.

РУФТС 1991 — І. С. Олійник, М. М. Сидоренко. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник. Київ, 1991.

СРНГ 1986 — Словарь русских народных говоров Вып. 21: Негораздый — Обвива / Гл. ред. Ф. П. Филин; сост. Н. И. Андреева-Васина [и др.]. М., 1986.

СРНГ 2001 — Словарь русских народных говоров Вып. 35. Реветь — Рящик / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов; сост. Н. И. Андреева-Васина [и др.]. СПб., 2001.

СРФ 1998 — А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.

СРЯ XVIII 2005 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 15 (Непочатый — Обломаться) / Гл. ред. З. М. Петрова. СПб., 2005.

СФБМ 2008 — І. Я. Лепешаў. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы. Т. 2. М–Я. Мінск, 2008.

ФСРЛЯ 2008 — А. И. Федоров. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М., 2008.

GDAF 1696 — Le Grand Dictionnaire de l'Académie Françoise. T. II: M–Z. Amsterdam, 1696. https://play.google.com/books/reader?id=nyEN3VwXkzQC&pg=GBS.PA142&hl=ru.

Google Books Ngram Viewer. https://books.google.com/ngrams.

DELR 1991 — A. R e y, S. C h a n t r e a u. Dictionnaire des expressions et locutions. Part 2: I–Z. Paris, 1991. P. 514–1036.

Duden 1992 — Duden Band 11: Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim, 1992.

La Mésangère 1821 — Pierre de La M é s a n g è r e. Dictionnaire des proverbes français. Paris, 1821.

Littré 1883 — É. L i t t r é. Dictionnaire de la langue française. Vol III. Paris, 1883.

Smith 2006 — M. S m i t h. The Influence of French on Eighteenth-Century Literary Russian. Semantic and Phraseological Calques. Bern; Frankfurt a.M.; New York, 2006.

Литература

Баранов, Добровольский 2008 — А. Н. Б а р а н о в, Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Вартаньян 1963 — Э. В а р т а н ь я н. Из жизни слов. М.: Государственное издание детской литературы, 1963.

Долгопольский 1962 — А. Б. Д о л г о п о л ь с к и й. Изучение лексики с точки зрения трансформационно-переводного анализа плана содержания в языке // Лексикографический сборник. Вып. 5. 1962. С. 73–83.

Мельчук 1960 — И. А. М е л ь ч у к. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 73–80.

Мокиенко 2005 — В. М. М о к и е н к о. Загадки русской фразеологии. М.: Азбука-классика, 2005.

Успенский 2007 — Б. А. У с п е н с к и й. Ego Loquens. Язык и коммуникационное пространство. М.: РГГУ, 2007.

Шмелёв 1976 — Д. Н. Ш м е л ё в. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976.

Статья получена 12.12.2022

Evgenii A. Balashov
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
eblshv@yandex.ru

PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE TYPE *NA KOROTKOY NOGE*, *NA SHIRKOKUIY NOGY* IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 18TH–21TH CENTURIES

The article focuses on such Russian phraseological units as *na korotkoy noge* (lit. "on a short footing", of close relationship), *na shirkokuiy nogy* (lit. "on a grand foot" – 'on a grand scale') and the like. These idioms first appear in the Russian language of the 18th century, and the common consensus considers them to be loan translations from the French expressions

être sur un bon pied / *sur quel pied*. Subsequently they became widespread, which can be proved by the corpus data, and the defining component of the word *noga* (‘footing’, ‘foot’) could be substituted by various adjectives, the number of which gradually decreased during the 20th century. Thus, the dynamics of changes allows us to assert that throughout the 19th century, these expressions acquired the features of stable idioms.

Keywords: phraseological construction, phraseological loan-borrowings, 19th-century Russian language, semantics of phraseological units.

References

Baranov, A. N., & Dobrovol'skii, D. O. (2008). *Aspekty teorii frazeologii*. Moscow: Znak.

Dolgopol'skii, A. B. (1962). Izuchenie leksiki s tochki zreniia transformatsionno-perevodnogo analiza plana soderzhaniia v iazyke. *Leksikograficheskii sbornik, 5*, 73–83.

Mel'chuk, I. A. (1960). O terminakh «ustoichivost'» i «idiomatichnost'». *Voprosy iazykoznaniia, 4*, 73–80.

Mokienko, V. M. (2005). *Zagadki russkoi frazeologii*. Moscow: Azbuka-klassika.

Shmelev, D. N. (1976). Sintaksicheskaia chlenimost' vyskazyvaniia v sovremennom russkom iazyke. Moscow: Nauka.

Uspenskii, B. A. (2007). *Ego Loquens. Iazyk i kommunikatsionnoe prostranstvo*. Moscow: RGGU.

Vartan'ian, E. (1963). *Iz zhizni slov*. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie detskoi literatury.

Received on December 12, 2022

Приложение

Перечень зафиксированных адъективных вставных компонентов для конструкций V + *на* + Adj + *нога*(Loc, Acc):

XVIII в.

1. на военной ноге — 1 (3,3 %)
2. на военную ногу (ПерН[38]) — 2 (один источник)
3. на готовой ноге — 2 (6,6 %)
4. на дружеской ноге — 1 (3,3 %)
5. на какой ноге — 1 (3,3 %)
6. на лутчую и строевую ногу — 1 (3,3 %)
7. на ноге партизанов — 1 (3,3 %) ИУ
8. на ноге учреждения — 1 (3,3 %) ИУ
9. на ногу Турецкую — 1 (3,3 %) ИУ
10. на оборонительной ноге — 1 (3,3 %) ИУ
11. на покорной ноге — 1 (3,3 %) ИУ

[38] Здесь и далее так обозначаем переводные употребления.

12. на прежнюю ногу — 1 (3,3 %)
13. на пышной и великолепной ноге — 1 (3,3 %) ИУ
14. на равном поведении и ноге — 1 (3,3 %)
15. на сей ноге — 2 (6,6 %) (Суворов) ИУ
16. на старой ноге — 1 (3,3 %)
17. на степенной и уединённой ноге — 1 (3,3 %) ИУ
18. на такой ноге — 2 + 1 не (10 %)
19. на твёрдой ноге — 1 (3,3 %) ИУ
20. на той ноге — 1 + 2 же (10 %)
21. на этой ноге (ПерФр) — 1 (3,3 %)
22. не на подьяческой, а на дворянской ноге — 1 (3,3 %) ИУ

Всего употреблений по XVIII в.: 30
Из них ИУ: 10 (33,3 %)

XIX в.

1. на широкую ногу — 54 (13,7 %)
2. на равной ноге — 35 (8,9 %)
3. на дружеской ноге — 20 (5,1 %)
4. на военную ногу — 18 (4,5 %)
5. на большую ногу — 14 (+1 не) (3,8 %)
6. на холостую ногу — 12 (3 %)
7. на барскую ногу — 11 (2,8 %)
8. на дружескую ногу — 11 (2,8 %)
9. на холостую ногу — 11 (2,8 %)
10. на короткой ноге — 9 (2,2 %)
11. на другую ногу — 8 (2 %)
12. на такую ногу — 8 (2 %)
13. на короткую ногу — 7 (1,7 %)
14. на такой ноге — 7 (1,7 %)
15. на какой ноге — 5 (+1 -то) (1,5 %)
16. на деликатной ноге — 5 ИУ (Лейкин) (1,2 %)
17. на благородную ногу — 4 (1 %)
18. на военной ноге — 4 (1 %)
19. на европейскую ногу — 4 (1 %)
20. на настоящую ногу — 4 (1 %)
21. на приятельской ноге — 4 (1 %)
22. на хорошую ногу — 4 (1 %)
23. на дворянскую ногу — 3 (0,7 %)
24. на какую ногу — 3 (0,7 %)
25. на левую ногу — 3 ИУ (Лейкин) (0,7 %)
26. на одну ногу — 3 (0,7 %)
27. на приличную ногу — 3 (0,7 %)
28. на высшей ноге — 3 ИУ (Достоевский) (0,7 %)
29. на русскую ногу — 3 (1 цитата) (0,7 %)

30. на смелую ногу — 3 ИУ (Достоевский) (0,7 %)
31. на современной ногѣ — 3 ОИ[39] Лейкин (0,7 %)
32. на товарищеской ноге — 3 (0,7 %)
33. на знатную ногу — 3 (0,7 %)
34. на армейскую ногу — 2 ИУ (Долгоруков) (0,5 %)
35. на большой ноге — 2 (0,5 %)
36. на высокую ногу — 2 (0,5 %)
37. на господскую ногу — 2 (0,5 %)
38. на демократическую ногу — 2 (0,5 %)
39. на иностранную ногу — 2 (0,5 %)
40. на иную ногу — 2 (0,5 %)
41. на коммерческой ноге — 2 (0,5 %)
42. на открытую ногу — 2 (0,5 %)
43. на прежнюю ногу — 2 (0,5 %)
44. на приятельскую ногу — 2 (0,5 %)
45. на прочную ногу — 2 (0,5 %)
46. на прямую ногу — 2 (0,5 %)
47. на родственной ноге — 2 (0,5 %)
48. на свою ногу — 2 (0,5 %)
49. на серьёзную ногу — 2 ОИ Лесков (0,5 %)
50. на тонкой ноге — 2 ИУ (Достоевский) (0,5 %)
51. на холостой ноге — 2 (0,5 %)
52. на твёрдую ногу — 2 (0,5 %)

Всего употреблений по XIX в.: 393
Из них ИУ: 85 (21,6 %)

XX в.
1901–1916

1. на благородной ноге — 1 (1,4 %)
2. на благородную ногу — 1 (1,4 %)
3. на большую ногу — 2 (2,8 %)
4. на враждебную ногу — 1 (1,4 %)
5. на господскую ногу — 1 (1,4 %)
6. на дружеской ноге — 1 (1,4 %)
7. на дружескую ногу — 1 (1,4 %)
8. на европейской ноге — 1 (1,4 %)
9. на европейскую ногу — 1 (1,4 %)
10. на зарубежную ногу — 1 (1,4 %)
11. на капиталистическую ногу — 1 (1,4 %)
12. на лучшую ногу — 1 (1,4 %)
13. на людскую ногу — 1 (1,4 %)

[39] ОИ — один источник. То есть один и тот же вариант встречается несколько раз в одном и том же тексте.

14. на мирную ногу — 1 (1,4 %)
15. на настоящую ногу — 1 (1,4 %)
16. на научной ноге — 2 (2,8 %) (Тэффи)
17. на образцовую ногу — 1 (1,4 %)
18. на одну ногу — 1 (1,4 %)
19. на приятельскую ногу — 2 (2,8 %)
20. на равной ноге — 6 (8,5 %)
21. на равную ногу — 1 (1,4 %)
22. на регулярную ногу — 1 (1,4 %)
23. на русскую ногу — 1 (1,4 %)
24. на семейную ногу — 1 (1,4 %)
25. на такой ноге — 1 (1,4 %)
26. на такую ногу — 1 (1,4 %)
27. на товарищеской ноге — 2 + «1» (4,2 %)
28. на товарищескую ногу — 2 (2,8 %)
29. на фабричную ногу — 1 (1,4 %)
30. на холостую ногу — 2 + «1» (4,2 %)
31. на широкую ногу — 27 (38,5 %)

Всего 70 употреблений

1917–1991

1. на аристократическую ногу — 1 (0,4 %)
2. на барскую ногу — 2 (0,9 %)
3. на боевую ногу — 1 (0,4 %)
4. на большой государственной ноге — 1 (0,4 %)
5. на большую ногу — 3 (1,4 %)
6. на вейсманистско-морганистскую ногу — 1 (0,4 %)
7. на военную ногу — 5 + «1» (2,8 %)
8. на городскую ногу — 1 (0,4 %)
9. на господскую ногу — 2 (0,9 %)
10. на деловую — 1 (довольно) (0,4 %)
11. на дружеской ноге — 11 + «1» (5,6 %)
12. на дружескую ногу — 2 (0,9 %)
13. на европейскую ногу — 2 (0,9 %)
14. на казённую ногу — 1 (0,4 %)
15. на капиталистическую ногу — 1 (0,4 %)
16. на коммерческую — 3 + «1» (1,8 %)
17. на короткой ноге — 17 + «2» + 1 весьма + 1 самой + 1 совершенно + 1 такой (10,7 %)
18. на короткую ногу — 7 + 1 самую (3,7 %)
19. на лёгкой ноге — 1 (0,4 %)
20. на мирную ногу — 1 (0,4 %)
21. на начальническую ногу — 1 (0,4 %)
22. на особой ноге — «1» (0,4 %)

23. на официальной ноге — 2 (0,9 %)
24. на официальную ногу — 1 + 1 слишком (0,9 %)
25. на полупромышленную ногу — 1 (0,4 %)
26. на приятельскую ногу — 1 (0,4 %)
27. на промышленную ногу — 1 (0,4 %)
28. на прочную ногу — 2 (0,9 %)
29. на равной ноге — 20 + «2» + 1 (автопер.) (10,7 %)
30. на равную ногу — 7 + 1 братскую (3,8 %)
31. на русскую ногу — 1 (0,4 %)
32. на семейную ногу — 1 (0,4 %)
33. на серьёзную ногу — 1 (0,4 %)
34. на современную ногу — 1(0,4 %)
35. на твёрдую ногу — 1 (0,4 %)
36. на товарищеской ноге — 3 (1,4 %)
37. на товарищескую ногу — 3 + «1» (1,8 %)
38. на ту же ногу — 1 (0,4 %)
39. на хозяйскую ногу — 1 (0,4 %)
40. на холостой ноге — 1 (0,4 %)
41. на холостую ногу — 1 (0,4 %)
42. на хорошей ноге — 1 (0,4 %)
43. на хорошую ногу — 2 (0,9 %)
44. на широкую ногу — 70 + «1» + 2 более + 1 ненужно + 1 самую + 1 слишком + 1 барскую + 1 деловую + 1 коммерческую (36,9 %)

Всего 214 употреблений

1992–2000

1. на «неуправляемую» ногу — 1 (1,7 %)
2. на барскую ногу — 1 (1,7 %)
3. на военную ногу — 1 (1,7 %)
4. на дружеской ноге — 6 + «1» (12 %)
5. на короткой ноге — 10 + «1» (18,9 %)
6. на короткой родственной ноге — 1 (1,7 %)
7. на равной ноге — 1 (1,7 %)
8. на равную ногу — 1 (1,7 %)
9. на серьёзную ногу — 2 (3,4 %)
10. на широкую ногу — 32 (55,1 %)

Всего 58 употреблений

Всего по XX в.: 342 употребления[40]
Из них ИУ: 19 (5,5 %)

[40] Ср. 392 в XIX в. Стоит заметить, что объём корпуса текстов XX в. в разы больше, чем XIX в. (75 720 документов против 6407 документов в основном корпусе). Те есть распространённость конструкции заметно снижается.

XXI в.

1. на дружеской ноге — 10 + 2 цит. Гоголь (12,2 %)
2. на дружескую ногу — 1 (1 %)
3. на короткой ноге — 12 + 1 очень (13,2 %)
4. на короткую ногу — 2 (2 %)
5. на крепкую хозяйственную ногу — 1 (1 %) ИУ
6. на научную ногу — 1 (1 %)
7. на одну ногу — 1 (1 %)
8. на официальной ноге — 1 (1 %)
9. на практическую ногу — 1 (1 %)
10. на равной ноге — 6 (6,1 %)
11. на равную ногу — 1 (1 %)
12. на свою неповинующуюся ногу — 1 (1 %) ИУ
13. на смелую ногу — 1 (1 %)
14. на ту же ногу — 1 (1 %)
15. на широкую ногу — 49 + «2» + 1 большую + 1 кинематографическую (ИУ) + 1 такую + 1 самую (56,1 %)

    Всего употреблений по XXI в. (с 2001 по 2016): 98

    Из них ИУ: 3 (3 %)

doi.org/10.31912/rjano-2022.2.8

Н. М. СТОЙНОВА

Университет Гамбурга
(Гамбург, Германия)
stoynova@yandex.ru

«ПОВЕСЬ СУШИТЬСЯ!»: ВАРИАТИВНОСТЬ В КОНТРОЛЕ ИНФИНИТИВА ПРИ ГЛАГОЛАХ КАУЗАЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЗИЦИИ

В статье на корпусном материале рассмотрена вариативность в контроле инфинитива при глаголах изменения позиции типа *повесил сушить* (субъектный контроль) vs. *повесил сушиться* (объектный контроль). Показано, что тип контроля на уровне частотности значимо коррелирует с линейной позицией объекта (*повесил сушить белье* vs. *повесил белье сушиться*) и с семантикой конструкции, а именно со степенью вовлеченности каузатора (*поставил жарить* vs. *поставил тушиться*). В целом можно сказать, что с выбором субъектного контроля коррелируют характеристики, свидетельствующие о большей семантической и/или синтаксической спаянности матричного глагола и инфинитива, а с выбором объектного контроля — характеристики, свидетельствующие о меньшей спаянности.

Ключевые слова: русский язык, синтаксическая вариативность, контроль инфинитива, глаголы каузации изменения позиции.

1. Введение

В статье проанализирована вариативность в русских инфинитивных целевых конструкциях типа (1) и (2):

(1) Зачем я сюда зашел? Наверняка только *поставили варить* суп. Нет, несет [Ю. Петкевич. Бессонница (2003), НКРЯ[1]];

(2) Вернувшись в избу, расторопно затопил печь и *поставил вариться* кашу [М. Елизаров. Pasternak (2003), НКРЯ].

В качестве основного источника данных использовался Генеральный интернет-корпус русского языка (далее — ГИКРЯ[2]), в качестве вспомогательного — Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ).

[1] См. http://www.ruscorpora.ru.

[2] См. http://www.webcorpora.ru.

Бессоюзная конструкция с инфинитивом цели возможна при небольшой группе глаголов, связанных с перемещением, например: *поехать учиться*, *отвести спать*, *дать почитать*, *оставить умирать*, *посадить смотреть телевизор*. Их подробный список и обсуждение см. в [Брицын 1990; Журавлева 1999; Градинарова 2006]. В этой статье будут обсуждаться только конструкции с глаголами каузации изменения позиции и только с неодушевленным объектом (*поставить*, *положить*, *повесить* + Inf).

На примере предложения (3) показаны основные компоненты рассматриваемых конструкций и термины, которые будут использоваться ниже для их описания:

(3) Свою черную каракулевую шубу (O) мама (A) *повесила* (V) *сушиться* (Inf). [М. Шишкин. Письмовник (2009), НКРЯ].

Матричный предикат конструкции (V) — глагол каузации изменения позиции — выражает ситуацию каузации (*повесила*). Инфинитив (Inf) выражает каузируемую ситуацию, или цель изменения позиции (*сушиться*). Субъект (A) ситуации V является каузатором ситуации Inf (*мама*). Объект (O) ситуации V (каузируемый) является субъектом ситуации Inf (*шуба*).

В русском языке достаточно сложные правила «контроля инфинитива» для разных типов инфинитивных конструкций, см. их обзор и подробное описание в [Пекелис 2002]. Ниже я буду говорить об A-контроле (субъектном контроле) применительно к примерам типа (1) и (4), когда невыраженный субъект инфинитива совпадает с субъектом матричного предиката.

(4) Мы$_i$ *повесили* Ø$_i$ *сушить* вещи$_j$ на балконе, а утром их уже не было [ГИКРЯ] — ‘мы (A) повесили, мы сушим’.

Применительно к примерам типа (2) и (5) я буду говорить об O-контроле (объектном контроле): в таких примерах невыраженный субъект инфинитива совпадает с объектом матричного предиката.

(5) А я$_i$ платье$_j$ *повесила* Ø$_j$ сушиться [ГИКРЯ] — ‘я повесила платье (O), платье сушится’.

Для конструкций с семантикой каузации изменения позиции употребления с A-контролем и O-контролем сопоставимы по частотности и, как кажется, в большинстве случаев взаимозаменимы. Ср. два пересказа одного и того же анекдота в (6): в (6а) представлена конструкция с A-контролем, в (6б) — с O-контролем.

(6) а. Попросила мужа почистить картошку и *поставить варить*. Он спросил — Всю? Нет говорю, половину. Он почистил… [ГИКРЯ] — A-контроль;

б. Позвонила мужу, попросила почистить картошку и *поставить вариться*. Он спросил — всю? Я сказала — нет, половину. Почистил… [ГИКРЯ] — O-контроль.

Окказионально в разговорной речи встречаются даже примеры с сочинением конструкций с А-контролем и О-контролем, как в (7):

(7) Сначала *поставил тушить — томиться* ребра [ГИКРЯ].

В статье на корпусном материале будет показано, какие факторы располагают к выбору конструкции с А-контролем vs. О-контролем. Материал кажется очень удобным для исследования. Именно для этой группы конструкций конкурирующие пары с А-контролем и О-контролем максимально симметричны друг другу: они содержат один и тот же глагол изменения позиции (*повесить*, *поставить*, *положить*…) и глаголы, различающиеся наличием vs. отсутствием возвратного постфикса *-ся* (О-контроль: *сушиться*, *вариться* vs. А-контроль: *сушить*, *варить*).

Общее предположение, которое будет проверено в статье, состоит в том, что конструкция с А-контролем (совпадением субъектов V и Inf) семантически и синтаксически более спаянная, а конструкция с О-контролем (несовпадением субъектов V и Inf) менее спаянная. Следовательно, с А-контролем будут скоррелированы характеристики, свидетельствующие о синтаксической или семантической спаянности, а с О-контролем будут скоррелированы характеристики, свидетельствующие об автономности компонентов конструкции.

Вопрос о моноклаузальности vs. биклаузальности каузативных и других подобных «свернутых» конструкций и однособытийности vs. двусобытийности их денотатов неоднократно обсуждался в литературе на самом разном материале. Применительно к инфинитивным конструкциям одна из наиболее влиятельных и последовательных синтаксических теорий, выделяющая разные по объему и сложности формальные типы таких конструкций и связывающая их с разными по объему семантическими структурами, принадлежит С. Вурмбранд [Wurmbrand 2001].

Синтаксические тесты указывают, например, на то, что бессоюзный целевой оборот при глаголах движения (*поехал учиться*) меньше по объему, чем близкая по значению целевая конструкция со *чтобы*. Так, для бессоюзного инфинитива, но не для конструкции со *чтобы*, возможно употребление местоимений на *ни-* (8) и генитива отрицания (9), диктуемое отрицанием при матричном предикате.

(8) а. Я *не побежал никого* ($^{\text{OK/?}}$*кого-нибудь*) *звать*, а стоял занемело, смотрел на этот явственно тлеющий над штилем атмосферный столб… [А. Иличевский. Перс (2009), НКРЯ];
б. Я *не побежал, чтобы кого-нибудь* / **никого позвать*…;

(9) а. они просто *не ходят получать немецкого пайка* [А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958–1973), НКРЯ];
б. *Они не ходят сюда, чтобы получать немецкий паек.

Другой вопрос касается синтаксического статуса целевого инфинитивного оборота — занимает ли он актантную или сирконстантную позицию,

одинакова ли она для разных целевых инфинитивных конструкций. Сходство целевых конструкций и конструкций с сентенциальными актантами многократно обсуждалось на разном материале. Ср., например, типологические обобщения в [Schmidtke-Bode 2009: 157–165]: во многих языках мира в целевых конструкциях используются те же морфосинтаксические средства и/или обнаруживаются те же структурные особенности, что и в сентенциальных актантах. Для русского языка, в частности, делались утверждения о том, что актантным или близким к актантному статусом может обладать упомянутый выше бессоюзный целевой оборот при глаголах движения (*поехал учиться*). Например, в [Гусев 2004] отмечается, что, как и сентенциальные актанты (10б) и, в отличие от целевой конструкции со *чтобы*, (10в), такой инфинитивный оборот допускает специальный вопрос с выносом составляющей (10а):

(10) а. — *Кого*, охотничек, идешь убивать? [Ю. Ильинский. С ружьем (юмористический рассказ) (1963), НКРЯ];
б. ^{OK}*Кого*, охотничек, хочешь убить?
в. $^{???}$*Кого*, охотничек, ты пришел сюда, чтобы убить?

В этой статье не ставится цели дать исследуемым конструкциям с глаголами изменения позиции ту или иную строгую формализованную синтаксическую интерпретацию. Нас будет интересовать наблюдаемая на корпусном материале вариативность в контроле и факторы, регулирующие ее на частотном уровне.

В [Стойнова 2016] я описываю вариативность в другом типе целевых инфинитивных конструкций — с глаголами каузации перемещения, типа *повел убивать* vs. *повел умирать*. Для этой группы глаголов на материале НКРЯ обнаруживаются следующие тенденции:

а) Доля употреблений с А-/О-контролем коррелирует с линейной позицией объекта: конструкции, проявляющие большую спаянность на уровне порядка слов, легче допускают А-контроль.

б) Доля употреблений с А-/О-контролем коррелирует с пространственным типом матричного глагола. Больше всего употреблений с А-контролем в конструкциях с нейтральными глаголами *вести*, *повести*, меньше — в конструкциях с лативными глаголами (например, *привести*), менее всего — с элативными (например, *вывести*). Это объясняется степенью семантической спаянности ситуации движения с целевой ситуацией, разной для этих типов, а именно пространственно-временным единством их участников.

в) Доля употреблений с А-/О-контролем коррелирует с семантическим типом целевой ситуации и положением О-участника на шкале одушевленности. Легче допускается А-контроль для не-личных участников и для асимметричных ситуаций со «сверхпассивным» пациенсом (например, *повел убивать*); значительная часть конструкций с О-контролем вводит, наоборот, целевые симметричные ситуации «совместного действия» (например, *повел обедать*).

Похожие параметры ниже будут протестированы для группы конструкций с семантикой каузации изменения позиции.

Работа построена следующим образом. В разделе 2 кратко представлены данные исследования. В разделе 3 последовательно описываются факторы, которые, предположительно, могут влиять на выбор конструкции с А-контролем vs. с О-контролем. В подразделе 3.1 обсуждается порядок компонентов конструкции (*повесил сушить(ся) белье ~ повесил белье сушить(ся)*), в 3.2 — ее семантика (*поставил картошку печь(ся) ~ жарить(ся)*). Подраздел 3.3 посвящен оформлению пространственного участника в конструкции каузации изменения позиции (*повесил белье сушить(ся) на батарее ~ на батарею*). В разделе 4 приведен многофакторный статистический анализ корпусных данных. Наконец, в заключительном разделе 5 суммируются и обсуждаются результаты исследования.

2. Данные исследования

В качестве вспомогательных в работе использованы данные основного корпуса НКРЯ. С помощью морфосинтаксической и семантической разметки корпуса выявлен перечень частотных сочетаний «глагол каузации изменения позиции + Inf-(*ся*)» и сделаны предположения о факторах, которые могут влиять на выбор конструкции[3].

В качестве основного источника данных использован ГИКРЯ. По результатам предварительного анализа данных НКРЯ были выбраны 9 конкретных частотных сочетаний «глагол каузации изменения позиции + Inf-(*ся*)» (11), для каждого в корпусе проведен отдельный поиск[4].

(11) поставить сушить(ся); поставить греть(ся); повесить сушить(ся); поставить жарить(ся); поставить тушить(ся); поставить варить(ся); поставить томить(ся); поставить заряжать(ся); поставить стирать(ся)[5].

Поиск (с автоматической дедубликацией) велся только по коллекциям блогов: Живой журнал (8720 млн словоупотреблений на момент исследования), Вконтакте (9820 млн словоупотреблений). Найденные примеры были просмотрены, исключены примеры с личными местоимениями (типа

[3] Запрос «V t:put -bmark на расстоянии 1 от *ся inf», 176 вхождений.

[4] Запрос для каждого глагола типа «[lemma="поставить"] [pos="N...a.."] [word="варить"] | [lemma="поставить"] [pos="N...a.."] [word="вариться"] | [lemma="поставить"] [word="варить"] | [lemma="поставить"] [word="вариться"]».

[5] Для сочетания *поставить стирать(ся)* дополнительно исключены употребления с объектом ‘стиральная машина’ типа *Поставила стирать стиралку…* [ГИКРЯ], поскольку для них нет вариативности между А-контролем и О-контролем: употребления с глаголом *стирать* — с О-контролем (‘человек поставил, машина стирает’), употребления с глаголом *стираться* невозможны.

Мама его поставила вариться)[6] и те повторы, которые не были удалены при автоматической дедубликации. Всего в выборке 4999 примеров, из них ок. 37 % (1841 пример) с А-контролем, остальные — с О-контролем.

Материал большего по объему корпуса ГИКРЯ дает возможность провести более подробный анализ, чем материал НКРЯ, при этом следует учитывать специфику корпуса. В случае ГИКРЯ мы имеем дело с неформальной интернет-коммуникацией. Все сформулированные ниже обобщения будут касаться этого жанра и типа текстов, в котором встречаются, в частности, употребления на грани литературной нормы, нехарактерные, например, для художественного текста.

На материале, извлеченном из ГИКРЯ, были проверены предположения о влиянии на вариативность в оформлении конструкции с каузацией изменения позиции трех разных факторов — линейной позиции компонентов, семантики конструкции и оформления пространственного участника. Вся выборка была вручную размечена по этим трем параметрам (см. об этом раздел 3 ниже). Чтобы оценить их индивидуальный вклад в выбор между конструкцией с субъектным vs. объектным контролем, был использован метод линейной логистической регрессии (см. раздел 4 ниже).

3. Факторы, которые могут влиять на выбор конструкции с А-контролем vs. О-контролем

Для анализа было выбрано три характеристики конструкции каузации изменения позиции, прямо или косвенно связанные со степенью ее синтаксической и семантической спаянности:

— линейный порядок компонентов конструкции;

— семантика конструкции;

— оформление пространственного участника.

Каждая из них подробнее описывается и анализируется в отдельном разделе.

3.1. Порядок компонентов конструкции

Первый проанализированный фактор — порядок компонентов конструкции, а именно линейная позиция объекта (каузируемого). Объект может помещаться между матричным глаголом и инфинитивом, как в (12), после матричного глагола и инфинитива, как в (13а), или перед ними, как в (13б):

[6] Запрос был изначально составлен так, что примеры с интерпозицией объекта-местоимения (*поставила его вариться*) в выдачу не попали. Исключены были, соответственно, примеры с препозицией и постпозицией (*его поставила вариться*, *поставила вариться его*). В целом решение не рассматривать примеры с местоимениями продиктовано тем, что одним из включенных в анализ параметров была линейная позиция объекта (см. п. 3.1), которая, скорее всего, сильно различается для существительных и местоимений.

(12) *Поставила* гречку *варить*, а запахло жареным [ГИКРЯ];

(13) а. Надо же! *Поставила варить* сосиски и сожгла… [ГИКРЯ];
б. Сливы целиком *поставить варить* (желательно в чугунке) [ГИКРЯ].

Отдельно в выборке были размечены случаи, когда объект не выражен непосредственно при матричном предикате, как в (14):

(14) а. Мясо переложить в кастрюлю, залить кипятком (горячим бульоном). *Поставить варить* на тихий огонь [ГИКРЯ];
б. Баранину промыть и *поставить варить* в большой кастрюле [ГИКРЯ][7].

Таким образом, конструкция может быть расщепленной, как в (12), когда матричный глагол и инфинитив разделены объектом, и, наоборот, слитной, как в (13) и (14), когда матричный глагол и инфинитив линейно не разделены. Можно ожидать, что слитная (более спаянная) конструкция будет более тяготеть к А-контролю, а расщепленная — менее.

Процент употреблений с А-контролем в зависимости от порядка компонентов инфинитивной конструкции показан в Таблице 1.

Таблица 1

Процент употреблений с А-контролем в зависимости от порядка компонентов конструкции

Порядок компонентов	А-контроль	О-контроль	% А-контроля
интерпозиция объекта	85	372	18,60 %
постпозиция объекта	796	1321	37,60 %
объект не выражен	798	1237	39,21 %
препозиция объекта	162	228	41,54 %
всего	1841	3158	36,83 %

При интерпозиции объекта доля А-контроля меньше, чем во всех остальных случаях, между прочими типами заметной разницы не ожидается и действительно не наблюдается. Ниже я объединяю их и рассматриваю два значения параметра — расщепленная конструкция (с объектом в интерпозиции[8]) vs. слитная (с объектом в препозиции, постпозиции или с невыраженным объектом).

[7] Как отмечает анонимный рецензент, случаи типа (14б), вероятно, ближе к случаям (13б). На дальнейшие подсчеты это, впрочем, не влияет, поскольку в статистический анализ я не включаю такого подробного разделения на типы, см. ниже.

[8] Исходный корпусный запрос был составлен таким образом, что случаи «расщепления» конструкции другим материалом (примеры типа *поставил на плиту вариться*) не вошли в выборку, см. раздел 2 выше и обсуждение в Заключении.

3.2. Семантика конструкции

Можно предположить, что выбор между субъектным и объектным контролем зависит также от семантики конструкции. Чем теснее семантически связаны ситуации, обозначаемые матричным глаголом и инфинитивом, тем вероятнее выбор А-контроля.

В Таблице 2 показано процентное распределение употреблений с А-контролем (*поставить варить*) и О-контролем (*поставить вариться*) в зависимости от конкретных глаголов, выступающих в инфинитивном сочетании. Девять рассмотренных сочетаний упорядочены от менее склонных к выбору А-контроля к более склонным.

Таблица 2

Процент употреблений с А-контролем в зависимости от конкретного инфинитивного сочетания

Инфинитивное сочетание	А-контроль	О-контроль	% А-контроля
поставить томить(ся)	1	36	2,70 %
поставить греть(ся)	78	327	19,26 %
поставить заряжать(ся)	61	245	19,93 %
поставить сушить(ся)	51	171	22,97 %
повесить сушить(ся)	219	585	27,24 %
поставить тушить(ся)	91	168	35,14 %
поставить жарить(ся)	53	89	37,32 %
поставить варить(ся)	1237	1480	45,53 %
поставить стирать(ся)	50	57	46,73 %
всего	1841	3158	36,83 %

Следует оговорить, что те инфинитивные сочетания, которые в наших данных оказались достаточно частотны для количественного анализа, семантически очень близки: большинство из них описывают ситуацию приготовления пищи. При этом, как видно из Таблицы 2, разница между отдельными сочетаниями даже внутри этой узкой группы вполне заметна: ср. *поставить томить(ся)*, для которого выбирается почти исключительно О-контроль (*томиться*), на одном полюсе (15а) и *поставить варить(ся)*, для которого, наоборот, частотнее А-контроль (*варить*), на другом полюсе (15б).

(15) а. Хотя если делать с мясом, то там уже мясо нужно *поставить томиться* до того, как начинать возню с тыквой [ГИКРЯ];
б. На обед индейские ноги *поставили варить* — и мясо, и бульон [ГИКРЯ].

В (16) сочетания еще раз перечислены от наименее склонных к А-контролю к наиболее склонных к А-контролю без конкретных количественных данных.

(16) О-контроль А-контроль
томить(ся) < < греть(ся) < заряжать(ся) < (поставить) сушить(ся) < (повесить) сушить(ся) < тушить(ся) < жарить(ся) < варить(ся) < стирать(ся)

Получившуюся иерархию можно попробовать объяснить в терминах контактной vs. дистантной каузации [Недялков, Сильницкий 1969]. При контактной каузации (типа *покормить ребенка с ложки*) каузатор непосредственно вовлечен в каузируемую ситуацию (*есть*), тогда как при дистантной (типа *разрешить ребенку поесть*, *заставить ребенка поесть*) он лишь регулирует возможность ее реализации.

Если говорить о бинарном противопоставлении, то все рассмотренные ситуации каузации изменения позиции можно отнести к случаю дистантной каузации. Каузатор А изменяет положение каузируемого О (*повесил*), благодаря чему О получает возможность вступить в каузируемую ситуацию Inf (*сушиться*). Ситуация каузации и каузируемая ситуация не одновременны, а последовательны во времени (сначала *повесил*, потом *сушится*). Если же рассматривать пространство ситуаций каузации как континуум от очевидно контактных до очевидно дистантных, то можно сформулировать следующую тенденцию. Чем ближе ситуация каузации к контактным, то есть чем больше вовлеченность каузатора (А) в процесс каузируемой ситуации (Inf), тем больше склонность к А-контролю. Разница хорошо заметна, например, в паре (17а) и (17б):

(17) а. Даже если человек ленивый, кашу всегда можно *поставить томиться* в духовку на ночь, и утром к завтраку она готова [ГИКРЯ];
б. *Поставить варить* на водяную баню, часто помешивая, иначе будет много комочков [ГИКРЯ].

В (17а) с О-контролем каузатор ставит кашу в духовку вечером, и процесс каузируемой ситуации *томиться* происходит в его отсутствие и без всякого его участия ночью. В (17б) с А-контролем каузируемая ситуация *вариться* происходит при непосредственном участии каузатора: каузатор следит за кашей и помешивает ее.

Единственное сочетание, которое выбивается из этого ряда, — *поставить стирать(ся)*. Здесь, как и в *поставить томить(ся)* и под., каузация как будто бы дистантная: человек загружает белье в машину и через положенное время выгружает, никак не участвуя в процессе стирки, ср. (18). Однако именно это сочетание наиболее склонно к А-контролю, а не к О-контролю.

(18) Конечно, в Европе тоже можно так извратиться — и ездить в прачечные, но 99,99 % людей имеют машинки у себя дома. Что созда-

ет известные удобства: кинул белье, *поставил стирать*, ушел заниматься другими домашними делами [ГИКРЯ].

Ситуация *стирать(ся) в стиральной машине*, к которой в большинстве случаев реферирует сочетание с *поставить*, видимо, концептуализируется по аналогии с ситуацией ручной стирки: она не предполагает самопроизвольного развития. *Стирать(ся)* объединяет с *варить(ся)* и *жарить(ся)*, но не с *томить(ся)* и *греть(ся)*, тот факт, что, хотя каузатор-человек в ней и не участвует, ситуация не развивается сама, без внешнего импульса. Участник контактной каузации в данном случае — сама стиральная машина. Ее семантическая роль здесь скорее эффектор (не-лицо, способное, однако, к каузации ситуации), чем место или инструмент. Неслучайно грамматичным будет *Машина стирает белье*, но не ???*Плита варит суп*, ???*Плита греет воду*.

Исходя из этого, наблюдаемую картину, видимо, точнее будет описать, апеллируя не непосредственно к семантике каузации, а к семантике ситуации, обозначаемой инфинитивом. Можно говорить, например, о ее позиции на «шкале спонтанности», предложенной в [Haspelmath 2016], см. (19):

(19) шкала спонтанности ситуаций из [Ibid.: 36] (от более спонтанных к менее спонтанным)

transitive	unergative	**automatic**	**costly**	agentful
резать, мыть	танцевать, играть	замерзать, сохнуть	разбиваться, открываться	быть разрезанным, быть помытым

Непереходные инфинитивы (на *-ся*) из (16) обозначают ситуации типа automatic (самопроизвольные) и costly (требующие усилий), по М. Хаспельмату: первые — неконтролируемые ситуации, которые происходят самопроизвольно, вторые — требующие очевидного приложения усилий извне. Вводя это семантическое противопоставление, М. Хаспельмат [Ibid.: 35–36] отсылает к типологическому исследованию каузативных пар глаголов [Haspelmath 1993] (см. также более позднюю работу [Nichols et al. 2004]). Для глаголов в паре типа ‘замерзать — замораживать’ в языках мира более характерна ситуация, когда первый ее член выражается непроизводным глаголом, а второй (каузативный) производен от него. Для глаголов в паре типа ‘разбиваться — разбивать’ — наоборот[9]. М. Хаспельмат оговаривает, что семантическое противопоставление самопроизвольных vs. требующих усилий неконтролируемых ситуаций менее отчетливо, чем другие противопоставления из (19), и неизвестно, есть ли жесткая граница между этими типами. Противопоставление действительно трудноуловимое и без дальнейшего уточнения оставляет место для нежелательных семантических

[9] Все русские глаголы из (16) образуют пары второго типа, но в русском языке, как показано в [Nichols et al. 2004], декаузативная стратегия в целом распространена шире, чем во многих других.

спекуляций, но тем не менее применительно к конкретному списку ситуаций из (16), как кажется, дает вполне однозначный результат (20):

(20) а. самопроизвольные (automatic): томиться, греться, заряжаться, сушиться;
б. требующие усилий (costly): тушиться, жариться, вариться, стираться.

Ниже при анализе выборки я буду использовать противопоставление из (20). Ожидание, сформулированное в начале раздела, в этих терминах будет звучать следующим образом: выбор А-контроля (и переходного инфинитива: *варить*, а не *вариться*) более вероятен в тех случаях, когда инфинитив обозначает ситуацию, требующую усилий, так как в этом случае теснее семантическая связь между ней и ситуацией каузации, выраженной матричным предикатом (которая и обеспечивает эти усилия).

3.3. Оформление пространственного участника

Последний из рассмотренных факторов касается участников ситуации каузации (матричный глагол) и каузируемой ситуации (инфинитив). Общее ожидание таково, что наличие у матричного глагола или инфинитива дополнительных собственных аргументов (свидетельствующее об их автономности) будет коррелировать с выбором О-контроля, а отсутствие — с выбором А-контроля.

Чтобы проверить это, я рассмотрю один частный случай — наличие и стратегию оформления пространственного участника. Ситуация каузации, описываемая матричным глаголом V, и каузируемая ситуация изменения положения Inf, описываемая инфинитивом, имеют общего пространственного участника. В каузируемой ситуации Inf он имеет роль места (*греться на плите*), а в ситуации каузации V он оказывается конечным пунктом (*поставить на плиту*).

Эта семантическая двойственность отражается в вариативном оформлении пространственного участника. Он может оформляться как конечный пункт ситуации V, т. е., например, с помощью предложной группы с аккузативом, ср. (21а). Он же может оформляться как место ситуации Inf, т. е., например, с помощью предложной группы с предложным падежом, как в (21б).

(21) а. …*поставила греться* молоко <u>в печку</u>, попью с маслом, может, отойду к вечеру [ГИКРЯ];
б. *Поставил греть* суп <u>на печке</u> и зашёл «ненадолго в контакт»… [ГИКРЯ].

По оформлению пространственного участника, таким образом, можно определить синтаксическую позицию соответствующей предложной группы[10]: в употреблениях типа (21а), с аккузативом, это будет зависимое матрично-

[10] За исключением примеров типа (23), которые рассмотрены ниже.

го глагола V (*поставила*), а в употреблениях типа (21б), с предложным падежом, — зависимое инфинитива Inf (*греть* vs. *греться*). Для нас важно следующее различие между этими случаями. В употреблениях типа (21а) предложная группа с ролью конечного пункта (*в печку*) заполняет семантическую и, видимо, синтаксическую валентность матричного глагола с пространственной семантикой (*поставить*). В употреблениях типа (21б) предложная группа с ролью места (*на печке*) — очевидный сирконстант. Поэтому можно ожидать, что наличие выраженного конечного пункта (аргумент матричного предиката), как в (21а), будет блокировать использование «спаянной» конструкции с А-контролем (*поставить греть*) и располагать к выбору О-контроля (*поставить греться*). Наличие же выраженного участника-места, как в (21б), предположительно, не должно коррелировать с типом контроля в силу того, что это не актант, а сирконстант.

Для этого фактора будет, таким образом, рассмотрено три значения: с участником-конечным пунктом (21а), с участником-местом (21б) и без выраженного участника (22).

(22) *Поставила греть* супчик. Поставила и ушла дальше с сумкой заниматься [ГИКРЯ].

Процентное распределение для каждого значения показано в Таблице 3.

Таблица 3

Процент употреблений с А-контролем в зависимости от наличия и оформления пространственного участника

Пространственный участник	А-контроль	О-контроль	% А-контроля
конечный пункт	58	157	26,98 %
не выражен	1764	2978	37,20 %
место	19	23	45,24 %
всего	1841	3158	36,83 %

Процент употреблений с А-контролем действительно несколько ниже, когда пространственный участник оформлен как конечный пункт при матричном предикате. И наоборот: если пространственный участник оформлен как место при инфинитиве, то процент А-контроля даже выше, чем в употреблениях без выраженного пространственного участника.

Для удобства сопоставления в подсчет употреблений с выраженным пространственным участником (конечным пунктом vs. местом) вошли только употребления типа (21а) и (21б): в них пространственный участник выражен предложной группой с *на* (*на плиту ~ на плите*) или *в* (*в духовку ~ в духовке*).

Остальные условно размечены в выборке как употребления с невыраженным участником. В частности, это употребления, в которых пространствен-

ный участник может быть только местом, но не конечным пунктом (*поставил вариться мясо в двух кастрюлях*, ???*поставил мясо в две кастрюли*)[11].

Глаголы типа *класть*, *ставить* в некоторых случаях допускают управление группой с предложным падежом: *поставил на плиту* ~ ???*на плите*, но *поставил на балкон ~ на балконе*. В этом случае при интерпретации инфинитивной конструкции возникает неоднозначность: так, в (23) непонятно, относится ли группа *на балконе* к *сушиться* или к *повесил*. Такие примеры и, для симметрии, все их корреляты с аккузативом (*повесил сушиться на балкон*) также исключены (размечены как примеры с невыраженным пространственным участником).

(23) Купались, загорали. Когда приехали обратно, мокрое покрывало я *повесил сушиться* на балконе, в самом углу, чтобы не мешалось [ГИКРЯ].

По этой же причине исключены употребления, в которых пространственный участник выражен не с помощью *в* или *на*, а с помощью другого предлога (ср. *повесил сушиться за окно ~ за окном*): они легче допускают неоднозначную интерпретацию (ср. возможное *повесил за окно* и *повесил за окном*).

Есть также не собственно пространственные употребления с аналогичной вариативностью в употреблении (например, *на большой огонь ~ на большом огне*, *на среднюю мощность ~ на средней мощности*), ср. (24а) и (24б). Они похожи на употребления типа (21), но в них «квази-пространственный» участник — сирконстант и при матричном глаголе, и при инфинитиве. На этом основании они в подсчет не включались.

(24) а. В общем, нарезала, *поставила жариться* на большой огонь [ГИКРЯ];
б. Пока рис варится, нарезать головку лука кубиками и *поставить жарить* на медленном огне... [ГИКРЯ].

За пределами рассмотрения остались и примеры с временными выражениями типа *на десять минут* (сирконстант при матричном глаголе) ~ *десять минут* (сирконстант при инфинитиве), как в (25):

(25) а. …опустим в нее шампиньоны и *поставим вариться* на 10 минут [ГИКРЯ];
б. …положить яйца и *поставить варить* вкрутую 7–10 минут [ГИКРЯ].

[11] Интересно, что при этом вариативность в оформлении все же окказионально фиксируется в неформальной интернет-коммуникации даже для случаев, когда за пределами инфинитивной конструкции каузации изменения позиции при соответствующем глаголе такой пространственный участник не может быть выражен, ср.: *…и поставить варить в кастрюлю с подсоленной водой* [ГИКРЯ]. В выборке 10 таких употреблений.

4. Статистический анализ

Для многофакторного анализа корпусных данных использовался метод биномиальной логистической регрессии, модель со смешанными эффектами[12] (см. [Baayen 2008: 241–302; Levshina 2015: 171–198]). Зависимой переменной, для которой модель логистической регрессии оценивает шансы получить один из двух исходов, был, соответственно, тип контроля — объектный (О-контроль) vs. субъектный (А-контроль). В качестве независимых фиксированных переменных (fixed effects) были включены три описанных выше потенциально релевантных фактора: порядок компонентов конструкции (расщепленная vs. слитная), семантика инфинитива (самопроизвольная ситуация vs. требующая усилий) и оформление пространственного участника (конечный пункт vs. не выражен vs. место). Конкретный тип инфинитивного сочетания (девять значений из (8)) был добавлен в модель в качестве случайного эффекта (random effect).

В Таблице 4 (которая обобщает данные из раздела 3) перечислены все переменные, включенные в регрессию, их значения, для каждого дается процентное распределение употреблений с А-контролем и О-контролем, а также указано, значим ли эффект (об этом подробнее см. в Таблице 5 ниже).

В Таблице 5 даны коэффициенты логистической регрессии. Строки соответствуют интересующим нас значениям каждой независимой переменной — тем, при которых ожидается выбор А-контроля. Строка «Intercept» соответствует значениям всех независимых переменных, выбранных в качестве так называемых «референсных значений переменной» (reference level): при них не ожидается склонности к А-контролю (порядок компонентов: расщепленная конструкция; семантика: самопроизвольная ситуация; пространственный участник: конечный пункт). В столбце «Estimate» указан логарифм отношения шансов каждого из исходов (выбор О-контроля vs. А-контроля) для интересующих нас значений каждой независимой переменной. Отрицательная величина в этом столбце означает, что данное значение переменной располагает к выбору О-контроля, положительная величина — что оно располагает к выбору А-контроля, нулевая — что не располагает ни к тому, ни к другому выбору. В столбце «Std. Error» дано значение стандартной ошибки (высокие значения в этом столбце могут свидетельствовать о малом количестве данных или мультиколлинеарности, т. е. ситуации, когда несколько параметров разбивают данные на похожие группы); в столбце «z-value» — результат теста Вальда (высчитывается на основе значений из Estimate и Std. Error). В столбце «p-value» дано двустороннее *p*-значение — основной коэффициент, показывающий статистическую значимость каждого из факторов, которые могут влиять на выбор контроля инфинитива, соответствующее данному *z*-значению при нормальном распределении, в последнем столбце указан уровень значимости.

[12] Использовалась функция glmer() в R из пакета lme 4.

Таблица 4

Многофакторный анализ: переменные, включенные в регрессию, и их значения

Переменная	Значения переменной	Пример	А-контроль (V Inf)	О-контроль (V Inf-ся)	% А-контроля	Статистическая значимость
Позиция	расщепленная (reference level)	*повесил белье сушиться*	85	372	18,60 %	значимо (p<0,0001)
	слитная	*повесил сушить белье*	1756	2786	38,66 %	
Семантика	самопроизвольная ситуация (reference level)	*поставил заряжаться телефон*	410	1364	23,11 %	значимо (p<0,0001)
	ситуация, требующая усилий	*поставил варить кашу*	1431	1794	44,37 %	
Пространствен-ный участник	конечный пункт (reference level)	*поставил жариться на плиту*	58	157	26,98 %	незначимо
	не выражен	*поставил жарить*	1764	2978	37,20 %	
	место	*поставил жарить на плите*	19	23	45,24 %	

Таблица 5

Многофакторный анализ: коэффициенты логистической регрессии

	Estimate	Std. Error	z-value	p-value	Significance
(Intercept)	-2,19083	0,22195	-9,871	$<2*10^{-16}$	значимо (p<0,0001)
порядок компонентов: слитная конструкция	0,88214	0,12683	6,955	$3,52*10^{-12}$	значимо (p<0,0001)
семантика: ситуация, требующая усилий	0,93035	0,16720	5,564	$2,63*10^{-8}$	значимо (p<0,0001)
пространственный участник: не выражен	0,58643	0,35407	1,656	0,0977	незначимо
пространственный участник: место	0,08958	0,16360	0,548	0,5840	незначимо

Данные Таблицы 5 показывают, что статистически значимы порядок компонентов конструкции и ее семантика. К выбору А-контроля более склонна слитная конструкция. Выбор А-контроля вероятнее, если инфинитив отсылает к ситуации, требующей усилий извне. Стратегия оформления пространственного участника (как конечный пункт или как место) значимого независимого вклада в выбор контроля инфинитива не вносит: если пространственный участник не выражен или оформлен как место при инфинитиве, выбор А-контроля оказывается вероятнее, но этот эффект статистически незначим.

5. Заключение

В работе была проанализирована синтаксическая вариативность в русской инфинитивной конструкции каузации изменения позиции: *поставил варить* (субъектный, или А-контроль) ~ *поставил вариться* (объектный, или О-контроль). Конструкции с А-контролем и с О-контролем в большинстве случаев взаимозаменимы, однако в разных контекстах обнаруживаются с разной частотностью.

На корпусном материале (данные неформальной интернет-коммуникации из ГИКРЯ) было проверено предположение о том, что выбор А-контроля (*поставил варить*) будет коррелировать со свойствами инфинитивной конструкции, отражающими ее синтаксическую и семантическую спаянность, а выбор О-контроля (*поставил вариться*) — со свойствами инфинитивной конструкции, свидетельствующими о синтаксической и семантической автономности ее компонентов.

Протестировано три параметра. Первый — линейный порядок компонентов конструкции. В слитной конструкции, в которой матричный глагол и инфинитив линейно смежны, а прямой объект находится в пре- или постпозиции к ним обоим (*поставил варить(ся) суп*), значимо выше вероятность выбора А-контроля, чем в расщепленной конструкции, в которой объект находится между матричным глаголом и инфинитивом (*поставил суп варить(ся)*). В работе проанализированы только употребления с объектом, выраженным полной именной группой. Интересно было бы также отдельно исследовать поведение личных местоимений (*поставил его варить(ся) ~ его поставил варить(ся)*).

Второй параметр — семантический. А-контроль более характерен для тех конструкций, в которых инфинитив соотносится с ситуацией, требующей для реализации внешнего импульса (‘вариться’, ‘жариться’): в таких конструкциях семантическая связь между ситуациями матричного глагола и инфинитива теснее. О-контроль более характерен для тех конструкций, в которых инфинитив соотносится с самопроизвольной ситуацией (‘сушиться’, ‘томиться’): в них семантическая связь с ситуацией матричного глагола менее тесная. При этом следует отметить, что в выборку попал

очень однородный класс инфинитивов (в основном глаголы с семантикой приготовления пищи) и только два матричных предиката (*поставить* и *повесить*). Глаголов, с достаточной частотой выступающих в интересующей нас конструкции, в принципе не так много, но в дальнейшем, для уточнения семантического параметра, интересно было бы привлечь больше инфинитивных сочетаний (в том числе не только с *поставить* и *повесить*, но и с другими матричными глаголами: *положить*, *оставить* и т. п.).

Третий параметр, семантико-синтаксический, касался наличия и выражения пространственного участника матричного глагола или инфинитива. Когда такой участник выражен и заполняет валентность матричного глагола (*поставил варить(ся) на плиту*), т. е. у матричного глагола имеется дополнительный собственный аргумент, это можно расценивать как свидетельство большей автономности компонентов. В этом случае процент употреблений с А-контролем несколько ниже, чем когда пространственный участник не выражен или занимает позицию сирконстанта при инфинитиве (*поставил варить(ся) на плите*). Однако независимого статистически значимого вклада этот фактор не вносит. В работе я рассмотрела только сочетания типа *на плиту ~ на плите*, поскольку употребления с ними легче всего сопоставить и интерпретировать (см. тем не менее оговорки ниже). Возможно, отсутствие статистически значимого эффекта связано с не очень высокой частотностью таких сочетаний. В дальнейшем можно было бы привлечь данные по выражению и других участников ситуации матричного глагола или инфинитива (часть из них перечислена в подразделе 3.3). Дополнительная техническая сложность состоит в том, что в поисковый запрос (см. раздел 2) попали сочетания типа *поставил варить(ся) на плиту ~ на плите*, но не попали (кажется, довольно частотные) сочетания типа *поставил на плиту варить(ся)*. Их учет также мог бы прояснить картину. Возможно также, что предположение о корреляции контроля с наличием в предложении аргумента матричного глагола просто неверно. Предположений о том, что именно в синтаксической структуре слитной vs. расщепленной конструкции могло бы блокировать его употребление, я выше не делаю. Можно было бы, например, считать, что инфинитив (*варить*) и предложная группа (*на плиту*) занимают при матричном глаголе (*поставил*) одну и ту же актантную позицию (как и, вероятно, *в город* и *учиться* в сочетаниях типа *поехал в город* и *поехал учиться*, см. в разделе 1 о предположительном актантном статусе целевого инфинитива). Но так ли это и верно ли, что инфинитив *вариться* (при О-контроле) занимает другую позицию, — требует дополнительного исследования.

Общий результат в целом соответствует интуиции о большей спаянности конструкции с А-контролем (односубъектной) и О-контролем (разносубъектной). Каузацию изменения позиции, описываемую русской инфинитивной конструкцией, можно отнести к серой зоне между отчетливо двухкомпонентными, состоящими из двух отдельных ситуаций и склонными оформляться двумя независимыми предикатами, и отчетливо одно-

компонентными, представляющими собой единую нечленимую ситуацию и склонными оформляться монопредикативными конструкциями. С этим связана наблюдаемая в данном фрагменте русской грамматики вариативность, и этим естественно объясняются регулирующие ее на частотном уровне факторы.

Следующей задачей, выходящей за рамки настоящей статьи, было бы уточнение представления о спаянности инфинитивной конструкции с субъектным vs. объектным контролем уже собственно в синтаксических терминах. В разделе 1 были обозначены два ключевых пункта в дискуссии о целевых бессоюзных инфинитивах — их синтаксический объем и актантный / сирконстантный статус. Можно предположить, что конструкция с А-контролем (*поставил варить*) имеет меньший объем (или проявляет меньше синтаксических свойств клаузы), чем конструкция с О-контролем (*поставил вариться*), и/или инфинитив в конструкции с А-контролем — актант, а в конструкции с О-контролем — сирконстант (или проявляет меньше актантных свойств). Аргументами в пользу этого могли бы быть результаты синтаксических тестов, подобных упомянутым в разделе 1 (лицензирование местоимений на *ни-* и *-нибудь*, вынос вопросительных и других составляющих) и других (например, тесты на контроль рефлексива и реципрока в инфинитивном обороте). Такие тесты в данном случае требуют обращения к не самым частотным и не самым естественным примерам. Подходящих примеров из нашей корпусной выборки нет или недостаточно для каких-либо утверждений. Скорее для такого исследования подошел бы формат лингвистического эксперимента.

Литература

Брицын 1990 — В. М. Брицын. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. Киев: Наукова думка, 1990.

Градинарова 2006 — А. Градинарова. Русский целевой бессоюзный инфинитив: условия употребления // Болгарская русистика. 2006. 3–4. С. 11–20.

Гусев 2004 — В. Ю. Гусев. Целевые конструкции при глаголах движения: актанты или сирконстанты? // International symposium on typology of the argument structure and grammatical relations in languages spoken in Europe and North and Central Asia. Kazan State University, May 11–14, 2004. Хэндаут доклада.

Журавлева 1999 — О. Н. Журавлева. Семантика и фукционирование конструкций, включающих глаголы движения, перемещения, изменения положения в пространстве и инфинитив цели. Дис. … канд. филол. наук. Киров, 1999.

Недялков, Сильницкий 1969 — В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций / Под ред. А. А. Холодович. М.: Наука, 1969. С. 20–60.

Пекелис 2002 — О. Е. Пекелис. Субъект зависимого инфинитива в русском и итальянском языках (проблема контроля). Дипломная работа. М., 2002.

Стойнова 2016 — Н. М. Стойнова. Контроль бессоюзного целевого инфинитива при глаголах каузации движения в русском языке: данные НКРЯ // Компь-

ютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 15 (22). М.: Изд-во РГГУ, 2016. С. 733–745.

Baayen 2008 — H. R. Baayen. Analyzing Linguistic Data: A practical introduction to statistics using R. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). Causatives and transitivity. Amsterdam: John Benjamins, 1993. P. 87–120.

Haspelmath 2016 — M. Haspelmath. Universals of causative and anticausative verb formation and the spontaneity scale // Lingua Posnaniensis. 2016. 58 (2). P. 33–63.

Levshina 2015 — N. Levshina. How to do Linguistics with R. Data exploration and statistical analysis. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2015.

Nichols et al. 2004 — J. Nichols, D. A. Peterson, J. Barnes. Transitivizing and detransitivizing languages // Linguistic Typology. 2004. 8 (2). P. 149–211.

Schmidtke-Bode 2009 — K. Schmidtke-Bode. A Typology of Purpose Clauses. [Typological Studies in Language 88]. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009.

Wurmbrand 2001 — S. Wurmbrand. Infinitives. Restructuring and Clause Structure. [Studies in generative grammar 55]. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.

Статья получена 17.01.2022

Natalia M. Stoynova

University of Hamburg
(Hamburg, Germany)
stoynova@yandex.ru

VARIATION IN CONTROL IN RUSSIAN INFINITIVE CHANGE-OF-POSTURE CONSTRUCTIONS

In this paper, I investigate the variation in control attested in Russian infinitive constructions with verbs denoting change-of-posture causation. The analysis of corpus data shows that the choice between subject control (*povesil sušit'*) and object control (*povesil sušit'sja*) correlates in terms of frequency with linear position of the object (*povesil sušit' bel'jo* vs. *povesil bel'jo sušit'sja*) and with the meaning of the infinitive construction (*postavil žarit'* vs. *postavil tušit'sja*). The general conclusion is that the choice of subject control correlates with the features indicating a higher degree of semantic and/or syntactic coherence between the matrix verb and the infinitive, while the choice of subject control correlates with the features indicating a lower degree of coherence.

Keywords: Russian, syntactic variation, control in infinitive constructions, change-of-posture causation verbs.

References

Baayen, H. R. (2008). *Analyzing Linguistic Data: A practical introduction to statistics using R.* Cambridge: Cambridge University Press.

Britsyn, V. M. (1990). *Sintaksis i semantika infinitiva v sovremennom russkom iazyke*. Kyiv: Naukova dumka.

Gradinarova, A. (2006). Russkii tselevoi bessoiuznyi infinitiv: usloviia upotrebleniia. *Bolgarskaia rusistika, 3–4*, 11–20.

Haspelmath, M. (1993). More on the typology of inchoative/causative verb alternations. In B. Comrie, & M. Polinsky (Eds.), *Causatives and transitivity* (pp. 87–120). Amsterdam: John Benjamins.

Haspelmath, M. (2016). Universals of causative and anticausative verb formation and the spontaneity scale. *Lingua Posnaniensis, 58*(2), 33–63.

Levshina, N. (2015). *How to do Linguistics with R. Data exploration and statistical analysis*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Nedialkov, V. P., & Sil'nitskii, G. G. (1969). Tipologiia morfologicheskogo i leksicheskogo kauzativov. In A. A. Kholodovich (Ed.), *Tipologiia kauzativnykh konstruktsii* (pp. 20–60). Moscow: Nauka.

Nichols, J., Peterson, D. A., & Barnes, J. (2004). Transitivizing and detransitivizing languages. *Linguistic Typology, 8*(2), 149–211.

Schmidtke-Bode, K. (2009). *A Typology of Purpose Clauses*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Stoinova, N. M. (2016). Kontrol' bessoiuznogo tselevogo infinitiva pri glagolakh kauzatsii dvizheniia v russkom iazyke: dannye NKRIa. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Iss. 15, pp. 733–745). Moscow: Izd-vo RGGU.

Wurmbrand, S. (2001). *Infinitives. Restructuring and Clause Structure*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Zhuravleva, O. N. (1999). *Semantika i fuktsionirovanie konstruktsii, vkliuchaiushchikh glagoly dvizheniia, peremeshcheniia, izmeneniia polozheniia v prostranstve i infinitiv tseli* (doctoral dissertation). Vyatka State Pedagogical University, Kirov.

Received on January 17, 2022

doi.org/10.31912/rjano-2022.2.9

P. COTTA RAMUSINO
Università degli Studi di Milano
(Milano, Italia)
paola.cottaramusino@unimi.it

ЗАКОН ЗАКОНОМ, А ЖИЗНЬ ДИКТУЕТ СВОЕ: THE FUNCTION IN DISCOURSE OF THE CONSTRUCTION [X_1–X_1*ОМ*, *А*/*NO*]

В статье рассматривается роль русской конструкции [X_1–X_1*ом*, *а*/*no*] в дискурсе. Она выражает общее значение безразличия по отношению к высказыванию собеседника: говорящий как бы принимает аргументы собеседника и в то же время исключает их из дискурсивного пространства, фактически снижая их релевантность.

В работе исследуется, каким образом реализуется данное прагматическое значение, исходя из анафорической роли, выполняемой конструкцией в плане связности текста. По результатам анализа, основанного на данных корпуса RuTenTen (Sketch Engine), были выделены три вида анафорического повтора — прямой лексический повтор, употребление синонима/гиперонима/меронима и анафора при введении нового референта, выполняющего по отношению к предыдущему контексту разные прагматические функции, в основном такие, как оценка и смягчение иллокутивной силы речевого акта.

Ключевые слова: тавтологические конструкции, анафора, анафорическая инкапсуляция, стратегии вежливости.

1. Introduction

The subject of this paper is the Russian idiomatic construction exemplified in (1), corresponding to the abstract form [P(X_1–X_1*om*), *a*/*no* Q(Y)], where X_1 is a noun in the nominative case and X_1*om* is the same noun in the instrumental case, and where *a*/*no*, rarely *odnako*, is the adversative connective ‘but’. The construction has the general concessive-adversative meaning ‘although P may be important, one has also to consider Q’, as in example (1):

(1) [При этом выплата пособия не прекращается. И ты можешь прервать этот отпуск в любой момент.] *Закон законом*, а, как известно, жизнь диктует свое[1].
The law is the law, but, as you know, life dictates its own.

[1] All the examples are taken, if not otherwise specified, from RuTenTen 11, Sketch Engine. The English translations, often very close to a literal one, are mine.

At the core of the construction, the repetition of the word X_1 stands with its potential contiguity with tautological constructions on one side, along with a number of doubled constructions having concessive semantics (see [Булыгина, Шмелев 1997; Плунгян, Рахилина 2010; Иомдин 2013; Апресян 2015; Копотев, Стексова 2016]. On the other side, as illustrated below, the construction plays an important role in the textual cohesion.

The aim of this article is to describe how the construction [P(X_1–X_1*ом*), *а*/*но* Q(Y)] functions in discourse because of, or thanks to, the co-existence of the following two factors: a) anaphoric reiteration, with its cohesive meaning and function, and b) repetition of one word. Therefore, if the general framework is the one offered by CxG [Goldberg 1995], whose holistic approach is particularly suitable for the understanding of constructions placed along the lexical-syntactic continuum, tools from textual linguistics and pragmatics will be needed to explain how the speaker uses the construction in a certain context: what are the presuppositions, the implicatures, the explicatures, and the speech acts involved? What is the illocutionary force displayed here by the speaker and how does he or she modulate this force by using the construction together with other pragmatic moves in the utterance?

This paper attempts to answer some of these questions. It is structured as follows: in § 2 the most relevant findings from previous research on the subject are reviewed, while § 3 presents and discusses the data taken from RuTenTen 11, focusing initially on the lexical fillers of the construction. In § 4 the cohesive, anaphoric value of the construction is focused on to highlight its textual and pragmatic meaning. The quali-quantitative analysis is carried out in a usage-based approach on data retrieved from RuTenTen 11 (Sketch Engine) through the CQL query (see the search string below). In § 5 preliminary conclusions are drawn.

2. The construction in the literature

As mentioned above, this construction repeatedly attracted researchers' attention. To begin with, in Švedova's work [Шведова 1960: 352–362], the construction [P(X_1–X_1*ом*), *а*/*но* Q(Y)] was discussed in the section "Повторы с удвоением" ('repetitions[2] with doubling'). The researcher interpreted this construction as the resumption of a theme previously mentioned in a conversation by way of the repetition and doubling of a word. The first part of the construction, [X_1–X_1*ом*], can be understood as "подчеркнутое утверждение наличия предикативного признака, выявляющегося самостоятельно и независимо от других" ('an emphatic statement of the presence of a predicative trait that is

[2] Following [Freywald, Finkbeiner 2018], I share the distinction between *reduplication* (on the grammar level) and *repetition* (on the pragmatic level), where repetition is understood as not mandatory and carrying out a pragmatic function.

revealed autonomously and independently of others') [Ibid.: 356]; at the same time, Švedova stressed that the construction occurs most often in "построения" ("postroenija"), something like a 'hyperconstruction', with an adversative meaning [Ibid.]. However, Švedova's focus was mostly on repetition, and in the same category she included a large group of different constructions characterized by formal repetition (of a verb or a noun) and different pragmatic meanings. More recently, Dobrovol'skij [Добровольский 2019] has analyzed the complex construction [P(X_1–X_1*от*), *а*/*но* Q(Y)], defining it as an "indicator of indifference"[3]: with a contrastive Russian-German approach, and through an interlinguistic comparison, he highlighted different aspects of the semantics and pragmatics of the construction, which I will return to later in this paper.

2.2. In quite a different direction, other researchers [Israeli 2014; Копотев, Стексова 2016; 2018; Janda et al. 2020] have focused on the first part of the construction, that is, only the [X_1–X_1*от*] part, thus calling attention to other dimensions of meaning. Therefore, if considering only the first part of the construction, [X_1–X_1*от*], one can identify the following meanings:

2.2.1. First and foremost, the [X_1–X_1*от*] construction may show the usual for the Instrumental case meaning of the tool:

(2) Иногда даже и *клин клином* вышибается, но клином родным, поэтому не так больно.
Sometimes even *a wedge is knocked out by a wedge*, but if the wedge is familiar, it doesn't hurt so much.

In such cases, the literal meaning, that of instrument, is maintained, whereas the idiomatic meaning is motivated by the repetition of the same word; only a few words, but very frequently used, tend to occur in such a pattern. As shown in [Копотев, Стексова 2016: 77], the lexical fillers have clear restrictions, so that only nouns with the semantic characteristics [+patient] [+instrument] can be found in this position; the predicate can be either expressed or not, but in the latter case its semantics can be easily retrieved; the instrumental case is explained by the implicit predicate.

2.2.2. In a second case, [X_1–X_1*от*] has an intensification meaning [Ibid.: 78–79; Israeli 2014; 2018; Janda et al. 2020], which can be realized only in the presence of certain lexical fillers with restricted semantics, and if the syntactic function is predicative:

(3) А ведь я здесь *дурак дураком*, подумал Виктор.
But I'm a *complete fool* here, Viktor thought.

[3] As a matter of fact, in the author's opinion, the given definition does not wholly reflect the pragmatics and semantics of the construction, and thus can be considered "до некоторой степени условно" ('to some extent conditional') [Добровольский 2019: 209].

As shown in (3), the lexical filler has clear semantic characteristics: it is a noun with a negative connotation, predicating these negative features of a mostly, though not exclusively (as in (4)), human referent:

(4) Прошли границу и оказались в городке Луангнамта, *деревушка деревушкой*.
We passed the border and ended up in the town of Luangnamta, a *smallish hamlet*.

In this case, therefore, the repetition and the syntactic function of the construction cooperate to convey an intensification meaning. In such cases, the Instrumental case can be understood as an idiomatic occurrence of the Instrumental of Comparison: that is, N_{1nom} correspond to the prototypical N_{1inst} at the maximum degree, and the intensifying trait is thus achieved by means of word repetition. In this case, in fact, the construction stands by itself, independently.

2.2.3. Finally, the construction is understood as having a Discourse Change meaning, close to the one investigated here, closely related, in the authors' view, to the Instrumental of Paragon [Janda et al. 2020: 122]:

(5) *Sol' sol'ju*, i vse že bez detalej ne obojtis'.
Salt has its value, but you still can't ignore the details.

According to this interpretation, a proposal is made in [Janda et al. 2020] to consider all the [X_1–X_1*om*] constructions as a family of constructions, thereby defined as the NOM~INS construction.

2.3. The research in the field clearly shows the complexity of this construction, which has been considered either as an independent construction [X_1–X_1*om*] or as part of a larger two-part construction, [P(X_1–X_1*om*), *a*/*no* Q(Y)], in which lexical and syntactic elements are interwoven to convey manyfold semantic and pragmatic meanings.

In the present study, following [Шведова 1960; Добровольский 2019], and [Величко 2016], the construction [P(X_1–X_1*om*), *a*/*no* Q(Y)] will be considered and analyzed as a whole. The general idea behind this choice is directly derived from the basic principle of Construction Grammar, according to which a construction is a pairing of form and meaning, whose meaning and form are not predictable [Goldberg 1995]. In this case, the juxtaposition of the same noun in two different forms — the first time in the Nominative form, the second in the Instrumental, without a verb — does not correspond to compositional syntactic rules of contemporary Russian and somehow represents a riddle for Russian grammar, acquiring *this* specific meaning only together with the [*a*/*no* Q] component. As far as the semantics of the construction is concerned, if the basic semantic and pragmatic meaning of the construction is that 'although P is important, one has to take into account also Q', the first part, 'although P is important', can be realized at different degrees: it can have a downgrading function,

sound as a stronger refusal of the interlocutor's idea [Добровольский 2019], or even be endowed with a polemic potential proper to the concessive-adversative meaning of the construction [Апресян 2015].

3. Dataset and analysis

The data search has been carried out in the RuTenTen 11 (Sketch Engine) with the following CQL search string: 1:[tag="N...n.."] 2:[tag="N...i.."] & 1.lemma=2.lemma.[4] Three thousand examples (out of 52,193) were automatically downloaded. The overall frequency in a million tokens is 2.86, whereas the overall frequency in the RuTenTen corpus (18,280,486,876) is very low: 0.0002855.[5] It was necessary to exclude all the cases listed above in § 2.2: instrumental of means, instrumental of intensification (346 occurrences), and of predication, idiomatic occurrences such as *čin činom* and *čest'čest'ju*, plus noise such as *drug drugom* 'each other'.

As a result, 1,681 occurrences of the construction [P(X_1–X_1*om*), *a*/*no* Q(Y)] have been identified, and the analysis was carried out on them. After the first qualitative analysis, a further 307 examples were excluded (noise or the other meanings previously remembered); among the remaining examples, many of the occurrences, 752, are placed in the sentence initial position and will be examined in this work, while the remaining 622 occurrences appear after a conjunction (mostly *a*, *no*) or another kind of introduction, and are not considered in the present paper.

The following section will give a brief description of the lexical fillers accepted in this construction.

3.1. Lexical fillers

The first observation regards the type of lexical filler: unlike the cases in 2.2.1 and 2.2.2, in this construction the lexical fillers are almost free: that is, it is impossible to identify regular semantic features requested to fill the X_1 slot, the only exception observed regards nouns having the characteristic [+human], which are very rare (only 24 out of 752).

On the other hand, only a few nouns are used very frequently (≥33) and can be considered almost idiomatically fixed:

шутки шутками	266
смех смехом	80

[4] The query has been made based on the first part of the construction (without the component [a/no]) in order to get all the possible results; only after the analysis of the occurrences has it been possible to identify all the different constructions and understand their meaning.

[5] In [Janda et al. 2020], with a dataset from the Russian National Corpus, the overall frequency is as low as it is in the Sketch Engine data: 0.056.

дружба дружбой (often followed by the fixed form “а служба службой” or “а табачок врозь”)	70
кризис кризисом	55
война войной (often followed by the fixed form “а обед по расписанию”)	45
работа работой	33
любовь любовью	17
игра/ы игрой/ами	12
мечты мечтами	12

Below the frequency of 33, only three nouns occur more than 10 times; 48 nouns occur between 3 and 8 times, and 31 nouns occur twice. All the remaining nouns occur just once.

Here is an example of one of the most frequent lexical fillers, *шутки* ‘jokes’:

(6) Жюри было строгим и принципиальным: *шутки шутками*, но основное всё-таки в конкурсе — это оценка профессиональных навыком (sic!) участниц.
‘The jury was strict and upright: *jokes are jokes*, but the main thing in the competition is the assessment of the professional skills of the participants.’

The potentially unlimited choice of lexical fillers is demonstrated by the occurrences of many *hapax legomena* (> 300, including proper names)[6], which testifies to the openness of the construction and confirms the productivity and vitality of the construction itself and its entrenchment in the language[7] [Goldberg 1995: 137]:

(7) Водой споласкивать не надо! Не бойтесь стоматолога. *Гигиена гигиеной*, а стоматологи все-таки нужны.
It is not necessary to rinse with water! Don't be afraid of the dentist. *Hygiene is hygiene*, but dentists are still needed.

One of the few occurrences of a noun having the trait/feature [+human] is the following:

---

[6] One of the anonymous referees suggested that a more definite query of the whole construction, including *a* or *no*, might have given a smaller number of *hapax legomena*. Thus, queries of the complete construction were carried out to verify this suggestion: the results are slightly smaller in number, but the proportion between *hapax legomena* and the whole is more or less the same: for both constructions (the one followed by *no* and that followed by *a)*, about 1/3 of the occurrences are *hapax legomena*. Moreover, the list of the most frequent words is approximately the same.

[7] The contrastive approach, as in [Добровольский 2019], shows the major productivity of the Russian construction if compared with the potential German equivalent (X *hin* X *her*).

(8) Продажи, конечно, важны. Но *продавцы продавцами*, а рано или поздно дело доходит до первых лиц компании, если речь идет о крупных контрактах.
Sales, of course, are important. But *sellers are sellers*, and sooner or later it comes to the top officials of the company if it comes to large contracts.

Thus, once the vitality of the construction is acknowledged, one cannot but notice that the examples (1) and (6)–(8) clearly show that the definition of this construction by Švedova [Шведова 1960: 352] as "повторы с удвоением" ('repetitions with doubling') needs further investigation. As a matter of fact, this resumption, or *reiteration* in the words of [Halliday, Hasan 1976: 278], has first and foremost a cohesive function in discourse; moreover, being realized by an idiosyncratic construction with repetition, it is also endowed with a rich range of pragmatic meanings which deserve to be investigated. As will be shown below, the doubled words are not only a direct repetition of the previous utterance (in a dialogue or monologue) or of the previous portion of text; they also often take up the theme in a nontrivial way. § 4 analyzes the cohesive function of the construction, trying to take into account all these factors.

4. Textual function of the construction [P(X_1–X_1*om*), *a*/*no* Q(Y)]

Corpus data allow us to look at the mechanism of "resumption of the theme" in a deeper way and to highlight the anaphoric mechanism underlying the discursive use of the construction. To do so, it was necessary to retrieve from the corpus a large part of the left co-text of the construction.

It is well known that anaphora plays an important role in the interface between syntax, semantics, and pragmatics; although the syntactic and semantic factors are relevant, the pragmatic ones are especially important in discourse anaphora. The hypothesis at the basis of this work is that this construction works as a lexically-based anaphora[8] created by means of the doubling of one noun in two different forms, the first occurrence in the nominative form and the second in the instrumental; and that the construction is used by the speaker to fulfill pragmatic needs. It will be shown how lexical resumption works: either by plain repetition of a noun previously occurring in the text, a resumption through other

[8] According to [Halliday, Hasan 1976: 279], there is no such thing as a lexical anaphora, but rather a continuum "or 'cline' of cohesive elements". In cases of reiteration "it is clear that the second time a word /synonym etc. is repeated, there is a reference item, typically *the*. So, it would seem that it is not the repetition of the word that has a cohesive effect, but only its repetition accompanied by an anaphoric reference item. This might suggest that there was no distinct category of lexical cohesion" [Ibid.: 281–282). In any event, keeping in mind that Russian is a language without definite articles, the present work will use and refer to the concept and definition of lexically-based anaphora.

paradigmatic relations (synonymy, meronimy, hyperonimy, and/or other), or the introduction of a new textual referent which thus becomes the new topic, in a way quite similar to that achieved by anaphoric encapsulation [D'Addio Colosimo 1988; Conte 1996; Ferrari 2009; 2014; Pecorari 2014a; 2014b]. Strictly speaking, anaphoric encapsulation as "a strategy of textual cohesion that allows the speaker to sum up considerable portions of text, given in the left co-text of the anaphor, within a single referential expression" [Pecorari 2014b: 175] can be described as a lexically-based anaphora realized by means of a general noun and a determiner [Conte 1996: 107]. Furthermore, the general noun occurring in anaphoric encapsulation should belong to the category of higher-order referents described by Lyons [1977]: not individuals, but events, processes, actions (second order), concepts and propositions (third order), or speech acts (fourth order). Here, the reference to anaphoric encapsulation is seen more in terms of its function than its form, as the place of this "general noun and a determiner" is occupied by an idiomatic construction. Moreover, even if the filler of the construction can have an apparently individual concrete referent — not an event, process, or action, but a concrete noun (food, seller, and so on) — thanks to the construction itself, it acquires the semantic trait [+abstract]. The advantages of the encapsulator are that it "allows the speaker to categorize *ex-novo* a propositionally structured antecedent" and "[…], calls into question new blocks of meaning, that have to be accepted as such by a cooperative reader" [Pecorari 2014b: 178, 180].

As previously stated, the reiteration is made by means of a repetition which activates an inferential process, so that the addressee is required to understand the utterance in a nontrivial way. At first by means of explicatures to expand the linguistically-encoded form into a determinate full proposition, and then by combining the proposition with the contextual information, the addressee is able to recover the implicatures [Sperber, Wilson 1995; Carston, Uchida 1998]; see also [Freywald, Finkbeiner 2018]. Sbisà [2007] noticed how anaphoric encapsulation achieves textual cohesion by joining the presuppositional aspect, triggered by the tautological factor, to the activation of an implicature of relation. In other words, while apparently being based on a presupposition by means of a semi-tautological statement, the construction triggers the inferential process, which activates the implicature.

4.1. Anaphora by repetition of the same word

The first case to be considered is where the construction filler is the exact repetition of a word that previously occurred in the left co-text, as in (9):

(9) Каждый раз используйте эту силу во благо себе и близким: готовьте не просто борщ, а борщ с позитивной программой. Пусть ваша *еда* помогает обретать здоровье, учиться, работать, зарабатывать, становиться краше, умнее, сильнее и т. п. *Еда едой*, но помните о том, что наш организм на 80 % состоит из воды. Думаю, что ни для кого

не секрет, как легко вода впитывает и сохраняет информацию. Она же несет эту информацию в наши тела.
Use this power every time for the benefit of yourself and your loved ones: cook not just boršč, but boršč with a positive program. Let your food help you gain health, study, work, earn, become more beautiful, smarter, stronger, etc. *Food is food*, but remember that our body consists of 80 % water. I think it's no secret how easily water absorbs and retains information.

In (9), the construction represents a direct resumption of the topic *eda* 'food', particularly healthy food, introduced only in a positive light in the preceding portion of text as something playing a very important role in one's healthy life. The construction is explicable as 'even if food is very important, nevertheless, one should not forget that our organism is made up to 80 % by water', which implies that water is way more important than food. The importance of food claimed so far is thus relativized, but without creating any conflict with the hearer. In such a way, the construction acquires a downgrading or minimizing function of what has been previously stated and shared between hearer and speaker. At the same time, it prevents the interlocutor's reaction and becomes the starting point for the introduction of a new topic, the role of water in human life. The construction thus acquires the function of a "polite" turning point in discourse, while not overtly denying the validity of what has been previously stated: the speaker leaves it behind and goes further.

We find a similar use of the construction in the following example (10). Again, *страх страхом* / *fear is fear* resumes formally the *страх*/*fear* previously mentioned, but while the first occurrence of *страх* is referential and definite (the *страх* that the witch would come again and take him), the second connects the referential *страх* to the prototypical one by introducing the presupposition that anybody knows what fear, in general, is, and that it is like a poison that can kill a whole city. This notwithstanding, the hearer is called on to agree about the fact that a city cannot freeze with fear and stop its life.

(10) И *страх*, что в следующий раз ведьма прилетит за ним, отравлял жизнь всем обитателям города. *Страх страхом*, но город не мог замереть. Каждый житель просто надеялся, что Мара прилетит еще не скоро.
And the *fear* that the witch would come again to take him away poisoned the lives of all the inhabitants of the city. *Fear is fear*, but the city could not freeze. Every resident just hoped that Mara would not arrive soon.

The last example (11) in this group is interesting because the speaker himself gives, in brackets, the implicated meaning of the construction in brackets:

(11) Ю. КОБАЛАДЗЕ: Ну, это работает до тех пор, пока идут денежки, да? И, там, увеличение зарплат. Д. ОРЕШКИН: Да. И в этом смысле, кстати, возвращаясь к *кризису*, я думаю, что *кризис кризисом*

(конечно, он повлиял), но наступил все равно уровень насыщения, после которого власть не может повышать уровень.
Yu. Kobaladze. Well, it works as long as the money goes, right? And, there, an increase in salaries. D. Oreškin: Yes. And in this sense, by the way, returning to the *crisis*, I think that *the crisis is a crisis* (of course, it had an influence), but the saturation level has come anyway, after which the government cannot raise the level.

After returning to the presupposition implied by the tautology — the one related to the general knowledge of the world about a crisis — the speaker himself chooses to make explicit, among the different possible meanings of what a crisis is, the implicature that 'a crisis has a negative effect on salaries, so no one should be surprised by this'.

In this first category, in which we include all the occurrences where the construction resumes a word previously mentioned, the pragmatic mechanism which is activated in the first place is the presupposition: that is, the reference to a truth taken for granted, in which the first referential noun placed in the co-text is resumed and transferred to the higher level of a general statement. As a presuppositional truth, the hearer/reader is invited to accept this. As far as statistics are concerned, an approximate review of the occurrences of this kind, considering only those where the first occurrence of the noun is in the immediate co-text, and so easily detectable, reveal about 15 occurrences of this type of anaphorical relation out of 100 examples. A more accurate and precise statistical report would need further analysis.

4.2. Anaphora by synonymy, hyperonimy, meronimy, or other semantic relations

In this second case, the construction [P(X_1–X_1*om*), *a*/*no* Q(Y)] does not resume the same name previously mentioned in the co-text, but between the co-referential items there is a paradigmatic relation, such as in (12), where history is a superordinate category, a higher-order entity in Lyons' [1977] words, with respect to "historical event":

(12) Как хорошо, что и в Белоруссию заглядывал Наполеон. Сие *историческое событие* оживило интерес Ивана Петровича к культуре экс-советской страны. У места переправы французской армии живет своей жизнью деревушка из десятка домов. Рядом с одним из монументов стоит колодец: *история историей*, а пить-то надо. Гуляют гуси, щиплют траву и прогоняют нас — чужаков — ближе к воде.
It's so good that Napoleon also had a quick look at Belarus. This *historical event* revived Ivan Petrovich's interest in the culture of the ex-Soviet country. At the crossing point of the French army, a village of a dozen houses lives its own life. There is a well next to one of the monuments: *history is history*, but you need to drink something. Geese walk, nibble the grass and drive us — strangers — closer to the water.

The construction *история историей*, *а* пить-то надо can be considered a retrieval of the previously mentioned NP [*с*]*ие историческое событие* '[t]his *historical event'*. The irony of the passage is underlined repeatedly throughout the passage: beginning with the old-fashioned demonstrative *сие*, then the labelling of Napoleon's campaign against Russia and the passing of his troops through Belarus', which *is* a historical event, as "Наполеон *заглядывал"* 'Napoleon peeked, had a quick look'. This quick look justifies the historical interest of some otherwise ordinary places, here represented by the small village, *деревушка*, where suffix *-ушка* contains both the traits [- serious + derogatory] and prepares the scene in which History [+ high] is set close to everyday life [- serious/valuable], with its prosaic reality, through the monuments: a well, which is History on the one side, and the basic human need to drink, to survive, on the other side. The construction, therefore, works as an ironical, downgrading statement of superordinate values, such as History, and sets the tone for the further description of the countryside.

Example (13), repeated here for convenience with a larger context, shows the retrieval of a noun with a semantically contiguous noun, the seller and the sales, belonging to the same frame of COMMERCE:

(13) Вот если мы их убедим, что сумеем сделать так же надежно, но дешевле (а мы дорастем до 30–40 долларов в час), тогда и российский рынок программирования вырастет. *Продажи*, конечно, важны. Но *продавцы продавцами*, а рано или поздно дело доходит до первых лиц компании, если речь идет о крупных контрактах.
'If we convince them that we will be able to do it just as reliably, but cheaper (and we will grow to 30–40 dollars per hour), then the Russian programming market will grow. *Sales,* of course, are important. But *sellers are sellers*, and sooner or later it comes to the top officials of the company if it comes to large contracts.

Both nouns are placed in sentences that are concessive in an implicit way: the importance of sales and sellers is taken for granted but is devoid of relevance. Not only are sales not so important, but even sellers are not important when one deals with big business. The construction in this case, introduced by the adversative conjunction *но* 'but', reduces the importance of the referents while overtly declaring it.

The use of hyperonimy is very evident in example (14):

(14) Поездка продолжалась с 1 по 9 мая. Керчь — Симферополь — Плато Демерджи — Ялта — Алупка — Ай-Петри — Эски-Кермен, Сюйренская крепость — Керчь. Фотографии не претендуют на какую-либо художественную ценность, так, путевые зарисовки. Итак, начнём. *Города городами*, а природа всё же интересней. В большинстве городов мы были по полдня, проездом, так что на них

я останавливаться не буду, хотя Ялта действительно курортный город, а Сочи таким уже быть перестал, к сожалению.
The trip lasted from May 1 to May 9. Kerč — Simferopol' — Demerdzhi Plateau — Jalta — Alupka — Ai-Petri — Eski Kermen, Suiren fortress — Kerč. The photographs do not claim any artistic value but simply represent travel sketches. So, let's get started. *Cities are cities*, but nature is still more interesting. We were in most cities for half a day, passing through, so I won't stop at them, although Yalta is really a resort city, and Sochi has already ceased to be like that, unfortunately.

The names of different Crimean places, among them many cities (Simferopol', Jalta, Alupka, Kerč), are listed in the left co-text and retrieved by means of the construction [P(X_1–X_1*om*), *a*/*no* Q(Y)]. As usual, they are retrieved to be momentarily excluded from the discourse, which the speaker can do by using the given construction as presupposition: anybody knows what cities are like, and there is no need to devote time to their description.

This second type of anaphorical retrieval has mainly a downgrading function: the use of hyperonyms, synonyms, or other kinds of paradigmatic relations seems to have as its main aim the shift of the referent to a higher level, where not only is a simple individual at stake but the entire kind, the same concept of something, is presupposed as known and with given characteristics: the cooperative reader or hearer accepts this presupposition and the exclusion of the theme from the discourse.

4.3. Anaphora by introduction of a new referent

In this paragraph, attention will be drawn to the third type of occurrences, also quite frequent, in which the construction represents not a simple reiteration of a previously mentioned noun but "functions as a resumptive paraphrase for a preceding portion of a text" [Conte 1996: 1] and introduces a new discourse referent.[9] For these occurrences, the notion of anaphoric encapsulation can be of some utility, even if, as already stated, the form does not correspond to the canonic one, that is, the one with a general noun, a higher order entity, accompanied by a demonstrative determiner (usually: *the event*, *the fact*, *the accident*…). These occurrences are the most interesting because it is in this way, through a sort of new categorization, that what is referred back is defined *a posteriori* and gives rise to the implicature [Ferrari 2014: 73].

(15) Вообще, что за странная манера — двойное гражданство. Почему не тройное, не десятерное? Тоже мне, гражданин мира. *Комфорт*

[9] The retrieval of this third kind of anaphorical resumption has been identified in the following way: after a review of the occurrences and their standard left co-texts, those that seemed to be good candidates for the role of anaphoric encapsulation have been verified in the corpus up to a length of 150–200 words in the left co-text. If the antecedent was not found at this distance, they have been included in this category, which is quite frequent.

комфортом, но такими вещами, как родина, не разбрасываются. Это только у бизнесменов родина там, где больше платят.
In general, what a strange manner — dual citizenship Why not triple, or ten citizenships at a time? Too much for me /a great thing indeed, a citizen of the world. *Comfort is comfort*, but such things as homeland are not scattered around. It's only businessmen who have a homeland where they earn more money.

Therefore, in (15) the construction *комфорт комфортом* 'comfort is comfort' does not retrieve a single (co-referent) noun previously introduced but summarizes by labelling and evaluating what has been said in the left co-text. It is possible to explicate the construction in the following way: 'it is comfortable not to need any visa to travel through different countries, comfort has obviously its advantages, it is understandable that people love comfort, but […]'. In the left co-text, the disapproval for those who claim multiple citizenship is expressed by *странная манера* 'strange manner', the rhetorical question *Почему не тройное, не десятерное?* 'Why not triple, or ten citizenships at a time?', the irony of which is assured by the exploitation of the hyperbole, and *тоже мне* 'a great thing indeed', a formula of disapproval of a forthcoming statement (here "citizen of the world"). This strong disapproval is followed by a step back, seemingly able to guarantee the negative face of the people who claim multiple citizenship as if it were just a question of comfort, which could sound somehow as a kind of acceptance of such a position. The speaker then condemns the claim for multiple citizenship, blaming people who do not love their homeland. In this context, therefore, the construction, placed between two speech acts of disapproval and strong judgment ('It's only businessmen who have a homeland where they earn more money'), functions as a hedge [Brown, Levinson 1987], that is, as a mitigating tool of the illocutionary force.

Example (16) is similar to (15), and it shows how the construction can even be doubled [(X_1–X_1*от*), (X_1–X_1*от*), *а*/*но* Q]. In this passage, the construction once again has the function of mitigating a severe evaluation. It is placed in between two passages that deal with the dangerous relationship between economy and state in Russia, a relationship that, while leading to a certain welfare, pays the price of political authoritarianism.

(16) Это монополизм государственных и крупнейших акционерных компаний. Эта система сращивания корпораций с государством. И как следствие — крайний политический авторитаризм. Страдает производство и конкуренция. А мы превращаемся в сырьевой придаток развитых стран. Вот цена за "сытое десятилетие". Кроме того, эта Власть всё время врёт. *Еда едой*, *пенсия пенсией*, но ничто не заменит правды и ответственности власти. Это вопрос принципа.
This is the monopoly of state-owned and largest joint-stock companies. This is a system of merging corporations with the state. And as a consequence, extreme political authoritarianism. Production and competi-

tion suffer. And we are turning into a raw material appendage of developed countries. Here is the price for a "full-belly decade". Besides, this Government lies all the time. *Food is food, pension is pension*, but nothing can replace the truth and responsibility of the authorities. It's a matter of principle.

The fillers 'food and pension' in the construction are connected to the previous evaluative NP *сытое десятилетие* 'full-belly decade'. As above, the construction can be explicated as 'we all recognize the importance and the right of people to have food and get pension, but…' The implicated meaning is that people, for food and pension, give up their rights and accept a situation in which authorities constantly lie, and that this fact is subject to judgement. As previously, in example (16), the function of the construction, while resuming the left co-text, is to mitigate the illocutionary force of the forthcoming judgement: no one denies the importance and the right to welfare, but there are still principles one should not forget.

The next example, (17), is particularly interesting because the construction here works to introduce a new topic, which was in the background in the previous passage, and to draw it to the foreground.

(17) На самом деле, если немножко отвлечься, не энергобезопасность самая большая проблема, а продовольственная безопасность. Поэтому перспектива развития сельского хозяйства просто колоссальная. Это очень хорошая возможность развивать экономику края. Еще раз повторяю: эти проекты направлены на более системную работу в крае. *Выборы выборами*, а мы должны дальше смотреть, что будет. Я думаю, что людям как раз это и надо объяснять, что новые предложения, которые им сейчас делают, как раз не связаны непосредственно с выборами. Они имеют в виду новый подход к территориальному развитию.
In fact, if you digress a little, it is not energy security that is the biggest problem, but food security. Therefore, the prospect of agricultural development is simply enormous. This is a very good opportunity to develop the economy of the region. I repeat again: these projects are aimed at more systematic work in the region. *Elections are elections*, and we must look beyond that, at what will happen. I think that this is exactly what people should be told, that the new proposals that are being made to them right now are not directly related to the elections. They mean a new approach to territorial development.

While speaking about the economy of the region, the speaker brings politics into focus by referring to the elections. The construction can be explicated as 'elections are very important, are a key point now, but one should look beyond them'; by making an inference the hearer is able to reconstruct the implicated

meaning: ‘don’t look at the elections and at the programs as they are presented right now, because politics has its needs, but one should concentrate on the contents in the long run’. In this case, the construction again shifts topics, introducing them in the discourse and then pushing them again into the background. As in (11), the speaker gives the explanation of what is implied in the construction: *Я думаю, что людям как раз это и надо объяснять* […] ‘I think that this is exactly what people should be told […]’.

The last example, (18), is interesting as it is situated between two categories: on one side, God could be considered linked to the left co-text since God belongs to the same frame as nuns, churches and so on, and on the other God functions as an anaphoric encapsulation.

(18) Звуки органа и поныне торжественно звучат под сводами старинной церкви. Поскольку орган пользуется популярностью, монахини из близлежащего монастыря записали его музыку на грампластинки и бойко торгуют ими, что дает известный доход. *Бог богом*, но и о мирских делах здесь не забывают — это характерно для всех религиозных корпораций на Филиппинах, которые часто проявляют необыкновенную деловую активность.
The sounds of the organ still sound solemnly under the arches of the ancient church. Since the organ is popular, nuns from a nearby monastery have recorded its music on gramophone records and are selling them smartly, which gives a well-known income. *God is God*, but they don't forget about worldly affairs here either — this is typical of all religious corporations in the Philippines, which often show extraordinary business activity.

The left co-text introduces a somewhat critical theme: the commercialization of religious values. The passage contains a judgment (*бойко торгуют ими, что дает известный доход* ‘are selling them smartly, which gives a well-known income’), even if it is not too harsh. The construction, by introducing a presupposition, presents as shared the universal idea of religious ethics: that God should not be connected with money, and has a clearly mitigating function: *God is God* can be explicated as ‘although we all know that God and religion should be separated from money and commercial profit, and this should be true, especially for nuns’, we nevertheless invite you to consider with more flexibility the behavior of these nuns because it is typical of this area. In this way, the construction leads the hearer to consider differently a theme about which he might have a rigid position and to accept that in some areas of the world trading and earning money from religion is not considered a sin, but on the contrary is quite usual.

This third type of cohesive function investigated here is the most interesting since it shows a clear pragmatic function: the speaker takes up the left co-text in a way that is more convenient to him: he sums up that part of the content that serves his pragmatic intentions and allows him to lead the hearer to cooperate.

5. Conclusion

This paper has attempted to understand how the construction [P(X_1–X_1*om*), *a*/*no* Q(Y)] works in discourse. The first step has been to establish, based on the existing literature and the analysis of the corpus data of the (X_1–X_1*om*) construction, that the construction to be studied is the complex one [P(X_1–X_1*om*), *a*/*no* Q(Y)] and not only the first part of it. After reviewing the literature on the subject, two pillars of the semantics of the construction have been identified: its functioning as a resumption of a theme [Шведова 1960] and its pragmatic function as a downgrading mechanism of the interlocutor's arguments, thanks to its concessive meaning [Апресян 2015; Добровольский 2019].

Taking the cohesive function of the construction as a starting point, it was useful to investigate its pragmatic meanings, triggered by the repetition of the same words. To do so, the analysis was carried out by retrieving a large portion of the left co-text. In fact, the literature has frequently underlined the importance of context for the understanding of tautological constructions [Brown, Levinson 1987; Gibbs, McCarrell 1990; Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2021].

The dataset shows that the construction can occur at the very beginning of a sentence or after some kind of connective and/or introduction. The present paper focuses only on the occurrences where the construction is placed in the very initial position. Three categories have been identified: the first is represented by the reiteration of a noun (and its referent) previously mentioned, in order to limit its importance in the given universe of discourse without creating conflict with the interlocutor. The pragmatic mechanism is the use of the construction as presupposition: the speaker presents it as a shared truth, while at the same time denying its well-known truth. The second category includes the cases of retrieval by means of an anaphora realized by synonymy/hyperonimy/meronymy, where the anaphoric noun plays the role of a higher-order entity [Lyons 1977: 442–448]. In this second case, the same mechanism triggered by presupposition takes place on a more general level, mainly with a downgrading function. Finally, the third category, probably the most interesting, includes the occurrences in which the construction is not at all a reiteration of an already-mentioned referent but the means by which an entire passage is summed up and the previous content categorized anew and defined *a posteriori*, giving rise to implicatures that need to be understood; the construction works both as evaluation and/or as a hedge mitigating the illocutionary force of the evaluation present in the context. In the third type, both a presupposition and an implicature are involved: by accepting the presupposition the hearer is led to look for implicatures and to cooperate with the given evaluation.

Given the complexity of the construction, its intersection with other tautological constructions, and its functions in discourse, other research questions remain open, such as the functioning of the construction in a different position (after an introduction, for example), its role as a lexicalized concessive connective, which could foreshadow a process of grammaticalization, and the delimitation of its semantic and pragmatic meanings with regard to classic tautological constructions.

P. Cotta Ramusino
University of Milan
(Milan, Italy)
paola.cottaramusino@unimi.it

The present article focuses on the role in discourse of the Russian construction [X_1–X_1*от*, *а*/*но*]. Taking as a starting point for the analysis the cohesive function of the construction, the paper sheds light on the ways in which this function is realized. Data from the RuTenTen (Sketch Engine) are analyzed and classified according to the type of reference: by repetition of the same word, of a synonym or meronym, or by anaphoric encapsulation. The three types correspond to the speakers' different pragmatic needs by triggering implicatures in different ways, to understand which the hearer is compelled to make inferences. The most frequent function of the construction is related to politeness strategies; other important functions concern the evaluation and mitigation of the illocutionary force.

Keywords: tautological constructions, anaphora, anaphoric encapsulation, politeness strategies.

References

Апресян 2015 — В. Ю. Апресян. Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Мастера русской культуры», 1997.

Величко 2016 — А. В. Величко. Когда есть о чём поговорить, или Предложения фразеологизированных структур в русской речи. СПб.: Златоуст, 2016.

Добровольский 2019 — Д. О. Добровольский. Показатели безразличия в русско-немецком корпусе параллельных текстов // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 21. 2019. С. 202–213.

Иомдин 2013 — Л. Л. Иомдин. *Читать не читал, но*…: об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 12. Т. 1. 2013. С. 297– 310.

Копотев, Стексова 2016 — М. В. Копотев, Т. И. Стексова. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянской культуры, 2016.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Высказывание и его отнесённость с действительностью. М.: УРСС, 2004.

Плунгян, Рахилина 1996 — В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. Тушат-тушат — не потушат: грамматика одной глагольной конструкции // Construction Linguistics / Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 83–91.

Шведова 1960 — Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. C. Levinson. Politeness. Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Carston, Uchida 1998 — R. Carston, S. Uchida (eds.). Relevance Theory: Applications and implications (= Pragmatics & Beyond New Series 37). Amsterdam: John Benjamins, 1998.

Conte 1980 — M.-E. Conte. Coerenza testuale // Lingua e stile. 15. 1980. P. 135–154 [now in: M.-E. Conte. Condizioni di coerenza. Ricerche di linguistica testuale. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 1999. P. 29–46].

Conte 1996 — M.-E. Conte. Anaphoric encapsulation // W. De Mulder, L. Tasmowski (eds.). Coherence and anaphora. Belgian Journal of Linguistics. 10. 1996. P. 1–10. [now in: M.-E. Conte. Condizioni di coerenza. Ricerche di linguistica testuale. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 1999. P. 107–114].

Conte 1998 — M.-E. Conte. Il ruolo dei termini astratti nei testi // G. Bernini, P. Cuzzolin, P. Molinelli (eds.). Ars Linguistica. Studi per Paolo Ramat. Roma: Bulzoni, 1998. P. 151–160. [now in: M.-E. Conte. Vettori del testo. Pragmatica e semantica fra storia e innovazione. Roma: Carocci, 2010. P. 279–288].

D'Addio Colosimo 1988 — W. D'Addio Colosimo. Nominali anaforici incapsulatori: un aspetto della coesione lessicale // T. De Mauro, S. Gensini, M. E. Piemontese (eds.). Dalla parte del ricevente: percezione, comprensione, interpretazione. Atti del XIX Congresso internazionale (Roma, Aula Magna della Sapienza, 8–10 novembre 1985). Roma: Bulzoni, 1988. P. 143–151.

Ferrari 2009 — A. Ferrari. Nominal Utterances with Lexical Repetition: Effects on Grammaticalization? // C. Rossari, C. Ricci, A. Spiridon (eds.). Grammaticalization and Pragmatics: Facts, Approaches, Theoretical Issue. Bingley, UK: Emerald Group Publishing, 2009.

Ferrari 2014 — A. Ferrari. Linguistica del testo. Principi, fenomeni, strutture. Roma: Carocci, 2014.

Freywald, Finkbeiner 2018 — U. Freywald, R. Finkbeiner. Exact repetition or total reduplication? Exploring their boundaries in discourse and grammar // R. Finkbeiner, U. Freywald (eds.). Exact Repetition in Grammar and Discourse. Berlin: De Gruyter Mouton, 2018. P. 3–28.

Gibbs, McCarrell 1990 — R. W. Gibbs, N. S. McCarrell. Why boys will be boys and girls will be girls: understanding colloquial tautologies // Journal of Psycholinguistic Research. Vol. 19. 1990. No. 2. P. 125–145.

Goldberg 1995 — A. Goldberg. Constructions. A Construction Grammar approach to argument structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Halliday, Hasan 1976 — M. Halliday, B. Hasan. Cohesion in English. London: Longman, 1976.

Israeli 2014 — A. Israeli. Russian repetition as excoriation: nominative plus instrumental // M. Dalmas, E. Piirainen in cooperation with N. Filatkina (eds.). Figurative Language. Festschrift für Dmitrij O. Dobrovol'sky (= Stauffenburg Linguistik, Bd. 83). Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2014. P. 251–256.

Israeli 2018 — A. Israeli. Nominal tautologies in Russian // American Contributions to the 16th International Congress of Slavists, Belgrade, August 2018. Vol. 1 / Ed. by Ch. Y. Bethin. Bloomington, Indiana: Slavica, 2018. P. 139–165.

Janda et al. 2020 — L. Janda, M. Kopotev, T. Nesset. Constructions, their families and their neighborhoods: the case of *durak durakom* 'a fool times two' // Russian Linguistics. Vol. 44. 2020. No. 2. P. 109–127.

Lyons 1977 — J. Lyons. Semantics. 2 Vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

Pecorari 2014a — F. Pecorari. Ai confini dell'incapsulazione anaforica: strategie incapsulative non prototipiche // E. Pîrvu (ed.). Discorso e cultura nella lingua e nella letteratura italiana: atti del V Convegno internazionale di italianistica dell'Università di Craiova, 20–21 settembre 2013. Firenze: Franco Cesati, 2014. P. 257–269.

Pecorari 2014b — F. Pecorari. Anaphoric encapsulation and presupposition: persuasive and stereotypical uses of a cohesive strategy // Cadernos de Letras da UFF – Dossiê: Anáfora e correferência: temas, teorias e métodos. Vol. 24. No. 49. 2014. P. 175–195.

Sbisà 2007 — M. Sbisà. Detto non detto. Le forme della comunicazione implicita. Roma-Bari: Laterza, 2007.

Sperber, Wilson 1995 — D. Sperber, D. Wilson. Relevance: Communication and Cognition. 2nd edition. Oxford: Blackwell, 1995.

Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2021 — E. Vilinbakhova, V. Escandell-Vidal. Tautologies with proper names in discourse: Rhetorical relations and interpretation // Language & Communication. 2021. Vol. 76. P. 79–99.

Статья получена 23.03.2022

Paola Cotta Ramusino

Università degli Studi di Milano
(Milano, Italia)
paola.cottaramusino@unimi.it

ZAKON ZAKONOM, A ZHIZN' DIKTUET SVOE:
THE FUNCTION IN DISCOURSE OF THE CONSTRUCTION [X_1–X_1*OM*, *A*/*NO*]

The present article focuses on the role in discourse of the Russian construction [X_1-X_1*om*, *a*/*no*]. Taking as a starting point for the analysis the cohesive function of the construction, the paper sheds light on the ways in which this function is realized. Data from the Rutenten (Sketch Engine) are analyzed and classified according to the type of reference: by repetition of the same word, of a synonym or meronym, or by anaphoric encapsulation. The three types correspond to the speakers' different pragmatic needs by triggering implicatures in different ways, to understand which inferences the hearer is compelled to make. The most frequent function of the construction is related to politeness strategies; other important functions concern the evaluation and mitigation of the illocutionary force.

Keywords: tautological constructions, anaphora, anaphoric encapsulation, politeness strategies

References

Apresian, V. Yu. (2015). *Ustupitel'nost'. Mekhanizmy obrazovaniia i vzaimodeistviia slozhnykh znachenii v iazyke*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). *Politeness. Some Universals in Language Usage.* Cambridge: Cambridge University Press.

Bulygina, T. V., & Shmelev, A. D. (1997). *Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki*). Moscow: Mastera russkoi kul'tury.

Carston, R., & Uchida, S. (Eds.). (1998). *Relevance Theory: Applications and Implications*. Amsterdam: John Benjamins.

Conte, M.-E. (1980). Coerenza testuale. *Lingua e stile, 15*, 135–154.

Conte, M.-E. (1996). Anaphoric encapsulation. *Coherence and anaphora. Belgian Journal of Linguistics, 10*, 1–10.

Conte, M.-E. (1998). Il ruolo dei termini astratti nei testi. In G. Bernini, P. Cuzzolin, & P. Molinelli (Eds.), *Ars Linguistica. Studi per Paolo Ramat* (pp. 151–160). Roma: Bulzoni.

D'Addio Colosimo, W. (1988). Nominali anaforici incapsulatori: un aspetto della coesione lessicale. In T. De Mauro, S. Gensini, & M. E. Piemontese (Eds.), *Dalla parte del ricevente: percezione, comprensione, interpretazione. Atti del XIX Congresso internazionale (Roma, Aula Magna della Sapienza, 8–10 novembre 1985)* (pp. 143–151). Roma: Bulzoni.

Dobrovol'skii, D. O. (2019). Pokazateli bezrazlichiia v russko-nemetskom korpuse parallel'nykh tekstov. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 21*, 202–213.

Ferrari, A. (2009). Nominal Utterances with Lexical Repetition: Effects on Grammaticalization? In C. Rossari, C. Ricci, & A. Spiridon (Eds.), *Grammaticalization and Pragmatics: Facts, Approaches, Theoretical Issu*e (pp. 173–192). Bingley, UK: Emerald Group Publishing.

Ferrari, A. (2014). *Linguistica del testo. Principi, fenomeni, strutture*. Roma: Carocci.

Freywald, U., & Finkbeiner, R. (2018). Exact repetition or total reduplication? Exploring their boundaries in discourse and grammar. In R. Finkbeiner, & U. Freywald (Eds.), *Exact Repetition in Grammar and Discourse* (pp. 3–28). Berlin: De Gruyter Mouton.

Gibbs, R. W., & McCarrell, N. S. (1990). Why boys will be boys and girls will be girls: understanding colloquial tautologies. *Journal of Psycholinguistic Research, 19*(2), 125–145.

Goldberg, A. (1995). *Constructions. A Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago: University of Chicago Press.

Halliday, M., & Hasan, B. (1976). *Cohesion in English.* London: Longman.

Iomdin, L. L. (2013). *Chitat' ne chital, no…*: ob odnoi russkoi konstruktsii s povtoriaiushchimisia slovesnymi elementami. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* (Iss. 12, vol. 1, pp. 297–310). Moscow: RGGU.

Israeli, A. (2014). Russian repetition as excoriation: nominative plus instrumental. In M. Dalmas, E. Piirainen, & N. Filatkina (Eds.), *Figurative Language. Festschrift für Dmitrij O. Dobrovol'sky* (pp. 251–256). Tübingen: Stauffenburg Verlag.

Israeli, A. (2018). Nominal tautologies in Russian. In Ch. Y. Bethin (Ed.), *American Contributions to the 16th International Congress of Slavists* (Belgrade, August 2018) (Vol. 1, pp. 139–165). Bloomington, Indiana: Slavica.

Janda, L., Kopotev, M., Nesset, T. (2020). Constructions, their families and their neighborhoods: the case of *durak durakom* 'a fool times two'. *Russian Linguistics, 44*(2), 109–127.

Kopotev, M. V., & Steksova, T. I. (2016). *Iskliuchenie kak pravilo: perekhodnye edinitsy v grammatike i slovare*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Lyons, J. (1977). *Semantics* (Vols. 1–2). Cambridge: Cambridge University Press.

Paducheva, E. V. (2004). *Vyskazyvanie i ego otnesennost' s deistvitel'nost'iu*. Moscow: URSS.

Pecorari, F. (2014a). Ai confini dell'incapsulazione anaforica: strategie incapsulative non prototipiche. In E. Pîrvu (Ed.), *Discorso e cultura nella lingua e nella letteratura italiana: atti del V Convegno internazionale di italianistica dell'Università di Craiova, 20–21 settembre 2013* (pp. 257–269). Firenze: Franco Cesati.

Pecorari, F. (2014b). Anaphoric encapsulation and presupposition: persuasive and stereotypical uses of a cohesive strategy. *Cadernos de Letras da UFF – Dossiê: Anáfora e correferência: temas, teorias e métodos, 24*(49), 175–195.

Plungian, V. A., & Rakhilina, E. V. (2010). *Tushat-tushat — ne potushat*: grammatika odnoi glagol'noi konstruktsii. In E. V. Rakhilina (Ed.), *Construction Linguistics / Lingvistika konstruktsii* (pp. 83–91). Moscow: Azbukovnik.

Sbisà, M. (2007). *Detto non detto. Le forme della comunicazione implicita*. Roma; Bari: Laterza.

Shvedova, N. Yu. (1960). *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoi rechi*. Moscow: Izd-vo AN SSSR.

Sperber, D., & Wilson, D. (1995). *Relevance: Communication and Cognition* (2nd ed.). Oxford: Blackwell.

Velichko, A. V. (2016). *Kogda est' o chem pogovorit', ili Predlozheniia frazeologizirovannykh struktur v russkoi rechi*. St Petersburg: Zlatoust.

Vilinbakhova, E., & Escandell-Vidal, V. (2021). Tautologies with proper names in discourse: Rhetorical relations and interpretation. *Language & Communication, 76*, 79–99.

Received on March 23, 2022

РЕЦЕНЗИИ

doi.org/10.31912/rjano-2022.2.10

E. Bounatirou. Eine Syntax des “Novyj Margarit” des A. M. Kurbskij. Philologish-dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen Übersetzungskorpus. 1. Philologishe, sprachkulturelle und lautlich-graphematische Grundlagen. 2. Syntax (= Slavistische Beiträge 509). — Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. — 907 S.

Книга Элиаса Бунатиру представляет собой большое исследование «Нового Маргарита» — собрания переведенных с латыни при участии князя Андрея Курбского сочинений, в большинстве своем принадлежащих или приписываемых Иоанну Златоусту. В центре внимания автора — анализ синтаксических особенностей этого перевода, однако круг вопросов, которые в той или иной степени затрагиваются в книге, огромен. Перевод «Нового Маргарита» рассматривается на широком фоне средневековой славянской письменной традиции, так что обсуждение языка памятника становится, по сути, обсуждением самых разнообразных языковых явлений славянской письменности. Большой материал, скрупулезная тщательность анализа и внимание к трудно разрешимым проблемам делают книгу заметным событием в славистике.

Книга состоит из двух частей со сплошной пагинацией. В первой части, по объему чуть превышающей вторую, наряду с обзором литературы, рассматривается перевод «Нового Маргарита» в сопоставлении с другими переводами Курбского с латыни. Кроме того, дается обзор корпуса входящих в «Новый Маргарит» текстов и обсуждается вопрос об издании латинского оригинала, с которого выполнялся перевод: автор признает, что, по всей вероятности, это было Базельское издание 1558 г., хотя в нем нет некоторых текстов, входящих в состав «Нового Маргарита». Аргументы Э. Бунатиру в пользу зависимости славянского текста именно от Базельского издания 1558 г. выглядят очень убедительными, ср. [Буланин 2020: 176–177]. Здесь же описываются рукописи, содержащие славянский перевод «Нового Маргарита», и текстологические отношения между ними; анализируется рукопись, выбранная в качестве основной (Вольфенбюттельский кодекс — Wolfenbüttel, Cod. Guelf. 64.43 Extrav., конца XVI в.), и её орфографические особенности, важные для интерпретации текста, а также издание, по которому в дальнейшем ведется исследование. Хотя автор знает о новонайденных рукописях памятника из собраний Российской государственной библиотеки и Библиотеки Академии наук, он не обращался к ним непосредственно, ограничившись данными издания И. Ауэрбах, где учтены показания пяти списков (S. 246–247). Указывая на то, что в переводе Курбскому помогал по меньшей мере один помощник, Э. Бунатиру констатирует, что невозможно точно установить, какую долю работы выполнил сам Курбский; тем не менее, с определенной долей условности, он называет его в своем исследовании автором перевода (S. 56).

Помимо текстов Базельского издания, в «Новый Маргарит» входят тексты, переведенные Максимом Греком, а также извлечения из «Церковной истории» Никифора Каллиста и некоторые другие источники византийского происхождения, которые Курбский читал в латинском переводе. В связи с этим Э. Бунатиру обсуждает вопрос о возможном обращении Курбского, хотя бы от случая к случаю, не-

посредственно к греческим оригиналам при создании «Нового Маргарита». Не исключая полностью такой возможности (S. 205), он считает её маловероятной и приводит в качестве аргумента пример из главы 101, из письма Иоанна Златоуста к Олимпиаде, обращая внимание на близость славянского текста к латинскому переводу, а не к греческому оригиналу (S. 203). Действительно, в целом фраза ближе к латинскому тексту, тем не менее выражение **ꙁагладн(в)ши памѧ(т)** точнее соответствует греческому τὴν μνήμην... ἐξαλείψασα, чем к латинскому memoriam… delens: начиная с Супрасльской рукописи, регулярными соответствиями приставочных производных от греч. ἀλείφω ‘натирать’ в церковнославянском языке являются глаголы **ꙁагладити**, **ꙁаглаждати** [ССЯ I: 633].

Э. Бунатиру дает общую характеристику языка перевода и отраженных в нем диалектных черт; отказываясь считать его русским идиомом с примесью полонизмов и рутенизмов, автор склонен определять его как рутенский церковнославянский (S. 263–264) или — осторожнее — близкий к нему (S. 265, 795).

Автор обращает внимание и на такую черту перевода, как вариативность, т. е. передачу одних и тех же слов оригинала, в том числе терминов, разными синонимами (S. 234–245, 801), что свойственно, впрочем, не только Курбскому, но славянской средневековой переводческой практике в целом.

Чрезвычайно интересно отмеченное в переводе «Нового Маргарита» явление двойного перевода, т. е. случаи, когда одно латинское слово или сочетание переводится двумя разными способами, например: Quantum virtus = **елико сила**, **ꙗкъ много сила** (S. 639). Иногда один из двух вариантов перевода оказывается ошибочным; так, в примере 1028 для латинского предлога *cum* ‘с’, который может выступать и в роли союза со значением ‘когда’, дается перевод **егда**, не подходящий к контексту, и тут же правильный перевод предлогом **со**: **ижебы дѣло а(ж) до ко(н)ца дове(л), а егда со велики(м) оуси(л)стованіе(м) сіе твори(л)**, ut negotium ad finem usque deduceret, et cum magnis hoc viribus faceret ‘чтобы довел дело до конца, причем сделал бы это с приложением больших усилий’, в греческом оригинале письма Иоанна Златоуста к Олимпиаде μέχρι τοῦ πρὸς τέλος τὸ πρᾶγμα ἀγαγεῖν καὶ μετὰ πολλῆς τῆς σφοδρότητος (S. 769). Аналогичные случаи двойного перевода, в том числе сочетанием правильного и ошибочного вариантов, известны и по славянским памятникам, переведенным с греческого в конце XI–XII в., причем эти тексты, как и «Новый Маргарит», отличаются большим буквализмом в передаче оригинала и наличием разного рода переводческих ошибок [Пичхадзе 2011: 76–77]. Механизм возникновения таких переводческих дублетов остается необъясненным, однако становится очевидным, что в древнеславянских переводах дублеты не были явлением исключительным и свойственным только одному кругу переводчиков. Разгадка этого феномена многое изменила бы в наших представлениях о технике перевода у славян в Средневековье.

Вторая часть исследования посвящена синтаксису глагольных форм. Автор декларирует опору на модель «Смысл ⇔ Текст» И. А. Мельчука в синтаксическом анализе, сразу оговариваясь, что идет не от смысла к тексту, а от текста к смыслу (S. 19). Целесообразность использования этой модели в синтаксическом анализе «Нового Маргарита» неочевидна: синтаксис зависимостей едва ли имеет прямое отношение к острым и нетривиальным проблемам интерпретации текста, на которых сосредоточено внимание Э. Бунатиру. Он, впрочем, и сам оговаривает невозможность прямого применения теории «Смысл ⇔ Текст» в своем исследовании, очевидно, понимая, что она не помогает в разборе невразумительных мест, вроде

примера 291 и многих других, и даже не пытаясь прибегать к этой теории при их анализе.

Принципиальная установка Э. Бунатиру состоит в том, чтобы найти объяснение и оправдание для всех языковых особенностей перевода, даже если они нарушают нормы славянской грамматики. Как отправной пункт для исследования такая установка правомерна, однако в своем стремлении оправдать переводчика Э. Бунатиру, кажется, заходит слишком далеко. Он считает, что представление Курбского о понятности текста отличалось от современного (S. 565–566), поэтому его переводческие решения, которые кажутся ошибочными, на самом деле таковыми не являются (S. 799–801). В качестве доказательства Э. Бунатиру ссылается на пассажи, которые не дают удовлетворительного смысла и тем не менее переписывались без изменений (S. 746), но этот факт свидетельствует не о том, что они воспринимались переписчиками как правильные, а о том, что переписчики не могли или не решались их исправить. Трудно согласиться с тем, например, что в случаях, когда в переводе определение не согласуется в роде с определяемым субстантивом, но имеет род субстантива, употребленного в оригинале, речь должна идти не об ошибках, а воспроизведении «грамматической структуры» оригинала (S. 723–733). Грамматическая система оригинала как раз подразумевает согласование определения с определяемым, и нарушение согласования в переводе может оцениваться только как нарушение грамматических норм из-за буквалистической зависимости от оригинала. Что же касается средневековых представлений о правильности перевода, то они были разными в разных переводческих традициях. Действительно, переводчики с латыни в XV–XVI вв. считали правильным переносить в язык перевода грамматические особенности языка оригинала, но признавать корректным перевод в случаях, когда он не дает удовлетворительного смысла, было бы неверно.

Э. Бунатиру анализирует контексты из «Нового Маргарита» чрезвычайно обстоятельно и стремится рассмотреть все теоретически возможные трактовки, даже если предпочтительный вариант прочтения кажется очевидным — как при разборе примера 702, где для формы **изнемогла** во фразе **ꙗко сила составовъ не изнемогла**, quomodo non nervorum robur elanguit? ‘каким образом не ослабела сила жил?’ допускается не только глагольная, но и адъективная трактовка, хотя последняя признается маловероятной (S. 591). Осторожность и взвешенность при анализе фактов, прекрасное знание литературы, умение видеть тонкие нюансы функционирования языковых единиц — безусловные достоинства рецензируемой книги. Автор работает с непростым материалом, концентрируясь на трудных местах и стараясь проникнуть в суть проблем, связанных с их интерпретацией.

Одна из таких проблем — способность славянского причастия выступать в роли самостоятельного предиката. В исследовании приводятся многочисленные примеры употребления причастий в соответствии с личными формами глагола в латинском оригинале (S. 592–596); для объяснения такого употребления, кажется, необязательно предполагать влияние южнославянских текстов. Немало похожих случаев фиксируется в древне- и старорусских памятниках, причем южнославянское влияние в соответствующих контекстах исключено [Живов 2017: 417–426, 461]. Точно так же сомнительно, что причастия на **-шоу** и **-щоу**, не согласующиеся в падеже с субстантивом, к которому они относятся, появились в переводе под южнославянским влиянием, — ведь сам автор приводит аналогичный пример из Волынской летописи (S. 734–736).

Большой материал иллюстрирует синтаксический потенциал славянского причастия, которое функционировало не только как определение, но и — в несклоняемой форме — как атрибут с обстоятельственным значением, т. е. деепричастие, ср. примеры 592 и 596 (S. 541–542); свойственное причастию синкретичное значение (в соответствии с латинским герундием — **а егда согрешающе повинитсѧ царство(ꙋ) е(г)о**, peccando tradiderit sub regno ipsius ‘а когда, согрешая, подчинится его царству’ = ‘тем, что согрешает’, ‘когда согрешает’, ‘если согрешает’) сужается в чисто обстоятельственное (**а прилѣ(ж)не ра(ꙁ)смотрѧюще соумнѣніе приносѧ(т) немалое**, diligenter tamen attendentibus, dubitationem adferunt haud vulgarem ‘а если тщательно рассмотреть, вызывают немалое сомнение’). Хотя автор осторожно допускает возможность утраты выносного **м** над последним слогом формы **ра(ꙁ)смотрѧюще**, он указывает, что такое же употребление отмечено в «Истории великого князя Московского» Курбского: **в то(м) его посланию лꙋ(ч)ше читаючи** (в другом списке: **читаюче**) **ра(ꙁ)смо(т)ри(т)ся** ‘если лучше читать, в его послании прочитывается’.

Подробно разбирается вопрос о том, функционирует ли причастие в конкретных контекстах как глагольная форма или как прилагательное. При решении этого вопроса Э. Бунатиру предлагает ориентироваться на латинский оригинал, причем иногда такой подход кажется чересчур прямолинейным: например, о форме **ѡжи(в)ше** во фразе **ѡжи(в)ше телеса г҃а поꙁнали** сказано, что её глагольный статус (verbaler Status) неочевиден, — только потому, что она соответствует латинскому прилагательному rediviva (S. 555).

Проблему для переводчика «Нового Маргарита» составляла передача латинского герундива. Иллюстрацией может служить пример 653 (S. 567–568), в котором несколько форм герундива переведены славянскими причастиями — сначала пассивным, потом — активными: **а с тѣх** [деяний] **нѣкоторые маю(т) бы(ти) препроваждаемы** (prosequendae sunt) **дѣлающемоꙋ**, **нѣкоторые о(т)далѧюще** (fugiendae), **а с провож(д)аюцих** (prosequendarum), **нѣкоторое всег(д)а проважающее** (prosequendae) ⟨…⟩. Если пассивное причастие в модальной конструкции **маю(т) бы(ти) препроваждаемы** удовлетворительно передает оригинал, об активных причастиях этого сказать нельзя. Э. Бунатиру, в соответствии со своей принципиальной установкой, оправдывает решение Курбского, предлагая считать активные формы причастиями от возвратных глаголов. Причастные формы возвратных глаголов без **сѧ** в принципе возможны, но они отмечены только у причастий прошедшего времени: **раꙁгнѣвавше на пьсковичь** и т. п. [Янин, Зализняк 2015: 118]. У презентных причастий формы без **сѧ** как будто не зафиксированы, по крайней мере в русском материале, поэтому в данном случае нужны дополнительные аргументы — например сведения о том, что причастия без **сѧ** от возвратных глаголов засвидетельствованы в других местах перевода «Нового Маргарита», в соответствии и не в соответствии с герундивом. Но даже если такие формы употребительны у Курбского, едва ли можно считать их приемлемым эквивалентом латинского герундива. В переводе Толковой Псалтыри Брунона, выполненном в 1535 г. Дмитрием Герасимовым, герундив передается либо пассивным причастием, либо конструкцией с абстрактным существительным [Томеллери 2013: 199, 216–217]. В переводе «Парадоксов Цицерона», возможно, принадлежащем Курбскому, на месте герундивных форм тоже употребляются славянские пассивные причастия [Бунатиру 2021: 45], а герундив non laudandus передан прилагательным **непохвальнъ** [Томеллери 2020: 319]. Пассивные причастия в соответствии с герундивом отмечены

и в переводе «Бесед на Евангелие Григория Двоеслова» [Бунатиру 2021: 47]. В сопоставлении с этими более или менее адекватными решениями перевод в «Новом Маргарите» в разбираемом месте выглядит явно неудачным. В других местах «Нового Маргарита» герундивные формы передаются славянскими пассивными причастиями (S. 563–564).

Особый раздел книги посвящен семантике аналитических пассивных конструкций (S. 614–628). В их числе отмечена интересная конструкция, в которой пассивное презентное причастие имеет значение долженствования, как и в предыдущем примере с герундивом: **мни(т) ꙁаповеди бж҃іи преꙁираемы бы(т)**, putaverit praecepta dei debere contemni ‘думал, что заповедями Божиими нужно пренебрегать’ (S. 624); есть ли в переводе другие примеры такой конструкции, не сообщается. Вообще, в случае нетривиальных и редких употреблений было бы желательно указывать, являются ли соответствующие примеры изолированными или встречаются неоднократно. Так, пример 940 содержит форму сверхсложного плюсквамперфекта в значении отмененного результата [Сичинава 2013: 189–197]: **погиблъ бы(л) и ѡбрете(с), мр҃тв бѣ и ѡжыве** (S. 714) — видимо, единственную в памятнике (пример 941, как указывает сам автор, не надежен), но сведений об этом в книге не приводится.

Поскольку в переводе «Нового Маргарита» немало неточностей, вызывает сомнение вывод о том, что славянские презентные пассивные причастия с суффиксом **-м-** имели результативное значение, сделанный на основании двух примеров, в которых латинские пассивные причастия прошедшего времени переведены славянскими презентными причастиями с этим суффиксом (S. 565–566, 618).

В книге подробно разбираются формы сослагательного наклонения в «Новом Маргарите». Автор специально останавливается на оптативной конструкции с **бы** без *л*-причастия, как в примере 912 (**бл҃го бы ижбы**... ‘хорошо бы, чтобы...’), в которой форма условного наклонения глагола **быти**, первоначально имевшая вид **би** и уже в старославянскую эпоху смешивавшаяся с формой 3-го л. аориста **бы**, впоследствии была переосмыслена как частица сослагательного наклонения [Вайан 1952: 282]. Э. Бунатиру считает, что формы глагола **быти**, омонимичные аористу, всё еще сохраняют свой первоначальный грамматический статус, т. е. функцию условного наклонения, и потому говорит об омонимии форм сослагательного наклонения и индикативных сочетаний форм аориста с пассивными причастиями на *-н-*/*-т-* типа **бие(н) бы(χ)** (S. 715), хотя ни один из приведенных примеров не дает оснований заподозрить в таких сочетаниях сослагательное наклонение. Он предлагает трактовать **бы** в «Новом Маргарите» как личную форму глагола даже в сочетаниях с инфинитивом, т. е. в конструкциях типа **мѣста гдѣ бы главы по(д)клонити не имѣлъ** (S. 703), что представляется неоправданной архаизацией: в тексте XVI в. **бы** в сочетаниях с инфинитивом должна была восприниматься как частица. Об этом свидетельствуют, в частности, приведенные Э. Бунатиру примеры из «Грамматики» Зизания, в которых **бы** сочетается с формами аориста (S. 701–702).

В ряду аналитических форм со значением цели приводятся конструкции с союзами-синонимами **иже** и **ижебы** ‘чтобы’. На фоне других анализируемых контекстов не кажется логичной интерпретация примера 743, приписывающая *л*-причастию значение цели/следствия (S. 612): на самом деле здесь представлено не одиночное причастие, но аналитическая форма сослагательного наклонения **иже**… **ремеслоѡ**

свое показали, ut… demonstrent ‘чтобы… показать свое ремесло’; союз **иже** в соответствии с латинским *ut* ‘чтобы’ встречается в переводе «Нового Маргарита» неоднократно, ср. примеры 777, 782–783, 787, 922–924, 949 и особенно S. 707. Соответственно и пример 783, в котором автор усматривает императивное значение у презентной формы, следовало бы интерпретировать как аналитическую форму: **иже последуете** (ut… sequamini) здесь эквивалентно **да последуете** или **ижебы последуете** (как в примерах 914 и 915а, S. 699–700). Такая трактовка как будто не противоречит тому, что в «Новом Маргарите» есть контексты, в которых *ut* + конъюнктив переводится конструкцией **иже** + **да** + презенс или **ижебы** + **да** + презенс, как в примерах 813–814, где латинскому союзу *ut* соответствуют **ижебы** или **иже**, а латинскому конъюнктиву — **да** + презенс, см. S. 628–631, 642–643.

Аргументация Э. Бунатиру обычно выглядит обоснованной и убедительной. Лишь изредка возникают сомнения относительно интерпретаций, предложенных в книге, — как, например, относительно предположения, что в формах сложного будущего с *л*-причастием мог опускаться вспомогательный глагол **быти**, подобно тому, как он опускался в перфекте (S. 611).

Роль южнославянского влияния, которым Э. Бунатиру объясняет ряд ненормативных форм в переводе, представляется преувеличенной, о чем уже шла речь в связи с формами причастий. Это относится и к окончанию -*у* в местном падеже притяжательных прилагательных, главным образом с основой на палатальный (**в дому бж҃ию**, **на... жребѧти сн҃оу ере(м)ничѫ** и т. п., S. 737–744). Э. Бунатиру приводит аналогичные формы из сербских, хорватских и болгарских памятников. Однако в сербском и хорватском это окончание поддерживалось окончанием -*у* (-*и*) в местном падеже существительных. Логично было бы предположить, что и в идиоме Курбского оно появилось под влиянием регулярного у Курбского окончания -*ю* в местном падеже существительных мужского и среднего рода на **-ии**/**-ие** (ср. пример 995: **ѡ ѡбращению ма(т)феевоу**). Нужно иметь в виду, кроме того, что в болгарских текстах такие формы единичны, а влияние на Курбского со стороны сербской и хорватской традиции маловероятно. Еще труднее поверить в подражание южнославянским (среднеболгарским) образцам, когда речь идет о некорректном употреблении падежей (S. 746); попытка усмотреть здесь аналогию с лексическим калькированием (S. 747–748) не убеждает.

В качестве яркого рутенизма автор приводит конструкцию *что за* + им. пад. (S. 264–265). Между тем она засвидетельствована в русских памятниках по крайней мере с конца XV в., а возможно, уже со второй половины XIV в., если признать, что она содержится в новгородской берестяной грамоте № 370 [Kwon 2015], ср. также в современном Курбскому отчете И. М. Воронцова о посольстве в Швецию 1567–1569 гг.: … *и нам до его свадьбы что за дело?* [ПРП 37]. Может быть, стоило бы упомянуть еще работу [Danylenko 2001], в которой обосновывается независимое возникновение конструкции *что за* + им. пад. в германских, балтийских и славянских языках.

В примере 676 (S. 578) дважды, в результате опущения выносной буквы в строку не на своем месте, приводится форма **по(ч)те(н)**/**поч(т)енъ** вместо **пот(ч)е(н)**/**по(т)ченъ**, fixa (о кресте).

В заключение нужно еще раз подчеркнуть, что исследование Э. Бунатиру — важный вклад в изучение как письменного наследия Курбского, так и славянского синтаксиса.

Источники и словари

ПРП — Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М; Л., 1954.

ССЯ I — Словарь старославянского языка. Репринтное издание. Т. I. СПб., 2006 (= Slovník jazyka staroslověnského. I. Praha, 1958).

Литература

Буланин 2020 — Д. М. Буланин. «Новый Маргарит» А. М. Курбского в истории русской переводной письменности // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2020. № 1 (79). С. 175–182.

Бунатиру 2021 — Э. М. Бунатиру. Непонятный язык Курбского: новые подходы к интерпретации «аномалий» в исторических текстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18. Вып. 1. С. 37–55.

Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности. Т. 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.

Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013.

Томеллери 2013 — В. С. Томеллери. О некоторых синтаксических особенностях Толковой Псалтыри Брунона (1535). Дательный самостоятельный, инфинитивные и причастные конструкции, герундий и герундив // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2012–2013. М.: Древлехранилище, 2013. С. 196–225.

Томеллери 2020 — В. С. Томеллери. Филологические проблемы и лингвистическая интерпретация Цицероновых «Парадоксов» в предполагаемом переводе А. М. Курбского // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. №. 1. С. 314–323.

Янин, Зализняк 2015 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты № 906–1063 // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 годов). Т. XII. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Danylenko 2001 — A. Danylenko. Russian *čto za*, Ukrainian *ščo za*, Polish *co za*: A case of contact-induced or parallel change? // Diachronica XVIII: 2 (2001). P. 241–265.

Kwon 2015 — K. Kwon. What is *for* for? Reconstructing the development of *what for* construction in Russian // Transactions of the Philological Society. Vol. 113, Issue 3. 2015. P. 305–326.

А. А. Пичхадзе
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
rusyaz@yandex.ru
Получено 25.04.2022

[Review of:] *E. Bounatirou.* Eine Syntax des "Novyj Margarit" des A. M. Kurbskij. Philologish-dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen Übersetzungskorpus. 1. Philologishe, sprachkulturelle und lautlich-graphematische Grundlagen. 2. Syntax (= Slavistische Beiträge 509). —
Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. — 907 S.

References

Bulanin, D. M. (2020). «Novyi Margarit» A. M. Kurbskogo v istorii russkoi perevodnoi pis'mennosti. *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki, 1*(79), 175–182.

Bunatiru, E. M. (2021). Neponiatnyi iazyk Kurbskogo: novye podkhody k interpretatsii «anomalii» v istoricheskikh tekstakh. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura, 18*(1), 37–55.

Danylenko, A. (2001). Russian *čto za*, Ukrainian *ščo za*, Polish *co za*: A case of contact-induced or parallel change? *Diachronica, 18*(2), 241–265.

Kwon, K. (2015). What is *for for*? Reconstructing the development of what for construction in Russian. *Transactions of the Philological Society, 113*(3), 305–326.

Pichkhadze, A. A. (2011). *Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongol'skoi Rusi: lingvisticheskii aspekt*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

Sichinava, D. V. (2013). *Tipologiia pliuskvamperfekta. Slavianskii pliuskvamperfekt*. Moscow: AST-Press Kniga.

Tomelleri, V. S. (2013). O nekotorykh sintaksicheskikh osobennostiakh Tolkovoi Psaltyri Brunona (1535). Datel'nyi samostoiatel'nyi, infinitivnye i prichastnye konstruktsii, gerundii i gerundiv. In A. M. Moldovan (Ed.), *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka. 2012–2013* (pp. 196–225). Moscow: Drevlekhranilishche.

Tomelleri, V. S. (2020). Filologicheskie problemy i lingvisticheskaia interpretatsiia Tsitseronovykh «Paradoksov» v predpolagaemom perevode A. M. Kurbskogo. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 1*, 314–323.

Vaillant, A. (1952). *Rukovodstvo po staroslavianskomu iazyku*. Moscow: Izd-vo inostrannoi lit-ry.

Yanin, V. L., & Zalizniak, A. A. (2015). Novgorodskie berestianye gramoty № 906–1063. In V. L. Ianin, A. A. Zalizniak, & A. A. Gippius (Eds.), *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 godov)* (Vol. 12). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zhivov, V. M. (2017). *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti* (Vol. 1). Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke.

Anna A. Pichkhadze
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
rusyaz@yandex.ru
Received on April 25, 2022

НОВЫЕ КНИГИ

doi.org/10.31912/rjano-2022.2.11

***В.Б. Крысько, В. Хок*. Мучение Ирины. Византийское житие в старославянском переводе: Издание. Исследование. Словоуказатели.** — М.; СПб.: Нестор-История, 2021. — 344 с.

Книга посвящена исследованию и изданию древнеславянского перевода ранневизантийского жития Ирины по славянским и греческим спискам. Данное житие издавалось четыре раза, но критическое издание славянского текста вместе с греческим осуществлено впервые.

Книга состоит из двух частей: издание славянского и греческого текстов — в первой и текстологическое и лингвистическое исследование — во второй. Славянский перевод опубликован по древнейшему списку конца XII в. (Успенский сборник) и содержит критический аппарат по русским и южнославянским рукописям XIV–XVII вв. Греческий оригинал издан по списку Vatican, *Pal.gr. 27*, который авторами считается ближайшим к славянскому переводу. Критический аппарат насчитывает данные шести рукописей. Кроме того, в издании приведен реконструированный текст древнеславянского перевода и его перевод на современный русский язык.

Вторая часть монографии открывается филолого-лингвистическим анализом греческого текста. Он включает в себя палеографические комментарии к спискам, фонетический, морфологический и синтаксический анализ. Далее следует глава, посвященная особенностям славянского перевода: передаче значений некоторых греческих слов, ошибкам и неточностям, а также отличиям перевода от оригинала. Здесь же исследуются грамматические и лексические особенности перевода и выделяются формы и слова, свидетельствующие о древности славянской версии. Делается предположение, что перевод осуществляли два книжника, один из которых был опытнее и лучше знал греческий язык. Особое внимание уделено ошибкам и исправлениям, появившимся в результате трансмиссии — бытования текста в славянских землях; при этом ключевое значение имеют числовые обозначения, которые, по мнению авторов, свидетельствуют о глаголическом архетипе. В результате детального филологического исследования выдвигается гипотеза, что данный текст появился в период мораво-паннонской миссии. Исследование завершается построением стеммы славянских списков.

Книга снабжена славяно-греческим и греческо-славянским словоуказателями.

Т. И. Афанасьева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
t.i.afanasyeva@gmail.com
Получено 16.05.2022

Адреса университетов и институтов
Adresses of universities and institutes

Государственный институт русского языка им. А. С.Пушкина
117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6
Pushkin State Russian Language Institute
6 Academic Volgin str., Moscow 117485, Russia

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Институт языкознания РАН
125009, Москва, Большой Кисловский переулок 1/12
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/12 Bolshoy Kislovskiy Lane, Moscow 125009, Russia

Миланский университет
Виа Феста дель Пердоно, 7, 20122 Милан, Италия
Università degli Studi di Milano
Via Festa del Perdono, 7, 20122 Milano, Italia

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Lomonosov Moscow State University
1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Higher School of Economics, National Research University
20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia

Университет Гамбурга
Миттельвег 177, 20148 Гамбург, Германия
Universität Hamburg
Mittelweg 177, 20148 Hamburg, Deutchland

Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119606, Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 9
School of Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadsky av., build. 9, Moscow 119606, Russia

Школа № 1514 г. Москвы
119311, Москва, ул. Крупской, 12
School 1514, Moscow
12 Krupskoy str., Moscow 119311, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу rusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры оттисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45–58; 2012б: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что…».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Русский язык в научном освещении
№ 2. 2022

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *М. Л. Максимова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 29.12.2022. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 27. Заказ №